Академия наук Абхазии
Абхазский институт гуманитарных исследований
им. Д.И. Гулиа

Лидия Платоновна
Чкадуа

ИЗБРАННЫЕ ТРУДЫ

II

Редактор
ГУБЛИЯ Р. К.

Сухум
2012

ББК 81.602.1 Абх - 211
Ч-73

ББК 81.602.1 Абх - 211
Ч-73

©Л. П. Чкадуа. 2012 г.

ГЛАГОЛЬНОЕ СЛОВООБРАЗОВАНИЕ В АБХАЗСКОМ ЯЗЫКЕ*

Предисловие

Предлагаемая работа представляет собой попытку дать по возможности полное описание глагольного словообразования абхазского языка, основанное на обобщении положений, представленных в специальной литературе, а также изложить свои наблюдения по той или иной словообразовательной категории, основанные на более углубленном анализе фактов языка.

Глагол абхазского языка - явление сложное, многогранное, чрезвычайно богатое категориями - всегда был в центре внимания исследователей абхазского языка. Достигнуты значительные успехи в области изучения его грамматических категорий. Не менее результативны исследования, посвященные вопросам глагольного словообразования. История изучения способов образования глагольных основ неотделима от истории научного изучения абхазского языка. Уже в монографии П. К. Услара «Абхазский язык» представлены образования с формантами каузатива -р, возвратности -е, версии -з, взаимности -аиба, союзности -ц, потенциалиса -з[1]. Значительно шире рассмотрены образования с перечисленными формантами, а также с локальными и направительными превербами в работе К. С. Шакрыл «Аффиксация в абхазском языке»[2]. Проблеме глагольного словообразования была посвящена кандидатская диссертация А. А. Кварчелия которая, к сожалению, не была опубликована. Судя по автореферату, в диссертационной работе все вышеприведенные морфемы были описаны в плане их словообразовательных возможностей. Помимо них, приведены основы, получен-

*Сухум. 2005.

[1]Услар П. К. Этнография Кавказа. Языкознание. Абхазский язык. Тифлис. 1887.

[2]Шакрыл К. С. Аффиксация в абхазском языке Сухуми. 1961.

ные звукоподражанием, редупликацией, основосложением. Им была отмечена способность локальных превербов с исходом на гласный а выразить противоположные направления действия[1]. Словообразованию посредством редупликации посвящена статья Б. В. Шинкуба «Удвоение в абхазском языке»[2]. Словообразовательная функция как одна из функций направительных прооорбоо отмечена Р. К. Гублиа в кандидатской диссертации «Направительные превербы в абхазском языке»[3].

Структура корня и производных основ глагола детально изучена академиком К. В. Ломтатидзе. На основе глубокого и всестороннего анализа производных основ ею выявлены их основные семантические, словообразовательные и грамматические характеристики, установлены их история и генетические связи, а также типологические параллели с соответствующими образованиями в пределах родственных языков Кавказа. Говоря об обобщении данных специальной литературы, нельзя не отметить, какое место в данной работе занимают исследования К. В. Ломтатидзе. Такие разделы как «Каузативные образования». «Превербные образования». «Союзные, взаимные, совместные образования». «Версионные образования», «Потенциальные образования», «Непроизвольные образования» написаны на базе многочисленных конкретных работ, включая и монографии К. В. Ломтатидзе Основные положения этих работ подтверждает материал, проанапизированный нами, что не могло не повлиять на наше теоретическое осмысление той или иной словообразовательной категории, и в то же время они стали импульсом для наших дальнейших изысканий.

Абхазский глагол обладает такими универсальными средствами словообразования, как основосложение, аффиксация

[1]Кварчелия А. А. Глагольное словообразование в абхазском языке. Автореферат канд. диссертации. Москва, 1953.

[2]Шинкуба Б. В. Удвоение в абхазском языке. Труды АбИЯЛИ, т. XXVII. Сухуми, 1956.

[3]Гублиа Р. К. Направительные превербы абхазского языка. Автореферат канд. диссертации. Тбилиси. 1871.

(префиксальная и суффиксальная), конверсия, редупликация, звукоподражание и образоподражание. Однако, из этих средств доминирующим является префиксальное словообразование.

Как известно, глагол в абхазском языке является самой сложной частью речи. В нем богато представлены как деривационные форманты, так и реляционные, количество которых в одной словоформе может превысить 13.

Характерным для абхазского глагола является еще и то, что почти все основные его словообразовательные форманты одновременно выполняют и грамматическую функцию. Форманты такого порядка, с одной стороны, выступают в качестве образователей новых основ, а следовательно, и новых лексем, с другой стороны, меняют валентность производящей основы, последовательность личных аффиксов, трансформируя основу в плане переходности и непереходности, изменяют синтаксическую конструкцию предложения. Такое тесное сплетение словообразовательной и словоизменительной функций стало причиной их спорной квалификации. Сложность определения данных формантов усугубляется еще и тем, что почти каждая из них в определенных случаях выступает в одной из этих функции: или в словообразовательной, или в словоизменительной. Многие исследователи абхазского языка, основываясь на расхождениях, наблюдаемых между производящей и производной основами, сочли наиболее верным считать их формантами грамматических категорий глагола. Нам же представляется наиболее аргументированной противоположная точка зрения, которая акцентирует словообразовательную способность данных формантов и вместе с тем не оставляет без внимания их формообразовательные возможности.

Данные морфемы являются образователями основы глагола. Основа, образованная одним из этих формантов. отличается от производящей лексическим значением. Лексическое значение производящей основы модифицируется в плане выражения локализации действия, возможности, непроизвольности, побуждения, назначения действия и т.

д., тем самым образуя новую основу, новую лексическую единицу. Модифицированная лексическая семантика соответственно вносит коррективы в грамматическое значение производной основы.

К другим, не менее важным критериям, позволяющим определить место образований с данными формантами в иерархической системе языка, необходимо отнести и широту сферы их действия. Любая развитая грамматическая форма, в отличие от словообразовательной формы, характеризуется широкой сферой действия. Так, реляционные форманты, выражающие определенные грамматические категории, например, категорию времени, наклонения, лица, числа, класса, характерные всем глагольным образованиям, тогда как словообразовательные форманты не в состоянии охватить все глагольные образования. Так, потенциальная морфема присоединяется в основном к отрицательным основам, непроизвольности – к положительным основам, союзности – к основам без показателя косвенного объекта, локальные превербы – к свободным и связанным глагольным корням с соответствующей семантикой.

В свою очередь, образования с указанными формантами в состоянии обрести любую грамматическую форму, входящую в парадигматическую систему глагола (об исключениях в разделах работы), тогда как та или иная грамматическая форма глагола является лишь одной из всех словоформ конкретной системы.

В данной работе мы придерживаемся той трактовки префиксального и суффиксального словообразования, которую предлагают М. А. Кумахов. Ш. К. Аристава, А. А. Кварчелия. М. А. Кумахов вопросы словообразования и формообразования рассматривает в пределах морфологии, Ш. К Аристава префиксальное и суффиксальное образование основ и словоформ – в рамках «Морфемики»[1]. И в то же время, отмечая тесную взаимосвязь словообразования и формообразования, они морфемный анализ глагола четко

[1]Арсҭаа Ш. К. Аԥсуа литературтә бызшәа аграмматика. I ахәҭа. Аҟәа, 1996.

разграничили этапами – этап словообразования, этап формообразования. Нельзя не согласиться с положением М. А. Кумахова, согласно которому появление в парадигме тех или иных положительных и нулевых аффиксов словоизменения определяется строением основы и поэтому - считает он - на первой ступени анализа глагола необходимо рассматривать аффиксы словообразования, а на второй ступени - аффиксы формообразования[1].

Ввиду того, что аранжировка личными показателями рядов «Д» и «Л» (их дистрибуция и фонетические изменения), валентность, транзитивность / интранзитивность, ориентация направления действия парадигмы производной основы глагола определяет структура основы, мы также сочли целесообразным описание абхазского глагола начать именно с словообразования глагола.

Предлагаемая работа не претендует на исчерпывающее решение проблемы глагольного словообразования абхазского языка. Многие образования, несомненно, остались вне поля зрения автора, кроме того, ряд положений, выдвинутых в работе, для некоторых исследователей, надо полагать, останется спорным.

При написании работы старались избежать общих априорных рассуждений, не вдаваться в полемику с авторами, чьи взгляды противостоят взглядам исследователей, которые мы разделяем.

СТРУКТУРА КОРНЯ

Как было отмечено выше, структура основы глагола абхазского языка очень сложная. Корневая морфема ее может сочетаться с несколькими деривационными и реляционными морфемами, количество которых может достигнуть свыше 13.

Фонетическая структура корневой морфемы глагола простая. Самыми распространенными моделями корня являются модели:

[1]Кумахов М. А. Морфология адыгских языков. Москва. Нальчик, 1964.

1.С (С означает согласный): а-с-ра: да-сит «он (ч.) по чем-то ударил», а-жә-ра ил-жәит «то (в.) она выпила, сварила», а-ҧь-ра: да- ҧь-ит «он (ч.) выругался», а-к-ра: дыр-к-ит «его (ч.) они поймали», а-шь-ра: дишьит «его (ч.) он убил».

2. С С: ашьҭ-ра: и лы-шьҭ-ит «то (в.) она выпустила, послала», а-ԥш-ра: ды-ԥш-ит «он (ч.) посмотрел, ожидал», и-ҧз-ит «застонал», и-ш-шит «залаял».

3. С Г (Г означает гласный): а-ба-ра: ил-бе-ит «то (в.) она увидела», а-га-ра: ил-ге-ит «то (в.) она взяла, унесла», а-за-ра: ил-зе-ит «то (в.) она спрятала, украла», а-жьа-ра: дыл-жье-ит «его (ч.) она обманула», а-шәа-ра: д-шәе-ит «он испугался». Под эту модель можно подвести корни с удвоенным гласным а → аа: который, как известно, восходит к ларингальному согласному г│: а-баа-ра: и-баа-ит «то (в.) сгнило», а-цаа-ра: и-цаа-ит «то (в.) замерзло», а-гәаа-ра: дгәаа-ит «он (ч.) рассердился», а-ҟаа-ра: дҟааит «он (ч.) закричал, заорал».

4.ССГ абгара: и-бгеит «то (в.) разрушилась», а-бжьа-ра: ди-бжье-ит «он его наставил, приучил», а-кша-ра: дыкше-ит «он ударил», а-ԥха-ра: и-ԥхеит «то (в.) согрелось», а-цхәа-ра: илы-цхәа-ит «то ее укусило», а-зәзәа-ра: илызәзәеит «то она по стирала», а-чча-ра: ды-чче-ит «он (ч.) за-смеялся».

5. СГС В этой модели в качестве гласного элемента чаще всего выступает подударный ы.
а-хәыц-ра: дхәы́цит «он (ч.) подумал», а-ҟәыц-ра: да-ҟәы́цит «он (ч.) что-то перестал (делать)».
а-зы́за-ра: д-зы́зоит «он (ч.) дрожал», аҧәыхра: иҧәыихит «то (в.) он уничтожил».

6.СГ-С Г акәашара: д-кәа-ше-ит «он станцевал», акәакәа-ра: ил-кәа-кәе-ит «разрыхлила (землю)», агылара: д-гыле-ит «он (ч.) встал».

Перечисленные модели корня образуют простую основу, термины корень и простая основа используем как синонимы.

По концепции К. В. Ломтатидзе, корневые и служебные морфемы модели согласный + гласный а являются самыми древними, в которых а не нес фонемной функции, а лишь сопровождал согласную фонему. С развитием языка формировалась и основа, изменяя структуру путем сложения и редупликации корней. При сложении корней или редупликации корня один из слогов становился подударным, тем самым формируя акцентную структуру основы[1]. Ударение также меняло структуру морфем. Вполне правомерно предположить, что корневая морфема с одним лишь согласным некогда представляла слог, гласный которого, став безударным, редуцировался. Корень моделей СС, ССГ, СГСГ является результатами процессов сложения морфем или редупликации, а также рецессии ударения, обусловившей редукцию гласных. Модель СГ СГ получена или сложением морфем, или редупликацией.

Образование всех перечисленных моделей корня нельзя проецировать на какую-то определенную хронологическую эпоху. М. А. Кумахов бесспорно прав, утверждая, что «корень как историческая категория постоянно изменяется и подвергается структурным преобразованиям». По его мнению, корень не мог быть однотипным, структурно единственным в пределах определенного хронологического периода развития язык. «Для общеадыгского праязыкового состояния, пишет он. как и для любого языка, характерно переплетение элементов разных по своей глубине хронологических срезов - старых, унаследованных от западно-кавказского праязыка, и новых, возникших на адыгской почве»[2].

Предложенный нами перечень моделей корневых морфем абхазского глагола можно значительно увеличить, если руко-

[1]Ломтатидзе К. В. Историко-сравнительный анализ абхазского и абазинского языков I. Фонологическая система и фонетические процессы. Тб. 1976. С 248-250.

[2]Кумахов М. А. Сравнительно-историческая фонетика адыгских (черкесских) языков. Москва, 1981. с. 261.

водствоваться установками М. А. Кумахова. Понятие корневой морфемы М. А. Кумахов расширяет, к корневой морфеме он относит не только одноморфемные единицы с конкретным лексическим значением, но и многоморфемные сегменты, которые на современном этапе не членимы на морфемы и которые утратили связь с производящей основой. Некогда они, несомненно, членились, но сегодня морфолочески неразложимы вследствие фонетических и семантических модификаций. По Кумахову, корень – это часть основы, не мотивированная живым процессом деривации. Сегментация многоморфемных образований на корень и деривационную морфему невозможно, если нет действующей модели, основанной на оппозиции производящей и производной формы.

К глаголам современного абхазского языка, чьи основы не делятся на корневые и деривационные морфемы, не дают оппозицию производящей и производной основы. можно отнести: ашьцылара: дашьцылеит «он (ч.) привык», аццакра: дыццакит «он поторопился», аҭрысра: дыҭрысит «вздрогнул, пустился вскачь, сорвался с места», агәрымра: дыгәрымуеит «он бурчит, бормочит», ақамсара: дқамсеит «он неловко, неуклюже станцевал», абҕаҕара: дыбҕаҕеит «он (ч.) пошатнулся», амақррра: дмақаруеит «он угрожает», абылгьара: дбылгьеит «он (ч.) катился с боку на бок». На морфемы также не членятся звукоподражательные и образоподражательные глаголы: ақьыз-қьызра: дқьыз-қьызуеит «он навзрыд (плачет)», аҕьаз-ҕгьазра: иҕьаз-ҕьазуеит «то (о большом предмете) сверкает», аказ-казра: иказ-казуеит «то (о опрозрачном предмете) сверкает», ашам-шамра: ишам-шамуеит «то (в.) светится, излучает».

Корневые морфемы не однородны с точки зрения их реализации в словоформе. Основная масса глагольных корней выступает в роли основы (основы-корня), оформленной реляционными морфемами: корень ба: ды-з-беит «его (ч.) я увидел», га: илгеит «то (в.) она взяла, унесла».

Однако в абхазском языке, как и в других абхазско-адыгских языках, немало и таких, которые самостоятельно

не могут стать конструирующим элементом словоформы. Чтобы стать самостоятельной лексической единицей, необходим деривационный формант[1]. Такой деривационной морфемой чаще всего является локальный или детерминативный преверб, каузативный формант, направительный преверб, версионная морфема. Каждая из этих корней несет конкретное лексическое значение. Семантика таких корней формирует лексическое значение всей основы глагола, не вводя каких-либо грамматических значений.

Сочетаемость связанных (несвободных) корней с локальными и детерминативными превербами имеют ограничения, и эти ограничения преимущественно семантического порядка: корень подбирает себе локальный преверб с семантикой, соответствующей его семантики. Так, семантика связанного кореня с выражает «прохождение», она не позволяет ему сочетаться с превербами иллативного направления, т. е. превербами, имеющими гласный исход, напр.:

а-в-с-ра «сбоку пройти (ср.: авалара «в бок пройти»), а-л-с-ра «через что-то (массу) пройти» (ср.: алалара «во что-то войти»), ахысра «через что-то (замкнутое, огороженное) пройти», акылсра «через какое-то отверстие пройти». Напротив, корень ха выражает вертикальное падение на что-либо и, естественно, должен сочетаться с такими превербами, которые могут передать иллативное вертикальное направление:

аҭаҳара «вовнутрь чего-то упасть»,

алаҳара «ео что-то (массу...) упасть»,

аҵаҳара «под что-то упасть».

Сочетание ха с редуцированным вариантом перечисленных превербов исключается.

Из связанных корней глагола можно выделить группы, которые сочетаются: а) с превербами:

[1]Кварчелия А. А. Глагольное словообразование в абхазском языке. Автореферат. Москва, 1953. с. 3; Керашева З. И.. Чкадуа Л. П. О взаимоотношении и взаимосвязи некоторых несамостоятельных корней с локальными превербами. Арнольд Чикобава. Сборник, посвященный 80 летию со дня рождения. Тб. Мецниереба, 1979.

да: абжьадара «провести между чем-то», алдара «провести через что-то».

жь: акажьра «бросать», аҭажьра «бросать внутрь чего-то»,

жьцәа: акажьцәара «плеваться», аҭажьцәара «во что-то плеваться»,

ԥсара: аҭаԥсара «во что-то сыпать», акаԥсара «рассыпать»,

за: аҭазара «уместиться в чем-то», аказара «уместиться»,

гәа: акагәара «придавить, прижать»,

шәа: аҭашәара «попасть, упасть (о мелком предмете) во что-то,

шь: ақәшьра «пройтись рукой (тряпкой) по чем-то»,

ца: аҭцара «выгнать (о скоте) из чего-то»,

шь: аԥшьра «добавить, привязав, пришив, приделав»,

ҳәҳә аваҳәҳәара «высовываться с боку чего-то».

ҟk: аваҟҟра «втиснуться сбоку чего-то»,

ҟәҟә: аваҟәҟәра «притаиться сбоку чего-то».

ҭәа: акаҭәа ара «разлить», а-ҭаҭәара «влить во что-то».

шәшәа: ахышәшәара «из чего-то исходит (о запахе)»,

ҩ: аҭыҩра «из чего-то раздаваться (о звуке)»,

ҷҷа: акаҷҷара «сверкать»,

ӷеа: акаӷеара «обильно разлиться»,

быҩ; аҭабыҩра «раздаться звуку изнутри чего-то»,

заа: ақәзаара «исчезнуть».

ҩр: алаҩрра «соскользнуть из чего-то».

ҟәыла: аҵаҟәылара «под чем-то согнуться (о ногах)».

жә: аԥжәара: иԥжәеит «взорвалось, разорвалось», аилажәжәара: еилажәжәеит «растрепалось», еимжәеит «разорвалось»,

ԥаҭа: алаԥаҭара, иалаԥаҭеит, еилаԥаҭеит «запутаться, перевиться. 2. деилаԥаҭеит «замешкался».

ҩынт: аилаҩынтра «размешаться»,

тата; аиқәыртатара «обрызгать».

шьшь: аиларшьшьра «мять»,

уаҭыр: аилауаҭырра «всполошиться».

б) с каузальной морфемой -р:

ӷе: арӷера «сложить»,

хха: арххара «натянуть»,

шәшә: аршәшәара: илыршәшәеит «то она потрясла»,

каа: аркаара «сосватать»,

шә: аршәра «подбросить, бросить»,

ԥьа: арԥьара: длырԥьоит «она его порочит»,

ҟә: арҟәра: ирҟәит «он то согнул», илаирҟәит «он то вниз согнул»,

бза: арбзара: илырбзеит «то она лизнула»,

в) с направительными превербами: скьа: ааскьара «приблизиться сюда»,

ҳә: ааҳәра: дааҳәит «повернуться сюда».

и: ааира «придти», анеира «уйти», аҩеира «пойти вверх», алеира «пойти вниз»,

нахәа: аанахәара: даанахәеит «был принят (в учебное заведение)».

пк: аапкра: даапкит «он взбесился»,

хә: аахәара: иаасхәеит «то (в.) я купил»,

ца: аацара: иааицеит «то (скот) пригнал»,

ҩ: ааҩра: иааҩит «то донеслось (о звуке)».

г) с версионным формантом з:

ха; азхара: илызхеит «то для нее стало достаточным»,

ҳа: азҳара: дызҳаит «он (ч.) вырос»,

рха: азырхара: изирхеит «удовлетворил себя».

Помимо перечисленных связанных корней в абхазском языке имеются морфемы, которые также не имеют самостоятельной реализации и также в словоформе занимают позицию корня. Имеем ввиду четыре морфемы, которые в специальной литературе известны как корне-суффиксы (К В. Ломтатидзе).

Они в отличие от вышеперечисленных связанных корней, обпадают абстрактной семантикой (ла, ҵ - выражают движение, ҵа, х - действие) и грамматическим значением (ла, ҵа выражают иллативное направление, ҵ, х - элативное направление). Они совместно с локальными превербами формиру-

ют основу и ее лексическое значение, локальные превербы и корне-суффиксы не находятся в отношении производящей и производной основ: они совместно могут стать производящей основой.

К этой группе формантов можно отнести суффикс ха, который присоединяется к локальным превербам, внося семантику «задержаться, застрять»: авахара: давахеит «он (ч.) застрял сбоку чего-то» (подробнее в разделе «Превербные образования»).

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ОСНОВНЫХ СПОСОБОВ ОБРАЗОВАНИЯ ГЛАГОЛЬНЫХ ОСНОВ

Для глагола абхазского языка характерны следующие способы словообразования – основосложение, аффиксация (префиксальная, суффиксальная), редупликация, звукоподражание, образоподражание, конверсия, аналитическое. Из них самым распространенным средством является префиксапьное словообразование. Оно отличается исключительной продуктивностью и занимает ведущее место.

Количество префиксальных морфем, формирующих основу глагола абхазского языка, весьма значительное (особенно локальных). Посредством их образовано и образуется множество глагольных лексем. Они и сегодня являются основным, неиссякаемым источником глагольного словообразования. Образование глагольных лексем происходит еще и за счет того, что абхазский глагол обладает способностью синтезировать в себе несколько деривационных морфем, образуя последовательную цепочку основ от производящей к производной. Все это обусловило необходимость изучения основы глагола не только в плане выявления состава деривационных морфем и их функции, но и в плане их дистрибуции.

Морфемный состав глагольных словоформ с позиции их ранговой дистрибуции изучался И. И. Шадури[1]. Исходя из

[1]Шадури И. И. Ранговая структура морфем абхазского литературного языка. (Система переходных глаголов). Автореферат. Тб., 1975.

того, что аффиксальные морфемы в глагольной словоформе распорологается в определенной последовательности, а не свободно, И. И. Шадури деривационные и реляционные морфемы распределила по рангам и подрангам. Ею были сформулированы основные правила их последовательности в пределах глагольных словоформ. Дистрибуция морфемы, их ранговая последовательность определяются по отношению к корневой морфеме – предшествующие корню, т. е. префиксальные морфемы и последующие корню, т. е. суффиксальные морфемы. Ранговая последовательность некоторых морфем может совпасть. Такие морфемы являются взаимоисключающимися, что означает - в словоформе может быть только одна из них (ср.: си-ц-цеит «я с ним пошел», са-ла-цеит «я посредством чего-то пошел», си-з-цеит «я для него пошеп», си-цә-цеит «я от него ушел, убежал»).

Структуру основы глагола определяют деривационные морфемы. Появление того или иного реляционного форманта зависит от морфемной структуры основы глагола (М. А. Кумахов). Ср.: дгылоуп «он (ч.) стоит» – глагол одновалентный, но д-и-вагылоуп «он (ч.) рядом с ним стоит» - глагол двухвалентный, появление показателя косвенного объекта и обусловлено деривационным формантом ва. Руководствуясь положением, выдвинутым М. А. Кумаховым, сочли целесообразным из схемы, предложенной Н. И. Шадури, вывести все реляционные морфемы. Термин «ранг» заменили термином «позиция». Предложенные нами позиции деривационных морфем в основном совпадают с рангами, исключая позиции некоторых морфем.

Позиция 1: показатель каузатива: -р.: дсы - *р* - тәеит «его (ч.) я посадил», иқәсы - *р* - гылеит «то (в.) я на что-то (плоское) поставил».

Позиция 2: показатель взаимообоюдности аиба // иба: шәеиба-и-ртәеит «он вас посадил рядом (друг с другом, бок о бок)», и-к-**еиба** - жьит «они друг друга бросили, разошлись».

Позиция 3: локальный (или детерминативный) преверб: и - к-**еиба**-жьит «они друг друга бросили, разошлись», и -ҭ*а*

- сы - *р* - беит «то (в.) я в чем-то (глубоком, огороженном) высушил». В статических глаголах локальный преверб равен корню: далоуп «он (ч.) находится в чем-то (в массе, в коллективе, в чем-то топком, вязком)». В динамических глаголах локальный преверб занимает первую позицию, если производящей основой является простая основа: и - та -беит «то (в.) в чем-то высохло», связанный корень; и -ҭалы - жьит «то (в.) она во что-то бросила»; корень-суффикс: и - ҭа - л - ҵеит «то (в.) она во что-то вложила, положила».

Позиция 4: показатель взаимности аи: ҳаи - с - уан «мы дралить», и - еи - ди - ба - галеит «они сошлись», и -еи -л - иба - кааит «они друг друга поняли».

Позиция 5: направительные превербы: аа, на, ҩа, ла: д -*аа* - сы - *р* - тәеит «его сюда на некоторое время посадил»,

и - аа -ҭ - иба - ҳәеит «то сюда высыпалось, высунулось из чего-то», иааибалыркит (→ и - *аа* - а*и*ба - лы - *р* - кит) «то она быстро, легко застегнула», и - неигееит -» (и - *на* -*еи* -гәеит) «они туда совместно (подвинулись, потянулись)».

Позиция 6: показатели: союзности ц, объектной версии з, цә, инструменталиса ла. Все они увеличивают валентность производящей основы, вводя показатель косвенного объекта, и являются взаимоисключающими: с-и - *ц*- цеит «я с ним пошел», и - лы - ц- /на-згеит «то я с нею туда понес», и - лы - *ц* - ҭа - сы - жьит «то я с нею туда во что-то бросил». В словоформе с ц позиции 4 (а_и) и 2 (аиба //иба) не могут быть представлены (об этом см. раздел «Союзные, взаимные, совместные образования»); с и - з - цеит «я для него пошел», с и - цә- цеит «я от него ушел, убежал», и-лы-з - ҭызгеит «то (в.) я для нее из чего-то вытащил», и лы- цә-ҭы- згеит «то не по ее воле я из чего-то вытащил», и л - з -*еи*ба - сы - *р* - кит «то я ей застегнул», ил - *з* - *аа* - и - геит «то (в.) он для нее принес», ил - з - аа - ишьҭит «то (в.) он для нее прислал», иа - л - ааигеит (→ иа - ла - аа - игеит) «то этим он сюда принес», и л-з-еи- қәсыҵсеит «то я для нее рассыпал на чем-то плоском».

Аффиксы объектной версии и направительные превербы могут поменяться местами. Это чаще всего бывает в том случае, когда направительные превербы не выступают в роли словообразовательного форманта, а выражают аспектуальность: и-аа-ҳа -з- кылсит «они для нас сюда внезапно, неожиданно появились, пришли».

Позиция 7: Эту позицию занимает формант совместности аиц. Однако, в отличие от союзного, инструменталиса и версионных, он сокращает валентность глагола, объединяя показатель косвенного объекта с субъектом (подробнее, см. раздел «Союзные, взаимные, совместные образования»): ҳ - аиц - цеит «мы вместе пошли», шә - еиц - на - ргеит «вас вместе туда привели», и - еиц - ҭа - ҳ - галеит «то (урожай) мы вместе собрали, досл.: «то мы вместе во что-то внесли», и-еиц - лы - з - на - ҳ - геит «то мы ей вместе туда принесли», и еиц - л - цә - аҳ - зеит «то (в.) мы у нее украли».

Позиция 8: показатели потенциалиса з и непроизвольности (а)мха: с - зы - м - цеит «я не смог пойти», с - амха -цеит «я невольно пошел», дсы - з- мы - р - тәеит «я не смог его усадить», и - з - ҭ -иба - мгеит «они не смогли вместе (беря друг друга) выйти из чего-то», и-сы - з - ҭа - мы - р - шәеит «я не смог то (мелкое) во что-то (глубокое) бросить», и с - амха - ҭа - р - шәеит «то (мелкое) я во что-то невольно бросил», *и* с - з - еи - қә - мы - р - шәеит «то я не смог наладить, починить, приспособить друг к другу», дыр - з - аа - мгеит «его они не смогли сюда привести», дсам-хаагеит (→дс- амха - аа_ - геит) «его я невольно сюда привел», ды - *з* - и - *ц* - ымцеит «он не смог с ним пойти», ҳ - амха - и - ц - цеит «мы невольно пошли с ним», и - з - еиц - ымцеит «они не смогли вместе пойти».

Позиция 9: показатель возвратности -е: л - -еы - л - р, -ыцқьеит «она себя почистила, почистилась», л - -*е*- еибы - л - ҭеит «она подготовилась», л-*е*-ы-л-ка- лыжьит «она упала, бросилась», р-*е*-еи- цырхит «они вытянулись, выправились», лы - -*е*- ҩы- шьтылхит «она приподнялась», л-*е*-а-з- ылкит «она себя к чему-то предназначила, посвятила, направила», р - -е - еиц - ыр - кәабеит «они вместе выкупались», сы - -е - с - зы - мшьит «я не смог покончить с собой».

В данной работе последовательность описания основообразовательных морфем глагола в основном представлена в соответствии с их дистрибуцией по отношению к корню глагола. Но имеются и отклонения. Так, союзные, взаимные, совместные образования, несмотря на их разные позиции (аиба - 2 позиция, аи - 4 позиция, ц - 6 позиция, аиц -7 позиция), в работе представлены в одном разделе, как это дано в специальной литературе. Целесообразность такой подачи указанных образований оправдана тем, что они, обладая общим инвариантным значением, образуют одну автономную систему, в которой каждая из них имеет свою сферу реализации, кроме того, они взаимосвязаны не только функционально, но и исторически. По этой же причине, придерживаясь традиции, возвратные формы объединены с формами объектной версии (К.В. Ломтатидзе).

Наличие развитой системы префиксального словообразования не способствовало развитию суффиксального глагольного словообразования. Можно выделить лишь несколько, которые, помимо образования новой основы, выполняют и классификационную функцию: с помощью этих суффиксов имя трансформируется в глагол, например: суффикс шьа: алакә «сказка» - илакәишьеит «он удивился, принял за сказку», тәы: абзиа «хороший» - дыбзиа-стәит «я его сделал хорошим, вылечил», ха: дыбзиахеит «он стал хорошим, вылечился» (подробно в разделах).

В синхронном плане говорить о словосложении, основосложении как о продуктивном приеме глагольного словообразования не приходится. В современном абхазском языке глагольная лексика, образованная подобным способом, в общей лексике занимает весьма скромное место. В генетическом же плане прием словосложение (точнее основосложение) являлся исключительно продуктивным средством образования глаголов. Об этом свидетельствуют, в первую очередь, образования с локальными и детерминативными превербами. Известно, что исторически все они восходят к именам. Связь с именем многими превербами и сегодня не

утрачена. Кроме того, локальные превербы в форме статических глаголов выступают в роли корневой морфемы. И несмотря на это, никто из исследователей абхазского языка превербные динамические глаголы типа аҵгара «вывести из под чего-то» не отнес к композитным образованиям. Относительно того, что в современном абхазском языке локальные превербы не являются корневыми морфемами убедительно аргументирует М. А. Кумахов. Он пишет «Важнейшим критерием разграничения корневой и деривационной морфем в системе абхазско-адыгского глагола является то, что аффиксальные основы в отличие от основ сложных допускают дистантивное положение своих составных частей. Основы, образованные с помощью деривационных морфем, разрываются другими морфемами, в частности личными показателями субъекта переходного глагола». Ниже он пишет: «Еще более наглядные модели можно привести из абхазского языка, демонстрирующего своеобразную систему взаимоотношений корневых и аффиксальных морфем. Так, локальные превербы в абхазском языке имеют корреляты в виде глагольных корневых морфем. Морфемы ҭа в словоформе дҭоуп «он (человек) внутри находится» выступает как корневая морфема. Генетически та же самая морфема в слове аҭалара «входить» по своей дистрибуции попадает в число аффиксальных морфем»[1].

А. А. Кварчелия выделяет следующие модели глагольных основ, образованных путем сложения корней: амла-шь-ра «голодать», букв.: (а)мла «голод» + ашьра «убивать», аԥьа - шьа - ра «удивляться», букв.: ԥьа «труд» + шьа «считать», т.е. «считать трудным», арыцҳшьара «жалеть», букв.: арыцҳа «жалкий» + шьа «считать», агәыҧцәара «надоедать», букв.: (а)гәы «сердце» + ҧцәара «ломать», «сердце ломать», агәырҩара «переживать», букв.: «сердце сушить», алацәқәра «моргать», букв.: «веки сгибать», ашьацәхныслара «спотыкаться». В данном слове он выделяет морфемы: шьа «нога»,

[1]Кумахов М. А. Морфология адыгских языков. Москва. Нальчик, 1964. С. 55 - 56. Кварчелия А. А. Глагольное словообразование в абхазском языке. Автореферат. Москва, 1953, с. 14.

цәа «кожа», х «голова», ны «кончик», с «бить» (подробнее в разделах).

Глагольных основ, полученных процессом конверсии, мало, это: ахьча «сторож» - ахьчара: исыхьчоит «я стерегу», ацәа «сон» - ацәара: сыцәеит «я заснул», ажә «старый» - ажәра: сажәит «я состарился», ажьи «кузнец» - ажьира: джьиуеит «он (ч.) кузнечит», агьалдыз «бездельник» - агьалдызра: дгьалдызуеит «он (ч.) бездельничает», агьежь «круг» - агьежьра: дгьежьуеит «он (ч.) крутится», ааскьа «вблизи» - ааскьара: дааскьеит «он (ч.) приблизился», акәадыр «седло» - акәадырра: икәадырит «то (коня) он оседлал», ақьаранҵьы «батрак» дқьаранҵьуеит «он (ч.) батрачит», абрагь «абрек» - аб-рагьра: дыбрагьуеит «он (ч.) разбойничает, аҕьыч «вор» -аҕьычра: дҕьычуеит «он (ч.) ворует», аныҳәа «праздник» -аныҳәара: дныҳәеит «он (ч.) помолился» и др.

В специальной литературе по абхазско-адыгским языкам вопрос о статусе аналитических образований глагола является дискуссионным. Сформировались три кардинально противоположных мнений, по которым аналитические образования относят 1) к свободным словосочетаниям, 2) к фразеологическим словосочетаниям, 3) к глагольным лексемам. Мы придерживаемся мнения тех ученых, кто их квалифицирует как глагольные лексемы, а процесс образования - как способ образования данных лексем (подробно в специальном разделе).

Положение М. А. Кумахова относительно нецелесообразности использования метода непосредственно составляющих при анализе многоморфемных основ глагола адыгских языков, корень которых способен сочетаться с разными деривационными морфемами в отдельности, а из структуры сложной основы можно вычленить любую деривационную морфему, распространяется и на глагол с производной основой абхазского языка, и, естественно, он не мог быть использован нами[1].

[1]Кумахов М. А. Морфология адыгских языков. Москва. Нальчик. 1964, С. 33.

КАУЗАТИВНЫЕ ОБРАЗОВАНИЯ

Каузативные формы абхазского языка впервые были приведены в монографии П. К. Услара «Абхазский язык». Их также выделяли Д. И. Гулиа, К. С. Шакрыл. Однако объектом специального исследования каузативные формы стали в исследовании К. В. Ломтатидзе «Категория каузатива в абхазском языке», в котором описываются все их грамматические проявления - их роль в образовании транзитивов, валентность, дистрибуция каузативного форманта, а также его словообразовательные возможности. Особенности каузативных форм даются в «Грамматике абхазского языка». Анализ каузативов в аспекте их семантики представлен в статье И. О. Гецадзе, В. П. Недялкова «Морфологический каузатив в абхазском языке»[1].

К каузативным образованиям относят глаголы, семантика которых выражает действие, совершаемое лицом по побуждению (по понуждению, просьбе, совету), или при содействии другого лица.

В абхазском языке каузатив - это лексико-грамматическая категория, которая тесно связана с категориями лица и переходности / непереходности.

Основным образователем каузатива является формант р который ставится или непосредственно перед основой глагола: абара «видеть» - арбара «содействовать увидеть, показать», агылара «становиться» - аргылара «содействовать, заставить становиться, встать», или внутри сложной основы глагола: ақәтәара «садиться на что-либо» - ақәыртәера «содействовать, заставить сесть на что-л.», аҭаҵсара «сыпать-

[1]Ломтатидзе К. В. Категория каузатива в абхазской языке. Сообщение АН ГССР. Т. VI., №1. Тб., 1945; Гецадзе И. О. Недялков В. П. Морофологический каузатив в абхазском языке.//Типология каузативных конструкций. Морфологический каузатив. Ленинград, 1969; Шакрыл К. С. Аффиксация в абхазском языке. Сухуми. 1961; Аристав Ш. К. Грамматика абхазского литературного языка. Сухум. 1996; Грамматика абхазского языка (Фонетика и морфология). Сухуми, 1968. с. 128-132

ся», «насылать во что-л.» - атарԥсара «заставить насыпать во что-л.». В ряде глаголов, чьи сложные основы сегодня воспринимаются как простые, неделимые на составные части, формант р̲ становится перед основой: аҟаҵара «делать» - арҟацара «заставить сделать», агәаҟра «страдать» - аргәаҟра «заставить страдать», абаазара «мокнуть» - арбаазара «замочить».

С введением форманта р̲ в основу глагола количество лиц в глаголе увеличивается на одно лицо: одноличный глагол становится двухличным, двухличный - трехличным.

Валентность одноличного глагола увеличивается за счет введения в основу личного показателя ближайшего объекта. Реальное действие осуществляет лицо ближайшего объекта при содействии, по побуждению лица субъекта:

с - тәеит «я сел» - с - и - ртәеит «он меня усадил», с -гылоит «я встал» с-и-р-гылеит «он меня поднял, он меня заставил встать», с - ыцәеит «я заснул» с-и-р-цәеит «он меня усыпил».

Подобно одноличному глаголу, к двухличному непереходному глаголу добавляется личный показатель ближайшего объекта, и в этом случае при содействии субъекта действие совершает лицо ближайшего объекта: д-лы-ва-тәеит «он сел рядом с нею» д-лы-ва-и-р-тәеит «он усадил его (чел.) рядом с нею», с-лы-вагылеит «я встал рядом с нею», с - лы - ва - и - р - гылеит «он меня поставил рядом с нею».

В двухличный переходный глагол вводится показатель косвенного объекта. В отличие от каузативного образовании, мотивированного двухличным непереходным глаголом, в данном каузативе действие, побуждаемое лицом субъекта, исполняет лицо косвенного объекта: и - ҟа - с -цоит «то (в.) я сделал» → и - л - сы - рҟацеит «то (в.) я заставил ее сделать», и - л - жәит «то (в.) она выпила» → и -л - и - р - жәит «то (в.) он заставил ее выпить», «он ее напоил чем-то».

Трехличный глагол каузативную форму не дает: экспериментально она возможна, однако носит весьма искусственный характер. Каузативная семантика в этих случаях передается описательно: глагол - носитель основной семантики, стоящий в условно-целевой форме с суффиксом - ратәы, сочетается с вспомогательным глаголом аҟаҵара «делать», в сочетание может войти послелог еиԥш «подобно»: дбырҭаратәы ҟасцоит // дбырҭаратәы еиԥш иҟасцоит «я сделаю так, чтобы его (ч.) тебе (ж.) они отдали» (К В. Ломтатидзе).

Этому закону подчиняются все трехличные глаголы, образованные от двухличных глаголов, чья валентность увеличена за счет локального преверба, реализующегося с показателем косвенного объекта: с введением в основу локального преверба двухличный глагол становится трехличным, который не дает каузативную форму: и-р-беит «то (в.) они увидели» → и - сы - варбеит «то (е.) они у меня, во мне увидели» → и-сы-л-ваирбеит форма не реальная, также от ибеит «то (в.) он увидел» → и-рыдибалеит «то (в.) он в них заметил»* (ирылдибалеит форма искусственная). Каузатив же от двухличного глагола с этим же локальным превербом. мотивированным одноличным глаголом, а также от двухличного глагола с локальным превербом, реализующимся без косвенного показателя, широко используются: дтәеит «он (ч.) сел» → диватәеит «он (м.) сел рядом с ним (ч.)» → диваиртәеит «его (ч.) он посадил рядом с собой, с ним», дгылеит «он (ч.) встал» → дидгылеит «он (м.) встал рядом с ним» → дидиргылеит «он его (ч.) поставил рядом с ним», илгеит «то (в.) она взяла» → иҵылгеит «то (в.) она взяла изнутри чего-л.» → илҵиргеит «он ее заставил взять то изнутри чего-либо».

Каузативная основа, производная от двухличной основы, может стать производящей для версионной формы, так как их форманты не взаимоисключающие, в результате чего получаем четырехличный глагол:

и - с - захит «то (в.) я сшил» → и - л - сы - рзахит «то (в.) я ее заставил сшить» → и - у - зы - л - сы - рзахит «то (в.) для тебя я ее заставил сшить»;

и - с - цәаҕәеит «то (в.) я вспахал» → и - с - и - рцәаҕәеит «то (в.) он меня заставил вспахать» → и лы - з - с - у -рцәаҕ-

әеит «то (в.) для нее ты (м.) заставил меня вспахать».

В речи подобные четырехличные образования используются весьма редко. Зато версионная форма от каузатива, мотивированного одновалентной основой, более употребительна: с - тәеит «я сел» → д-сы-ртәеит «его я посадил» → д-у- з-сыртәеит «его (ч.) для тебя я посадил».

Личный показатель III лица множественного числа субъект и косвенного объекта р в каузативных образованиях переходит в д:

и - р-жәит «то (в.) они выпили»

и-д-сы-р-жәит (-» и-р-сы-р-жәит) «то я их заставил(а) выпить».

и-с-д-ыржеит (- и-с-ры-р-жәит) «то (в.) они меня заставили выпить».

и-д-д-ыр-жәит (→и-р-ры-р-жәит) «то (в.) они их заставили выпить».

Процесс диссимиляции обусловлен морфологическим фактором. Он вызван «тем обстоятельством - пишет К. В. Ломтатидзе, что в обоих спучаях (и в показателе каузатива - р, и в показателе третьего лица множественного числа -р) мы имеем один и тот же аффикс по происхождению -аффикс множественности. Необходимость разграничения разных функций способствовала тому, что один из них, именно личный показатель, был заменен другим»[1]. Возможно, факт диссимиляции сохранил ожидаемый вид лицевого показателя.

Категория каузатива тесно связана с категорией транзитное: все каузативные формы динамических глаголов переходные.

Помимо глаголов, семантические и формальные признаки которых указывают на переходность (напр.: афара «есть, кушать, аҟацара «делать», абара «видеть», агара «брать» и т. д.), в разряд транзитивов могут перейти интранзитивы, используя при этом лексико-грамматическое средство. Таких

[1]Ломататидзе К.В. Категория каузатива в абхазском языке...с. 96.

средств несколько, каждая из которых имеет свою деривационную сферу. Из этих лексико-грамматических средств образования транзитивных глаголов форманту -р принадлежит ведущее место.

Посредством форманта -р образуются транэитивы из одноличных и двухличных непереходных глаголов.

С введением показателя каузатива -р в основу одноличного непереходного глагола морфологическая и семантическая характеристики основы трансформируются: одновалентный глагол становится двухвалентным, переходным; основа глагола приобретает новое лексическое значение, в котором называется действие, распространяющееся на ближайший объект, каузативная же семантика в нем выражена имплицитно. Она проявляется лишь в том, что процесс, на что указывает основа глагола, связан не с субъектом, а с объектом: этому процессу подвергается объект под действием субъекта. Основное назначение формант -р в данном случае - выражение переходности, точнее, выражение действия субъекта на ближайший объект.

Значение этих каузативных форм И. О. Гецадзе и В. П. Недялков назвали фактитивным, коррелятивные пары которых чаще всего на русский язык переводятся на транзитив и интранзитив с возвратной частицей -сь. -ся:

азра - изит «то (в.) пропало»	- арзра - исырзит «то (в.) я потерял»
аҵысра - иҵысит «то (в.) двинулось, пошатнулось»	арҵысра - исырҵысит «то (в.) я расшатал»
аҭәра - иҭәит ««то (в.) наполнилось»	- арҭәра - иирҭәит ««то (в.) нон наполнил».
аццакра - иццакит «то (в.) поторопилось»	- арццакра - исырццакит «то (в.) я поторопил, ускорил».
аҟәыҷра - иҟәыҷит «то (в.) сморщилось, помялось»	- аҟәыҷра - иҟәыҷит «то (в.) я помял, сморщил».
аҟьацра - иҟьацит «то (в.) раздавилось».	- арҟьацра - исырҟьацит «то (в.) раздавил».

атлара - итлеит «то (в.) распоролось»	- артлара - исыртлеит «то (в.) я распорол».
аӈсаара - иӈсааит «то (в.) вымочилось»	- арӈсаара - исырӈсааит «то(в.) я вымочил».
ачра - ичит «то (в.) вздулось»	- арчра - исырчит «то (в.) я надул (воздухом)».
аҭахара - дҭахеит «он (ч.) погиб»	- аҭархара - дҭаирхеит «его (ч.) он погубил».
азааҟәрылара – изааҟәрылеит «то (в) пошло под воду «утонуло»	азаарҟәрылара – изаасырҟәрылеит «то (в) я пустила под воду «утопало».

Аналогичную функцию – перевода интранзита в транзитив – выполняет формант -р, введенный в основу двухличного непереходного глагола: с введением -р основа приобретает третий личный показатель, обозначающий объект, на который распространяется действие субъекта:

ақәгәыҭра - с - а - қәгәыҭит - «я на то (в.) понадеялся».	ақәыргәыҭра - с-а-қә-л-ы -р -гәыҭит «она меня чему-то обнадежила»,
аватәара-с-а-ватәеит «я сбоку чего-то сел».	авартәара - с-а-ва-и-р-тәеит «меня он сбоку посадил»
авагылара - савагылеит «я встал сбоку чего-то».	- аваргылара - иа - ва - с - ы - ргылеит «то (е.) я поставил сбоку чего-то».
авагылара – савагылеит «я встал сбоку чего-то».	авагылара – иавасыргылеит «то (в) я поставил сбоку чего-то».
адгылара – и-адгылеит «то (о) встала вплотную к чему-то».	- адыргылара - иаддыргылеит «то (в.) они приставили вплотную».

Однако необходимо отметить и то, что немало непереходных глаголов, которые в каузативной форме приобретают значение активного побуждения:

атәара - дтәеит «он (ч.) сел».	- артәара - дсыртәеит «я его усадил, я заставил его сесть».

агылара - дгылеит «он (ч.) встал»	- аргылара - дсыргылеит «я его поставил», заставил встать».
аӈшра - дыӈшуеит «он (ч.) ждет».	- арӈшра - сирӈшит «меня он заставил ждать».
агәамҵра - дгәамҵуеит «он (ч.) беспокоится».	- аргәамҵра - дсыргәамҵуеит «я его беспокою», «я его заставил беспокоиться».
ахашҭра - исхашҭит «то (в.) я забыл».	- ахаршҭра - исхаиршҭит «то (в.) он меня заставил забыть».
аӈхьара - саӈхьеит «то (в.) я прочел»	- арӈхьара - саирӈхьеит «то (в.) он заставил меня прочесть».
ацәажәара - сцәажәоит «я говорил».	- арцәажәара - сирцәажәеит «он меня заставил говорить».

И. О. Гецадзе, В. П. Недялков в каузативных образованиях от непереходных глаголов выделяют небольшую группу, семантика которых указывает на действие, одинаково выполняемые и субъектом и объектом, например: аӈхара - иӈхоит «согревается» - арӈхара - иарӈхоит «согревать» означает «быть самому теплым и делать теплым нечто другое»; алашара - илашоит «то (в.) светиться» - арлашара - иарлашеит «освещать» - «быть самому светлым и делать светлым нечто другое»; акаҷҷара - икаҷҷоит «то (в.) сверкает» - аркаҷҷара - иаркаҷҷеит «заставить сверкать что-либо» - «быть самому сверкающим и заставить сверкать нечто другое»; ашра - ишит «то (в.) накалилось» - аршра - иаршит «раскалило» - «само раскалилось и раскалило нечто другое».

Из лабиальных глаголов можно образовать каузативную форму как от одноличного непереходного варианта, так и от двухличного переходного, т. е. непереходной форме противостоят три переходные формы:

Непереходный	Переходный
сзахуеит «я шью»	- иззахуеит «я то шью», дсырзахуеит его (ч.) заставляю шить», илсырзахуеит «то ее я заставляю шить».
сыԥхьазоит «я считаю»	- исыԥхьазоит «то я считаю», дсырԥхьазоит «его я заставляю считать», илсырԥхьазоит «то ее я заставляю считать.
сыԥшаауеит «я ищу»	- исыԥшаауеит «то я ищу», дсырԥшаауеит «его (ч.) я заставляю искать», илсырԥшаауеит «то ее я заставляю искать».
ибылуеит «то горит»	- избылуеит «то я сжигаю» - дсырбылуеит «его (ч.) я заставляю сжечь», илсырбылуеит «то ее я заставляю сжечь».
сԥоит «я вяжу»	- испԥоит «то я вяжу», дсырԥоит «его (ч.) я заставляю вязать», илсырԥоит «то (в.) ее я заставляю вязать».

Возможности образования транзитивных глаголов из интранзитивных посредством форманта -р обширны, при этом основы мотивированных интразитивов могут быть простыми, или осложненными деривационными аффиксами, семантика которых позволяет сосуществовать с каузальной. Наиболее популярная модель - это основа, представляющая собой корень (как самостоятельный, так и связанный) в сочетании с

локальным превербом: атэара «садиться → аҭатәара «садиться во что-то (углубленное, огороженное)»; → аҭартәара «посадить во что-то»; аҩара «сохнуть» → аҭаҩара «сохнуть в чем-л. (углубленном, огороженном)» → аҭарҩара «засушить в чем-л. (углубленном, огороженном)»; аԥхара «греться, освещаться» → аҭаԥхара «греться, освещаться внутри чего-л.» → аҭарԥхара «освещать внутрь чего-л.»; аҭахара «погибнуть» -аҭархара «погубить».

Однако возможности трансформации интранзитива в транзитив посредством каузального форманта - р не беспредельны. Так, каузативных образований не дают те интранзитивы, которые транзитивные свойства обретают посредством других лексико-грамматических средств.

Так, производной основой для каузативных образований не может стать глагол интранзитивного ряда, чья основа образована сочетанием локативного преверба с одной из корне-суффиксов ла, ҵ. Это объяснимо тем, что из этого же локатива в сочетании с другой парой корне-суфиксов ҵа, х, образуется переходный глагол.

В глаголах с основой подобной модели противопоставление интранзитив / транзитив достигается корреляцией корнесуффиксов, с одной стороны, ла, ҵ с другой стороны, ҵа, х (К. В. Ломтатидзе):

и - а - ныҵит «то (в.) сошло из чего-л. плоского» - и - а -ны - с - х ит «то (в.) я из чего-то плоского сняла, убрала»; иав-ҵ-ит «то (в.) сбоку чего-л. вышло» -и-а-в-с- х-ит «то (в.) я вытащит сбоку чего-л.»; и - ҭыҵит «то (в.) вышло из чего-то (глубокого, огороженного)» - иҭыс-х-ит «то (в.) я вытащит из чего-то»; иава-л-еит «то (в.) прошло сбоку чего-то» - иавас-ҵ-еит «то (в.) я положил сбоку чего-л.».

Как видим, для одновалентных и двухвалентных непереходных глаголов формант -р является средством перевода их в разряд транзитивных глаголов. Реализация каузативной семантики, которая часто очень слабо проявляется, зависит от лексической семантики мотивированной основы (см. иллюстрации). Однако эта функция у -р- отпадает при

использовании его в транзитивных основах, т. к. основы уже транзитивные. Это содействовало усилению его основной функции - выражение побуждения. Из транзитивных глаголов мотивированной основой для каузальных образований, «как было сказано выше, являются двухвалентные, которые трансформируются в трехвалентные: добавляется личный показатель косвенного объекта. Семантика производных основ выражает двух деятелей один побуждает к действию - показатель субъекта, другой реализует действие – показатель косвенного объекта.

В данных образованиях как бы выражена двойная переходность: 1-ое действие субъекта переходит на косвенный объект, 2-ое действие косвенного объекта - на ближайший объект, в результате чего вся форма приобретает значение активного побуждения: и- ҟа - л - цеит «то (в.) она сделала» - илбырҟацеит «то (в.) ты заставила ее сделать»; и - л-жәит «то (в.) она выпила» - и - л - и - ржәит «то (в.) он заставил ее выпить, он ее напоил чем-то»; и - л - геит «то (в.) взяла» - и - л - и - ргеит «то (в.) он ее заставил взят»; и - ҳәеит «то (в.) она сказала» - и - л - и - рҳәеит «то (в.) он заставил сказать»; и - л - дырит «то (е.) она узнала» – и - л-и-рдырит «то (в.) ее он заставил узнать, он ей дал знать о чем-то».

Почти все двухличные переходные глаголы в состоянии дать каузативное образование (встречающиеся ограничения основаны на лексической несовместимости).

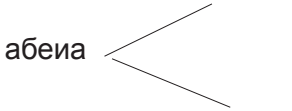
Класс транзитивных глаголов может быть значительно увеличен за счет производных от имен каузативных образований. В качестве их деривантов выступают префикс -р и суффикс -тә. Имена в этих случаях трансформируются в переходные динамические глаголы, оранжировываясь при этом двумя личными показателями. Семантика в обеих образованиях выражает активное воздействие субъекта на ближайший объект, превращая его в то, на что указывает лексическая семантика мотивированного имени (К. В. Ломтатидзе).

Посредством форманта -р каузативную форму практически можно образовать от всех качественных прилагательных[1]:

[1]Исключение составляют глаголы типа арцабыргра «подтвердить»

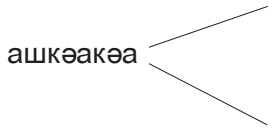
ажә «старый» - аражәра «состарить»: сылражәит «меня она состарила, сделала старым, превратила в старика, старуху»; абеиа «богатый» - арбеиара «обогатить» - слырбеиеит «меня она обогатила, сделала богатым»; ашкәакәа «белый» - аршкәакәара «обелить» - илыршкәакәеит «то (в.) она сделала белым»; аиаша «прямой» - ариашара «выравнивать»: исыриашеит «то (в.) я выпрямил»; аҧшәа «тесный» - арҧшәара «сделать тесным»: исырҧшәеит «то (в.) я сделал тесным»; аԥшза «красивый» - арԥшзара «скрасить»: исырԥшзеит «то (в.) я скрасил, сделал красивым».

Всем переходным глаголам, образованным от основ качественных прилагательных посредством каузативного -р, коррелируют непереходные одновалентные глаголы с суффиксом ха, образованные от этих же основ, а дополнительной семантике «сделать», «превратиться» коррелирует потенциальная семантика «стать».



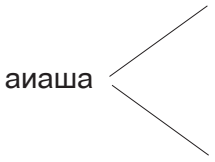
арбеиара «сделать богатым дсырбеиеит «я его сделал богатым».

абеиахара «стать богатым»:
с - беиахеит «я стал богатым»



аршкәакәара «сделать белым»: исыршкәакәеит «я то (в.) сделал белым ашкәакәахара «стать белым»: сышкәакәахеит «я стал белым».

(и- л-ырцабыргит «то (в.) она оправдала, обосновала, аргументировала), мотивированные основы которых обладают конверсивностью. В зависимости от синтаксической функции они выступают в предложении то как существительные: аҵабырг сҳәеит «я сказал правду», то как прилагательные: ажәа аҵабырг «правдивое слово».



ариашара «сделать ровным»

аиашахара «стать ровным, правильным»: ииашахеит «то (в.) стало ровным», «правильным».

Словообразовательные возможности форманта ха значительно выше, чем -р: он в состоянии образовать непереходный динамический глагол от любого существительного: азҕаб «девочка» - азҕабхара «стать девочкой»: дызҕабхеит «она стала девочкой»; аҧкәын «мальчик, юноша» аҧкәынхара «стать юношей»: дыҧкәынхеит «он стал юношей»; аҧҳәыс «женщина» - аҧҳәысхара «стать женщиной»: дыпҳәысхеит «стать женщиной»; ахаҳә «камень» - ахаҳәхара «стать камнем»: ихаҳәхеит «то (в.) стало камнем», от числительного: хҧа «три» - ахҧахара «стать третьим»: ихҧахеит «стало третьим».

Формант -тә используется языком для образования форм с каузальным значением не только от прилагательных, но и от существительных, числительных. Однако продуктивность форманта -тә как образователя спрягаемой формы переходного глагола пока не велика. Обращает на себя внимание позиция личного показателя субъекта, который становится после именной основы, перед формантом - тә. Обычно в переходных глаголах со сложной основой показатель субъекта ставится между компонентами основы. Второй компонент является носителем основной лексической семантики, (и - ҭа - з - блит «то (в.) я сжёг в чем-то глубоком»). В данном же случае носителем основной семантики является компонент, предшествующий показателю субъект, формант -тә же выступает в функции суффикса, дополняющий основное значение имени каузально-превратительной семантикой: абзиа «хороший» - абзиатәра «сделать хорошим, оздоровить»: дыбзиастәит «его я сделал хорошим»; ауаҩы «человек» - ауаҩтәра «сделать человеком»: дуаҩыстәит «его (ч.) сделал человеком»; аҵабырг «правда» - аҵабыргтәра «сделать

правдой»: иҵабыргыстәит «то (в.) я сделал правдой»; ҩба «два» -аҩбатәра «удвоить»: иҩбастәит «то (в.) я удвоил»; ацәгьа «плохое» - ацәгьатәра «сделать плохим»: дыцәгьастәит «его (ч.) я сделал плохим», алыҵшәадатәра «сделать безрезультатным»: илыҵшәадастәит «то (в.) я сделал безрезультатным» (об этом ниже).

Формант -тә в сочетании с показателем масдара ра тәра - стал использоваться для образования слов, лексическое значение которого указывает на процесс превращения в то, на что указывает мотивированное имя: астиль «стиль» → астильтәра «стилизация», абсолиут «абсолют» - абсолиуттәра «абсолютизация», абстракт «абстракт» - абстрактгәра «абстрагирование», аурыс «русский» - ау-рыстәра «русификирование» (А. Д. Хеция), алыҵшәадатәра «сделать безрезультатным»: илыҵшәадастәит «то (в.) я сделал безрезультатным».

Использование форманта тәра в указанной функции пока ограничено. Чаще всего эта семантика передается описательно, в сочетании с вспомогательным глаголом азура «делать»: астилизациа азура «стилизировать», амеханизациа азура «механизировать», аидеализациа азура «идеализировать», абсолиутизациа азура «абсолютизировать» (К. В. Ломтатидзе).

В абхазском языке можно выделить глаголы, которые выражают оппозицию каузатив – антикаузатив лишь на уровне лексики. Наличие этой супплетивной оппозиции стало основанием невозможности образования каузативной формы посредством форманта -р: афара «кушать» -аҿацара «накормить» (к афара р невозможно присоединить, т. к. эту семантику передает аҿацара, к аҿацара - р не присоединяется из-за того, что он трехвалентный глагол: и-л-ҿа-с-цеит «тем (в.) ее я накормил», акаҳара и «падать» - акажьра «бросить», ацара «идти» - адәылцара «выгнать».

В образованиях с формантом – р выделяется группа глаголов, в которых данный формант утратил деривационно-грамматическую каузальную функцию. Сегодня они не

имеют соотносительных мотивированных глаголов, которые позволили бы им образовать бинарную оппозицию - интразитив / транзитив. Семантика большинства из них выражает действие, состоящее из неоднократно повторяющихся актов: аркьыкьра «запеть тонким голосом», арбыԥра крошить, мять (о сыре, мамалыге)», арбзара «лизать», арԥызра «шлифовать», арашәара «полоть», арыԥхра нанизывать», аԥырффара «подстричь», архиара «настроить (о инструменте), накрыть (о столе)», арҳәра «обворовывать», ақәырԥҟара «накрапать на что-то», аршәшәара встряхивать», арҟьара распороть (о полости живота») (К. В. Ломтатидзе).

В ранних работах, посвященных морфологии глагола, аффикс р квалифицируется как морфологический формант, образующий глагольную категорию, в то же время отмечая его словообразовательную возможность. В работе Ш. К. Аристава «Грамматика абхазского литературного языка» - р относится к словообразовательным формантам. Анализ материала свидетельствует о том, что каузативный формант - р, с одной стороны, является морфологическим показателем, посредством которого интразитив переводится в транзитив, образуя коррелятивные пары интразитив - транзитив, с другой стороны, это словообразовательный формант, который вносит в лексическое значение мотивированной основы значение каузальности. В одних случаях каузальная семантика слабо выражена, но все же выражена, в русском языке им часто соответствуют лексические каузативы: сыцәеит «я уснул» - дсырцәеит «его (ч.) я усыпил».

В большинстве же случаях налицо семантика активной каузации, которая характерна образованиям, мотивированным как непереходными, так и переходными глаголами. Как словообразовательный формант он выступает и в глаголах, мотивированных прилагательным.

ПРЕВЕРБНЫЕ ОБРАЗОВАНИЯ

В абхазском языке, как и во всех абхазско-адыгских языках, выражение пространственных отношений в основном сосредоточено в глаголе. Отсутствие категории склонения в имени, слабая послеложная система компенсируются широко развитой системой превербов.

Состав превербов очень пестрый. Они образуют сложную систему, в которой представлены превербы. выражающие направление действия, локализацию действия и состояния, а также превербы, выражающие как локализацию действия и состояния, так и направление действия. Для этих превербов выражение направления действия и локализации действия или состояния является их грамматическим значением. Однако, выполняя грамматическую функцию, они одновременно выступают в роли словообразовательных формантов, благодаря которым образовано множество глагольных лексем. В превербную систему входят и такие превербы, которые сегодня утратили грамматические значения и выступают лишь в роли деривационных формантов. Превербное образование, пожалуй, составляет ядро глагольного словообразования, потенциальные возможности которого не исчерпаны, а, напротив, все более активизируются.

Сложность системы как в плане содержания, так и в плане выражения позволяют внутри превербов произвести ряд систематизации, руководствуясь различными критериями, продиктованными спецификой абхазских превербов. Например, такими критериями могут стать: их лексико-грамматическая семантика и дистрибуция в глагольной основе, их сфера использования и словообразовательные возможности, их структура и хронология, их влияние на оранжировку лицевыми показателями основы глагола и на структуру предложения, а также на акцентную характеристику производной основы.

Основное противопоставление превербов проявляется ни уровне их грамматического значения, а также дистрибу-

ции, что послужили основой для классификации превербов, ставшей традиционной, разделяя их на направительные и локальные. А между тем, по этой классификации к локальным превербам отнесены также превербы, которые, утратив грамматическое значение, выступают лишь в деривационной функции.

ОБРАЗОВАНИЯ С ЛОКАЛЬНЫМИ ПРЕВЕРБАМИ

Одной из характерных особенностей глагольного словообразования абхазского языка является использование локальных превербов. В абазинском языке, как и в других абхазо-адыгских языках, глагольное словообразование посредством локальных превербов также является одним из производительных способов. Ведущие исследователи-кавказоведы - П. К. Услар, Ж. Дюмезиль, А. Н. Генко, К. В. Ломтатидзе, М. А. Кумахов, Г. В. Рогава, З. И. Керашева, К. С. Шакрыл, Р. Н. Клычев и др. - не могли не обратить внимание на столь яркое проявление специфики абхазско-адыгских языков, посвящая этой проблеме статьи, разделы в грамматиках, монографиях и специальные исследования,[1] выполненных на материале абхазского и абазинского языков,

[1]Ломтатидзе К. В. К структуре сложносоставных глагольных основ в абхазском языке. Иберийско-кавказское языкознание. ИКЯ, т. IV. Тб . 1953; Она же. Статические и динамические глаголы в абхазском языке (по абхазско-абазинским диалектным данным). ИКЯ, т. VI., 1954; Она же. Основные виды локальных превербов и их оформление в абхазском и абазинском языках. Тб.. 1982; Гублиа Р. К. Превербы направления в глаголах абхазского языка (Автореферат канд. диссер.), Тб., 1972; Клычев Р. Н. Глагольные суффиксы направления в абхазском и абазинском языках. Черкесск, 1972; Он же. Локально-превербное образование глаголов абазинского языка, Черкесск, 1994. Шакрыл К. С. Аффиксация в абхазском языке. Сухуми. 1961. Шинкуба Б. В. Именные основы-превербы в абхазском глаголе. Труды АбИЯЛИ. Т. XXV. Сухуми. 1954; Он же. Сопряженные корни с превербами в абхазском глаголе. Труды АбИЯЛИ. Т. XXVIII. Сухуми, 1957.

необходимо особо выделить работы К. В. Ломтатидзе и Р. Н. Клычева. Основные положения о локальных превербах представлены в статьях и монографии К. В. Ломтатидзе, которые были дополнены обстоятельными изысканиями Р. Н. Клычева. В этих работах определен объем локальных превербов (по монографии Р. Н. Клычева в абазинском языке их, включая и варианты. 160), произведена систематизация с позиции их структуры (простые, сложные), семантики (абстрактные, конкретные), установлены связи локальных превербов с именными основами и их роль в выражении иллативного и элативного направлений действия, выявлены их влияние на оформление производной основы спрягаемого глагола и возможности почти каждого преверба сочетаться с корне-суффиксами, с основами глаголов и со связанными корнями (анализ проделан на материале абазинского языка Р. Н. Клычевым), определен состав корне-суффиксов сочетающихся с локальными превербами.

Количество локальных превербов в абхазском языке значительное. Структура основной массы превербов простая. Чаще всего эти превербы представлены одной согласной фонемой напр.: д, н, қә, ԥ... или фонемами - согласной и гласной а. которая в определенных условиях сменяется гласным ы или ноль звуком, напр.: ҵа // цы // ҵ, ла // лы // л, ва // вы // в. ха // хы х... Встречаются превербы, состоящие из двух согласных и гласного а, который также чередуется с ы и нулем звука, напр.: ҩны, бжьа, ҕәа, ԥхьа.

Превербы сложной структуры являются преимущественно результатами сложения простых превербов, напр.: кы - д, дәы - қә, м - ԥы -ҵа, м -ҵа, кы - ла...

Простые превербы исторически восходят к именным корням, которые могут выступить с локальным значением – дом, помещение, двор, угол, вода, лес, поле, очаг или к именам, обозначающим части тела - рука, голова, нога, сердце, рот... Этимологическая связь многих из них с корнями соответствующих имен и сегодня четко прослеживается напр.: ҵа → аҵа «дно», ҩна → аҩны «дом», ва → авара «бок», ҕа →

аҧы «рот», гҧа // кҧа → агҧакора «угол» и т. д. Однако немало и таких, которые утратили свою этимологическую мотивированность (К. В. Ломтатидзе).

Древними и первичными превербами являются простые превербы, более поздними и вторичными - сложные. Хронология превербов, надо полагать, начинается с абхазо-адыгского языкового единства.

Процесс глагольного словообразования посредством превербов продолжается и по сей день.

Преобладающая часть локальных превербов принимает форму любой парадигмы статического глагола. Они оформляется всеми формантами статических глаголов: ла: далоуп «он (ч.) находится в чем-то (в массе)», далан «он (ч.) находился в массе», даландаз «хотя бы он находился в чем-то», далазар «если «он (ч.) находится в чем-то», далам он (ч.) не находится в чем-то, далазаап «оказывается «он (ч.) находится в чем-то», алазаара «нахождение в чем-то».

Локальные превербы к исконно статическим глаголам не присоединяются. Но могут включиться в основу некоторых глаглов, которые образуют как статические, так и динамические парадигмы: атәара: стәоуп «я сижу» → сҭатәоуп «я в чем-то внутри чего-то сижу», агылара; сгылоуп «я стою → сацагылоуп «я под чем-то стою», сыԥнагылоуп «я в помещении стою».

Способность данной группы превербов стать основой статических глаголов характерна лишь для абхазского и абазинского языков. В адыгских и убыхском языках нет статических глаголов, в которых преверб выступил *бы* в качестве корня. В них преверб всегда сочетается с корнем глагола, образуя основной фонд всех статических глаголов[1].

В динамических глаголах они основообразовательные

[1]Кумахова З. Ю., Кумахов М. А. О превербах и превербных основах в абхазско-адыгских языках. Система превербов и послелогов в иберийско-кавказских языках. Черкесск, 1983: Керашева З. И.. Чкадуа Л. П. Локативные превербы статических и динамических глаголов в абхазско-адыгских языках. Ежегодник. ИКЯ. Т. IV. Тб., 1977.

превербы, которые сочетаются с корнями самостоятельно функционирующих глаголов, а также со связанными, несамостоятельными корнями и корне-суффиксами, напр.: аԥшра «смотреть» → ацаԥшра «под чем-то смотреть», аваԥшра «смотреть сбоку чего-то», абара «высыхать» → ацабара «под чем-то сохнуть», алабара «сохнуть в массе», ацашәара «упасть (о мелком предмете) под что-то», аҭажьра «бросить во что-то», алалара «войти во что-то», ацхра «вытащить из под чего-то».

Большинство локальных превербов это морфемы, обладающие лексико-грамматической семантикой. Ярким свидетельством тому являются превербы, образующие основы статических глаголов. В них они обретают статус лексемы, имеющей свое лексическое значение, которое исключительно детально конкретизирует местонахождение субъекта. Они не просто указывают на местонахождение субъекта в чем-то. под чем-то, на чем-то и т. д.. а еще и уточняют именно в чем, на чем, напр.: находиться внутри строения -дыԥноуп, находиться в полости живота - иҧроуп, находиться в чем-то круглом - иагәылоуп, находиться в глотке - ихәлоуп, находиться в массе чего-то - иалоуп, находиться на поверхности чего-то плоского - иқәуп, находиться в чем-то огороженном, углубленном, в сосуде - иҵоуп, находиться в углу - игҿоуп.

Семантика локальных превербов, находящихся в основах динамических глаголов, дополняет основную лексическую семантику глагола, определяя локализацию выраженного им действия и тем самым изменяя ее. Семантика основы превербного глагола отличается от производящей настолько, что правомерно преверб считать деривационным формантом, напр.: абылра «гореть» - ацабылра «гореть под чем-то, подгореть», алара «прыгать» - агәылԥара «выпрыгнуть изнутри чего-то», аиара «лечь» - адиалара «прильнуть, прилечь рядом с кем-чего л.» акра «держать» – ақәкра «держать что-то над чем-то, нацелить, направить».

Сочетаясь со связанными глагольными корнями, семантика данных морфем также модифицирует семантику свя-

занного корня, указывая на место действия. Однако ввиду того, что связанные корни не могут существовать как самостоятельные лексемы без детерминирующего элемента, локальная морфема становится неотъемлемой частью основы: аҵаҳара «упасть под что-то», аҭажьра «бросить во что-то глубокое», авсра «пройти мимо чего-то», аҭцара «выгнать (скот, птицу из чего-то)».

Основное лексическое значение в образований, представляющих собой сочетание локального преверба и корне-суффикса, формирует локальный преверб. Семантика корне-суффикса очень абстрактная: ла, ҵ - выражают движение, ҵа, х - действие, напр.: аҭалара «войти во что-то огороженное, углубленное», аҭыҵра «выйти из чего-то огороженного, углубленного», агәалара «войти в угол», агәыҵра «выйти из угла», аҭаҵара «положить во что-то», аҭыхра вытащить из чего-то». В данных образованиях локальный преверб не только преверб, а корне-суффикс не только суффикс. Они совместно образуют одну основу, чья лексическая семантика представляет собой сплав двух значений. В этих образованиях нет производящей основы. К. В. Ломтатидзе, определив особенности локальных превербов и корне-суффиксов, очень точно назвала их осново-превербами и корне-суффиксами: локативы в статических глаголах основы, в динамических глаголах – и основы, и превербы, также и корне-суффиксы: они и корни, и суффиксы, (подробнее ниже).

Как было сказано выше, все локальные превербы лексически значимы. Однако выражаемые ими лексические значения не равны. Наблюдаемые расхождения сводятся к степени конкретизации локальной семантики (К.В. Ломтатидзе). Часть из них выступает с узким конкретным значением. Таким значением преимущественно наделены превербы-основы, чья связь с исходным словом пока не утрачена. К ним относятся превербы: ҩна (→ аҩны «дом»): дыҩнатәеит «он (ч.) сел (в доме)», гәа (→ агәаҩра «угол в доме»): игәагылоуп «та (в.) стоит в углу», бжьа (→ абжьара «средний, промежуточный): дрыбжьагылеит «он (ч.) встал между ними», шьа (→ ашьапы «нога»): илышьалцеит «то (в.) она надела на ногу, обулась»... Многие из них весьма не продуктивны. Их словообразовательные возможности могут быть ограничены 8-10 словами.

Другая часть превербов обладает общим, абстрактным значением, что позволяет многим из них быть многозначными. Помимо превербов-основ с прозрачной этимологией в данную группу входят и такие, вне глагольной основы которые сегодня ничего не означают. Так, преверб-основа ҭа выражает нахождение, действия в чем-то глубоком, огороженном, имеющем стены (яма. двор, сарай, море, стакан, ведро...), переносное значение - находится в учебном заведении, учебный процесс; ауҭра дҭоуп «он (ч.) находится в огороде», ашкол дҭоуп «он (ч.) учится в школе», аҵәца иҭоуп «то (в.) находится в стакане»... ла выражает массу (вязкую, топкую, сыпучую, массу людей), переносное значение - объединение людей, союз: аҳәынҵәа далагҍалеит «он (ч.) залез в грязь», ажәлар дрылоуп «он (ч.) находится в массе людей», апартиа далоуп «он (ч.) находится в партии», ҵа выражает нижнюю часть чего-л., нахождение, действие под чём-л., переносное значение - находится под крышей в качестве продавца, покупателя; находится в чем-то, образуя одно целое: ахчы иаҵоуп «то (в.) под подушкой», ихахәы ҵырффаны иҟан «его волосы были подстрижены», адәқьан дыҵоуп «он (ч.) продавец магазина», саргьы уахь саҵанакуеит «и я туда вхожу (как единое целое)».

Словообразовательная продуктивность этих превербов очень высокая.

Однако можно выделить и такие превербы. которые наделены абстрактным значением, но не обладают высокой степенью продуктивности.

Часть локальных превербов, объединенных в группу превербов-основ, функционируют в вариантах - вариант с исходом на гласный **а** и вариант с исходом на согласный или гласный **ы**, т. е. редуцированный вариант: ҭа - ҭ // ҭы, ҵа - ҵ

// ҵы, ва - в // вы, гәа - гә // гәы. Каждый вариант имеет свою сферу реализации, которая зависит от его грамматического значения. Словообразовательные возможности вариантов регулируются этими грамматическими значениями.

Грамматическое значение варианта с исходом на гласный а выражает локализацию состояния в статических глаголах, а в динамических глаголах - локализацию действия и направление, ориентированное на локализацию действия - иллативное (адитивное, центростремительное) направление. Место нахождение говорящего не берется в учет. Это грамматическое значение позволяет варианту с исходом на гласный а:

а) стать основой статического глагола, обретая все слооформы: ҵа - даҵоуп «он (ч.) находится под чём-л.», ҩны - дыҩноуп «он (ч.) находится в доме», шьҭа -дышьҭоул «он (ч.) лежит»,

б) сочетаться с основами динамических глаголов, чья семантика позволяет выразить место действия, на что указывает локальный преверб. или направление действия к отому месту: аҵагылара «становиться под чём-л.». аҭаԥера «сломать внутри чего-л.», аватәара «сесть сбоку», агәагылара «встать в угол»,

о) сочетаться со связанными глагольными корнями с соответствующей семантикой: аҭаҳара «упасть во что-то глубокое», зҭажьра «бросить под что-л.», алашәара «упасть (о мелком предмете), во что-то топкое, вязкое, в массу».

Грамматическое значение редуцированного варианта – выражение локализации действия и его направление, ориентированного от локализации действия - элативное (абитивное, центробежное) направление. Он не образует статической формы. Данный вариант преверба сочетается с глагольными основами и связанными корнями, чья семантика позволяет выразить элативное направление: аҭгара «вынести, вывести из чего-то», авгара вынести, вывести сбоку чего-то», аҭрыцкьара «изнутри вычистить», аҵԥраара «снизу вылететь», алшәара «из чего-то выпасть», аҭыҧхаара «из чего-то светиться».

Однако необходимо отметить, что аблаутное чередование гласного а преверба не дает соотносительных пар, которые, имея одну основу, противопоставлялись бы по противоположным направлениям. Исключение составляют лишь несколько глаголов: аҭацалара «загнать (скот) в огороженное место» - аҭцара «выгнать (скот) из огороженного места», аҭашәара «упасть (о мелком предмете) во что-то» - аҭшәара «выпасть из-под чего-то», аҭажьра «бросить что-то (в яму, в сосуд)» - аҭыжьра «выпустить из чего-то». Варианты превербов сочетаются с разными глагольными основами и связанными корнями: а - ҭа - га - ла - ра «внести во что-то» - а - ҭ - га - ра «вынести из чего-то», а - ҭа -ҵа - ра «положить во что-то» - а - ҭы - х - ра «вынести, вытащить из чего-то», ашь - ҭа - ла - ра «ложиться» - ашь - ҭы -ҵ-ра «подняться».

Грамматическое значение варианта с гласным исходом шире, чем грамматическое значение редуцированного варианта, а следовательно, и словообразовательные возможности варианта с исходом на а шире, чем у редуцированного варианта.

Локальные превербы. представленные согласной фонемой или с согласным исходом, функционируют без вариантов. Их грамматическое значение фиксирует лишь место действия и состояния. В отличии от превербов, реализующихся в вариантах, они не выражают направление действия. На направление действия указывает лексическая семантика мотивированной основы глагола. Изложенные грамматические значения позволяют превербам:

а) стать основам статических глаголов: қә: иқәуп «то (в.) находится на поверхности, на плоскости», н: иануп «то (в.) находится (на тарелке, листе...)»;

б) сочетаться с основой динамических глаголов, не завися от указанного в основе направления: ақәтәара «сесть на что-л. плоское», ақәгара «убрать, снести с чего-то плоского», ақәҟьара «слететь с чего-то плоского», адгылара «пристать к чему-то вертикальному», адҵара «приложить к чему-то вертикальному, плоскому», но здхра «снять с чего-то вертикального, плоского».

Словообразовательные возможности всех превербов-основ значительно расширены за счет использования группы морфем, которые как деривационный формант сочетаются лишь с превербами подобного плана. Их четыре -ла, ҵ, ҵа, х. Данная четверка морфем впервые была выделена профессором К. В. Ломтатидзе. Ею были выявлены и их особенности. Подобно связанным корням, перечисленные морфемы лексемы самостоятельно не образуют. Однако связанные корни обладают лексической семантикой и довольнотаки конкретной, чего нельзя сказать о четверке морфем. Их семантика очень абстрактная и она проявляется лишь в сочетании с локальными превербами. Данная четверка отличается от связанных корней еще и тем, что она помимо словообразовательной функции выполняет и ряд грамматических функций. В зависимости от исполняемой ими грамматической функции морфемы группируются в пары. Так, пара ҵа, х в сочетании с превербом-основой образует переходный глагол, пара ла, ҵ - непереходный глагол. Другая комбинация пар, построенная с учетом исхода морфем, ла. ца вносит в производную основу значение иллативного направления, пара ҵ, х - элативного направления. Пара ла, ҵ образует глаголы с семантикой движения, пара ҵа, х - с семантикой действия. Учитывая то, что данная четверка морфем, с одной стороны, является деривационным формантом, с другой стороны, реляционным формантом, а также их абстрактную семантику и частотность использования, в специальной литературе, как было сказано выше, они получили название корне-суффиксов (К В. Ломтатидзе).

Исполняемые корне-суффиксами грамматические функции можно изобразить в виде следующей схемы.

	Иллативное направление	Элативное направление	
Непереходные глаголы	ла	ҵ	Глаголы движения
Переходные глаголы	ҵа	х	Глаголы действия

Итак, корне-суффиксы ла, ҵ образуют синонимическую пару непереходных глаголов, корне-суффиксы ҵа, х – синонимическую пару переходных глаголов. Синонимы в паре противопоставляются лишь по выражаемыми ими направлениями: лексемы с корне-суффиксами ла, ҵа выражают направление к месту действия (иллативное направление), лексемы с корне-суффиксами ҵ, х – от места действия (элативное направление). И тем не менее их считать словоформами одной лексемы нельзя, т. к. основы у них разные:

алалара: далалеит «он (ч.) вошел во что-то (топкое, вязкое)».

алаҵара: иалеиҵеит «то (в.) он внес во что-то (топкое, вязкое, в массу...)».

- алҵра: далҵит «он (ч.) вышел из чего-то (топкого, вязкого...)».

- алхра: иалихит «то (в.) он вынес, выбрал из чего-то (топкого, вязкого из массы)».

Почти все превербы-основы в состоянии сочетаться с каждым из четверки корне-суффиксов. Встречающиеся ограничения вызваны их лексико-грамматическими значениями: сочетающиеся морфемы должны обладать лексиче-

ской совместимостью и грамматическим соответствием. Ввиду того, что в грамматическом значении превербов, представленных согласной фонемой или с согласным исходом, нет указаний на направление действия, они могут соединяться со всеми корне-суффиксами. Локативные превербы, реализующиеся в вариантах, также могут сочетаться со всеми корне-суффиксами. Однако сочетаемость вариантов с корне-суффиксами дифференцирована, что обусловлено грамматическим значением сочетаемых морфем. Грамматические значения вариантов должны соответствовать грамматическим значениям корне-суффиксов. Поэтому вариант с значением иллативного направления сочетается с корне-суффиксом аналогичного направления, и вариант с элативным направлением - с корне-суффиксом соответствующего направления, т. е. вариант с исходом на а сочетается с корне-суффиксом. имеющим гласный исход, и, наоборот, вариант с исходом без а - с корне-суффиксом, представленный согласной фонемой. В данных образованиях аблаутное чередование гласных исходов сопряженных морфем выступает как средство выражения противоположных направлений.

Непереходные глаголы

превербы	корне-суффикс	
ҭа	ла:	аҭалара: сҭалеит «я вошел во что-то (глубокое, огороженное...)».
ҭы // ҭы	ц:	аҭыцра: сҭыцит «я вышел из чего-то (глубокого, огороженного...)».
ҵа	ла:	аҵалара; сыҵалеит «я полез, вошел под что-то».
ҵ // ҵы	ц:	аҵцра: сыҵцит «я вышел, вылез из-под чего-то».
ва	ла:	авалара: савалеит «я прошел сбоку чего-то».
в // вы	х:	авхра: иавысхит «то (в.) я снял, вытянул сбока чего-то».
қә:	ҵа:	ақәҵара; иақәсҵеит «то (в.) я положил поверх чего-то».
	х:	ақәхра: иақәсхит «то (в.) я убрал, снял с поверхности чего-то».
в // вы	ц:	авцра: савцит «я вышел сбоку чего-то».
қә	ла:	ақәлара: дықәлеит «он (ч.) пошел по чему-то (плоскому), поднялся поверх чего-то».
	ц:	ақәцра: дықәцит «он (ч.) сошел с чего-то (плоского)».
д	ла:	адлара: иадлеит «то (в.) присоединилось, пошло по чему-то вертикальному»
	ц:	адцра: иадцит «то (в.) отошло от чего-то вертикального».
н	ла:	анылара: ианылеит «то (в.) пошло по чему-то плоскому (типа тарелки, дороги)».
	ц:	аныцра: ианыцит «то (в.) сошло с чего-то плоского (с тарелки...)».

Переходные глаголы

превербы	корне суфикс	
ҭа	ҵа:	аҭаҵара: итасҵеит «то (в.) я вложил во что-то (глубокое, огороженное...)».
ҭ // ҭы	х:	аҭыхра: иҭысхит «то (в.) я вытащил, вывел из чего-то (глубокого, огороженного...)».

ҵа	ҵа:	аҵаҵара: иаҵасцеит «то (в.) я положил под что-то».
ҵ // ҵы	х:	аҵхра: иаҵсхит «я то (в.) вытащил из-под чего-то».
ва	ҵа:	аваҵара: иавасҵеит «то (в.)я приложил к боку чего-то»
(в) вы	х	авхра: иавысхит «то (в) я вытянул с боку чего-то»
д	ҵа:	адҵара: иадысҵеит «то (в.) я приложил к чему-то (вертикальному)».
	х:	адхра: иадысхит «то (в.) я снял с чего-то (вертикального)»
н	ҵа:	анҵара: ианысҵеит «то (в.) я положил на что-то плоское (тарелку, лист, доску...)».
	х:	аныхра: ианысхит «то (в.) я убрал,снял, забрал с чего-то плоского (с тарелки, с листа, с доски...)».

Как было сказано выше, локальные превербы, представленные согласным или с согласным исходом, не обладают функцией выражения направления действия. На направление действия указывает семантика производящей основы: иқәсыргылеит «то (в.) я поставил на что-то плоское», иқәылгеит «то (в.) она убрала с чего-то плоского», иадҷаблеит «то (в.) приклеилась к чему-то», иадҟьеит «то (в.) с чего-то отлетело». Однако языку понадобились иллативное и элативное значения выразить формально, и он использовал аблаутное чередование превербов с гласным исходом, образовав варианты - вариант с гласным исходом а и вариант с исходом на ы или с нулевой огласовкой. Выбор варианта опять диктует лексическая семантика производящей основы (даҵагылеит «он (ч.) под что-то встал, но не даҵгылеит). В абхазском и абазинском языках лишь несколько глаголов, в которых локальный преверб посредством чередования исходного гласного а выражает самостоятельно противоположные направления (об этом выше). В образованиях модели локальный преверб с согласным исходом + корне-суффикс направление определяет корне-суффикс, а в модели локальный преверб с гласным исходом + корне-суффикс - они совместно. Как видим, ни одно из этих средств не является универсальным, способным охватить все многообразие глагольных основ, а также одну и ту же основу противопоставить по противоположным направлениям.

Учитывая несостоятельность части локальных превербов, не имеющих гласного исхода, выразить направление, логично заключить, что данная функция для всех локальных превербов не является основной. Основное назначение их - выражение локализации действия и состояния.

В качестве специального выразителя направления действия по отношению к его локализации язык стал использовать два суффикса -ла, аа[1].

Суффиксы аа, ла присоединяются только к превербным основам глагола. Однако надо отметить, что они охватывают лишь незначительную часть основ подобной модели. Суффикс ла выражает иллативное направление, суффикс аа - элативное направление по отношению к локализации действия. Присоединяются они к основам, в которых превербы выражают соответствующие им направления. Так, суффикс ла реализуется в основах глаголов, в которых преверб также указывает на иллативное направление, т. е. вариант превербов с исходом на гласный а: аѡнагалара: иѡнаргалеит «то (в.) они внесли в дом», аѡнажьлара: дыѡнарыжьлеит «его (ч.) они впустили в дом», аѡнацалара: иѡнеицалеит «то (скот, птицу) он загнал в помещение», аҕраҧалара: даҕраҧалеит «он (ч.) на что-то наступил», аҭагалара: иҭаигалеит «то (в.) он ввел во что-то огороженное», то (урожай) он собрал», аҭархәылара: иҭаирхәылеит «то (о глазах)

[1]Ломтатидзе К. В. К структуре сложносоставных глагольных основ в абхазском языке. ИКЯ, т. IV. Тб., 1953.

он прищурил, нахмурился», азаакылара: изааикылеит «то (в.) опустил в воду».

Суффикс аа присоединяется к основам, в которых локальный преверб указывает на элативное направление – редуцированный вариант преверба: аҩалԥраара: иҩалԥрааит «то (птица) вылетела из чего-то», аҭыԥҳаара: иҭыԥхаауеит «то (в.) изнутри светится», аҭыжаара: иҭыржаауеит «то (яму) они роют», алкаара: иаликаауеит «то (в.) он из чего-то выделяет», аҭыфаара: иҭифаауеит «то (в.) (середину чего-то) он съедает».

Направительные суффиксы ла, аа также присоединяются к основам глаголов, в которых локальный преверб не выражает направления - это превербы, представленные согласным или с согласным исходом. В этих образованиях они являются единственными выразителями направления. Присоединяются они чаще всего к таким превербным глаголам, в которых лексическое значение производящей основы не содержит каких-либо указаний на направление: адныҳәалара: иудысныҳәалоит «тем я тебя поздравляю», адгьхьалара: ирыдигьхьалеит «к чему-то он их пригласил», адҳәалара: иадиҳәалеит «то (в.) он к чему-то привязал», анҭәалара: ианиҭәалеит «то (в.) он налил во что-то плоское», акыдҷаблара: икыдирҷаблеит «то (в.) он к чему-то плоскому приклеил», адԥраара: иадԥрааит «то (птица...) от чего-то вылетело».

Правомерно предположить, что именно эти превербные образования обусловили появление новых выразителей направления. Затем по аналогии суффиксы ла, да стал присоединяться к образованиям, превербы которых выражают направление.

В основу превербного глагола модели локальный преверб + корне-суффикс не вводится направительный суффикс. Это можно объяснить тем, что корне-суффикс очень четко указывает на направление. На направление указывают и варианты локального преверба с гласным исходом. У языка нет необходимости вводить в основу функционального дублера.

Суффиксы ла, аа не вносят в основу каких-либо лексических изменений или дополнений. Это морфологические выразители направления, которые совместно с локальными превербами формируют основу.

Процесс формирования превербных основ посредством суффиксов аа, ла явление позднее (К. В. Ломтатидзе). Он относится к проабхазско-абазинскому единству, о чем свидетельствуют суффиксы г|а (→ аа), ла, используемые абазинским языком в аналогичной функции[1]. Сфера их использования узка. Какова же перспектива данных суффиксов пока не ясна.

Локальные превербы сочетаются также с суффиксом ха, означающий «застрять, задержаться» с оттенком непроизвольности, вне воли деятеля. Р. Н. Клычев в работе «Локально-превербное образование глаголов абазинского языка» дает перечень всех абазинских локальных превербов, с которыми сочетается суффикс ха[1].

В абхазском языке данный суффикс присоединяется почти ко всем локальным превербам, которые могут стать основой статических глаголов: ҩна: дыҩнахеит «он (ч.) задержался в доме», д: иадхалеит «то (в.) пристало, задержалось на чем-то вертикально плоском», ҭа: иҭахеит «то (в.) застряло в чем-то», ҵа: иаҵахеит «то (в.) застряло, придавило под чем-то», даҵахеит, перен. «проиграл».

Внутри локальных превербов можно произвести классификацию, положив в основу способность преверба вводить в глагольную основу показатель косвенного объекта. Монографическое исследование К. В. Ломтатидзе «Основные виды локальных превербов и их оформление в абхазском и абазинском языках»[2] показало, что с позиции возможности введения в глагольную основу показателя косвенного объекта все локальные превербы можно разбить на две группы

[1]Клычев Р. Н. Локально-превербные образования глаголов абазинского языка, 1994, с. 76 - 79.

[2]Ломтатидзе К. В. Основные виды локальных превербов в абхазском и абазинском языках. Тб., 1982, с. 90.

- локальные превербы, реализующиеся в основе глагола без показателя косвенного объекта, локальные превербы, реализующиеся в основе глагола с показателем косвенного объекта.

Семантика первой группы локальных превербов, как отмечает К. В. Ломтатидзе, в основном носит более конкретный характер, посредством их образуются новые конкретные глагольные основы с минимальной степенью обобщения локальной функции преверба. Они не нуждаются в каких-либо других конкретизациях, включении каких-либо новых личных показателей в глагольную форму, напр.: ҩны: дыҩноуп «он (ч.) находится в доме», ҽҳәа: дыҽҳәатәоуп «он (ч.) сидит перед очагом», гара: дгароуп «он (ч.) в люльке находится», и др. Но в эту же группу входят и локальные превербы с абстрактным значением: кыд: дкыдлеит «он (ч.) полез, пошел по вертикали», ҭа: дҭоуп «он (ч.) находится внутри, в чем-то глубоком, огороженном». Некоторые превербы этой группы могут выступить с показателем косвенного объекта в III лице множественного числа, если соотносящееся с ним имя выражает множественное число, или же с относительно-местоименным показателем з'. аҩнқәа зегьы ҳ-ры-ҩналон «мы заходили во все дома», д - з - ыҩ-наз «то, в котором он находился, жил», ашкол дҭоуп «он (ч.) в школе находится, учится» - ашколқәа дырҭоуп «он (ч.) находится, учится в (различных) школах», ды - з - ҭоу «то, в котором он находится, учится».

Во вторую группу входят превербы с абстрактной семантикой, а также превербы, обозначающие части тела. С введением их в глагольную основу количество личных показателей увеличивается на одно лицо за счет показателя косвенного объекта: мҵа: ирымцасыҧсеит «то (в.) я перед ними рассыпал», шьа: исышьалҵеит «то (в.) она на мою ногу надела», мҷа: исымҷалҵеит «тем (в.) она меня опоясала».

Часть из этих превербов в одной и той же глагольной основе может реализоваться то с показателем косвенного объекта, то без показателя косвенного объекта. Такое противопоставление превербов происходит лишь тогда, когда

объект, на что указывает семантика локального преверба, представлен в единственном числе класса вещей, в глагольной основе он должен был быть представлен формантом а. На уровне I и II лица единственного и множественного числа, а также III лица множественного числа противопоставление не существует: аҵла дықәуп «он (ч.) на дереве» - аҵлақәа ирықәуп «они на деревьях». По мнению К. В. Ломтатидзе, отсутствие показателя III лица класса вещей а вызвано не фонетическим процессом, а морфологическим. В абхазском и абазинском языках личный аффикс а не подвергается процессу перехода а > ы (Ø), «...такое объяснение (на фонетической основе) вышерассмотренного факта исключается и потому, пишет она, что именно в III лице категория вещей находит отражение морфологическое противопоставление определенной, конкретной формы и неопределенной, абстрактной формы глагольного образования с локальным превербом (все остальные лица – только конкретные)»[1]. Иначе говоря, если локальный преверб входит в отношение с конкретным лицом и выступает в функции послелога, то в глагольной основе преверб представлен с личным показателем косвенного объекта, а если же локальный преверб выступает в абстрактном, наречном значении, а отсутствует, сравните.

амаҵура д - а - лҵит - «он оставил службу».	- абна ды - лҵит он вышел из лесу».
ауардын д - а - қә - ҵуеит «слезает с арбы».	- уаҵәы ды - қә - ҵуеит «завтра отправляется».

В рассмотренных превербах можно выделить группу, которая, сочетаясь с корне-суффиксами, может выразить действие, распространяющееся на самого субъекта-деятеля, иначе говоря, может выразить семантику субъектной версии. При выражении указанной семантики показатель косвенного объекта совпадает с показателем субъекта, показатель косвенного объекта приобретает значение притяжательности. Основная масса этих превербов восходит к словам,

[1]Примеры взяты из монографии К. В. Ломтатидзе.

означающим части тела: шьа - корень слова ашьапы «нога»: исышьасцоит «то (в.) я надеваю на свою ногу», исхасцоит «то (в.) я надеваю на свою голову», исы-васцоит «то (в.) я подкладываю к своему боку» (К. В. Ломтатидзе).

В функции субъектной версии могут выступить и некоторые превербы с абстрактной семантикой: қә: исықәысцоит «тем (в.) я себя накрыл», ҵа: исыҵасцеит «ту (в.) я под себя постелил», д: исыдысцеит «то (в.) я к себе приложил», (см. раздел «Версионные образования»).

В глаголах, где нет показателя косвенного объекта (одноличные и двухличные переходные) с введением локального преверба, реализующегося с показателем косвенного объекта, как было сказано выше, косвенный объект появляется, трансформируя одноличный глагол в двухличный, двухличный - в трехличный: стәоит «я сажусь» - с-и-дтәалоит «я рядом сажусь», с-гылоит «я встаю» - с-и-вагылоит «я рядом (сбоку) с ним встаю».

В глаголах с показателем косвенного объекта локальный преверб или совсем вытесняет его - это бывает в том случае, когда преверб реализуется без показателя косвенного объекта: д-и-сит «он (ч.) его ударил», но иқьышә дҭасит «он по его губам ударил», д-и-ацәажәоит «он с ним говорит» - д-ҭацәажәоит «он во что-то говорит», или изменяет его функцию: показатель лица приобретает посессивное значение: д - и - сит «он его ударил» - д -и -ҿа -сит «он ударил по его лицу».

Как видим, заняв позицию косвенного объекта, локальный преверб тем самым уменьшил валентность мотивированной основы..

Анализ фактического материала позволил К. В. Ломтатидзе выявить еще один морфологический формант, который сопровождает локальный преверб - это подударный ы, восходящий к а' →* йа'. Гласный ы́ становится за показателем косвенного объекта, перед локальным превербом: аҵаа с - ы́ - ҵа - ҧеит «лед подо мной сломался», ауал бы - ы́ - қәы - бҵеит «возложила на себя долг», ахәыҷы иан д - лы́ - ва - гылеит «ребенок встал рядом с матерью». Подударный ы в соседстве с личным показателем III лица единственного числа класса вещей а редуцируется из-за несовместимости двух гласных, ударение же перемещается на гласный а́: д -а́- ҵа - леит → * да - ы́- ҵа - леит «он (ч.) под низ чего-то зашел, залез», срав. сд - ры́ - ҵа -леит «он (ч.) под низ чего-то (во множ. числе) залез, зашел». Выясняется, что этот подударный ы́ встречается и в тех образованиях, в которых локативный преверб реализуется без показателя косвенного объекта: ацла д - ы́ - қә -леит «он (ч.) залез на дерево», ииарҵа д - ы́ - лоуп «он (ч.) лежит в своей постели». Этот ы́ сохраняется и в том случае, когда перед ним в определенных условиях выпадает личный показатель и: акәара ацҳа ы́ - қәы - рцеит «через речку проложили мост», абгахәҷы акәыҵқәа ы́ - қә - нахуан «шакалы кур уничтожали».

В монографии приведены и такие примеры, в которых подударный ы́ не появляется: акәара ҭабеит «река засохла», алаба шьҭаицеит «он положил палку».

Какую же функцию выполнял гласный ы́? По предположению К. В. Ломтатидзе,ы́ выполнял функцию послелогов и наречий. «Его можно было считать, пишет она, «наречно-падежной» морфемой, функция которой приближается к функциям «дательно-обстоятельного» падежа (возможно и генетивно-инструментального)»[1].

Другой, не менее важной, грамматической функцией превербов-основ является то, что они в конструировании предложения принимают активное участие.

Как известно, имя в абхазском языке не склоняется. Субъектно-объектные отношения выражаются посредством двух рядов личных показателей и их расположением в глагольной основе. Первую позицию занимают личные показатели, условно названные рядом «Д», вторую и третью позиции - личные показатели ряда «Л». Личными показателями

[1]Ломтатидзе К. В. Основные виды локальных превербов и их оформление в абхазском и абазинском языках. Тб., 1982, с. 95.

ряда «Д» выражается субъект непереходного глагола или прямой объект переходного глагола, личными показателями ряда «Л» - косвенный объект или субъект переходного глагола[1].

Связь глагола-сказуемого с его распространителями может осуществляться также посредством послелогов. Однако сфера использования послелогов ограничена. Так, послелоги не присоединяются к именам, входящих в конструктивное ядро предложения, т. е. ни подлежащее, ни личноотносительные дополнения как прямое (ближайшее), так и косвенное не терпят возле себя послелога[2].

Уи амҩоа па атуристцәа и - р - ымҩоуп (Д. Гә). «Та узкая дорога является дорогой туристов». Саб саашьҭыхны ауардын ахәда (сара) с - ны - қәи - ртәеит, ҷынла акамбашьқәа с - на - рысуеит (Б. Шь.). «Мой отец поднял меня и посадил на арбу, прутью бью по буйволам».

Послелог может сопровождать лишь простое дополнение, т. е. дополнение, которое связано с глаголом примыканием, а не личным показателем, а также обстоятельства:

Амашьынақәа рыла ҳцеит. «Мы поехали на машинах». Сызҕаб лзы иаасхәеит аҵкы «Я для своей дочки купила платье». Ашкол ахь сцеит «Я пошел в школу».

Послеложное оформление не получают и те личноотносительные косвенные дополнения, чьи соответствия в виде локальных превербов представлены в глагольной основе или являются самостоятельными основами статических глаголов. Имя в этих случаях связано с глаголом не только личным показателем косвенного объекта, но и превербом. Преверб-основа накладывает на имя локальную семантику, имя тем самым как бы выступает в объектно-обстоятельственном значении:

[1]Ломтатидзе К. В. Относительное местоимение в глагольных формах абхазского языка. - Сообщение АН ГССР, №4. Тб., 1942; Она же. Бессубъектные формы абхазского переходного глагола. ИКЯ. Т.Н 1948.

[2]Чкадуа Л. П. К вопросу о некоторых обстоятельственных распространителях в абхазском языке. Известия АБИЯЛИ . XVIII 1992.

Мыса акамбашь иҧиртлаз ааида и-а-ван (С. Ҷ.). «Буйвол, которого Мыса распряг, находился вдоль забора». Сабду ижакьа ҽеиҭ игәыдҽеала, уара д-у-мҵа-тәа, аткьац ирҷалон (Б. Шь.) «Мой дед, с огромной бородой, сидя перед тобой, расщеплял прутья». Аҭаҳмада дгәагәо амарда д-а-ҷан (Б. Шь.). «Старик с трудом поднимался по подъему». Дахьааиз, ачыс-мысқәа апап ды-р-хоушәа аниба, даара игәы ааиҵанакит (С. Ҷ.). «Куда он пришел и когда он увидел, что над едой стоит поп, то очень расстроился». Алыгажә дҩеихан, автомобиль иҭатәаз дна-и-ва-тҽеит. «Старик поднялся и сел рядом с сидящим в автомобиле».

За именем объектно-обстоятельственная семантика сохраняется и в том случае, когда соответствующий ему преверб в основе глагола реализуется без показания косвенного объекта. Из этих двух значений ведущим является обстоятельственное (локальное) значение. Однако и объектная семантика не менее значима: она не позволяет имени (за редким исключением и то, как нам кажется, под влиянием русского языка) оформиться послелогами:

Агәара д-ҩы-қә-ҧалан, ибжьы неиргеит (С. Ҷ.). «Он вскочил на забор и закричал». Уи дынхылт азыхь дызсо (Б. ШьҬ. «Он плавал по верх холодной воды». Хьыкәыҷ кыраамҭа дахәаҕьшуа дгылан. Нас лнапы данааха, аҳәынҵәраҧшь абарҵа ин-ҵәы-ҵа-кәрит (С. Ҷ.). «Хикуч долго смотря, стояла. Затем, когда она подняла руку, красногрудка залетела под балкон». Акьарахә ласымпыҵҟьан, алҩоа ахылыббы ашьацра ина-ла-ҳаит (Б. Шь.). «У меня выскользнул кремневый пистолет, исходя дымом, упал на траву». Хьыкәыҷ аҩнаҧссара даналга, заагара ҳәа аҧхал аашьҭыхны амзырха дныкәлеит (С. Ҷ.). «Хикуч, когда закончила подметать, подняла кувшин, чтоб пойти за водой, пошла по двору». (Ҭемыр) агәара длахыҧан, амхы дыл-ҭа-ҧалт (С. Ҷ.). «Темыр перепрыгнул забор и вошел в ниву».

Послеложное оформление не получают и такие имена, чьи соответствия в виде локальных превербов представлены в глаголах то с показателем косвенного объекта, то без показателя косвенного объекта.

С косвенным объектом

Ашьа ицаша ада и-а-лагылом (послов.) «Кровь, которя должна вытечь, в вене не удержится».

Узышьцыло ауаҩы пату (и)-и-қәым (послов.) «Тот, к кому привык, не имеет уважения (на нем нет уважения)».

Аҽеы акәадыр (и)- а - қә - ухит. «Ты с коня снял седло».

Без косвенного объекта

Зыцәгьа уҳәо ушә ды- лагылоуп (послов.) «О ком говоришь плохое, у твоего порога стоит».

Ауаҩ ҟәыш игәы иҭоу ауаҩ иашьу ибз и - қәуп (послов.) «Что у умного на душе, то у пьяного на языке».

Ужәҩа и-қә-ухит учин-қәа (Б. Шь.). «Со своих плеч ты снял чины (погоны)».

Объектная семантика вновь становится доминирующей, когда в этих же глагольных основах появляется показатель лица косвенного объекта, а появление его обусловлено именем, оформленным множественным числом. Ср.:

Ахәыҷы ашкол д - ҭоуп «Дитя в школе, учится в школе».

Ахәыҷқәа ашколқәа и - р-ҭоуп «Дети в школах находятся, учатся».

Естественно, встает вопрос о квалификации имени, семантически связанного с локальным превербом основы глагола, на синтаксическом уровне - является ли оно личноотносительным косвенным дополнением, или это обстоятельственный распространитель, не входящий в ядро предложения.

Лексическая семантика большинства глаголов с локальными превербами не позволяет им самостоятельно употребляться: возле них обязательны распространители, обеспечивающие предложение полнотой информации. В данном случае имеются в виду такие образования, в которых локальный преверб выступает в своей основной функции - выражение место нахождения и место действия, а не в десемантезированном варианте. Эти распространители в семантическом плане являются необходимыми членами предложения:

Ҭемыр ашәхымс дын - хы - ҵын, абарҵа дны - ҵ - ҵын, адәы зазаха дны - қә - леит (С. Ҷ.). «Темыр перешел порог, вышел из-под балкона, пошел по покрытому росой двору». Сравни: Ҭемыр ... дынхыҵын, ...дныҵҵын, ... дыҟәлеит. Семантическая дефективность последнего обусловлено тем, что опущены имена, соотносящиеся с локальными превербами в основе глаголов. Такими соотносящимися элементами являются для слова ашәхымс «порог» х в дын - хы - ҵын «он (ч.) пошел через верх чего-л.», абарҵа «балкон» ҵ в дныҵҵын «он (ч.) вышел из-под чего-л.», адәы «двор», «поле» қә в дны - қә - леит «он (ч.) пошел по чем-то».

Аналогичная связь наблюдается и в нижеприведенных примерах.

Рымҩа хыҵырҭаҿы иаанеи, (амашьына) иҩа - ны - ҵын, игыды-мыдуа аккара ины - ҵа -лт (С. Ҷ.). «Когда они подошли к их повороту, они сошли с машины, пошатываясь, вошли в рощу». Иҧҳәыс илҳәаз агәхьаа мкыкәа, ихаҵарҧыс хәыҷы дҩы - шьҭи - ҧаан, дааиҩыҵракны, амца дууаза дла -хы -ҧеит (С. Ҷ.). «Не обращая внимание на то, что сказала его жена, подхватил своего маленького сына, взяв его подмышки, перепрыгнул через пламя». Агәара дҩы - қә -ҧалан, ибжьы ҭиргеит (С. Ҷ.). «Вспрыгнул на забор и закричал». Агәара данын - хы - ҵ, даахьаҳәын, дмакарны иҿынеихеит (С. Ҷ.). «Перейдя забор, обернувшись, грозясь, направился». Апап иҧаҵа далаччо, абазқәа, Елырныха иамҵарҵаз, иҵьыба ду ахьхьаҳәа ин - ҭеи - ҧсан, ауахәама аркны дындәылҵит (С. Ҷ.). «Поп, смеясь в ус, копейки (двадцатикопеечные), положенные внизу Илорской иконы, положил в свой большой карман и, закрыв церковь, вышел». Уи аамҵазы Ҳабашь иеигәышә ишьҭахь имаҟа инавҵеиҵан, дуууаза дҩаҧан, ахьаца амахә длахьынҳалт, нас ишьапқәа ахьаца и - кы - дырсланы дҩеихан, иикыз амахә длықәгыланы иҿыҩеиҵихит (С. Ҷ.). «В тот момент Хабащ свой топор заложил за пояс, прыгнув, зацепился за ветку граба, затем, ногами опираясь на граб, встав на ветку, которую держал, выправился».

Как видим, налицо тесная связь имен, выступающих в

значении пространственных распространителей, с глагольными образованиями, в основе которых представлен локативный преверб. Роль их в конструировании семантики всего предложения такая же, как и подлежащего, а также личноотносительных дополнений. Подобно им отсутствие пространственного распространителя делает предложение в семантическом плане неполным, дефектным. Более того, дефектность такого предложения более ощутима, чем предложения с опущенным подлежащим или личноотносительным дополнением. Это обусловлено тем, что отсутствие подлежащего или личноотносительного дополнения компенсируется личными показателями в глаголе, которые несут более конкретную семантику, указывая на их лицо, число и класс. Менее конкретной семантикой обладают локальные превербы, и потому отсутствие члена предложения, соотносящегося с ним, более ощутимо.

Сравните: Сара ашкол сҭоуп «Я нахожусь, учусь в школе» - ...ашкол сҭоуп «... в школе я нахожусь, учусь» и сэра ... сҭоуп «я ... нахожусь».

Что касается синтаксической связи, возникающей между именем с дополнительно-обстоятельственным значением и глаголом, в основе которого представлен локальный преверб, то тут наблюдаются расхождения, обусловленные локальным превербом. Так, связь между именем и глаголом, в основе котором представлен соответствующий имени локальный преверб с косвенным показателем, координационная[1]. Имя, появление которого обусловлено локальным превербом, находится в позиции личноотносительного косвенного дополнения и является одной из составляющих грамматическое ядро предложения.

Иная связь возникает между именем и глаголом, в котором локальный преверб представлен без показателя косвенного объекта. Эта связь примыкание. В этих случаях имя

[1]Аристава. Связь компонентов структурной основы предложения в абхазском языке. Мацне №2, 1979. Он же. Проблема простого предложения в абхазском языке. Тб. 1983.

на уровне предложения занимает позицию обстоятельства места, и оно не входит в состав конструирующего ядра предложения.

На наш взгляд, в предложении Ахәыҷы ашкол дҭоуп «Дитя находится // учится в школе» имя ашкол является обстоятельством места, а в предложении Ахәыҷқәа ашколқәа ирҭоуп «Дети находятся // учатся в школах» имя ашколқәа - личноотносительным косвенным дополнением, конструирующим ядро предложения.

Глаголы с локальными превербами, утратившими локальную семантику, в предложении часто реализованы без обстоятельственного распространителя, не внося ущерба семантике предложения:

Уи аамҭазы, акы лгэы иала, даакылҟьеит Ҭемыр иҧхәыс (С. Ҷ.). «В это время чем-то расстроенная появилась жена Темыра». Махаз даара ибзиазаны дықәгылеит «Махаз очень хорошо выступил».

Основным назначением локального преверба является выражение локализации действия и состояния. Надо полагать, что изначально превербы использовались лишь в роли определителей локализации действия. Для выражения направления в языке существовали другие превербы, которые и сегодня функционируют - аа, на, ла, ԝа. С течением времени язык стал использовать локальные превербы и для выражения направления действия с проекцией, отличающейся от направительных превербов. Если направительные превербы в основном указывали на направление действия, отталкиваясь от говорящего, то локальные превербы проецируют действие на его локализацию или от его локализации. Для выражения дифференциальных направлений язык использует фонетический процесс - чередование гласного **а** с ы или нулевой огласовкой исхода преверба. Положение о первичности функции локализации действия подтверждается адыгскими и убыхским языками. В этих языках локальные превербы лишь указывают на локализацию действия.

А между тем, и адыгские глаголы сигнализируют направление действия, которое также связано с локальным

превербом: только превербные глаголы указывают на направление и это обусловлено введением преверба в глагольную основу. Подобно абхазскому и абазинскому языкам средством выражения противоположных направлений является аблаутное чередование, но только не преверба, а корневой морфемы (производящей основы). Сходство между абхазско-абазинским и адыгскими языками проявляется еще и в том, что все эти языки одинаково отражают противоположные направления: иллативное (абитивное, центростремительное) направление выражают основы с конечным гласным а или э, элативное (абитивное, центробежное) направление - основы с конечным гласным ы или с нулевой огласовкой.

Псым хедзэ «бросает в воду» - псым хедзы «бросает из воды».

Шыхэр щагум дищагьэх «он завел лошадей во двор».

Шыхэр щагум дищыгьых «он вывел лошадей со двора»[1].

Несмотря на то, что выражение направление действия обусловлено локальным превербом, эти две функции - локализации действия и направление действия - в адыгских языках четко разграничены: первая функция связана с локальным превербом, вторая функция - с аблаутом конечной гласной производящей основы. Относительно первичности одной из этих функций З. Ю. Кумахова и М. А. Кумахов пишут: «Существование общей модели аблаутного чередования в превербных основах абхазско-адыгских языков не подтверждается данными сравнительной реконструкции. Отсюда, естественно, следует вывод о вторичности аблаута в превербных основах[2]». Расхождение в распределении функции дифференциального выражения разных направлений, наблюдаемое между абхазско-абазинскими и адыгскими языками, позволяет заключить о его возникновении после распада абхазско-адыгского языкового единства.

[1] Примеры взяты из Грамматики адыгейского языках Г. В. Рогава и З. Н. Керашевой. Краснодар. 1966.

[2] Кумахов З.Ю., Кумахов М.А. О превербах и превербных основах в абхазско-адыгских языках. Система превербов и послелогов в иберийско-кавказских языках. Черкесск. 1983. с. 20.

Аблаутное чередование в локальных превербах абхазского и абазинского языков как средство выражения противоположных направлений возникло на почве абхазско-абазинского языкового единства, аблаутное чередование корневой морфемы - в период адыгейской и кабардино-черкесской языковой общности (З. Ю. Кумахова, М. А. Кумахов).

Процесс образования глагольных основ посредством локальных превербов очень древний. Истоки его можно отнести к проабхазско-адыгскому хронологическому периоду. Об этом свидетельствуют превербы, демонстрирующие материальную и функциональную общность почти по всем абхазско-адыгским языкам[1]. Среди них можно выделить превербы абхазско-адыгского уровня, которые сохранились в активном фонде действующих локальных превербов данных языков. Напр.:

Абхазское	Адыгское	
шьа	лъэ (l'ă)	нога
ха //х	шъхьэ (s hă)	голова
гәы	гуэ (g°ă)	сердце
ҵа	ч1э (čʏă)	дно
ҿа	ЖЭ (žʏă)	рот

Список материально общих превербов можно на много увеличить за счет тех, в семантике которых в процессе развития абхазско-адыгских языков произошли сдвиги.

[1]Керашева З. Н., Чкадуа Л. Н.. Направительные превербы и суффиксы в абхазско-адыгских языках. Система превербов и послело-Ю1» в иберийско-кавказских языках. Черкесск, 1983: Они же: О взаимоотношении и взаимосвязи некоторых несамостоятельных глагольных корней с локативными превербами. Арнольд Чикобава (сборник, посвященный 80-летию со дня рождения). Тб., 1979.

После распада западно-кавказского языка-основы общая линия развития словообразования посредством локальных превербов продолжается, приобретая дополнительные функции, которые в абхазском и абазинском языках, с одной стороны, в адыгских и убыхском, с другой стороны, проявляются по-разному. Каждый язык стал по-своему реализовывать эту общую линию. Наряду со специфичными для каждого языка явлениями, существуют и параллельные, которые, надо полагать, чаще обусловлены общей линией развития.

Основной фонд локальных превербов в абхазском и абазинском языках общий. Нет расхождений между этими языками и в плане образования статических форм, образования основ динамических глаголов и в выражении различных направлений действия. И в тоже время после распада праабхазско-абазинского языка процесс самостоятельного развития каждого из них сказался и на превербных образованиях. Появились новые превербы (особенно в абазинском языке), которые в основном производной структуры. Кроме того, одни и те же локальное значение в данных языках могут быть выражены различными превербами[1].

В настоящей работе локальные превербы описываются в основном с позиции их основообразовательных возможностей.

Преверб бжьа - бжь // бжьы[2] (Ж. Дюмезиль, с.43; Р. Н. Клычев, с. 14, 26; К. В. Ломтатидзе, с. 56, 69; П. К. Услар, с. 88; К. С. Шакрыл, с. 34-35). Преверб бжьа - бжь // бжьы генетически увязывается со словом абжьара «средний, промежуточный». Это лексическое значение остается и за превербом, указывающим на локализацию действия или состояния между кем-чем-л. Преверб в основе реализуется то с показателем косвенного объекта, то без него. Ввиду того, что семантика преверба предполагает нахождение или действие между предметами, то, естественно, косвенный объект в основном представлен множественным числом (К. В. Ломтатидзе, с. 56).

Абзиара ҳабжьоуп «Между нами (находится) любовь». Ашәарыцаԥ ахрақәа дрыбжьалеит «Охотник прошел между скалами». Акамбашьқәа агәарабжьара ибжьалеит «Буйволы прошли вдоль, между заборами».

Показателя косвенного объекта в основе не бывает в том случае, когда в предложении нет конкретных указаний, способствующих появлению показателя косвенного объекта, напр.: ибжьоуп х-километрак «расстояние в три километра» (точнее, от говорящего до объекта 3 километра)» и когда преверб бжьа - бжь // бжьы утратил локальную семантику: хышықәса бжьысит «прошло три года».

Статическая форма: ибжьоуп // ирыбжьбуп «то (в.) находится между кем-чем-л», «то (в.) находиться в состоянии хождения между кем-чем-л.».

В динамических основах глагола преверб бжьа - бжь // бжьы встречается в сочетании:

а) с четверкой корне-суффиксов

ла: абжьалара: дыбжьа́леит // дрыбжьа́леит «он (ч.) прошел между кем-чем-л.».

ц: абжьы́цра: дыбжьы́цит // дрыбжьыцит «он (ч.) вышел между кем-чем-л.».

ца: абжьацара: ибжьа́ицит // ирыбжьа́ицит «то (в.) он вложил между чем-то».

х: абжьыхра: ибжьы́ихит «то (в.) он вытащил между чем-л.».

б) с суффиксом ха: абжьахара: дыбжьахе́ит // дрыбжьахе́ит «он (ч.) застрял между кем-чем-л».

[1]Амичба С. А. О некоторых функциональных особенностях превербов и послелогов в абхазском и абазинском языках. Система превербов и послелогов в иберийско-кавказских языках, Черкесск, 1983.

[2]Превербы сопровождены ссылкой на работы: G. Dimezil Etudes comparatives sur les lancues caucasiennes du Nord-outst/p. 1932. Р.Н. Клычев Локально-превербное образование глаголов абазинского языка. Черекссk. 1994; Ломататидзе К.В. Основные виды локальных превербов и их оформление в абхазском и абазинском языках . Тбилиси. 1982; Услар П.К. Этнография Кавказа. Языкознание т.1. Абхазский язык. Тб. 1887; Шакрыл К.С. Аффиксация в абхазском языке. Сухуми, 1961г. Гублия Р. К. Превербы направления в глаголе абхазского языка. Автореферат Тб. 1971 и статьи (см. Литература).

в) со связанными глаголами корнями: абжьы́сра «пройти между кем-чем-л.», абжьа́жьра «пропустить между кем-чем-л.», а́бжьаҳара «упасть между кем-чем-л.», абжьдара́ «пронизать, пропустить между чем-л.», абжьацара́ «загнать между чем-л.».

г) с глагольными основами. Данная словообразовательная модель продуктивная, встречающиеся ограничения обусловлены лексико-семантической несовместимостью: абжьагы́лара «становиться между кем-чем-л.», абжьатәара́ «садиться между кем-чем-л.», абжьакра «удерживать между кем-чем-л.».

Акцентная характеристика у разных глаголов с превербом бжьа - бжьы // быжь различная. В модели, представляющей сочетание бжьа // бжь(ы) с одной из четверки корне-суффиксов ударным является гласный, образующий с превербом один слог: абжьа́лара - дыбжьа́леит «он (ч.) между чем-то прошел», абжьыц́ра - дыбжьыц́ит «он (ч.) вышел между чем-то». Аналогичная акцентная характеристика и у словоформ, основы которых восходят к словоформам с ударением на первом слоге: а́зра - дыз́уеит «он (ч.) теряется, потеряется» → абжьа́-зра - дыбжьа́зуеит «он (ч.) пропадет между чём-л.».

В остальных же случаях акцентные характеристики различные: преверб может перетянуть на себя ударение, напр.: акра - дырки́т «его (ч.) поймали» - а́бжьакра -дыбжьа́ркит «они его (ч.) между чем-то задержали, словили», но может и не изменить его позицию: атәара́ - дтәе́ит «он (ч.) сел»: абжьатәара -дыбжьа́тәеит «он (ч.) сел между чём-л.», агылара - дгылеит «он (ч.) встал», абжьагы́лара - дыбжьагы́леит // дрыбжьагы́леит «он (ч.) между кем-чем-л. встал».

Преверб ва // вы // в. (Р. Н. Клычев, с. 44, К. В. Ломтатидзе, с. 43, К. С. Шакрыл, с. 35-36.). Преверб ва // вы // в восходит к корню слова авара «бок» и выражает нахождение и действие сбоку или рядом с кем-чем-л. Он реализуется в сочетании с показателем косвенного объекта.

Статическая форма: иавоуп «то (в.) находится сбоку чего-л.».

В динамических глаголах преверб ва // вы // в находится в сочетании:

а) с четверкой корне-суфиксов:

ла: а́валара: да́валеит «он (ч.) пошел сбоку чего-л.».

ц: а́вцра: давцит «он (ч.) вышел сбоку чего-л.».

ца: а́вацара: иавырцеит «то (в.) они положили сбоку чего-л.».

х: авхра: иавырхит «то (в.) они вытащили сбоку чего-л.».

б) с суффиксом ха: а́вахара: да́вахеит «он (ч.) застрял между чём-л.».

в) со связанными глагольными корнями: а́ваҳара: даваҳаит «он (ч.) упал сбоку чего-л.», а́вашәара - иа́-вашәеит «то (в.) упало сбоку чего-л.».

г) с глагольными основами: а́вагылара - да́вагылеит «он (ч.) встал сбоку чего-л.», а́ваԥшра - да́ваԥшит «он (ч.) посмотрел, взглянул сбоку чего-л.».

Словообразовательная продуктивность преверба ва // вы // в очень высока.

В глагольных основах с данным превербом в масдарном оформлении подударным без исключения становится аффикс общности а, в спрягаемых же словоформах подударным становится слог, выполняющий функцию косвенного дополнения: а́вагылара - да́вагылеит «он (ч.) встал сбоку чего-л.», а́ваҳара - да́ваҳаит «он (ч.) упал сбоку чего-л.», а́вцра - да́вцит «он (ч.) вышел сбоку чего-л.», аватәара -даватәеит «он (ч.) сел сбоку чего-л.».

Статическая форма преверба ва, а также динамические образования с данным превербом дают лексемы с взаимной семантикой. Необходимо заметить, что в глагольных словоформах взаимный формант аи нейтрализует ва // вы // в в плане перетягивания ударения: иа́воуп - иеиво́уп «они на-

ходятся вплотную рядом, сбоку друг к другу», иа́вырцеит- иеиварцеит «их они сложили вместе, рядом, сбоку друг к другу», иа́вырхит - иеивы́рхит «они их разъединили», ди́ вагылеит «он (ч.) сбоку его встал» - иеивагы́леит «они встали рядом друг к другу».

Преверб вца. Редуцированный вариант ва в сочетании с локальным превербом ца образует сложный вца // вц(ы) (К. С. Шакрыл, с. 40). Данный преверб указывает на нахождение или действие под боком и снизу, в расщелине. Реализуется всегда с показателем косвенного объекта.

Статическая форма: иавцоуп «то (в.) находится в расщелине, находится сбоку и снизу чего-л.».

В динамических глаголах преверб вца // вц(ы) встречается в сочетании:

а) с корне-суффиксами:

ла: а́вцалара: иа́вцалеит «то (в.) прошло под, в расщелину».

ц: а́вцыцра: иа́вцыцит «то (ч.) вышло из расщелины».

ца: а́ваца́ра: иа́вцеицеит «то (в.) он вложил в расщелину, в бок и низ чего-л.».

х: а́вцхра: и а́вцихит «то (в.) они вытащил из рас щелины, из-под чего-то».

б) с суффиксом ха: а́вцахара: иа́вцахеит «то (в.) застряло в расщелине, то (в.) придавило».

в) со связанными глагольными корнями: а́вцаха́ра -да́ вцаха́ит «он (ч.) упал в расщелину, под что-то», авца́шәара - иа́вцашәеит «то (в.) упало, закатилось в расщелину, в край под что-л.».

г) со свободными основами: а́вцатәара - да́-вцатәеит «он (ч.) сел рядом и под чем-то», а́вцаԥьгәара -иа́-вцарыԥьгәеит «то (в.) они затолкнули в расщелину».

Основы с данным превербом образуют взаимные лексемы: иеивцоуп «они лежат вместе глубоко».

Акцентная характеристика словоформ с превербом вца // вц(ы) аналогичная образованиям с ва // в(ы): иа́воуп -иа́

вцоуп, иа́валеит - иа́вцалеит, иа́ватәеит - иа́-вцатәеит, а́ ватәара - а́вцатәара и т. д.

Преверб Г. (Р. Н. Клычев, с. 15). г не несет локальной семантики, аранжированный формантами статического глагола исыгуп означает «то (го) мне не хватает, худой (есть)». Сочетается с корне-суффиксом ха : иагхеит «то (в.) похудело», исыгхеит «то мне не хватило, я похудел», каузальная форма - агырхара: иагсырхеит «то я от чего-то уменьшил, того я чего-то лишил», агыжьра: иагижьит «то он от чего-то убавил».

Преверб гара // гар. (Р. Н. Клычев. С. 29; К. В. Ломтатидзе, с. 14). Преверб гара // гар и слово агара «люлька» одно и то же. Продуктивность преверба очень низкая и выступает он с весьма конкретным значением: выражает состояние и действие, связанное с усыплением и пеленанием ребенка, укладыванием его в люльку.

Статическая форма: дгароуп «он (ч.) находится в люльке».

Динамическая основа от преверба гара образуется присоединением корне-суффиксов:

ца: ага́рацара: дга́ралцеит «она (его) уложила в люльку».

ха: ага́рыхра: дга́рылхит «она его (ч.) взяла с люльки»,

ц: ага́рцра: дга́рцит «она (ч.) сошел с люльки, он распеленался»,

ла агарлара дгарлеит «он (ч.) улегся в люльке.

Во всех словоформах перечисленных лексем ударение падает на слог преверба.

Преверб гәа // гә (ы). (К. В. Ломтатидзе, с. 15). Семантика преверба гәа // гә (ы) узкоконкретная, означает нахождение или действие в углу чего-либо, вдоль стены. В слове агәакра «угол» гәа того же происхождения, что и преверб гәа // гә (ы). Преверб гәа реализуется в основе глагола без показателя косвенного объекта.

Статическая форма: игӷо́уп «то (в.) в углу, вдоль стены находится»

В основах динамических глаголов гӷа // гӷ (ыҬ (// кӷа, кӷы) сочетается:

а) с корне-суффиксами:

ла: а́гӷалара: дыгӷа́леит «он (ч.) подошел к углу, к предмету, находящемуся в углу, вдоль стены».

ҵ: а́гӷыҵра: дыгӷы́ҵит «он (ч.) отошел от угла, от предмета, находящегося в углу или вдоль стены»,

ҵа: а́гӷаҵара: игӷа́иҵеит «то (в.) он поставил в угол».

х: агӷы́хра: игӷы́ихит «то (в.) || они, он убрал, (и) снял с угла, со стены».

б) с суффиксом ха: игӷахеит «то (в.) застряло в углу, вдоль стены».

в) со связанными корнями глагола: агӷа́жьра - игӷаи́жьит «то (в.) он бросил в угол», агӷа́хара - игӷа́хаит «то (в.) упало в угол».

г) с глагольными основами: агӷатәара́ - дыгӷатәе́-ит «он (ч.) сел в угол», агӷагы́лара - дыгӷагы́леит «он (ч.) встал в угол», агӷа́зра - игӷа́зит «то (в.) пропало в углу».

Производные лексемы во всех своих словоформах в основном сохраняют акцентную характеристику производящей основы: аҟьцра́ «раздавиться»: иҟьци́т «то (в.) раздавилось» - игӷаҟьци́т «то (в.) в углу раздавилось», атәара «сидеть, садиться»: дтәе́ит «он (ч.) сел» -дыгӷатәе́ит «он (ч.) сел в угол».

Преверб гәара // гәар. (Р. Н. Клычев, с. 30; К. В. Ломтатидзе, с. 13). Преверб гәара // гәар и слово агәара «ограда, двор» едины по происхождению. С превербом гәара // гәар связано значение нахождение и действие возле дома, возле ограды. Реализуется он без показателя косвенного объекта.

Статическая форма: дгәа́роуп «он (ч.) находится в состоянии хождения вне дома, вне ограды».

В динамических основах глагола преверб гәара // гәар сочетается:

а) с корне-суффиксами:

ла: а́гәарлара: игәарлеит «они (скот) вернулись в огороженное место (в стоило); дгәарлеит «он (ч.) вернулся домой (фамилярная семантика)».

ҵ: агәа́рҵра: игәа́рҵит «они (скот) вышли из ограды, вышли на пастьбу»,

ҵа: агәа́раҵара: игәа́риҵеит «он их (скот) пригнал во двор»,

х: агәа́рхра: игәа́рихит «он выгнал (скот) со двора пастись»,

б) со связанными глагольными корнями: агәа́рацара -игәа́рицеит «их (скот) он загнал (во двор)», агәаржьра -игәаржьит «он их (скот) выгнал (со двора)».

С самостоятельно существующими основами глаголов преверб гәара // гәар встречается очень редко: агәарагьажьра: дгәарагьажьуеит «он (ч.) кружится вокруг двора».

В глагольных основах гәара // гәар всегда под ударением: игәа́рлеит, игәа́рҵит.

Преверб гәыла // гәыл. (Р. Н. Клычев, с. 49; К. В. Ломтатидзе, с. 46-47). Преверб гәы́ла // гәы́л сложный. Первый компонент гәы восходит к слову агәы «сердце», второй компонент л(а) - к локальному форманту ла. гәыла // гәыл выражает локализацию внутри, середине чего-л. плотного, однородной массы, внутри плода, древесины, вещей, постели... Он чаще всего реализуется с показателем косвенного объекта. В качестве словообразовательного форманта имеет широкую сферу применения.

Статическая форма: иагәы́лоуп «то (в.) находится внутри чего-л. (твердого, плотного)». В динамических основах глагола преверб гәыла находится в сочетании:

а) с четверкой корне-суффксов:

ла: а́гәылалара: иагәылалеит «то (в.) вошло во внутрь чего-то (плотного)».

ҵ: агәы́лҵра: иагәы́лҵит «то (в.) вышло из чего-то (плотного)».

ҵа: агәы́лаҵара: иагәы́ларҵеит «то (в.) они ввели во что-то (плотное)».

х: агәы́лхра: иагәы́лырхит «то (в.) они вытащили из чего-то (плотного)».

б) с суффиксом ха: агәы́лахара - иагәы́лахеит «то (в.) застряло в чем-то (плотном)».

в) со связанными глагольными корнями (основами): агәы́лҳәҳәара - иагәы́лҳәҳәеит «то высовывается изнутри чего-л.», агәы́лшәара - игәы́лшәеит «то (в.) выпало изнутри чего-л.», агәы́лажьра - игәы́лаижьит «то (в.) он бросил во что-то».

г) с глагольными основами: агәы́лгҧхаара игәы́лагҧхаауеит «то (в.) светится изнутри чего-л.», агәы́лаиара - дагәы́лаиеит «он улегся (в постель, в стог сена...)», агәы́лппра - иагәы́лппит «то (в.) высыпалось из середины, изнутри чего-л.».

Во всех образованиях с превербом гәы́ла // гәы́л ударение падает на гласный ы преверба гәы́ла // гәы́л: дагәы́лалеит «он (ч.) залез, вошел в середину чего-то (массы)».

Преверб ҕра // ҕр(ы). (К. В. Ломтатидзе, с. 51; К. С. Шакрыл, с. 43 - 49). Преверб гра // ҕр(ы) восходит к слову аҕра «брюшина, брюшная полость, внутренность». Выражает локализацию действия, состояния чего-л. внутри брюшной полости. Реализуется он с показателем косвенного объекта.

Статическая форма: илыҕроуп «то (в.) находится в ее брюшной полости».

В динамических основах глагола ҕра // ҕр(ы) сочетается:

а) с четверкой корне-суффиксов:

ла: аҕра́лара: исыҕра́леит «то (в.) вошло в мою брюшную полость».

ҵ: аҕры́ҵра: исыҕры́ҵит «то (в.) вышло из моей брюшной полости»,

ҵа: аҕра́ҵара: иаҕра́сҵеит «то (в.) я ввел в брюшную полость, во что-то (типа мешка...)»,

х: аҕры́хра: иҕры́схит «то (в.) я вывел из брюшной полости».

б) с суффиксом ха: аҕрахара́»: илыҕрахеит «то (в.) застряло в ее брюшной полости».

в) с некоторыми связанными глагольными корнями: аграҗьра: иҕраи́жьит «то (в.) он забросил в брюшную полость, объелся всякой всячины».

г) с глагольными основами: аҕрагы́лара – диҕрагы́леит он (ч.) на него встал (на его живот)», аҕрабаара: илыҕрабааит «то (в.) сгнило в ее брюшной полости», аҕрагҧалара -диҕрагҧа́леит «он (ч.) наступил на него (на его живот)».

Переходные глаголы, образованные посредством преверба ҕра // ҕр(ы) и корне-суффиксов ҵа, х дают модель, выражающую субъектную версию: исыҕра́сҵеит «то (в.) я внес в свою брюшную полость, нажрался», исыҕры́схит «то (в.) вывел из своей брюшной полости».

С присоединением локального преверба ҕра // ҕр(ы) к производящей основе, в которой подударным является последний или предпоследний слог, позиция ударения в производной основе не меняется: абгара́ - ибге́ит «то (в.) разрушилось» → илыҕрабге́ит «то (в.) в нее (внутрь) обрушилось», абаара́ - иба́аит «то (в.) сгнило» → илыҕраба́аит «то (в.) в ней сгнило». В словоформах остальных глаголов подударным обычно выступает гласный преверб ҕра // ҕр(ы) : илыҕра́леит «то (в.) вошло в ее брюшную полость», илыҕры́ҵит «то (в.) вышло из ее брюшной полости».

Преверб ҕыҵ(а). Преверб сложный. Компонент ҕ связан с семантикой «зима», ҵ(а) локальный преверб, ҕыҵ(а) в словоформах занимает позицию косвенного объекта.

Статическая форма:* дҕыҵоуп «он (ч.) зимует». В динамических основах глагола ҕьща встречается в сочетании с корнесуффиксами ла, ҵ: аҕы́ҵалара: дҕы́ҵалеит «он (ч.) вступил в зимнюю пору», аҕыҵыҵра: дҕы́ҵыҵит «он (ч.) вышел из зимней поры», с глагольными основами: аҕы́ҵгара: иҕы́ҵигеит «их (скот) он вывел из зимней поры (т. е. за ним хорошо ухаживал)», аҕыҵсра: дҕыҵы́сит «он (ч.) прошел зиму», дҕыҵыҳәҳәара: дҕыҵыҳәҳәеит «он (ч.) пережил зиму».

Во всех словоформах ударение падает на ы преверба.

Преверб д. (К. Н. Клычев, с 15; К. В. Ломтатидзе, с. 40; К. С. Шакрыл, с. 49). По предложению К. С. Шакрыл, д, воз-

можно, восходит к слову а - да - ҟьа «сторона», поэтому и приставка д, главным образом, выражает связь действия с плоскостной стороной какого-нибудь предмета. Глагольные основы с д обозначают действия, локализованные вплотную рядом с кем- чем-либо, вплотную приложенные к чему-либо вертикальному. Преверб реализуется с показателем косвенного объекта.

Статическая форма: иадуп «то (в.) находится вплотную к чему-л.».

В динамических глаголах преверб д сочетается: а) с четверкой корне-суффиксов:

ла: а́длара: иа́длеит «то (в.) пошло по вертикальной, плоской поверхности».

ҵа: а́дҵра: иадҵит «то (в.) отошло от вертикальной, плоской поверхности».

ҵа: а́дҵара: иа́дысҵеит «то (в.) я приложил к чему-то вертикальному».

х: адхра: иадысхит «то (в.) я снял, убрал с чего-то вертикального».

Однако необходимо отметить, что почти все перечисленные глаголы многозначны. В переносных значениях преверб д часто деэтимологизирован: адлара «присоединиться», «напасть на кого-л.», а́дҵра «отойти», «открепиться», «отклеиться», адҵара «дать задание», адхра «отодвинуть от чего-то вертикального, с плоского, снять».

Преверб д не выражает направлений. Это обусловило введение в производную основу одного из направительных суффиксов. Выбор суффикса определяет семантика производящей основы. Чаще таким суффиксом является ла. В основах, чья семантика отражает элативное направление, направительного суффикса может и не быть.

а) с суффиксом ха: адхалара: иадхалеит «то (в.) на чем-то плоском, вертикальном застряло, задержалось».

б) со связанными глагольными корнями: аджьылара «повалить на что-л. вертикальное», адҳалара «наткнуться, столкнуться с кем-чем-л.», адцалара «пригнать к чему-то, принудить».

в) с основами глаголов: а́тәара - адтәалара «рядом, вплотную сесть»; а́ҟацара - а́дҟацара «придепать»; аиара́ - а́диалара «прилечь к чему-то вертикальному»; а́дҟьара «отлететь, отскочить от чего-то»; а́дԥраара «вылететь от чего-то».

Во всех словоформах глаголов с превербом д ударным слогом является слог, выражающий косвенное дополнение: да́дтәалеит «он (ч.) сел вплотную к чему-то вертикальному», иа́дгьалеит «то (в.) присохло к чему-то вертикальному».

В масдарных образованиях под ударением находится показатель общности а: а́дтәалара «сесть вплотную к чему-то», а́дҟацара «вплотную приделать к чему-то».

Переходные глаголы, образованные превербом д и корнесуффиксом ҵа, х, образует модель, выражающая субъектную версию: исыдысҵеит «то (в.) я приложил к себе», исыдысхит «то (в.) я сняла с себя».

Преверб д в статической форме, а также многие динамические глаголы с данным превербом могут стать производящей основой для взаимного образования: иеидуп «они вплотную приложены друг к другу», адхра - аидыхра «разъединить друг от друга», адгылара - аидгылара «встать рядом, вплотную друг к другу», «сплотиться», аджьлара - аидыжьлара: инеидыжьлеит «они навалились друг на друга (что-то вертикальное, напр.: двери)».

Во взаимных образованиях под ударением находится второй слог словоформы: иеиды́рхит, «их разъединили», «их они рядом встали», иеидгы́леит, иеиды́рхит, иеида́жәлеит «они вместе со-старились».

Преверб дәыкә. (К. В. Ломтатидзе, с. 10). Преверб производный, представлен он компонентом дә. являющийся корнем слова адәы «поле», и локальным превербом кә (о нпм ниже). Преверб обозначает действие, протекающее вне здания. Преверба дәыкә не сопровождает показатель косвенного объекта.

Статическая форма: ддәыкәуп «он (ч.) находится в состоянии хождения (вне помещения)», «нахождение в состоянии бродяжничества».

В основах динамических глаголов преверб дәыкә сочетается:

а) с корне-суффиксами:

ла: адәы́кәлара: ддәы́кәлеит «он (ч.) двинулся (в дорогу)».

ҵа: адәы́кәҵара: ддәы́кәиҵеит «его (ч.) он отправил (из в дорогу)».

Корне-суффиксы ҵ, х, ха не сочетаются с данным превербом. Сочетаемость его с корнями глаголов очень низкая: адәы́кәгара: ддәы́кәигеит «его (ч.) упразднил, вывел во двор», адәыкәгалара: ддәыкәигалеит «его (ч.) он сопроводил во двор».

В словоформах глаголов с превербом дәы́кә ударным всегда является гласный преверба ы: сдәыкәлеит, ддәы́кәысҵеит.

Преверб заа. (К. В. Ломтатидзе, с. 15; К. С. Шакрыл, с. 44 - 45). Преверб сложный, он состоит из з, восходящий к слову азы́ «вода», и аа, генезис которого пока не ясен. Преверб заа означает нахождение и действие в воде. Использование его в качестве деривационного форманта ограничено. В глагольной основе он реализуется без показателя косвенного объекта.

Статическая форма: иза́ауп «то (в.) находится в воде». В динамических основах преверб заа часто обусловливает появление направительного суффикса ла.

Заа встречается в сочетании:

а) с корне-суффиксами:

ла: аза́алара: дза́алеит «он (ч.) влез в воду».

ҵа: аза́аҵара: иза́аиҵеит «то (в.) он положил в воду».

х: аза́ахра: иза́аихит «то (в.) он вытащил из воды». С корне-суффиксом ҵ заа не сочетается.

б) с суффиксом ха, за которым в этих случаях следует направительный суффикс ла: азаахалара: дзаахалеит «он (ч.) застрял (в смысле долго) в воде».

в) со связанными корнями глагола:

аза́аҳара: дза́аҳаит «он (ч.) провалился в воду», аза́ашәалара: иза́ашәалеит «то (в.) нечто маленькое) упало в воду».

г) с глагольными основами: акра - аза́акра «в воде держать», аҕара - аза́аҕалара «прыгнуть в воду», аҕшра - аза́ аҕшра «в воду смотреть».

Во всех словоформах глагола, а также и в масдаре с превербом заа ударение в основном стоит на первом гласном а преверба за́а: аза́аршәлара: иза́аиршәылеит «то (в.) (нечто маленькое) он бросил в воду», аза́акра -иза́аикылеит «то (в.) он держит в воде», аза́аҕалара -дза́аҕалеит «он (ч.) прыгнул в воду». Однако встречаются слова, в которых преверб безударный: аза́арԥкәрылара -иза́аирԥкәрылеит «то (в.) он утопил».

Преверб кыд. (Р. Н. Клычев, с. 24; К. В. Ломтатидзе, с. 19). Преверб сложный, состоит он из форманта к, который сегодня не этимологизируется, и преверба д. Он выражает локализацию на чем-то плоском по вертикали. Реализуется в основах глаголов без показателя косвенного объекта.

Сфера использования преверба кыд в качестве словообразовательного форманта очень широкая.

(Статическая форма: икыдуп «то (в.) на чем-то вертикальном (на стене, на скале) находится». В динамических основах глагола кыд сочетается: а) с корне-суффиксами:

ла: акы́длара: дкы́длеит «он (ч.) полез (на стену, на скалу)»,

ҵ: акы́дҵра: икы́дҵит «то (в.) сошло (со стены, со скалы)».

ҵа: акы́дҵара: икы́диҵеит «то (в.) он прибил, приложил (к стене, на двери)».

х: акы́дхра: икы́дихит «то (в.) он снял (со стены)».

Наличие в превербе элемента д обусловило появление в основе глагола направительного суффикса ла:

б) с суффиксом ха: акы́дхалара: икы́дхалеит «то (в.) задержалось (на стене, скале...)».

в) со связанными глагольными корнями: акы́джьлара: икы́дижьлеит «то (в.) он бросил во что-то вертикальное»,

акы́дшәара: икы́дшәеит «то (в.) выпало из чего-то вертикального».

г) с глагольными основами: акы́диалара «прислониться к чему-то вертикальному», акы́дгылара «встать у чего-то вертикального».

В масдарных образованиях и глагольных словоформах слов с превербом кы́д, без исключения, ударение падает на ы преверба кы́д: акы́дгылара - дкы́дгылеит «он (ч.) встал у чего-то вертикального», акы́дҳәалара -икы́диҳәалеит «то (в.) он привязал к чему-то вертикальному», акы́дԥара - икыдԥеит «то (в.) выпало из чего-то вертикального».

Преверб кы́л(а). (К. В. Ломтатидзе, с. 19 - 20; К. С. Шакрыл, с. 48). Преверб производный: он состоит из к (сравни с к в кны: акныхра «снять висячий предмет») и локативного преверба ла. Преверб выражает действие, локализованное в отверстии или проходящее через отверстие: кыла → кылаара «отверстие, щель, дыра».

Преверб кыл (а) весьма продуктивный. Он встречается в сочетании: а) с корне-суффиксом х: акылхра: икылихит «то (в.) продел, провел через отверстие»; б) с суффиксом ха: акылахара: икылахеит «то (в.) застряло в отверстие»; в) с глагольными основами: акылгъшра: дкылгъшит: «он (ч.) посмотрел через щель, то выглянуло из отверстии, из щели», акылаԥцәара: икылаԥцәеит «то (в.) сломалось в отверстии», акылазра: дкылазит «он (ч.) затерялся, застрял», акылагәара: икылеигәеит «то (в.) он заткнул, запихал в какую-то щель, в отверстие»; г) со связанными глагольными корнями: акылшәара: икылшәеит то (в.) (маленькой величины) выпало из отверстия», акылжәара: икылижәеит «то (в.) он продырявил» через щель».

Варианты кыла, кыл выступают в основах с противоположным направлением действия: кыла - в сторону отверстия или внутри отверстия: акылагылара: дкылагылеит «он (ч.) встал у отверстия», акылакшара: икылаикшон «то (в.) он тыкал, ударял в сторону отверстия», акылагъсра: икылагъсит «то (в.) умерло в отверстии», акыларсра: икылаирсит «то (в.)

он воткнул в щель, в отверстие»; кыл - через отверстие (чаще в сторону говорящего), или из отверстия из щели: акылкәрра: икылкәрит «то (в.) выкатилось из щели, из отверстия», акылкәкәара: икылкәкәеит «то (в.) вытекло из щели, маленького отверстия», акылгъшра: дкылгъшит «он (ч.) выглянул из щели, он посмотрел через щель».

В ряде глаголов кыл(а) выступает в десемантизированном виде: например, в сочетании с основой га (→агара «брать») акылгара: икылигеит означает «то (в.) он притащил», с основой ҟьа (аҟьара «размахивать»): - акылҟьара: дкылҟьеит «он (ч.) внезапно, быстро появился», с основой гъшаа (→ агъшаара «искать») акылгъшаара: - икылигъшаауеит «то (в.) он разыскивает с трудом, приложив усилие».

В превербных глаголах с кыл(а) ударным является преверб: акы́лԥшра «смотреть через отверстие», акы́лԥраара «вылететь из отверстия».

Преверб қә (Ж. Дюмезиль, с. 140; Р. Н. Клычев, с. 16; К. В. Ломтатидзе, с. 22 - 30; П. К. Услар, с. 144; К. С. Шакрыл, с.37). Преверб қә восходит к имени ақә // ақәцә «верхушки, вершина», означает локализацию поверх чего-л., на верху, на вершине, на плоскости. Преверб встречается как с показателем косвенного объекта, так и без показателя.

Продуктивность преверба қә высокая.

Статическая форма: иқәуп «то (в.) лежит на плоскости», иа́қәуп «то (в.) лежит поверх чего-л.», ды́қәуп «он (ч.) лежит на плоскости, находится на вершине, на верхушке чего-то».

В динамических основах глагола қә сочетается:

а) с корне-суффиксами;

ла: ақәлара: ды́қәлеит «он (ч.) поднялся (на дерево...), иақәлеит «то (в.) пошло по поверхности»,

ԥ: ақәцра: ды́қәцит, «он (ч.) сошел с чего-то возвышенного «он убрался».

ԥа: а́қәцара: у́қәылԥеит «то (в.) она положила на что-то плоское».

х: а́қәхра: иқәылхит // иақәылхит «то (в.) она сняла, убрала с чего-то плоского».

б) с суффиксом ха: ақәхара: ды́қәхеит «он (ч.) застрял, задержался на чем-то плоском».

в) со связанными корнями: ақәҳара: и́қәҳаит // и́ақәхаит «то (в.) свалилось на что-то плоское, то (в.) свалилось по верх чего-л.», илықәҳаит «на нее свалилось что-то», а́қәсра: и́қәсит «то (в.) коснулось поверх чего-то плоского», илықәсит «то (в.) коснулось ее».

г) с глагольными основами: а́қәгылара - ды́қәгылеит // да́қәгылеит «он (ч.) встал на что-то плоское», ақәтәара - ды́қәтәеит // да́қәтәеит «он (ч.) сел на что-то плоское», ақәбаара - и́қәбааит // иа́қәбааит «то (в.) на чем-то плоском сгнило».

Однако необходимо заметить, что не все глагольные основы в сочетании с превербом қә дают варианты как с показателем косвенного объекта, так и без него, например: основы глаголов а́қәцара - и́қәицеит «он (в.) // их прогнал», ақәгьежьра - дықәгьежьит «он (в.) закружился, завертелся», ақәыкшара - дықәыкшеит «он (в.) ударился» и др. реализуются без косвенного объекта; глаголы ақәжьцәара -дақәжьцәеит «он (в.) плюнул», ақәыҕәҕәара - дақәыҕәҕәеит «он (ч.) надавил на что-то», ақәкра - иақәылкит «она решилась на что-то» // она решила» и др. встречаются лишь с показателем косвенного объекта.

Во многих образованиях преверб қә, утратив покальную семантику, выступает лишь в функции основообразова-тельного форманта, напр.: а́қәшаҳаҭхара - ди́қәшаҳаҭхеит «он (ч.) с ним согласился», а́қәмақарра - ди́қәмақаруеит «он (ч.) на него ворчит, он ему грозится», а́қәыҧсычҳара -дқәыҧсычҳаит «он (ч.) вздохнул», ақәҭара - дықәҭо́ит «он (ч) вышивает».

Немало глаголов, в которых преверб қә, утратив свою локальную семантику, стал лишь средством введения в основу показателя косвенного объекта, напр.: а́ҳәҳәара – дыҳәҳәе́ит «он (ч.) закричал», но ди́қәықәҳәеит «он (ч.) на него закричал», а́ћаара – дћа́аит «он (ч.) закричал, заорал», ди́қәћааит «он (ч.) на него закричал», аҷыҭра» – иҷы́лҭит «она что-то закричала» - илы́қәҷиҭит «он ей чем-то ответил».

Основа прилагательного ҕәҕәа «крепкий» посредством преверба қә трансформируется в глагольную основу:

аҕәҕәа → ақәыҕәҕәара: дақәыҕәҕәеит «он (ч.) надавил на поверхность чего-л.».

Посредством преверба қә, основа непереходного глагола может стать переходной: акшара - дыкшеит «он (ч.) ударил», но ақәыкшара: илықәикшеит «он ударил по ней чем-то».

Во всех словоформах с превербом қә реализующийся с показателем косвенного объекта, ударение падает на слог косвенного объекта: иа́қәиҧсеит «то он сверху чего-то насыпал», в словоформах с превербом без косвенного показателя - на первый слог: и́қәыбгеит «то (в.) свалилось».

Преверб ћәны // ћәын. (К. В. Ломтатидзе, с. 37 - 40). Этимология преверба затушевана. Означает локализацию действия или состояния возле талии, бедра. Используется с показателем косвенного объекта.

Статическая форма: илыћәнуп «то (в.) на ее бедре находится». Преверб ћәны // ћәын в динамической основе глагола сочетается с корне-суффиксом ҭа и х: ићәни́ҭеит «то (в.) он распопожил возле бедра, опоясапся», ићәни́хит «то (в.) сняп с пояса, с бедра, с талии».

ћәны образует лексему с суффиксом ха в сочетании с ла: ићәынха́леит «то (в.) осталось привешенным к поясу» и форму, выражающую субъектную версию: исыћәнысҭеит «тем я опоясался».

Преверб ла // лы // л. (Р. Н. Клычев, с 17-18; К. В. Ломтатидзе, с. 31-32; К. С. Шакрыл, с. 45 - 49). Слово, к чему восходит данный преверб, утрачено. Семантика его означает нахождение или действие в чем-то мягком, вязком, в топком, в массе (людей, деревьев, песка...).

В основе глагола преверб преимущественно представлен с показателем косвенного объекта. Случаи его реализации без косвенного объекта весьма редки.

Статическая форма: иа́лоуп // илоуп «то (в.) в чем-то (вязком, мягком, в массе...) находится».

Преверб ла // лы) в основах динамических глаголов встречается в сочетании:

а) с четверкой корне-суффиксов:

ла: а́лалара: да́лалеит «он(ч.) вошел во что-л.».
ҵ: а́лҵра: далҵит «он (ч.) вышел из чего-л.»
ҵа: а́лаҵара: иа́леиҵеит «то (в.) он внес во что-то».
х: а́лхра: иа́лихит «то (в.) он вынес, вывел, выбрал из чего-то».

б) с суффиксом ха: а́лахара: да́лахеит «он завяз, застрял в чем-то».

в) со связанными глагольными основами: алажьра: иалаижьит «то (в.) он бросил во что-то», алшәара: иалшәеит «то (в.) выпало из чего-то», алаҧсара: иаласыҧсеит «то (в.) я высыпала во что-то сыпучее», алшьра: иалишьит «то (в.) он размазал, провел по чему-то (жидкому, тонкому, по волосам)».

г) с глагольными основами: агылара - алагылара «стоять на чем-то вязком, топком, в массе...», атәара - алатәара «сидеть в чем-то вязком, в массе...».

Продуктивность преверба ла высокая.

Ударение в словоформах с превербом ла фиксированное. В масдарных образованиях подударным оказывается показатель общности а, в спрягаемых формах ударение падает на показатель косвенного объекта, выраженного гласной фонемой. Если показателем косвенного объекта является согласная фонема, то носителем ударения становится факультативный ы: а́латәара - да́латәеит, дры́латәеит; а́лагылара - да́лагылеит - дры́лагылеит.

В глагольных основах без показателя косвенного объекта ударным становится гласный преверб а: алагзара: иле́игзеит «то (в.) он уместил, устроил в чем-то».

Основы с ла // лы(ы) могут стать производящими для взаимных образований.

Статический глагол: иалоуп: иеилоуп «они смешаны».

Динамические глаголы а́лалара - аилалара: иеила́леит «они слились, смешались друг с другом», алаҵара – а́илаҵара: иеилеиҵеит «их он слил, смешал», алхра – аилыхра: иеилихит «их он разъединил, раздел».

Преверб ма // м(ы). (Р. Н. Клычев, К. В. Ломтатидзе, с. 46).

Исторически ма // м(ы), возможно, восходит к корню слова рука ма (ср. *амапы → анапы «рука», амахәар «рука без кисти», амаа «ручка, рукоятка», амаҕра «рукав», амыжьхәылҵ «локоть», ампахьшьы «полотенце» (К. В. Ломтатидзе). Преверб ма // м(ы) в глагольных основах представлен с показателем косвенного объекта. Словообразовательная возможность его очень ограниченная.

Данный преверб сегодня утратил четкую локальную семантику.

Статическая форма: иамоуп «то у вещи имеется»: дрымоуп «его (ч.) они имеют».

В динамических глаголах ма // м(ы) встречается в сочетании:

а) с корне-суффиксами:

ҵ: иа́мҵит «то (в.) от чего-то отошло, снялось».

х: иа́михит «то (в.) он снял, оторвал от чего-то».

б) с некоторыми глагольными основами:

а́макра: иса́малкит «то (в.) она мне оспорила», а́мархәара: илы́маирехәеит «он ее в чем-то поощрил», а́марҧсахра: илы́маирҧсахит «он ей что-то дал взаймы», а́мжәара: иа́мжәеит «то (в.) от чего-то оторвалось», а́мҟьара: иамҟьеит «то (в.) от чего-то отлетело», а́мҵәара: иса́мҵәеит «то (в.) у меня закончилось, убыло».

В словоформах с превербом ма // м(ы) ударение в основном падает на слог, выражающий косвенное дополнение: иа́мҵит, иа́мжәеит, иса́меикит.

Преверб мҕа // мҕ(ы), (К. В. Ломтатидзе, с. 52). Преверб сложный: м, вероятно, является тем же корнем слова амапы → анапы «рука», ҕа - корнем слова абҕа «спина». Означает нахождение выше кисти, на талии, на боку талии. В основном реализуется с показателем косвенного объекта.

Статическая форма: иса́мҕоуп «то (з.) опоясывает мою руку, талию».

В динамических основах преверб мҕа // мҕ(ы) сочетается:

а) с корне-суффиксами:

ла: амҕалара: иса́мҕалеит «то (в.) на мне опоясалось».

ҵа: а́мҕаҵара: илы́мҕаиҵеит «тем (в.) он ее опоясал, надел на руку».

х: а́мыҕхра: илы́мҕихит «то (в.) он снял с (ее) руки», исымҕысхит «то (в.) я сиял со своей руки».

б) с суффиксом ха: а́мҕахра: исы́мҕахеит «то (в.) (часы, пояс) на мне осталось».

в) с некоторыми глагольными основами: амҕазара: илымҕазеит «тот (пояс) ей хватило, чтоб опоясаться», амҕыҵкәцәаара: имҕы́ҵикәыцәааит «то (в.) выхватил из-за пояса».

В словоформах с превербом мҕа // мҕ(ы) подударным слогом чаще является слог, указывающий на косвенный объект: исы́мҕасҵеит - илы́мҕихит.

Поеверб мҡәыҵа // мҡәыҵ(ы). (К. В. Ломтатидзе, с. 49). Преверб производный: состоит из элемента м, восходящий к корню слова рука, анапы → амапы, ҡә - этимология которого не ясна, ҵа – восходящий к слову аҵа, «дно». Его локальная семантика связана с рукой: находится в руке.

В словоформах реализуется лишь с показателем косвенного объекта. Словообразовательная продуктивность очень низка.

Статическая форма: илымҡәы́ҵоуп «то (в.) находится в ее руке».

В динамических основах глагола мҡәыҵа // мҡәыҵ(ы) сочетается;

а) с корне-суффиксом:

ҵ: а́мҡәыҵра: илы́мҡәыҵҵит «то (в.) она выпустила из рук»,

х: а́мҡәыцыхра: илымҡәы́ҵылхит «то (в.) она у нее выхватила с рук».

б) с суффиксом ха: илымҡәы́ҵахеит «то (в.) оказалось, задержалось в ее руке, руках».

в) с некоторыми связанными корнями: амҡәы́ҵыҟра: илымҡәы́ҵыҟрит «то (в.) выскользнуло из ее рук», амҡәыҵшәара: илымҡәыҵшәеит «то (о маленьком предмете) выпало из ее рук», амҡәыҵжәара: илымҡәы́ҵижәеит «то (в.) он вырвал из ее рук», амҡәыҵҡьара: илымҡәыҵҡьеит «то (в.)

она нечаянно уронила», амҡәыҵазра: илымҡәыҵазит «то (в.) уместилось в ее руке, ладони».

Во всех словоформах с превербом мҡәыҵа // мҡәыҵ ударение падает на гласный ы преверба.

Преверб мпыҵа // мпыҵ(ы). (Р. Н. Клычев, с.51; К. С. Шакрыл, с. 50 - 51). Преверб производный. Компонент мпы, по всей вероятности, восходит к слову *анапы → амапы «рука», ҵа // ҵы) локативный преверб. означающий «низ», «дно» (ср. аҵа «дно»).

Семантика преверба выражает нахождение, действие, локализованное перед лицом, на ладони руки.

Реализуется он с показателем косвенного объекта.

Статическая форма: илымпыҵоуп // илымпыҵакуп «то (в) находится в ее руке, перед лицом».

В основах динамических глаголов мпыҵа // мпыҵ(ы) сочетается: в) с корне-суффиксами:

ҵ: ампы́ҵҵра: илымпы́ҵҵит «то (в.) вышло из-под ее руки».

х: ампы́ҵхра: импы́ҵихит «то (в.) он взял из его рук(и)».

б) с суффиксом ха: ампы́ҵахара: илымпы́ҵахеит «то (в.) задержалось, застряло в ее руке».

в) с некоторыми связанными корнями и с глагольными основами: ампыҵашәара «попасть в руки», ампы́ҵзаара «лишиться чего-л.», «исчезнуть с рук», ампыҵшәара «выпасть с рук(и)», ампы́ҵаԥсра «умереть на руках», ампы́ҵакра «подставить под что-то (руку, ладонь)».

В словах с превербом мпыҵа ударение падает на ы преверба.

Преверб мҵа // мҵ(ы). (Р. Н. Клычев, с. 49; К. В. Ломтатидзе, с. 47; К. С. Шакрыл, с.41). Преверб сложный: состоит из м, по всей вероятности, восходящий к корню слова знапы → «амапы «рука» и локального преверба - ҵа, означающего «низ», «дно». Преверб мҵа. // мҵ(ы) генетически связан с наречным послелогом амҵан // а мҵа «перед, под кем-чем-л.». Это же значение вносит преверб мҵа // мҵ(ы) в производную основу глагола.

Преверб мцa // мц(ы) в глагольной основе представлен с показателем косвенного объекта. Словообразовательная потенция его очень низка.

Статическая форма: иа́мцоуп «то (в.) находится внизу перед чём-л.».

В динамических основах преверб мцa // мц(ы) встречается в сочетании:

а) с корне-суффиксами:

ц: а́мцацара: иа́мцеицеит «то (в.) он положил вниз перед кем-чем-л.».

х: а́мцхра: иа́мцихит «то (в.) вытащил, унес снизу перед кем-чем-л.».

б) с суффиксом ха: а́мцахара: иа́мцахеит «то (в.) задержалось, застряло внизу перед кем-чем-л.».

в) с некоторыми связанными глагольными корнями: а́мцаҳара: да́мцаҳаит «он (ч.) упал перед кем-чем-л.», а́мцажьра: иа́мцаижьит «то (в.) он бросил вниз перед кем-чем-л.».

г) с глагольными основами: а́мцатәара: да́мцатәеит «он (ч.) сел вниз под чем-то», а́мцагылара: да́мцагылеит «он (ч.) встал под чем-то», а́мцаныҳәара: да́мцаныҳәеит «он помолился под и перед чем-то».

В масдарных образованиях подударным гласным является показатель общности, в спрягаемых словоформах – гласный слога, указывающий на косвенный объект: агылара – а́мцагылара: да́мцагылеит, атәа́ра – а́мцатәара: да́мцатәеит.

Преверб Н. (Р. Н. Клычев. с. 18; К. В. Ломтатидзе. с. 32 -33; К. С. Шакрыл, с. 45). Преверб н утратил свою исходную этимологию. В основах динамических глаголов преверб отличается полисемантичностью. В статической форме и *в* ряде основ динамических глаголов его локальная семантика означает нахождение и действие на поверхности чего-то плоского, неглубокого. По П. К. Услару «н - означает определенное место или пространство». Р. Н. Клычев считает, что преверб-основа Н указывает на ограниченность поверхности чего-л.

Статическая форма: ианыул «то (в.) находится на поверхности чего-то плоского, неглубокого, с ограниченной поверхностью».

Указанная семантика четко проявляется в динамических глаголах, основа которых представляет собой сочетание преверба н с четверкой корне-суффиксов, а также с суффиксом ха:

ла: аны́лара: ианы́леит «то (в.) вошло, полезло на что-то плоское, неглубокое, ограниченное объемом».

ца: аны́цра: ианы́цит «то (в.) вышло, сошло из чего-то плоского...».

ца: анцара́: ианы́лцеит «то (в.) она положила на что-то неглубокое, плоское, ограниченное объемом, подписала».

ха: аныхра: ианылхит «то (в.) она сняла, взяла из чего-то плоского..».

ха: анхалара: ианхалеит «то (в.) застряло, задержалось на чем-то плоском, неглубоком, ограниченном объемом».

Данная семантика сохраняется и в ряде глаголов со связанным и несвязанным корнем: анԥалара: данԥалеит «он (ч.) прыгнул на что-то плоское, неглубокое», аншәалара: ианшәалеит «то (в.) упало на что-то плоское», аныжьлара: ианижьлеит «то (в.) он бросил на что-то плоское», антәалара: дантәалеит «он (ч.) сел на что-то плоское», анԥшылара: данԥшылеит «то (в.) он заглянул во что-то плоское, неглубокое».

Преверб н, обладающий вышеуказанной локальной семантикой, обусловливает появления показателя косвенного объекта, с одной стороны, и суффикса направления ла, с другой стороны.

В образованиях с превербом н ударение может занимать различные позиции: данҟьа́еит «он (ч.) об что-то ударился», санԥшы́леит «я во что-то плоское заглянул(а)».

Преверб п. (Р. Н. Клычев. с. 18; К. В. Ломтатидзе, с. 42; К. С. Шакрыл, с. 36). Преверб п генетически связан с корнем

слова аԥынҵа «нос», аԥхьа «перед». В глагольной основе ԥ модифицирует лексическую семантику глагола, привнося в нее значение нахождение, действие впереди чего-либо. Реализуется он всегда с показателем косвенного объекта.

Статическая форма: иаԥуп «то (тому) суждено (быть, есть), обычно (есть)». Значение же «нахождение перед кем-чем-л.» передается статической формой глагола аԥырагылара - даԥырагылоуп.

В динамических глагольных основах ԥ сочетается:

а) с корне-суффиксами:

ла: аԥылара: диԥылеит «он (ч.) его встретил».

ҵа: аԥҵара: иаԥиҵеит «он положил начало чего-л.»

х: аԥыхра: иаԥыихит «то (в.) он убрал спереди чего-то».

ԥ с корне-суффиксом ҵ непосредственно не сочетается, для обозначения действия, выражающего противоположное направление глаголу аԥылара «встретить», используется преверб ԥыр - аԥырҵра: дысԥырҵит «он (ч.) отошел от меня» (см. преверб ԥыр).

б) с некоторыми связанными глагольными корнями: аԥҵара: иаԥылҵеит «она их погнала перед собой», аԥысра: даԥысит «он (ч.) обогнал, опередил что-то».

в) с глагольными основами: аԥыртлара: иԥиртлеит «то (в.) он расстегнул, распорол», аԥырффаара: иԥирффеит «то он рассек, срезал», аԥыргара: иԥиргеит «то (в.) он разменял на мелкие монеты, деньги, отодвинул, разрушил».

В словоформах с превербом ԥ ударным может быть спог преверба или конечный слог.

Преверб ԥыра // ԥыр. (Р. Н. Клычев, с. 18; К. В. Ломтатидзе, с. 42 - 43; К. С. Шакрыл, с. 36). Элемент ԥ восходит к корню слов аԥхьа «перед», аԥынҵа «нос». Выражает действие, локализованное поперек чего-то. Преверб ԥыр(а) реализуется в производной основе с показателем косвенного объекта. Локатив ԥыра, может стать основой статического глагола; иаԥыроуп «то (в.) находится поперек чего-то». В динамических глаголах он сочетается:

а) с суффиксом ха: иаԥырахеит «то (в.) задержалось поперек чего-то, перед чем-то».

б) с корне-суффиксом: иаԥыралҵеит «то (в.) она поставила поперек чего-то, перед чем-то», «потратила на что-то попусту», аԥырхра: иаԥырихит «то (в.) он убрал с поперек чего-то, то он уничтожил, упразднил», аԥырҵра: даԥырҵит «он ушел, отошел с поперек чего-то. от чего-то».

в) с основами глаголов и связанными корнями: аԥыратәара «сесть поперек чего-то», аԥыракра «держать поперек чего-то», аԥыракнаҳара «повесить поперек, перед чем-то», аԥырагылара «встать поперек, перед кем-чем-то», аԥыражьра «бросить перед чем-то».

В словоформах с превербом лырэ // лыр ударение падает на гласный ы.

Преверб ҭа // ҭы). (Ж. Дюмезиль, с. 141; Р. Н. Клычев, с.19; К. В. Ломтатидзе. с.22 - 23; П. К. Услар, с. 161; А. С. Чикобава, с. 156[1]; К. С. Шакрыл, с. 32 - 34). Преверб ҭа // ҭ(ы) означает нахождение или действие в чем либо огороженном, в углублении, в сосуде. Преверб ҭа и корень слова аҭыԥ «место» одного происхождения. Реализуется он без показателя косвенного объекта. Преверб очень продуктивный. В качестве словообразовательного форманта он встречается не только в глагольных основах, но и в именных, особенно в топонимике.

Статическая форма: иҭоуп «то (в.) находится в чем-то огороженном»; перен. значение его «учиться»: ашкол дҭоуп «он учится в школе».

В основе динамических глаголов преверб ҭа // ҭ сочетается:

а) с корне-суффиксами:

ла: аҭалара: дҭалеит «он (ч.) вошел во что-то огороженное, в водоем, в яму», «он поступил (учиться) в школу».

ц: аҭыцра: дҭыцит «он (ч.) вышел из чего-то огра-

[1]Чикобава А.С. Морфологические встречи абхазского языка с картвельскими. Известия ИЯИМК, Т.ХН. Тбилиси. 1942.

жденного, из водоема, из школы (в смысле перестал учиться)».

ҵа: аҭаҵара: иҭасҵеит «то (в.) я вложил во что-то (в сумку, в мешок, чемодан, коробку...)».

х: аҭыхра: иҭысхит «то (в.) я вытащила из чего-то (сумки...)».

б) с суффиксом ха: аҭахара: иҭахеит «то (в.) застряло внутри чего-то».

в) со связанными глагольными корнями: аҭаҳара: дҭаҳаит«он (ч.) провалился во что-то глубокое», аҭашәара: иҭашәеит «то (вещь небольшого размера) упало во что-то глубокое», аҭажьра: иҭаижьит «то (в.) он бросил во что-то глубокое», аҭыжьра: иҭижьит «то (в.) он издал».

г) с глагольными основами: аҭатәара: дҭатәеит «он (ч.) сел во что-то огороженное», аҭаԥшра: дҭаԥшит «он (ч.) посмотрел внутрь чего-то».

Преверб ха // х(ы). (Р. Н. Клычев, с. 40; К. В. Ломтатидзе, с. 27 - 28; К. С. Шакрыл, с. 37 - 39; Б. В. Шинкуба[1]. с. 300). Преверб ха // х(ы) этимологически соотносится со словом ахы «голова». Он полисемантичен.

1. Основы глаголов с лревербом ха // х(ы) означают нахождение или действие на голове, над головой, поверх чего-либо. В этом значении ха // х(ы) реализуется с показателем косвенного объекта.

Статическая форма: илхоуп «то (в.) на ее голове находится, над головой находится».

В основах динамических глаголов преверба ха // х(ы) сочетается:

а) с корне-суффиксами:

ахалара: илхалеит «то (в.) налезло на ее голову»

ла:

ҵ; ахыҵра: илхыҵит «то (в.) сошло с ее головы».

ахаҵара: илхасҵеит «то (в.) я надел на ее голову».

ҵа:

[1]Шинкуба Б.В. Именные основы-превербы в абхазском глаголе. Груды АбИЯЛИ.т. XXVIII Сухуми. 1957.

исхасҵеит «то (в.) я одел себе на голову»,

х: ахыхра: исхыихит «то (в.) он снял с моей головы, исхысхит «то (в.) я сняла со своей головы, с себя».

б) с суффиксами ха: ахахара: дахахеит «он (ч.) застрял, задержался, остался, напоролся на чем-то сверху».

в) со связанными глагольными корнями: ахаҳара: дахаҳаит «он (ч.) упал, напоролся на что-то (острое)», ахаҭәара: иахеиҭәеит «то (в.) он сверху чего-то налил, долил», ахажьра: иахалыжьит «то (в.) на что-то сверху бросила», ахашәара»: иахашәеит «то (в.) (нечто маленькое) накрыло отверстие», иахаипсеит «то он сверху на что-то насыпал, досыпал».

г) с глагольными основами: ахатәара: дахатәеит «он (ч.) сел поверх чего-то, за стол», ахагьежьра: илхагьежьуеит «то (в.) кружится над нею, над ее головой», ахакнаҳара: иахакналҳаит «то (в.) она над чем-то повесила», ахыԥраара: иахыԥрааит «то (в.) полетело над чем-то», ахагылара: дахагылеит «он (ч.) встал над чем-то», «он (ч.) возглавил что-то».

2. Редуцированный вариант преверба ха - х(ы) стал приобретать свою, немного отличную от исходной, семантику и тем самым, как бы, начал функционировать как самостоятельный формант. Основное его значение - это выразить нахождение или действие на поверхности чего-либо, на краю чего-л. Он реализуется без показателя косвенного объекта.

Статическая форма: ихыуп «то (в.) находится на поверхности»: аҕба амшын ихуп «корабль на море, на поверхности (моря) находится».

В динамических основах глагола преверб х(ы) сочетается:

а) с корне-суффиксами:

ахылара: дхылеит «он (ч.) пошел по поверхности чего-л.»: акәатақәа азы ихылеит «утки плавают».

ла:

ҵ: ахыҵра: дхыҵит «он (ч.) вышел из поверхности чего-л., перешел что-то».

ҵа: ахҵара: ихырҵеит «то (в.) они спустили в воду, перекинули мост».

х: ахыхра: ихыихит «то (о голове) он снял: ихы хихит «он снес ему голову»; ихнахит «она (курица) вывела их (цыплят)», ахҧаҭ ахыхра «снять сливки (с молока)».

Глаголы ахыҵра, ахыхра отличаются от предыдущих глаголоб ахыҵра, ахыхра тем, что в них нет показателя косвенного объекта. Ср. илхыихит ахылпа «он снял с нее шапку» и акәтаҕьқәа хылхит «она сняла (взяла) яйца (из-под курицы)».

б) со связанными глагольными корнями: ахҭәалара: ихиҭәалеит «он отлил (немного)» - ср. ахҭәалара: иахыиҭәалеит «то (в.) он к чему-то долил», ахцара: ихицеит «он их (о скоте) с чего-л. согнал».

в) с глагольными основами: ахгара: ихигеит «он перенес (болезнь, переживания)», ахтәалара: ихтәалеит «то (в.) (о птице) село на яйца» - ср. ахатәара: дахатәеит «он (ч.) сел за чем-л. (за стол)».

3. В ряде глаголов с введением преверба х увеличивается количество показателей лица на одно лицо - лицо косвенного объекта, х же в этих глаголах указывает на реляцию к косвенному объекту:

ацәажәара: сцәажәоит «я говорю» - ахцәажәара: сихцәажәоит «я о нем говорю», аҳәара: исҳәоит «то (в.) я говорю» - ахҳәаара: иахысҳәаауеит «о том я что-то говорю», аччара: сыччоит «я смеюсь» - ахыччара: илхыччоит «они над нею смеются», дыеҳәоит: «он хвастается», дахыеҳәоит он (ч.) чем-то хвастается, ахәыцра: схәыцуеит «я думаю», ахҳәыцра: сихҳәыцуеит «я о нем думаю».

4. Преверб х может выступить в значении «себя»; ахгара: илхылгеит «то (в.) она перенесла», точнее «то она перенесла через свою голову».

Преверб ха без сопровождения показателя косвенного объекта в глаголах движения обозначает направление вверх:

ахалара: дхалеит «он (ч.) поднялся вверх; ахагалара; ихаигалеит «то (в.) он поднял вверх», ахажьлара: дхаижьлеит «его (ч.) он пропустил вверх».

В образованиях с превербом ха // х(ы) чаще всего под ударением находится гласный а или ы, значительно реже – гласный последующего слога.

Преверб хәла // хәл(ы). (Р. Н, Клычев. с. 55; К. В. Ломгатидзе, с. 53; К. С. Шакрыл. с. 52). Очевидно, что преверб – хәла и хәлы в слове ахәламшәа «горло, гортань» одного происхождения. Он в глагольную основу вносит семантику, указывающую на действие или состояние в области гортани, полости рта. Выступает в основе в сопровождении косвенного объекта.

Статическая форма: илыхәлоуп «то (в.) в ее горле, глотке, в полости рта находится».

В динамических глаголах хәла // хәл(ы) сочетается а) с корне-суффиксом ҵа: ахәлаҵара: илыхәланаҵеит «то (в.) в ее глотку оно засунуло», б) с суффиксом ха: ахәылахара: илыхәласит «тем она захлебнулась», в) со связанными корнями: ахәлашәара: илыхәлашәеит«то (в.) (маленькая) попало в ее горло, гортань», ахәлажьра: иахәлаижьит «то (в.) он бросил в рот», г) с основами глаголов: ахәлачра: илыхәлачит «в ее горле вошел воздух, поперхнулась», ахәлаҭәҳәара: илыхәлаҭәҳәеит «вдохнули в ее горло», ахәласра: илыхәласит «тем она захлебнулась».

В словоформах с превербом хәла // хәл(ы) ударение падает на слог косвенного объекта: илы́хәласит, илыхәлыжьит.

Преверб цра. Ц преверба можно увязать с корнем слова амца «огонь», аца «горячий». Слова с этим превербом означают «горение».

Статическая форма иацроуп «то (в.) горит», находится в состоянии горения», исыцроуп «то (в.) во мне горит».

В динамических глаголах цра сочетается с корне-суффиксами ла: ацралара: иацралеит «то (в.) сгорело», ҵа: ацраҵара: иацрасцеит «то (в.) я подожгла, разожгла».

Преверб цә. Б. В. Шинкуба преверб цә увязывает с корнем слова ацәа «кожа», цә - обозначает действие (или состоя-

ние), происходящее наружи. Р. К. Гублия данное значение считает одним из значений полисемантической морфемы цәы[1]. Его словообразовательные возможности очень ограниченные. Реализуется в основе без показателя косвенного объекта.

Статическая форма: ицәыуп «то выставлено, вывешено наружу».

Динамическую основу глагола цә образует в сочетании:

а) с корне-суффиксами:

ла: ацәылара: дцәылеит «он (ч.) вышел наружу».

ҵ: в каузативном оформлении: ацәырҵра: дцәырҵит «он (ч.) вышел из-под чего-то наружу».

ҵа: ацәҵара: ицәылҵеит «то (в.) она вывела, вывесила наружу».

х: ацәыхра: ицәылхит «то (в.) она сняла (вывешенное)».

б) с некоторыми глагольными основами: ацәыргара: ицәырылгеит «то (в.) она вынесла».

Преверб цәыҵа. (См. преверб ҵа).

Преверб ҵа // ҵ(ы). (Ж. Дюмезиль, с. 137; Р. Н. Клычев, с. 20; К. В. Ломтатидзе, с. 26; П. К. Услар, с. 87; А. С. Чикобава[2]; К. С. Шакрыл, с. 39). Преверб ҵа//ҵ(ы) соотносится со словом аҵа «дно». Означает он нахождение, действие на дне чего-л. или под чем-л. Преверб реализуется в основе глагола как с показателем косвенного объекта, так и без него. Преверб имеет очень широкую сферу использования.

Статическая форма: иаҵоуп // иҵоуп «то (в.) находится на дне чего-л., под чём-л.».

В основах динамических глаголов преверб ҵа // ҵ(ы) сочетается:

а) с корне-суффиксами:

ла: аҵалара: даҵалеит «он (ч.) полез под что-л.».

ҵ: аҵыҵра: дыҵҵит «он (ч.) вышел, вылез из-под чего-л».

ҵа: аҵаҵара: иаҵалҵеит «то (в.) она подложила подо что-то»; илыҵалцеит «то (в.) она подложила под себя»,

х: аҵхра: иаҵылхит «то (в.) она вытащила из-под чего-то». илыҵылхит «то (в.) она вытащила из-под себя».

б) с суффиксом ха: аҵахара: даҵахеит «он застрял под чем-то», «попал подо что-то», «он проиграл».

в) со связанными глагольными корнями: аҵаҳара «упасть под что-л.», аҵажьра «бросить под что-либо», иҵажьцәара: даҵажьцәеит «он (ч.) плюнул подо что-то», аҵаԥәалара: илыҵаԥәалеит «то под нею согнулись, ноги подкосились, согнулись».

г) с глагольными основами: аҵагылара: даҵагылеит «он (ч.) встал подо что-то», аҵатәара; даҵатеит «он (ч.) сел под что-то», иҵаныҳәхара: даҵаныҳәеит «он (ч.) помолился под чем-то».

В образованиях, в которых локальный преверб ҵа реализуется с показателем косвенного объекта, подударным становится слог косвенного объекта: да́ҵаныҳәеит он под чем-то помолился», в образованиях же с ҵа без косвенного объекта подударным становится слог прямого объекта; и́ҵаиргылт // ахьтәы хаҧыцқәа ы́ҵаиргылт «он вставил золотые зубы», аҵарҕәҕәара: и́ҵаирҕәҕәеит; и́ҵаирбгеит // ы́ҵаирбгеит икәша-мыкәша зегьы ыҵаирбгеит «вокруг все он разрушил». Не исключены случаи, когда под ударением находится слог преверба ҵы: дцы́кәкәеит «он совершенно ослабел, исхудал», аҵлақәа ҵырԥәдааны игылан «деревья стояли обрезанные», ихахәы ҵиы́рԥәыдит «он подстриг волосы», ацәқәа ҵды́ртлеит «быков распрягли».

К ряду глаголов с превербом ҵа // ҵ(ы) присоединяются элементы цәы, хәы, совместно с ҵа // ҵ(ы) образуя сложный формант **цәыҵ(а)**, **хәыҵ(а).** Каждая из них вносит определенную конкретную семантику в лексическое значение

[1]Гублия Р.К. Абхазо-адыгские этимологии. Сухум, 2004, с. 68.

[2]А. С. Чикобава. О значении преверба на в грузинском языке. Известия ИЯИМК, т.1 Тб., с. 40- 47.

мотивированной основы. Необходимо заметить, что цәы, хәы занимают позицию личного показателя косвенного объекта, появление которого в мотивированной основе обусловлено превербом ҭа, и тем самым исключают появления показателя косвенного объекта в глагольной основе. Образования с формантом цәыҵ(а), хәыҵ(а) - это одно-личные и двухличные глаголы.

Образование с превербом цәыҵ(а) выражают нахождение, действие под чем-то, в углубленном, в замкнутом пространстве, в расщелине, под покрывалом.

Статическая форма: дцәыҵоуп «он <ч.) находится под чем-то».

В динамических основах глагола цәыҵ(а) сочетается:

а) с корне-суффиксами:

ла: ацәыҵалара: дцәыҵалеит «он (ч.) залез под что-то».

х: ацәыҵхра: дцәыҵихит «он его вытащил из-под расщелины».

ҭа: ацәыҵаҵара: ицәыҵеиҵеит «то (в.) он положил под что-то».

ҵ: ацәыҵҵра: ицәыҵҵит «то (в.) вышло из-под чего-то».

б) с суффиксом ха: ацәыҵахара: ицәыҵахеит «то (в.) застряло под чем-то».

в) со связанными глагольными корнями: ацәыҵаҳара: дцәыҵаҳаит «он (ч.) упал в расщелину», ацәыҵажьра: ицәыҵаижьит «то (в.) он бросил под что-то».

г) с глагольными основами: ацәыҵаԥшра: дцәыҵаԥшит «он (ч.) посмотрел в расщелину», ацәыҵгара: ицәыҵигеит «то (в.) он вытащил из расщелины» из чего-то».

Образования с формантом хәыҵ(а) выражают нахождение и действие под чем-то, в узком пространстве (берлоге, крысятнике...)».

Статическая форма: ихәыҵоул «то (в.) находится под чем-то внизу».

В динамических основах глагола хәыҵ(а) сочетается:

а) с корне-суффиксами:

ла: ахәыҵалара: ихәыҵалеит «оно залезло под или во что-то (берлогу)».

ҵ: ахәыҵҵра: ихәыҵҵит «оно вышло».

ҭа: ахәыҵаҵара: ихәыҵеиҵеит «то (в.) он положил во что-то или под что-то».

х: ахәыҵхра: ихәыҵихит «то (в.) он вытащил из чего-то».

б) с суффиксом ха: ахәыҵахара: ихәыҵахеит «то (в.) застряло под (и в) чем-то».

в) со связанными глагольными корнями: ихәыҵаижьит «то (в.) он забросил во что-то».

г) с глагольными основами: ахәыҵатәара: дхәыҵатәеит «он сел под чем-то».

Во всех словоформах глаголов с превербом цәыҵ(а) хәыҵ(а) ударение падает на гласный ы: ацәы́ҵалара: дцәы́ҵалеит, ахәы́ҵалара: дхәы́ҵалеит, ацәы́ҵатәара: дцәыҵатәеит.

Преверб ҧа // ҧ(ы). (Р. Н. Клычев, с. 41; К. В. Ломтатидзе, с. 25; К. С. Шакрыл. с. 41; Б. В. Шинкуба, с. 299). Преверб ҧа // ҧ(ы) восходит к слову аҧы (→ аҧа) «лицо, рот, лицевая сторона чего-л.». Эти значения сохраняются и в превербе, обозначая локализацию действия или состояния на лице или перед лицом, напротив чего-либо. В основах глаголов преверб реализуется с показателем косвенного объекта.

Статический глагол: илҧоуп // илҧататоуп «на ее лице что-то находится», «лицо чем-то обляпано».

Использование преверба ҧа // ҧ(ы) в основах динамических глаголов широкое.

В них они сочетаются:

а) с корне-суффиксами:

ла: аҧалара: илҧалеит на ее лице появилось что-то».

ҵ: аҧыҵра: илҧыҵит «то (в.) вышло из ее рта, лица».

ҵа: аҽатцара: илҽеиҵеит «тем он ее накормил»,
«то он внес в ее рот».
х: аҽыхра: илҽихит «то (в.) он сорвал с ее лица,
изо рта, перен. «он ее заставил признаться».

б) с суффиксом ха: аҽахара: даҽахеит «он застрял, запнулся».

в) со связанными глагольными корнями: аҽаҭәара: илҽаҭәеит «то (в.) забрызгало, облило ее лицо», исҽасҭәеит «тем я облил себя», илҽеиҭәеит «тем он ее облил», аҽататара: илҽататеит «то (в.) облепило ее лицо», аҽаахара: лҽаалхеит «она направилась».

г) с глагольными основами: аҽагылара: диҽагылеит «он (ч.) встал напротив него, досл.: «напротив его лица», перен. «он выступил против него», аҽаԥшьра: иаҽаԥишьит «то (в.) к чему-то добавил, «к лицу чего-то он добавил, присоединил», аҽаԥхара: иаҽаԥхеит «то осветило лицо», аҽаԥшра́: диҽаԥшит «он на него посмотрел в лицо».

В образованиях с ҽа, восходящий к слову «рот», ударным может быть любой слог».

Преверб ҽа. Преверб ҽа в ряде слов обозначает локализацию на горе, на скале, обрыве, на каком-л. подъеме. И о этих словах ҽа сопровождает показатель косвенного объекта. По всей вероятности, генетический это тот же ҽа, означающий «рот, лицевую часть чего-либо», но в сочетаний со словами, означающими гору, высоту, скалу, приобрел такую семантику.

Статический глагол: даҽоуп «он (ч.) находится на скале. на горе, на краю обрыва», иаҽоуп «приделано (есть): ашә амаа ҕәҕәаны иаҽоуп «к двери ручка крепко (есть) приделана».

Динамические глаголы образуются с суффиксами;

ха: даҽахеит «он (ч.) застрял на скале, на чем-то вертикальном».

ла: даҽалеит «он (ч.) поднялся (на гору, на скалу)».

ҽа с семантикой скалы встречается в словах: аҽазра: даҽазит«он (ч.)погиб (на скалах)», аҽаԥсра: даҽаԥсит «он

(ч.) умер (на горе, на скале)», аҽгара: иаҽигеит «он проложил (дорогу по склону горы)», аҽҟьара: даҽҟьеит «он (ч.) сорвался (со скалы, вершины)», аҽыбгара: иаҽыбгеит «то (о скале, о выступе) развалилось», аҽысра: даҽысит «он прошел (по крутому склону, по обрыву, по горе)».

Преверб ҽа. Данный преверб является омонимом предыдущих ҽа. Этимология его не ясна. Возможно, это тот же ҽа, что и в словах аҽа «новый», аҽар «молодежь». ҽа с такой семантикой встречается в нескольких словах - иҽоуп «то (о фрукте) висит», иҽалеит «он // они повисли (о фруктах), т. е. появились», аҽыхра: иҽысхит «то я сорвал».

В словоформах с превербом ҽа// ҽы под ударением чаще находится гласный преаерба. Случаи же с иной расстановкой ударения не являются исключением.

Преверб ҽыжә. (Ж. Дюмезиль, с. 146; Р. Н. Клычев. с. 35. 60; К. В. Ломтатидэе. с. Б, В. Шинкуба, с. 301). Преверб сложный: состоит из ҽы, восходящий к слову аеы «лошадь» и жә, восходящий к корню слова плечо - ажәҳа-хыр. Выражает локализацию на лошади.

Статическая форма: дҳыжэуп «он (ч.) верхом (на коне)».

В динамических основах глагола ҽыжә сочетается:

а) с корне-суффиксами:

ла: аеыжәлара: дҽеыжәлеит «он (ч.) сел верхом (на лошадь)»,

ҵ: аеыжәҵра: дҽеыжәҵит «он (ч.) сошел с (лошади)»,

ҵа: аеыжәцра: дҽеыжәиҵеит «он (ч.) его посадил на лошадь».

х: аеыжәхра: дҽеыжәихит «он (ч.) его спешил».

б) с некоторыми самостоятельно существующими корнями глаголов: аеыжәԥара: дҽеыжәԥеит «он (ч.) спрыгнул с коня», аеыжәҟьара: дҽеыжәҟьеит «он (ч.) слетел с коня», аеыжәыжьлара: дҽеыжәижьлеит «он его (ч.) бросил верхом на коня».

Во всех образованиях с превербом ҽыжә под ударением находится гласный преверба.

Преверб ·еҳәа // ·еҳә(ы) (Р. Н. Клычев. с. 30-31; К. В. Ломтатидзе, с -12, К. С. Шакрыл, с. 46; Б. В. Шинкуба. с. 302). По К. С. Шакрыл, «слово аеҳәа означает боковые стороны очага, в котором разводят костер». Преверб восходит к слову аеҳәа «очаг». Означает нахождение, движение, действие возле очага. Реализуется в глагольной основе без показателя косвенного объекта.

Статическая форма: иеҳәоуп «то (в.) находится у очага».

В динамических основах глаголов ·еҳәа // ·еҳә(ы) сочетается:

а) с корне-суффиксами:

ла: аеҳәалара: дыеҳәалеит «он (ч.) подошел к очагу».

ҵ: аеҳәыҵра: дыеҳәыҵит «он (ч.) отошел от очага».

ҵа: аеҳәаҵара: иеҳәеиҵеит «то (в.) он подвел к очагу»,

х: аеҳәыхра: иеҳәихит «то (в.) он унес от очага».

б) с суффиксом ха: аеҳәахара: дыеҳәахеит «он (ч.) остался, задержался у очага».

в) со связанными глагольными корнями: аеҳәажьра: иеҳәаижьит «то (в.) он бросил в очаг», аеҳәажьцәара: дыеҳәажьцәеит «он (ч.) плюнул в очаг».

г) с глагольными основами: аеҳәатәара: дыеҳәатәеит он (ч.) сел возле очага», аеҳәагылара: дыеҳәагылеит «он (ч.) встал возле очага», аеҳәаргылара: иеҳәаиргылеит «то (в.) он поставил возле очага».

Преверб ·еҳәа // ·еҳә(ы) не меняет позиции ударения в мотивированной основе.

Преверб шьа // шь(ы). (Ж. Дюмезиль, с. 143; Р. Н. Клычев, с. 42; К. В. Ломтатидзе, с. 47 - 48; П. К. Услар, с. 63). Преверб шьа // шь(ы) восходит к корню ашьапы «нога». Это значение четко проявляется в превербе, соответственно указывающий на нахождение, действие на ноге. В глагольной основе шьа // шь(ы) реализуется с показателем косвенного объекта. Словообразовательная продуктивность преверба очень низка.

Статическая форма; илышьоуп «на ее ноге надето то (в.)».

В динамических основах глаголов преверб шьа // шь(ы) сочетается:

а) с корне-суффиксами:

ла: ашьалара: илышьалеит «то (в.) на ее ногу налезло, наделось»,

ҵа: ашьаҵара: илышьаиҵеит «то (в.) он надел на ее ногу»,

х: ашьхра: илышьихит «то (в.) он снял с ее ноги», исышьасхит «то (в.) я сняла со своей ноги

ҵ: ашьыҵра: илышьҵит, то (в) сошло с ее ноги

Преверб шьа // шь(ы) непосредственно не присоединяется как к связанным, так и несвязанным глагольным основам. Исключение составляет глагол ашьаҳара: иршьаҳаит «то (в.) они опутали, точнее, они ноги связали». Производящей основой для таких образований обычно выступают основы, в которых уже имеется какой-либо локальный преверб. В них помимо значения «ноги», он может выступить в значении «основы»: ашьақәгылара: ишьақәгылеит «то (в.) обосновалось», ашьақәырҕәҕәара: ишьақәирҕәҕәеит «то (в.) он утвердил, закрепил, подтвердил», ашьақәҵәара ишьақәтәеит «то (в.) утихомирилось, успокоилось, осело».

В образованиях модели преверб шьа+ корне-суффикс под ударением находится слог косвенного объекта. В других случаях шьа не изменяет позицию ударения в мотивированной основе глагола.

Преверб шьҭа // шьҭ(ы). (Р. Н. Клычев, с. 20-21; К. В. Ломтатидзе, с. 76 - 79; К. С. Шакрыл, с. 53; Б. В. Шинкуба. с. 301). Преверб сложный: состоит из шьа (→ ашьапы «нога») и локального преверба ҭа. В статической форме шьҭа означает лежать: дышьҭоуп «он (ч.) лежит». В динамических основах - действие на полу, в постели, на земле. В глагольных основах шьҭа шьҭ(ы) всегда представлен без показателя косвенного объекта. Словообразовательная продуктивность низкая.

В динамических основах глагола шьҭа // шьҭ(ы) сочетается:

а) с корне-суффиксами

ла: ашьҭалара: дышьҭалеит «он (ч.) лег».

ҵ: ашьҭыҵра: дышьҭыҵит «он (ч.) поднялся».

ҵа: ашьҭаҵара: ишьҭалҵеит «то (в.) она положила (на пол, на землю...)», локальная семантика преверба утрачена.

х: ашьҭыхра: ишьҭылхит «то (в.) она подняла».

б) с суффиксом ха: ашьҭахара: дышьҭахеит «он (ч.) долго пролежал».

в) с глагольными основами; ашьҭакшара: ишьҭеикшеит «тем (палкой) он ударил по низу, по полу», ашьҭарҳәазара: ишьҭаирҳәазеит «то (в.) он поволок по земле», ашьҭыԥраара: ишьҭыԥрааит «то (в.) взлетело», ашьҭрыцқьаара: ишьҭирыцқьааит «то (в.) он вычистил, вымел».

Преверб шьҭа // шьҭ(ы). (К. В. Ломтатидзе, с. 76 - 79). Преверб производный. Он восходит к слову ашьҭа след», компоненты которого этимопогизируются так же, как и предыдущий шьҭа. Семантика его указывает на нахождение, действие, связанное со значением «преследовать», «гнаться», «следовать». В отличие от предыдущего преверба шьҭа // шьҭ(ы) данный преверб реализуется с показателем косвенного объекта.

Статическая форма: длышьҭоуп «он (ч.) находится в состоянии ее сопровождения, преследования».

В динамической основе глагола преверб сочетается:

а) с корне-суффиксами:

ла: ишьҭалара: дишьҭалеит «он (ч.) последовал за ним»,

ҵа: ашьҭаҵара: дишьҭасҵеит «его (ч.) я послал следом за ним».

б) с глагольными основами: ашьҭанеира: дишьҭанеит «он (ч.) пошел следом за ним», ашьҭагылара: дишьҭагылеит «он (ч.) встал за ним», ашьҭаныӷәара: дишьҭаныӷәеит «он (ч.)

ходил следом за ним», ишьҭаԥшра: дрышьҭаԥшит «он (ч.) проследил, посмотрел вслед им», ашьҭапырра: иашьҭаԥрит «то (в.) полетело вслед за чем-то».

В отличие от предыдущего шьҭа, который в основном не изменяет позицию ударения, в этих образованиях подударным выступает слог косвенного объекта.

Преверб шә. (К. В. Ломтатидзе, с. 48). Основы с превербом шә означают «быть одетым», «одеваться», или «быть раздетым, раздеться». Ныне не представляется возможным связать его с каим-либо именем, указывающим на часть тела. По Р. К. Гублия, шә в глаголе ашәҵара «одеваться» означает «слой» (материал)», (с. 76)[1]. В глагольной основе шә представлен с показателем косвенного объекта. Словообразовательная продуктивность преверба шә очень низкая. Преверб шә может быть использован в качестве основы статического глагола: илшәуп «то (в.) на ней одета (есть)» и в сочетании с корне-суффиксами ла, ҵа, х - в основах динамического глагола:

ла: ашәылара: илшәылеит «то (в.) на нее налезло».

ҵа: ашәҵара: илшәиҵеит «то (в.) он на нее надел», илшәылҵеит «то (в.) она на себя надела».

х: ашәыхра: илшәихит «то (в.) он с нее снял», илшәылхит «то (в.) она с себя сняла».

Во всех спрягаемых словоформах подударным слогом является слог с лревербом шә.

Преверб ҩна // ҩн(ы). (Р. Н. Клычев, с. 30; К. В. Ломтатидзе, с. 9: К. С. Шакрыл, с. 47; Б. В. Шинкуба, с. 301). Преверб ҩна // ҩн(ы) восходит к слову аҩны «дом» и означает нахождение, действие, движение в доме. Реализуется без показателя косвенного объекта. Преверб имеет сравнительно широкое применение.

Статическая форма; иҩноуп «то (в.) находится в доме».

В динамических глаголах преверб ҩна // ҩн(ы) сочетается:

а) с корне-суффиксами:

[1]Гублия Р К. Абхасзко-адыгские этимологии. Сухум. 2004.

ла: аԥоналара: дыԥоналеит «он (ч.) вошел в дом».

ҵ: аоныҵра: дыԥоныҵит «он (ч.) вышел из дома».

ҵа: аԥонаҵара: дыԥонасҵеит «его (ч.) я ввел, водворил в дом».

х: аԥоныхра: иԥонысхит «то (в.) я взял из дома, до словно: я снял с верхней части дома».

Необходимо заметить, что значение «выйти из дома» и «вывести из дома» вместо *аԥоныҵра, аԥоныхра* чаще используется *адәылҵра*, *адәылгара.*

б) с суффиксом ха; аԥонахара: дыԥонахеит «он (ч.) задержался, застрял в доме».

в) со связанными глагольными корнями:

аԥонажьра: иԥоналыжьит «то (в.) она бросила в доме», аԥонаҳара: иԥонаҳаит «то (в.) ввалилось в дом», аԥонажьцәара: дыԥонажьцәеит «он (ч.) плюнул в доме», аԥонацара: иԥонеицеит «то он загнал в дом» // аԥонацалара: иԥонеицалеит.

г) с глагольными основами: аԥонатәара: дыԥонатәеит «он (ч) уселся в доме», аԥонаԥшра: дыԥонаԥшит «он заглянул в дом», аԥонабара: иԥонабеит «то (в.) в доме высохло», аԥонабылгьара: дыԥонабылгьеит «он (ч.) кувыркался в помещении», аԥонаԥхара: иԥонаԥхеит «то (в.) осветило помещение», аԥоначра: иԥоначит «то (помещение) наполнилось дымом» // газом».

Преверб ԥона // ԥон(ы) в сочетании с корне-суффиксами всегда находится под ударением. В остальных же образованиях ԥона в основном не меняет позицию ударения производящей основы.

Влияние локативных превербов на акцентную кривую производящей глагольной основы отмечалось исследователями абхазского и абазинского языков. Так, Б В. Шинкуба в работе «Именные основы-превербы в абхазском глаголе»[1] прослеживает движение ударения в разных словоформах с разными превербами отдельных глаголов. В основном это словоформы масдара, изъявительного и повелительного наклонений, а также отрицательные и каузативные обра-

[1]Шинкуба Б. В Именные основы-превербы в абхазском глаголе. Труды Абхазского института ЯЛИ, т. ХХ\/.Сухуми. 1954. С. 298-322.

зования. Материал систематизирован по месту ударения. Помимо основного ударения он в словоформе отметил наличие добавочного, второстепенного ударения, которое слабее основного, но принимает участие в формировании акцентной кривой словоформы[1]. Н. В. Аршба, анализируя место ударения в основных парадигмах глаголов с простой основой, приходит к заключению, что «в подавляющем большинстве место ударения масдарных форм тождественно с местом ударения личных форм». В превербных образованиях глагола наблюдается точно такая же аналогия. Однако немало встеречаются и такие, в которых место ударения в масдаре и в спрягаемой форме не совпадают. Сопоставление абхазского материала с абазинским позволило Н.В. Аршба сделать ряд выводов: 1) совпадение место ударения е масдаре и спрягаемой форме явление более древнее, чем расхождение между ними, 2) абазинский глагол во многих случаях более подчиняется закономерностям в постановке ударения, 3) место ударения, его передвижение в основном обусловлены с разной огласовкой превербов. На появление подударного гласного ы в некоторых превербных образованиях абхазского и абазинского языков обратила внимание К. В. Ломтатидзе, который, по ее мнению, некогда выполнял наречно-падежную функцию. По ее предположению, данная морфема с дательно-обстоятельственным значением в виде префикса оформляла имя. которое затем стало превербом в основе глагола[2]

Анализ превербных глаголов, представленный выше, подтвердил положение о роли локальных превербов в формировании акцентной кривой в производной основе (точнее словоформе) и что в этой функции они не равны. Есть превербы, которые обусловливают рецессию, есть такие, кото-

[1]«Аршба Н. В. Место ударения масдарных и личных форм превербных глаголов абхазского языка. Система превербов и послелогов в иберийско-кавказских языках. Черкесск. 1983. с. 144 - 149.

[2]Ломтотидзе К. В. Основные виды локальных превербов и их оформление в абхазском и абазинском языках. Тб. 1982.

рые не в состоянии изменить акцентную кривую производящей основы, но есть и такие, которые в определенных случаях изменяют акцентную кривую.

Наши наблюдения за словоформами с производящей и производной основами показали, что акцентная кривая глагольных словоформ не зависит от морфологических формантов. Морфемы наклонения, временные, отрицательная, вопросительные, обстоятельственные не меняют их акцентные характеристики.

Этого нельзя сказать относительно структуры и особенностей локальных превербов, а также о структуре превербных глаголов в плане сочетаемости превербов с производящими основами, с корне-суффиксами, со связанными глаголами и суффиксом ха. Разные комбинации сочетаний дает разные акцентологические типы. Обзор исследуемого материала позволил произвести систематизацию превербе с этих позиции, выделяя группы.

I группа. В эту группу входят превербы, которые обусловливают место ударения, ставя его на показатель косвенного объекта в спрягаемой форме и на показатель общности в масдарной форме. Если показатель косвенного объекта выражен согласной фонемой, то ударение в этих случаях падает на ы. следующий за показателем косвенного объекта. Это превербы ва//в(ы), вца, қә, д, ла//л(ы), ма//м(ы), мҕа//мҕ(ы), мҵа//мҵ(ы), ца//ц(ы) (частично), жә, шьа, шьҭа (в значении «вслед»).

Перечисленные превербы в глагольной основе реализуются с показателем косвенного объекта.

атәара: дтәеит «он (ч.) сел	а́ватәара: да́ватәеит «он (ч.) сбоку чего-то сел»
агы́лара: дгы́леит «он (ч.) встал→	а́ҵагылара: да́ҵагылеит «он (ч.) под чем-то встал»
акра́: даки́т «его что-то схватило, задержало»	а́макра: илы́меикит «то (в.) он у нее оспаривал».
агара́: илге́ит «то (в.) она взяла»→	а́вҵгара: иа́вҵигеит «то (в.) он из-под чего-то забрал».
аҧшра́: дыҧши́т «он (ч.) посмотрел» →	а́лаҧшра:да́лаҧшит «он (ч.) посмотрел во что-то (в массу)».
акра́: иркы́т «то (в.) они поймали, задержали» →	а́мҵакра: илы́мҵаркит «то (в.) они ей поднесли».
	а́шьҭахысра: ди́шьҭахысит «он (ч.) выстрелил вслед за ним».
ачӄа́бра: илчӄа́бит «то (в.) она слепила» →	а́дчӄаблара: иа́дылчӄаблеит «то (в.) она к чему-то наклеила».
ақатцара́: иқасце́ит «то (в.) я сделала» →	а́қәқатцара: иа́қәқарцеит «то (в.) поверх чего-то они сделали»
а́захра: сзахи́т «сшил»	а́қәзахра: иа́қәылзахит «то (в.) она пошила поверх чего-то»)

Все парадигмы глаголов этой структуры имеют данную акцентную кривую: да́вцаҕшып «он (ч.) под что-то посмотрит», уи́вҵаҧшы «ты посмотри под что-то», ди́вҵаҧшыр «еспи он (ч.) посмотрит под что-то», да́вҵамҧшит «он не посмотрел под что-то», да́вҵаҕшыма? «посмотрел ли он под что-то?», дана́вҵаҕшы «когда он (ч.) посмотрел под что-то».

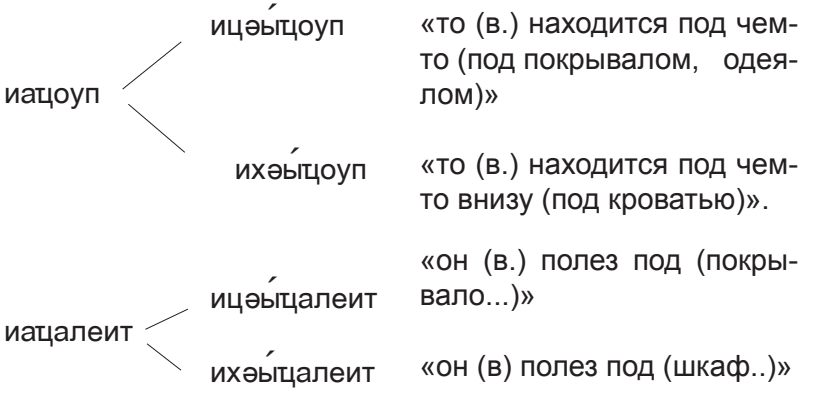
Этот же тип акцентной кривой имеют основы, представляющие сочетание преверба со связанным корнем и преверба с корне-суффиксом, а также с суффиксом ха.

а́ҵаҳара: иа́ҵаҳаит «то (в.) свалилось под что-то», а́ҵажьра: иа́ҵалыжьит «то (в.) она под что-то бросила»,

аҵашәара: иа́ҵашәеит «то (мелкое) закатилось, упало под чего-то», а́мҕаҵара: илы́мҕасҵеит «то (в.) я ей заложил за пояс», а́мҕыхра: илы́мҕихит «то (в.) он снял с ее (пояса)», а́шьаҵара: илышьасҵеит «то я ей надел на ногу», а́жәлара: ди́жәлеит «он (ч.) на него напал», а́жәҵара: дсы́жәырҵеит «его (ч.) они на меня натравили», а́шьҭалара: ди́шьҭалеит «он (ч.) пошел вслед за ним», а́лалара: иа́лалеит «то (в.) вошло во что-то (в массу)», а́лҵра: иа́лҵит «то (е.) вышло из чего-то (из массы), да́вахеит «он (ч) задержался, застрял сбоку чего-то», да́ҵахеит «он (ч.) оказался, задержался, застрял под чем-то, проиграл», илы́мҵахеит «то (в.) перед нею задержалось».

В отличие от превербов ва, вҵа, д, ма, мҵа, хәла, мҕа, шьа шьҭа, которые всегда в основе глагола находятся в сопровождении показателя косвенного объекта, превербы қә, ла, ҵа в основе могут быть и без показателя косвенного объекта. В этих случаях подударным становится первый слог производной основы: ды́қәыргеит «его (ч.) убрали», ды́қәҵит «он (ч.) убрался, ушел», ды́қәгылеит «он (ч.) встал, выступил», ср.: Ажьа абна и́лҟьеит «заяц выскочил из лесу» и Ахы аҕәы иа́лҟьеит «пуля сквозь доску пролетела», и́ҵаиргылеит (ахапыцқәа) «он вставил (зубы)», и́ҵирчааит «он раздул, надул под чем-то», и́лаижьит «он то во что-то бросил», дықәхеит «он (ч.) остался, застрял, задержался на чем-то».

Как известно, личный показатель III лица и в глаголе опускается, если синтаксически связанное с ним слово непосредственно стоит перед этим глаголом. В данном же случае вместо и может появиться подударный ы, который, по предположению К. В. Ломтатидзе, некогда выполнял дательно-обстоятельственную функцию: аны́шә агәы ы́ҵурчааит «ты сердце земли раздул», аҵәца ы́қәлыргылеит «она поставила стакан», ипалта ы́ҵаиреылеит «он пальто подогнул», аҳәызба ы́лаиршьшьит «он провел, пропустил, вонзил во что-то нож» (подробнее на с. 55).



В словоформах с превербом ҵ(а) подударным может быть слог преверба или последний слог основы: дҵыкәкәе́ит «он (ч.) исхудал, осла́бел», иҵыиблааит «то (в.) он поджег (низ)», ихахәы циырффе́ит «он подстригся».

II группа. Во вторую группу входят превербы, представленные двумя слогами или закрытым слогом: гәара // гәар, гәыла, гәыл // ҕыҵа // ҕыҵ, дықә,кыд, кыла // кыл, мҟәыҵа // мҟәыҵ, мпыҵа // мпыҵ, хәыҵа // хәыҵ, цәыҵа // цәыҵ, ҿыжә, дәыл, ԥыра //ԥыр, гәыд.

В глагольных словоформах с перечисленными превербами под ударением стоит первый слог преверба или гласный преверба. В них позиция ударения фиксированная. Она не зависит ни от морфологических формантов, ни от переходности / непереходности, ни от структуры основы, ни от исхода преверба. Она таже не соотносится с акцентной кривой масдара производящей основы:

агара «забрать» → адәы́қәгалара: идәы́қәыргалеит «то (в.) они с собой вынесли, вывели».

азра «пропасть, потерять» → адәы́лзаара: идәы́лзааит «то (в.) исчезло из помещения».

аԥшра «смотреть» → акы́дԥшылара: дкы́дԥшылеит «он (ч.) посмотрел на что-то плоское, вертикальное».

агәара «толкать, запихать» → ацәы́ҵагәара: ицәы́ҵаргәеит «то (в.) они затолкали во что-то узкое, под чем-то, скрытое».

аҧера «ломать» → ампы́ҵаҧшра: илымпы́ҵаҧеит «то (в.) у нее в руке, перед нею разбилось».

агылара «вставать, стоять» → агәы́лгара: игәы́лыргеит «то (в.) они из середины чего-то провели».

атәара «сидеть» → ахәы́ҵатәара: дхәы́ҵатәеит «он (ч.) сел во чхо-то тесное, скрьгтое)».

аҧыратәара: даҧыратәеит «он сел перед, поперек чего-то»,

агәы́латәара: дагәы́латәеит «он (ч.) сел посреди чего-то».

ага́раҵара: дга́ралҵеит «его (ч.) она уложила в люльку».

агархра: дгарылхит «его (ч.) убрала, взяла с люльки»,

агәа́рлара: игәа́рлеит «они (скот) вошли в стойбище.

возвратились», игәа́рҵит «они (скот) вышли из стойбища».

агәылалара: дагәы́лалеит «он (ч.) вошел в середину чего-то».

аҕы́ҵалара: дҕы́ҵалеит «он (ч.) вошел в зиму, зимует», дҕыҵҵит «он (ч.) вышел из зимовки, перезимовал».

мҟәы́ҵ(ы)ҵара: илымҟәы́ҵҵит «то (в.) выпало из ее рук»,

ҽыжә: дҽы́жәлеит «он (ч.) сел на коня», дҽы́жәҵит «он (ч.) сошел с коня», дҽы́жәырхит «его (ч.) они сняли с коня».

иагәы́лаижьит «то (е.) он бросил в середине чего-то»,

икы́дижьылеит «то (в.) он бросил на что-то вертикальное, плоское», ихәы́ҵаижьит «то (в.) он бросил во что-то тесное, скрытое, под чем-то», игәыдижьлеит «то (в.) он на него (в его сердце) бросил»,

ха́: иагәы́лахеит «то (в.) застряло в середине чего-то», ихәы́ҵахеит // ицәы́ҵахеит «то (в.) застряло, задержалось под чем-то внутри чего-то тесного, скрытого», икы́лахеит «то (в.) в отверстии застряло».

III группа. В эту группу объединены превербы которые образуют основы с разной акцентной кривой. Это превербы ҽа // ҽ(ы), ҕа // ҕ(ы), ҕра // ҕр(ы), ҽҳәа // ҽҳә(ы), н, ҧ, ҭ(ы) //

ѡна, ѡны // бжьа // бжь(ы), ʒха // ʒх(ы). Наблюдения над словоформами с данными превербами позволили выявить некоторую закономерность, связанную с той или иной акцентной кривой. Выясняется, что акцентные кривые тесно связаны с переходностью и непереходностью глагола, со структурой производящей основы; с акцентной кривой производящей основы, с одной стороны, и с масдаром, с другой стороны, и, возможно, с чем-нибудь еще другим, что нами пока не выяснено.

1. Если производящая основа представляет собой переходный глагол с простой основой, то в производной основе под ударением чаще стоит слог преверба:

агара «нести» → аҭагалара: иҭа́ргалеит «то (в.) они внесли», иҭы́ргеит «то (в.) они вынесли» абжьагалара: ибжьа́ргалеит «то (в.) они между чем-то провели»,

аҕҽагалара: иҕҽа́ргалеит «то (в.) они в угол внесли», аѡнагалара: иѡна́ргалеит «то (в.) они в дом внесли»,

аʒха галара: иʒха́ргалеит «то (в.) к берегу принеспи».

акра: «держать, ловить» → аҭакра: иҭа́ркит «то (в.) они закрыли», задержали», абжьакра: ибжьа́ркит «то (в.) между чем-то задержали»,

аѡнакра: иѡна́ркит «то (в.) они в доме задержали, закрыли.

аҽҳәакра: дыҽҳәа́ркит «его (ч.) они возле очага задержали».

Аналогичная акцентная кривая в словоформах: иҭа́лкәаҳаит «то (в.) она в чем-то замесила», дыбжьа́рҟәаҟәеит «его (ч.) между чем-то раздавили, помяли», иҭа́ихәеит «то (в.) он выжал (виноград) в чем-то». дыҕҽа́ршьит «его (ч.) убили в углу», иҽиҟәаҟәеит «он притупил (лезвие ножа)».

2. Если производящая основа переходного глагопа осложнена превербом или каузативным формантом, то в производной основе акцентная кривая повторяет акцентную кривую производящей:

аҧера: иҧы́леит «то (е.) она сломала, разбила» →

иҭаԥы́лҽеит «то (в.) она сломала, разбила, расколола в чем-то».

аԥцәа́ра: иԥылцәеит «то (в.) она сломала» → иҭагъылцәеит «то (в.) она в чем-то сломала».

аԥжәара: иԥылжәеит «то (в.) она разорвала» → иҭагъылжәеит «то (в.) она в внутри чего-то разорвала».

артлара: илыртлеи́т «то (в.) она распорола, распустипа (пряжу)» → иԥлыртлеит «то (в.) она расстегнула, распорола» (ударение возможно и на слоге субъекта).

артәара: длы́ртәеит «его (ч.) она усадила» → дҭалыртәеи́т «его (ч.) она во что-то усадила», дыгҿалы́ртәеит «она его (ч.) в углу усадила», дыбжьалыртәеит его (ч.) она между чем-то усадила».

аргыла́ра: длыргы́леит «его (ч.) она подняла» → дыбжьаиргы́леит «его (ч.) он поставил между чем-то», дысҿаиргылеит «его (ч.) он поставил против меня», иҿаирԥе́ит «его (ч.) он за что-то зацепил».

В непереходных глаголах акцентную кривую производной основы определяет акцентная кривая масдара производящей основы.

Если в масдаре производящей основы ударение падает на показатель общности а, то в производной основе под ударением находится слог преверба:

а́зра: изи́т «то (в.) пропа́ло» → аҭа́зра: иҭа́зит «то (в.) внутри чего-то пропало», а́гҿазра: игҿа́зит «то (в.) в углу пропало», абжьазра́: ибжьазит «то (в.) между чем-то пропало», аҩна́зра: иҩназит «то (в.) в доме пропало»,

а́цәира: дҵәиит «он (ч.) свернул (направление), закрутился» → аҭацәира: дҭацәиуеит «он (ч.) в чем-то кружится, вертится».

Остальные позиции ударений в производящей и в производной основах совпадают.

агылара «вставать, стоять»: агҿагы́лара: дыгҿагы́леит «он встал в угол», аҿагы́лара: диҿагы́леит «он встал против него», аҽхәагылара; дыҽхәагы́леит «он встал возле очага», аҩнагылара: дыҩнагылеит «он (ч.) встал в доме», аҭагы́лара: дҭагы́леит «он (ч.) встал внутри чего-то», абжьагы́лара: дрыбжьагы́леит «он (ч.) встал между чем-кем-то».

аба́ара: ибаа́ит «то (в.) сгнило» → агҿаба́ара: игҿаба́аит «то (в.) в углу сгнило», аҭраба́ара: иҭраба́аит «то (в.) внутри чего-то, в полости брюшины сгнило», аҩнаба́ара: иҩнаба́аит «то (в.) в доме сгнило», аҽхәаба́ара: иҽхәаба́аит «то (в.) перед очагом сгнило».

аиара: диеит «он (ч.) лег» → аҿаиара: диҿаиеит «он (ч.) лег против него»,

абгара»: разрушиться, развалиться» → аҭабгара́: иҭабге́ит «то (в.) внутри чего-то или что-то огороженное углубленное разрушилось», аҭрабгара́: илыҭрабге́ит «она то в большом количестве съела».

В основах, состоящих из вышеперечисленных превербов и корне-суффиксов, ударение падает на слог преверба:

ҿа: илҿалеит «то (в.) на ее лице распространилось», илҿыҵит «то (в.) вышло из ее рта», исҿалҵеит «она меня накормила, досл.: «то (в.) она в мой рот положила», илҿы́ихит «то (в.) он вывел из ее рта, заставил признаться», даҿа́леит «он (ч.) поднялся (на скалу, гору)».

гҿа: дыгҿа́леит «он (в.) вошел в угол», игҿы́ихит «то (в.) он вывел из угла».

ҭра: илыҭра́леит «то (в.) вошло в ее брюшину».

н: иanýлеит «то (в.) вошло, во что-то плоское, неглубокое», иanýҵит «то (в.) вышло из чего-то плоского», иanýихит «то (в.) он снял с чего-то плоского», иanýҵеит «то (б.) он наложил на что-то плоское, написал, начертил, на чем-то. подписапся».

ҭа: дҭа́леит «он (ч,) вошел во что-то», дҭы́ҵит «он (ч.) вышел из чего-то», иҭы́ихит «то (в.) он вытащил, взял из чего-то».

На слог преверба падает ударение в основах, состоящих из данных превербов и несвободных, связанных корней:

жәа: иҭы́лжәеит «то (в.) она изнутри оттуда вырвала».

быɷɷ: изтáбыɷɷит «то (звук) раздался изнутри чего-то», игҽáбыɷɷит «то (звук) раздался с угла».

гэа: иҭáлыгэеит «то (в.) она уместила в чем-то.

ҳа: дҭаҳаит, дыбжьáҳаит, «он (ч.) упал во что-то, между чем-то упáл», дылҽáҳаит «ей он (ч.) встретился внезапно».

гәа: иҭáргәеит «то засовали, запихали во что-то».

Ударение может падать и на слог показателя субъекта в переходных глаголах: иҭалыжьит «то (в.) она бросила во что-то», ибжьалы́жьит «то (в.) она пропустила между чем-то», игҽалы́жьит «то (в.) она бросила в угол», иҭалы́ршәит (о мелком предмете) она бросила во что-то», ибжьалы́ршәит «то (в.) забросила между чем-то».

В образованиях с превербами III группы и суффикса ха ударение падает на суффикс, дҭахе́ит «он (ч.) застрял, затерялся в чем-то, погиб», дыгҽахе́ит «он (ч.) задержался в углу», ианхе́ит «то (в.) оказалось, задержалось на чем-то плоском», иаҿахе́ит «то (в.) оказалось не снятым с дерева, с лица», дыɷɷнахеит «он (ч.) задержался, застрял дома».

ОБРАЗОВАНИЯ С ДЕТЕРМИНАТИВНЫМИ ПРЕВЕРБАМИ

Основа глаголов абхазского языка может быть осложнена превербами, которые по ряду существенных признаков отличаются от вышеперечисленных. Сегодня часть из этих превербов не выступает в качестве живых словообразовательных формантов. В некоторых образованиях они настолько тесно слились с корнем, что порой трудно их вычленить. Встречаются они в ограниченном количестве слов: иногда в одном, в двух-трех не более глаголах. Многие из них утратили исходную семантику и грамматическую функцию. Однако в данную группу включены и превербы. которые, подобно вышеприведенным, указывают на локализацию и направление действия, но отличаются от них тем, что не могут

быть основами статических глаголов. Они не выступают в качестве самостоятельных лексем. Этот существенный признак всех превербов данной группы послужил в основном поводом для их выделения. В глагольной основе они основообразовательный формант. По происхождению эти превербы, несомненно, древнее вышеперечисленных и. надо полагать, также восходят к именам.

Ввиду того, что данные превербы не могут быть основами-корнями для статических глаголов, а в динамических глаголах они превербы. благодаря которым формируется производная основа, мы условно их назвали детерминативными превербами. может быть термин не совсем удачный, т. к. и другие превербы деривационно-детерминативные, но выполняющие и грамматическую функцию.

Преверб бҕа. Преверб бҕа возводится к слову абҕа «хребет», «гора», «спина». Как локальный преверб выступает лишь в нескольких словах – абҕалара; дыбҕалеит «он (ч.) скатился с кручи», абҕацара: дыбҕасцеит «его (ч.) я скатил с кручи». Этот же бҕа имеем в именах абҕаб «горный козел», абҕацьма «горная коза». В абазинском языке бҕа относится к разряду продуктивных превербов, который дает статическую форму (Н. Т. Табулова, Р. Н.Темирева).

Преверб бна. Этимология бна прозрачна: она означает «лес». В качестве преверба выступает в нескольких словах: абназара: дыбназеит «он (ч.) охотился», абнакра: дыбнакит «он (ч.) одичал», абналара: дыбналеит «он (ч.) ушел. удрал.

Преверб был. Этимология его не ясна. Сочетается он с корнем гьа, означающий «кружится, качаться» (Р. Гублия, с. 8). встречающийся в глаголах агьагьара «кружиться, вертеться» и агьалара «качаться (обычно на качели) - абылгьара: дбылгьеит «он (ч.) катается с боку на бок».

Преверб гә(ы). (Б. В. Шинкуба, с. 301; Н. Т. Табулова, Р. Х. Темирова с. 33)[1]. Преверб гә(ы) восходит к имени агәы «серд-

[1]Табулова Н.Т., Темирова Р. Н. О функциях некоторых локальных превербов в кабардино-черкесском и абазинском языках // Вопросы топонимии и грамматики языков народов Карачаево-Черкессии. Черкесск, 1989.

це». Словообразовательная потенция его очень большая; он сочетается как со связанными глагольными корнями, так и с самостоятельными глагольными основами. Последние сочетания в своей основной массе представляют собой аналитические глагольные основы, которые в масдарной реализации проявляют себя как композиты, а в спрягаемой форме – как словосочетания.

В данных образованиях семантика гә(ы) совместно с семантикой производящей глагольной основы преимущественно образуют нечто целое, выражающее: суждение, впечатление, намерение, решение; эмоциональный настрой – чувство любви, радости, ненависти, презрения, негодования, ужаса, страха, горести, безвыходности и т. д. В семантике данных образований имплицитно отражены отношения, установившиеся между гә(ы) и мотивированной основой: в них гә(ы) «сердце» является или производителем действия (агәыхынҳәра: сгәы хынҳәуеит «мне тошнит», дословно «мое сердце возвращается»), или объектом действия (агәалашәара: исгәалашәеит «то я вспомнила, точнее мне то вспомнилось, буквально «то на мое сердце упало»).

Преверб гә(ы) встречается и в варианте гэа. Однако варианты с исходом на а (гәа) и без а (гәы) не дают противопоставлений в плане выражения направления действия. Это объясняется тем. что гласный а не является принадлежностью преверба гә(ы), появление же его обусловлено глагольной основой. Чаще он является показателем косвенного объекта (подробнее см. раздел «Аналитические образования»).

В данном разделе рассматриваются такие образования, основы которых и в спрягаемой форме представляют собой одно целое. Таких образований значительно меньше, чем аналитических.

К ним относятся основы, представляющие сочетание гә(ы) // гәа со связанными корнями; агәаҟра: дгәаҟит «он (ч.) помучился, (ло)страдал, агәыҕьра; дгәыҕьит «он (ч.) уморился (от труда...)», агәыбзыҕра: дгәыбзыҕуеит «он (ч.) ласкается,

угождает», агәыҕра: дгәыҕуеит «он (ч.) надеется, рассчитывает», агәаҕьра: илгәаҕьит «на то решилась она», агәаҭеира: дгәаҭеиуеит «он (ч.) суетится, беспокоится» агәахәра: илгәахәит «о том она подумала, предположила». Однако необходимо заметить, что гә(ы) // гәа непосредственно не сочетается с такими связанными корнями, которые обычно реализуются с локальными превербами. например типа жь: иалаижьит «то (о сравнительно большой вещи) он бросил во что-то (в массу)» , шә(а): иалашэеит «то (вещь маленькая) упала во что-то (в массу)». С ними он сочетается лишь опосредствованно: в основном посредством локальных превербов (об этом ниже).

Слитную основу также образуют гә(ы) в сочетании с самостоятельной глагольной основой - одновалентного непереходного глагола и двухвалентного переходного: агәамҵра: дгәамҵит «он понервничал, забеспокоился, разозлился», агәалашәара: илгәалашәеит «то (в.) она вспомнила», агәаҕьхара: дысгәаҕьхеит «он (ч.) мне понравился», агәаҭара: игәалҭеит «то (в.) она заметила». Основа та, возможно восходит к трехвалентной основе ҭа глагола аҭара «дать». С присоединением гәы - основа стала двухвалентной: гә(а) занял позицию косвенного объекта.

В структурном плане от перечисленных образований в какой-то мере отличается глагол агәаҳәара «желать», в основе котором гә(ы) сочетается с (а)ҳәа глагола аҳәара «просить». Данный глагол в речи всегда реализуется с каким-либо словом, образуя тем самым общую спрягаемую основу, в которой гә(ы) занимает позицию субъекта, оформленного притяжательным формантом ряда «л», а сопровождаемое слово – позицию ближайшего объекта: Ажәлар гәырҕьоит, **ашәа ргәаҳәо** (Б. Шь.) «Народ радуется, желая петь». Дословно ашәа ргәаҳәо означает «их сердце желая петь».

Основы всех перечисленных образований восходят к аналитическим сочетаниям и это очевидно хотя бы из того, что сегодня вопрос о слитном или раздельном написании некоторых из них приходится решать на уровне орфографии

(напр.: сгәы ахшәеит или сгәахшәеит «мне надоело, мне опротивело»).

гә(ы) может присоединиться к основам, которые детерминированы определенными локальными превербами. Это иревербы д, кә, н, ҵа, ҭа. В некоторых образованиях они носит общую локальную семантику, позволяющую их квалифицировать как один сложный преверб. Необходимо также заметить, что со многими связанными корнями гә(ы) сочетается посредством этих превербов.

Преверб гә(ы)д. (Р. Н. Клычев. с. 48; К. В. Ломтатидзе. с. 40) Глагол с превербом гәыд обозначает действие, направленное к корпусу, к вертикальной поверхности, к груди.

Он реализуется с показателем косвенного объекта, который преимущественно выступает в функции притяжательности[1]. Компонент д обусловливает появление суффикса ла.

Преверб гәыд сочетается: а) с корне-суффиксами ла, ҵа: агәыдлара: дигәыдлеит «он (ч.) набросился, напал на него», агәыдҵара: илгәыдиҵеит «то (в.) он бросил, швырнул, выстрелил в нее»; б) с суффиксом ха: агәыдхалара: илгәыдхалеит «то (в.) задержалось на ее груди»; в) с глагольными основами и связанными корнями. Имеющиеся ограничения диктуются семантикой как глагольной основы, так и преверба; агәыдҳалара: дигәыдҳалеит «он (ч.) упал, повалился на грудь кого-чего-то», агәыдҳәалара: илгәыдиҳәалеит «то (в.) он привязал к ее груди», агәыдҳәҳәалара: дигәыдиҳәҳәалеит «он его (ч.) прижал к своей груди», агәыдҷҷалара; илгәыдҷҷалеит «то (в.) сверканием отразилось на ее сердце», агәыдкылара: дгәыдикылеит «его (ч.) он поцеловал», агәыдҕәҕәалара: дигәыдҕәҕәалеит «его (ч.) он крепко прижал к груди».

Преверб гәыкә. (Р. Н. Клычев. с. 48). Этимологически означает действие, локализованное на поверхности грудной клетки, на поверхности сердца, однако часто эта семантика

[1]Исключение составляет лишь глагол агәыдкыпара, в спрягаемой форме которого нет показателя притяжательности: дгәыдикылеит «его (ч.) он поцеловал, обнял».

затушевана: агәакәкшара: лгәакәкшеит «то (в.) ударило по ее груди», агәакәпҵәара: лгәакәпҵәеит «ей надоело», агәакәәыҕьра: лгәакәәыҕьит «то (в.) ей надоело, наскучило».

Преверб гә(ы)н // гәны. (Р. Н. Клычев. с. 49; Б. В. Шинкуба, с. 306). Встречается в словах агәынгара: игәнигеит «он (м.) пережил, огорчился», агәынқьра: дгәынқьит «он (ч.) простонал», агәынкылара: игәникылоит «то (в.) воспринимает, осваивает». Во всех словоформах отсутствует показатель косвенного объекта. Его локальная семантика слабо проявляется.

Преверб гәыҵа. Преверб гәыҵа означает действие, локализованное в области сердца, снизу, внутри, на поверхности. В основе глагола представлен показатель косвенного объекта. Сочетается он с корне-суффиксом ла и с некоторыми глагольными основами: агәыҵалара: илгәьҵалеит «с нею что-то произошло, дословно «в ее сердце что-то вошло», агәыҵаҧсара: илгәыҵалыҧсеит «она скрестила руки на своей груди», агәыҵататара: илгәыҵататеит «то (в.) ее грудь обрызгало», агәыҵаҭәара: илгәыҵаҭәеит «то (в.) облило ее грудь», исгәыҵалҭәеит «тем (в.) она облила мою грудь», агәыҵаҳәҳәара: илгәыҵалыҳәҳәеит «то (в.) она заключила в свои объятия», «то (в.) она прижала к своей груди», агәыҵашәара: илгәыҵашәеит «то (в.) попало в ее грудь».

В словоформах с гәыд, гәыкә, гәын, гәыҵа, ударение падает на ы преверба.

Преверб гәыгәҭа встречается в словах агәыгә-ҭажьра: игәыгәҭаижьит «то (в.) он оставил без внимания», агәыгәҭахара: дгәыгәҭахеит «он (ч.) остался без внимания». В первом слове гәыгәҭа сочетается со связанным корнем жь, во втором - с суффиксом ха. Надо полагать, что гәыгәҭа состоит из локального преверба ҭа и гәыгә, семантика которого не ясна.

Преверб ҕыҕ. Ҕыҕ является основой глагола аҕыҕра «стонать, рычать». Сочетается с корнями глаголов акра «дер-

жать»: аҧыҷкра: дҧыҷикит «он на него (ч.) вспылив, налетел, выругал», агара «брать, унести», аҧыҷгара: дҧыҷигеит «он его (ч.) преследует». Ҷыҷ представлен и в слове аҧыҷкра: иҧыҷикит «то (в.) высохло», который, по всей вероятности, иного происхождения.

Преверб дә → дәыл. Мотивированной основой для преверба дә являются основы с локальным превербом л, образуя тем самым сложный преверб дәыл с семантикой – выражения действия, направленного во двор, наружу, из помещения.

Преверб дәыл имеет высокую словообразовательную продуктивность. Сочетается с корне-суф-фиксом ҵ: ддәылҵит «он (ч.) вышел из дому, из помещения». В производных основах дәыл занимает позицию косвенного объекта, тем самым уменьшая валентность производящей основы: д-а-лҟьеит → ддәылҟьеит «он (ч.) выбежал быстро // вылетел из помещения», иалицеит → идәылицеит «то он выгнал из чего-то», иалҧхеит → идәылыҧхеит «то изнутри осветилось», иалҳәҳәоит → идәылыҳәҳәоит «то (в.) высовывается наружу», адәылибаҳәара; идәылибаҳәеит «они толпой высыпались из помещения».

Преверб жә. (Р. Н. Клычев, с. 36; К. В. Ломтатидзе. с. 55). Жә восходит к корню слов ажәоа «крыло», ажәоахыр «плечо». Использование его в качестве детерминирующего форманта очень ограниченное. Он встречается лишь в сочетании с корне-суффиксом ла: ажәылара: илыжәлеит «они на нее напали», и ҵа: ажәҵара: ирыжәылҵеит «то (в.) на них она натравила, напустила, направила».

Преверб жәа встречается в слове ажәагәара: иржәагәеит «то (в.) (о большой дыре) они заткнули. Этимология жәа не ясна.

Преверб з(ы) восходит к корню слова азы «вода». Встречается в словах: азсара: дызсеит «он (ч.) проплыл», азрыжәра: изрыжәит «они закалили», азыфара: изыфеит «то (в.) сморщилось, (в воде)», азлачра: излачит «то (в.) внутри воды разбухло». З также встречается в слове азыргара от

слова азы «слух, весть»: дзыригеит «его (ч.) он сделал видным, заметным», в котором з реализован в сочетании с р – зыр. Этимология зыр не ясна.

Преверб зҧа Б. В. Шинкуба возводит к слову азҧа «щека». Выражает локализацию у крутого склона, у обрыва: азҧагылара; дназҧагылт «он (ч.) над крутизной встал», азҧаҳара: изҧаҳаит «то (в.) в крутизну упало».

Преверб зха. Преверб сложный: состоит из корня слова азы «вода» и локального преверба ха. Зха выражает действие, локализованное у истока реки, у берега реки, озера, моря, на поверхности водоема: азхыгара: дызхигеит «его (ч.) он перевел, перенес (с берега на берег)», азхаҵара: изхеиҵеит «ту (в.) он закинул на поверхность водоема», азхаххра: дызхаххит «он (ч.) стремительно подбежал к истоку, к берегу реки, моря», азхахара: дызхахеит «он (ч.) задержался у истока реки, у берега реки, моря», азхабаара: изхабааит «то (в.) сгнило подле родника, на берегу».

Преверб ка. (Р. К. Гублия, с.27-29[1]; Р. Н. Клычев. с. 17; К В. Ломтатидзе, с. 18; К. С. Шакрыл, с. 42). Исходное слово преверба ка утрачено. Утрачена также его локальная семантика. В словах он реализован в виде основообразователя, не вносящего в семантику производной основы или корня глагола какого-либо значения. Число самостоятельных основ, сочетающихся с ка, очень незначительное, это: аҵара: дкаҵеит «он (ч.) прыгнул», акарбара: икаирбеит «то (в.) он внизу просушил». В основном преверб ка сочетается со связанными корнями. Обращает на себя внимание семантика многих корней этой группы: она указывает на действие, направленное вниз и это дает основание предположить, что некогда ка указывапа на «низ»: акажьра: икаижьит «то (в.) он бросил (вниз)», акаҳара: дкаҳаит «он (ч.) упал», акашәара: икашәеит («о мапеньком предмете) упало», акаҭәара; икаҭәеит «то (в.) вылилось», акажьцәара: дкажьцәеит «он (ч.) плюнул», акаҕьсара: икапсеит «то (в.) рассыпапось». акагәара: дыркагәеит «его (ч.) они повалив мяли».

[1] Гублия Р.К. Абхазо-адыгские этимологии. Сухум. 2004

Лишь в нескольких глаголах ка не выражает подобной семантики - акацара: икаицеит «их он погнал», акаҷҷара: икаҷҷеит «то (в.) засверкало».

Лексическое значение образований с превербом ка более абстрактное, общее, нежели лексическое значение образований с другими локальными превербами, ср.:

акаҭәара «лить, разлить», но аваҭәара «сбоку лить», аҭаҭәара «во что-то (глубокое) лить», алаҭәара «во что-то жидкое лить», ақәҭәара «на что-то плоское лить», аԥаҭәара «под что-то лить». Как видим, лексическим инвариантом для всех перечисленных образований является глагол акаҭәара «лить».

Преверб кна // кны. (Р. Н. Клычев, с. 24; К. В. Ломтатидзе, с. 38). Преверб указывает локализацию чего-либо над чем-то висячем, наклонном. Преверб, вероятно, сложный. Компонент к, возможно, восходит к превербу ка, н(а) - к локальному превербу н. Деривационное проявление его очень узкое. Встречается в следующих глагольных основах: акнаҳара: икналҳаит «то (в.) она повесила», акныслара: дыкныслеит «он (ч.) схватился за что-то висячее», акныхра: икнылхит «то (висящее) она сняла», акныцра: дыкныцит «он (ч.) спустился с чего-то наклонного».

Преверб кьа // кь(ы). Этимология преверба не ясна. Нельзя точно определить, с какой семантикой он вошел в основу. Однако большая часть из них выступают в значении «шататься, покачиваться, хромать»: акьазызаара: икьазызааит «то (в.) покачивалось», акьаткьатара: икьаткьатеит «то (об упругом, тонком) покачивалось», акьалыкьаера: дкьалыкьаеуеит «он (ч.) похрамывает», акьандара: икьандоит «то (в.) покачивается». Возможно, преверб кьа и часть основы слова акьаҳә «кривой» одного происхождения. Преверб кь(а) // кь(ы) реализован в словах: акьыcра: дакьыcит «он (ч.) дотронулся до чего-то», акьаскьасара: икьаскьасит «то (в жидкости) обильно пролилось».

Преверб кә(а). (Р. К. Гублия, с. 34. Р. Н. Клычев, К. В. Ломататидзе, с. 45). Возможно он одного корня со словом

акэымпыл «круглый». Эта версия, предложенная Р. К. Гублия, может быть аргументирована словами, в которых семантика «круглый, овальный, вокруг» присутствует, например: акәаҕҕаара: илыкәаҕҕааит «они ее обступили со всех сторон, вокруг», акәшара: дикәшеит «его (ч.) он обошел вокруг», акәыршара: иакәиршеит «то (в.) он чем-то вокруг обвернул», акәымпылра: икәымпылит «то (в.) покатилось, дословно крутясь вокруг спускалось», акәыхшара: дикәыхшеит «он (ч.) его обошел вокруг», акәцәашара: дакәцәашеит «он (ч.) то обвил, обхватил со всех сторон». По всей вероятности, этот же преверб присутствует в словах акәашәра: дкәашеит «он (ч.) станцевал, дословно, кругами шел», акәахара: илкәаҳаит «то (в.) она смесила».

Преверб кәыр. Преверб производный, полученный сочетанием каузативного форманта р производящей основы и локативного преверба кә. Право их квалифицировать совместно, как единый формант, дают образования, в которых нельзя вычленить каузативную основу как производящую. Все образования представляют собой переходные глаголы, чему обязаны каузативному форманту р., роль же кә выражение локализации действия на поверхности чего-то плоского: ақәыртатара: иқәиртатеит «тем он обляпал плоскую поверхность» (мотивированной основы артатара в значении «облепить» - исыртатеит - нет), ақәыршра: Иқәиршит «то он облил сверху» (мотивированной основы рш - иршит - в значении «облить» нет), ақәырпҟҟара: Иқәирпҟҟеит «то (в.) он обрызгал (крупными каплями)».

Преверб ҟә(а). (Р. К. Гублия, с.36 - 38, К. В. Ломтатидзе, с. 34 - 35). Этимология ҟә не ясна. В основу вводит семантику отчуждения от чего-либо. В основах динамических глаголов ҟә(а) встречается в сочетании; а) с корне-суффиксом ца: аҟәацра: исҟәацит «то (в.) от меня отошла» аҟәыцра: даҟәыцит «он (ч.) что-то перестал», х: аҟәыхра: иаҟәихит «то (в.) он от чего-то отделил, прекратил, заставил перестать»; б) со связанными глагольными корнями: «аҟәжәара: иҟәижәит «то (в.) он расколол», иҟәжәеит «то (в.) раскололось»,

аҟәыршәшәара; иҟәиршәшәеит «то (в.) Он расколол на мелкие кусочки», аҟәцара: иаҟәнацоит «то (в.) оно от него (в.) отгоняет»; в) с глагольными основами: аҟәыҵхара: иаҟәыҵхеит «то (в.) отколовшись отлетело», аҟәыҵхара: иаҟәыҵхеит «то (в.) от чего-то отошло»: иаҟәирԥеит «то (в.) он отколол от чего-то», аҟәыгара; иаҟәигеит «то (в.) он перенес, отделил от чего-то».

Преверб лбаа. (Р. Н. Клычев, с.25; К. В. Ломтатидзе, с. 21). Лбаа - это основа динамического глагола албаара: дылбааит «он (ч.) опустился». В качестве преверба встречается лишь в ряде глаголов, позволяющий выразить действие направленное вниз: албаадара: илбааидеит «то (в.) он проглотил», албааԥара: дылбааԥеит «он (ч.) спрыгнул», албааԥшра: дылбааԥшит «он (ч.) взглянул вниз», албаақорра: илбаақорит «то (в.) выскользнула вниз», албаақорқора: илбааирқорит «то (в.) он выкатил, выбросил вниз», албаашьҭра: илбааишьҭит «то (в.) он спустил вниз».

Преверб лацә. (Б. В. Шинкуба, с. 301). Восходит к слову алацәа «веко», который состоит из ла → ала «глаз», цәа → ацәа «кожа». В качестве преверба встречается лишь в словах - алацәҟәра: длацәҟәит и алацәкәыспа: длацәкәысит «он моргнул».

Преверб м(а). Этимология преверба не ясна. В глагольной основе он почти десемантизирован. Выступает в основном как основообразователь со слабым указанием на некоторую массу чего-либо: амжәара: иамижәеит «то (в.) он из чего-то силой вырвал», амсара; иамисеит «то (в.) он из чего-то отрезал», амҽара: иамҽеит «то (в.) из чего-то отломилось», амԥҽра: иамԥылҽеит «то (в.) она из чего-то сломала».

К. В. Ломтатидзе в глагольных образованиях выделяет морфему ым(а), которую она увязывает с абазинским ыма, образующая категорию «кажимости».[1] В данных образованиях она выражает направление к косвенному объекту, тем

[1]Ломтатидзе К. В.. К категорий «кажимости в глаголе абхазско-адыгских языков и вопрос соответствующего глагольного образования в грузинском языке. Иберийсхо-кэвказское языкознание. Т.XVII. 1970, С 157.

самым обусловив появление показателя косвенного объекта: иаасымаирехәеит «он мне ее похвалил»; амԥсахра: илымиԥсахит «то (в.) он у нее одолжил», мотивированной основой для этого глагола является двухвалентный глагол апсахрз: исыԥсахит «то (в.) я обменял, одолжил», в производной основе амԥсахра: илымиԥсахит валентность увеличилась на одно лицо, амдара: илымидеит «то (в.) он у нее взял, перенял (ношу)». По всей вероятности, этот же м в варианте ма мы имеем в словах: амакра. илымеикит «то (в.) он у нее оспаривает», аманакра: даманакит «то ему приспичило», амакарра: дмакарит «он (ч.) пригрозился».

Преверб мла. (Б. В. Шинкуба, с. 302). Восходит к слову амла «голод». Встречается в словах амлашьра: дымлашьит «он (ч.) проголодался» и амлагара: дымлагеит «он (ч.) сильно проголодался, его голод извел». По этой модели образован глагол ахьҭашьра: дыхьҭашьит «ему холодно, букв.: его холод убил», он дрожит» (Б. В. Шинкуба).

Преверб мқа. (Р. Н. Клычев. с. 60; К. С. Шакрыл, с. 30). Мқа от слова амқа «дорога» выражает действие, локализованное на дороге: амқаԥгара; дымқаԥигеит «его (ч.) он провел (на дорогу)», амқангара: дымқангеит «его (ч.) оно провезло (по дороге)», амқахгара: дымқахигеит «его (ч.) он увеп с дороги, позвал к себе», амқахҟьара: дымқахҟьеиг «он (ч.) сбился с дороги», амқахыҵра: дымқахыҵит «он (ч.) сошел с дороги», «зашел с дороги к кому-то», амқанҵара: имқаниҵеит «то (о палке) быстро взмахивая.

Преверб н. Данный преверб отличается от локального преверба н, который модифицирует семантику производящей основы, дополняя ее указанием на место действия. Этот преверб не несет какой-либо семантики, он только формирует основу, например: аныжьра: инлыжьит «то (в.) Она оставила», анхара: дынхеит «он (ч.) остался, он (ч.) зажил, анырхара: дынирхеит «он ему (ч.) помог зажить, он его уберег».

Преверб на. В глагольной основе выступает лишь как основообразователь, не вносящий в производную основу

какой-либо уточняющей семантики. Возможно, он генетически восходит к локальному превербу н (ианун «то (в.) лежит на чем-то плоском»), но с огласовкой а: анажьра: илынаижьит «он ей то оставил», «он ей то простил», анахара: иланахеит «то (в.) ей осталось».

Преверб нап. (Р. Н. Клычев, с. 44 - 46). Восходит к слову «рука». В качестве детерминирующего форманта выступает лишь в нескольких словах: анапхгарэ: «руководить, анапҟьара: днапҟьеит «он (ч.) размахнулся». Слово анапы может быть именным компонентом в аналитических образованиях глагола: рнапқәа еинырҟьеит «они зааплодировали».

Преверб наскьа. Наскьа представляет основу наречия наскьа» «вдали», отсюда глагол анаскьара»: днаскьеит «он (ч.) отодвинулся, отошел» (ср.: ааскьа «возле», вблизи» – ааскьара: дааскьеит «он (ч.) приблизился»): анаскьагара: днаскьаигеит «его (ч.) он провел», анаскьаҧхьара: днаскьаиԥхьеит «его (ч.) он туда подозвал», анаскьеибаԥхьара: инаскьеибаԥхьеит «они отошли в сторону», досл.: друг друга увели)».

Преверб ныҟә. (Р. Н. Клычев, с. 18; К. В. Ломтатидзе, с. 22). Преверб встречается в словах аныҟәгара: иныҟәылгеит «то (в.) она носила», аныҟәцара: иныҟәылцеит «тем она управляла, то (в.) она эксплуатировала».

Преверб ԥ. Данный преверб в основном реализован в глаголах, инвариантная семантика которых означает раскол, распад на части чего-то»: аԥцәара: иԥцәеит «то (о тонком, вытянутом предмете) сломалось», аԥера: иԥеит «то (в.) сломалось, разбилось», аԥҟара: иԥысҟеит «то (е.) я разрезал», аԥжәара: иԥжәеит «то (в.) разорвалось, взорвалось», иҧызжәеит «то (в.) я разорвал, взорвал». Р. К. Гублия корень жәа увязывает с корнем слова ажәара «трепать на мелкие нити», аԥгара»: иҧгеит «то (о инструменте) расстроилось, рассыпалось, разрушилось», аԥыхра: иаԥихит «то (в.) он от чего-то отнял, ликвидировал», аԥыххаара: иԥиххааит «то (в.) он разбил в дребезги». Возможно, этот же ԥ имеем в слове аԥышәара: иԥысшәеит «то (в.) я испытал». Семантика глаголов не дает основания данный ԥ увязывать с превербом ԥ, восходящий к слову аԥынҵа «нос».

Преверб ԥса встречается в слове аԥсаҟьара: илыԥсаҟьеит «то (о зерне) она веяла», аҧсатара: (иԥсатоит ақәа) «моросит (дождь)». Возможно данный ԥ, и корень слова аԥра «рвать» (аҳаскьын лԥит «она сорвала, скосила траву») одного происхождения.

Преверб ԥсаа – в глаголе аҧсаанҵара: иҧсаанылҵеит «то (е.) она замочила», лсаа является основой глагола ԥсаара: иԥсаауеит «то (в.) мокнет, становится влажным».

Преверб ԥха встречается в слове аԥхаҵара: иԥхалҵеит «ю (в.) она прогнала. Возможно этот же ҧха имеем в словах аԥхашьара: дыԥхашьоит «он (ч.) стыдится», иԥхасшьоит «того я стыжусь», аԥхашьа-ԥхаҵара: дыԥхашьа-ԥхаҵо «стыдясь».

Преверб ԥхьа. (Р. Н. Клычев. с. 25). Омонимичным для этого преверба является основы глаголов аԥхьара «читать», аԥхьара «устраиваться на ночлег». В качестве преверба фигурирует в словах аԥхьарылара: иԥхьарылеит они (о скоте) расположились на ночлег», аԥхьакра; иԥхьалкит «то (в.) она прибрала», аԥхьаҳәара: иԥхьалҳәеит «то (волосы) она зачесала», аԥхьаршәҭра: иԥхьалыршәҭит ну (в.) она загнула, откинула», аеԥхьакра: реырԥхьаркуан они прибрались».

Преверб ԥшь // ԥышь фигурирует в слове аԥшьгара: иаԥшьигеит «то (в.) он затеял, стал инициатором».

Преверб ԥын. (Р. Н. Клычев, с. 61; К. С. Шакрыл, с. 37). Преверб сложный, состоит из локальных превербов ԥ и н. Основы с ԥын выражают действие, расположенное впереди, перед чем-то, что обусловило появлению в основе показателя косвенного объекта, аԥынгылара: диԥынгылеит «он (ч.) встал перед ним», аԥынтәалара: диԥынтәалт «он (ч.) сел перед ним», аԥынххылара: диԥынххылеит «он (ч.) устремилея к нему навстречу».

Преверб ԥышә. (Р. Н. Клычев, с. 58). Ԥышә восходит к слову аԥышә «губа». Преверб встречается в слове аԥышәыррчара: дԥышәырччеит «он (ч.) усмехнулся».

Преверб ра. К. В. Ломтатидзе, этимологизируя гидроним Рица, элемент р увязывает со словом вода[1]. Этого же мнения придерживается Р. Н. Клычев, с. 19., ср.: дырит «он (ч.) переплыл (реку) водную преграду». Встречается в словах: аразара: илразеит «то (в.) она процедила», арапара: илрапеит «то (в.) она валяла, скатывала, месила (в жидкости)». Омонимичный ему ра встречается в словах: араргамара: ираргамеит «то (в.) придали огласке», араҳара: идраҳаит «то (в.) они подняли вверх», араҷәара: илраҷәеит «то (пальцы) она сжала в кулак», араҟәара: идраҟәеит «то они кастрировали».

Преверб ҭн(ы). (Р. Н. Клычев, с. 19). Фигурирует в словах аҭныҧсахлара: иаҭнигьсахлеит «то (в.) он обменял на что-то», аиҭныпсахлара: иеиҭныхапсахит «тем в.) мы обменялись», аҭныхра: иаҭнихит «он заплатил за что-то из вырученных денег».

Преверб у встречается в синонимах а-у-жьра: доунажьит «то его отпустило, иоуижьит «он расслабил (пояс, подпругу)», аушьҭра: иоунашьҭит «то его от чего-то освободило», доурышьҭит // доурыжьит «его освободили (из тюрьмы)».

Преверб хны // хын выступает в основе в значении обратно вернуть, возвратиться: ахнырҳәра: ихынирҳәит «то (в.) он вернул», ахынҳәра: дхынҳәит «он (ч.) вернулся».

Преверб хҭын. (Р. Н. Клычев, с. 62) Встречается в словах: ахҭынкьара: дахҭныркьеит «его (ч.) они в чем-то обвинили», ахҭынҵара: иахҭниҵеит (→ иаҭниҵеит) «то (в.) он за что-то уплатил, расходовал».

Преверб хҭа // хыҭ фигурирует в словах: ахҭакра: ихҭеикит «он настаивает на чем-то», «упорствует, забил в голову», (ахыҭҳәаара: ихы иҭихәааит «он выдумал»). ахҭылҵра: дихҭылҵит «ои (ч.) от него произошел».

Преверб ахаҵ // ахаз. (Р. Н. Клычев, с. 51). Встречается в слове ахаҵгылара: дихаҵгылеит в значении «он обслуживал

[1]К. В. Ломтатидзе. К этимологии слова Рица. - IV научная сессия. Ин-та языка им. акад. Н. Я. Марра. План работы и тезисы докладов. , Тб.,1977

сидящего (за столом)», сихазгылеит «я привстал, выявив знак уважения к кому-то».

Преверб хь // хьа (реже в варианте хьын). (Р. Н. Клычев, с. 20; К. В. Ломтатидзе, с. 44, 45).

Основы с превербом хь (// хьа) выражают действие, направленное назад, сверху вниз, или свисающее с чего-то.

Этимология хь не ясна: ахьыкәкәара: иахьыкәкәеит «то (о жидкости) стекло с чего-то», ахьыырра: иахьыырит «то (в.) с чего-то соскользнуло», ахьыжжра: иахьыжжит «то (в.) с чего-то стекло», ахьыдышьшьыра: ихьыдышьшьит «то сверху иниз свисало», ахьыссра; ихьыссит «то (в.) свисло», ахьынҳалара: иахьынҳалеит «то (в.) на чем-то повисло», ахьҳәазара: дахьҳәазеит «он (ч.) плавно соскользнул по предмету сверху вниз», ахьынгьашара: дахьынгьашеит «он (ч.) за что-то зацепившись, повис», ахьарҵәыра: иахьаирҵәит «то (в.) свернул вниз», ахьаҵәырра: иахьаҵәыррит «то (в.) повисло, сломавшись на чем-то».

В ряде основ хь выступает как увеличитель валентности производной основы, без какой-либо локальной семантики: ахьҵәыуара: дахьҵәыуеит «он (ч.) заплакал из-за че-то» (аҵәыуара: дҵәыуеит «он заплакал»), ахьыршара: хьлыршеит «то (в.) она чем-то сполоснула», ахьырхәра: дахьирхәит «его (ч.) в чем-то он заставил раскаяться», аххәра: дахьхәит «он (ч.) в чем-то раскаялся», ахьзара: дахьзеит «он (ч.) чего-то нагнал, успел», ахьыгзара: исхьигзеит «он, догнав меня успел что-то передал».

Преверб хьа. Хьа в производную основу вводит знание «перевернуть, повернуть в противоположную сторону назад»: ахьаҳәра: дхьахәит «он (ч.) обернулся», ахьапшра: дхьапшит «он (ч.) оглянулся», ахьарпшра: дхьаирпшит «его (ч.) он заставил оглянуться», ахьарера: ихьалырeит «то (в.) она загнула», ахьацара: ихьеицеит «он (скот) отогнал обратно», ахьарҳәра: ихьаирҳәит «то (в.) согнул, перевернул».

Преверб хьын. (Р. Н. Клычев, К. С. Шакрыл, с. 31). Преверб хьын встречается в сочетании с корнями ха: ахьынхалара: дахьынҳалеит «он (ч.) на чем-то повис», ҳәҳә: ахьынҳәҳәра: ирхьынҳәҳәуеит «с них что-то свисает».

Преверб хәыл. (Б. В. Шинкуба, с. 307). Состоит из хә → ахәы «волос, пух, перо» и локативного л. Встречается в глаголах ахәылхра: ихәылылхит «то (волосы, перья) она сняла, очистила от перьев птицу» и ахәылԥцра: ихәылԥцит у нее (птицы) выпали перья, букв, то вышло из перьев».

Преверб хәта. Преверб сложный, состоит из хә и локального преверба ҭа. Этот преверб встречается лишь в нескольких словах: аҳәҭагылара: диаҳәҭагылеит «он (ч.) встал сзади него», аҳәҭаԥсра: диаҳәҭаԥсит «он (ч.) умер из-за него», аҳәҭазра: диаҳәҭазит «он (ч.) пропал из-за него», аҳәҭасра: диаҳәҭасит «он (ч.) его ударил по заду».

Преверб цра // цр(ы). (Р. Н. Клычев, с. 40; К. В. Ломта-тидзе. с. 55; К. С. Шакрыл, с. 46). Этимология его не ясна. В производной основе преверб преимущественно реализуется с показателем косвенного объекта. Основа с превербом цра выражает направление действия к объекту: ацрасра: дацрасит «он (ч.) коснулся, задел что-то», ацраҳәара: иацреиҳәеит «то (в.) он привесил к чему-то»; основа с превербом цры(ы) - от объекта: ацрыгара: иацригеит «то (в.) он отогнал от чего-то», ацрыхәҳәара: иацрыхәҳәеит «то (в.) свисло из-под чего-то», ацрыхра: иацрылхит «то (в.) она отняла, вычла из чего-то», ацрыжжра: иацрыжжит «то (жидкость, кровь) от чего-то отделившись, вытекло». Цр(ы) сочетается с корне-суффиксами ҵ и х: ацрыҵра: иацрыҵит «то (в.) отстало от чего-то», ацрыхра: иацрихит «то (в.) он отнял, убавил от чего-то». Вариант цра в сочетании с корне-суффиксами ла, ҭа выражают: ацралара: иацралеит «то (в.) загорелось», ацраҵара: иацреиҵеит «то (в.) он зажег». По всей вероятности, в этих двух основах цра другого происхождения, об этом свидетельствует статическая форма - иацроуп, означающая «то (в.) горит на чем-то», исыцроуп «то (в.) иа мне. во мне горит».

Преверб цкла. (Р. Н. Клычев, с. 62). Встречается в словах: ацклаԥшра: дацклаԥшит «он (ч.) внимательно проследил, посмотрел на что-то», ацкласра: дацкласит «он (ч.) коснулся, щипнул, потеребил что-то».

Преверб цә. (Р. Н. Клычев, с. 41). Восходит к слову ацәа

«кожа». В тех основах, в которых он реализован, цә выступает в качестве объекта: ацәырҵәара: ицәдырҵәеит «они ободрали (кожу)», ацәыԥссара: ицәиԥссеит «то (в.) он очистил от кожуры», ацәырссара: ицәирссеит «он снял кожуру»», ацәырҳәра: ицәирҳәит «он содрал кожуру», ацәыжәжәара: ицәижәжәеит «то (е.) содрал, поцарапал».

Преверб ҽԥын. (Р. Н. Клычев, с. 61; К. С. Шакрыл, с. 51). Означает действие у реки, у моря. Акәара дҽеԥынгылеит «он (ч.) встал у берега реки», ҽеԥныҳәара: исҽеԥниҳәеит «тем он меня упрекнул».

Преверб ҿыцә // ҿыц(ы). Преверб сложный, состоит из (ҿы) и ҭа // ҵ(ы). Точнее, непосредственно составляющей для основы с ҿ(ы) является основа с ҭа //ҵ(ы). Однако семантика локального преверба ҭа //ҵ в производной основе на столько затушевана, что сегодня ҿы и ҭа // ҵ(ы) воспринимаются как одно целое. Все образования с превербом ҿыцә // ҿыц выражают локализацию действия у рта, со рта, во рту: аҿыцқьара: илҿыцқьеит «то (в.) она невольно выполила, сказала», аҿыцакра: илҿыцакуп «то (в.) она держит во рту», ирҿыцеикит «то (в.) им он в рот ввел», аҿыцыхҳәара: иаҿыцыхҳәоит «то (в.) торчит изо рта», аҿыцшәара: иаҿыцшәеит «то (е.) выпало изо рта», аҿыцшәшәара: иҿыцшәшәеит «то (в.) высыпало изо рта», аҿыцазра: исҿыцазит «то в моем рту поместилось», исҿыцакуп «то (е.) во рту находится».

Преверб шьацәх. (Р. И. Клычев). Обозначает действие, связанное со ступней, с носком ступни»: шьацәхныслара: ишьацәхныслеит «он (ч.) споткнулся», ашьацәхыртәра: дшьацәхыртәит «он (ч.) встал на носки».

Преверб шькла. (Р. Н. Клычев, с. 62 - 63; К. С. Шакрыл, с. 51). Преверб сложный: состоит из преверба шь, восходящего к корню слова ашьапы «нога». Основы с шькла указывают на действие, локализованное в области ног: ашьклататара: илышьклататеит «то (е.) забрызгало ее ноги», ашьклахысра: дишьклахысит «он (ч.) выстрелил по его ногам», ашьклаҵара: иашьклаиҵеит «он что-то бросил по его ногам», ашьклаԥшра: дишьклаҧшит «он (ч.) проследил за ним (в данной основе локальная семантика утрачена).

Преверб шәа, восходящий к корню слова ашәара «бояться». Эту семантику шәа вносит и в производную основу ашәазызара: дшәазызеит «задрожал от страха».

Преверб шәха. (К. С. Шакрыл, с. 53). Преверб сложный, состоит из локальных превербов шә и ха. Основы глаголов с данным превербом выражают действие, связанное с процессом одевания: ашәхаргъара: ишәхаиргъеит «накинул на себя то (в.)». ашәхаршьшьра: ишәхаиршьшьит «то накинул, набросил, надел на себя», ашәхахара: илышәхахеит «то (в.) она долго носила», ашәхыттара: илышәхыттеит «то (в.) на ней износилось», ашәххәара: ишәхиҳәеит «то (в.) он небрежно стащил, снял с себя», ашәхырҵәраара: ишәхирҵәрааит «то (в.) он с себя быстро снял».

Преверб ҩ. Восходит к корню числительному ҩба и два».В нескольких основах глагола вносит значение «двух частей»: аҩшара: иҩысшеит «то (в.) я разделил на две части», аҩкаара: иҩыскааит «то (в.) я отделил, перегородил», аҩырффаара: иҩысырффааит «их я разрезал (на две части)». Преверб ҩ с неясной этимологией встречается в глаголах аҩсра: саҩсит «я прошел мимо чего-то», аҩжьра: иаҩижьит «то (в.) он отпустил, пропустил мимо чего-то», аҩылгара: иҩылигеит «то (е.) он провел через что-то».

Преверб ҩыҵа. Восходит к слову аҩыҵра «пазуха». В сочетании с глагольными основами образует глаголы: аҩыҵакра: иҩыҵакуп «то (в.) у него под пазухой находится», аҩыҵаргылара: иҩыцаиргылеит «то (в.) он подставил под что-то», аҩыцачра: иҩыҵачит «то (пар, дым) скопилось под чем-то», аҩыҵаркра: иҩыҵаркны «держа под пазухой».

ОБРАЗОВАНИЯ С НАПРАВИТЕЛЬНЫМИ ПРЕВЕРБАМИ

Направительные превербы абхазского языка входят в общую систему пространственных отношений. Их не много, всего четыре. Однако, из-за того, что частотность их использования очень высокая, они не могли быть незамеченными исследователями абхазского языка, посвящая им разделы или краткие описания в своих исследованиях. Объектом специального исследования направительные превербы стали в статьях и диссертационной работе Р. К. Гублия, в которых известные положения были существенно дополнены новыми наблюдениями[1]. Из них наиболее важным является - выявление функции выражения характера действия. О том, что направительные превербы аа, на могут внести в основу глагола оттенки непродолжительности и экспрессии указывал К. С. Шакрыл[2]. Однако способность всех направительных превербов выступить е функции выражения характера действия как грамматической функции и чем это обусловлено впервые были высказаны Р. К. Гублия. На анализе большого фактического материала был выявлен спектр характеров действия, учитывающий тончайшие нюансы их проявлений. В работах очень подробно описываются возможности каждого преверба выразить тот или иной характер действия.

Как известно, направительных превербов четыре - аа, на, юа, ла. Три последние имеют варианты н(ы), л(ы), л(ы). Позиция направительных превербов в разных глагольных образованиях различная. В глагольных образованиях, чья основа не осложнена каким-либо деривационным формантом, направительные превербы стоят за первым личным показателем, независимо от того, является ли он показателем субъекта или ближайшего объекта: с-ҩа-гылеит «я поднялся», д-на-ԥшит «он (ч.) туда посмотрел», д-аа-сышьҭит «его (ч) я сюда направил, пустил». Данная позиция превербов сохраняется и в случае, когда в глагольную основу входит: локальный преверб: д-аа-ҭыҵит «он (ч.) вышел из чего-то

[1] Р. К. Гублия. Превербы направления в глаголе абхазского языка. Автореферат. Тб., 1971; Она же. О функциях направительных превербов в глаголе абхазского языка. Труды Сухумского гос. пед. института, т. XXI-XXII. Сухуми, 1971; Она же. Несколько вопросов о функциях направительных превербов. (Ахырхарҭатә превербқәа рфункциа иазкны зцаарақәак). Труды Сухумского гос. пед. института т. XVII Сухуми. 1964;

[2] Шакрыл К. С. Аффиксация в абхазском языке. Сухуми. 1961

сюда; каузальный формант р: д-ла-дырҟәит «его (ч.) согнули, понизили», взаимные показатели аи, аиба; и-ааибырҳәеит (→ и-аа-аиба-рҳәеит) «о том (в.) они договорились, друг другу сказали», и-аа-илалеит (→ и-аа-аи-лалеит) «они вместе слились, подрались», инеибарԥит (→ и-на-аибарԥит) «они вместе туда побежали».

В остальных глагольных образованиях направительные превербы стоят за основообразующим формантом: возвратности -е: и-е-надиҵеит «он к чему-то прислонился», и-е-на-лаижьит «он себя во что-то бросил»; совместности аиц: деиц-на-ргеит «его (ч.) они совместно увели туда», ҳаицнеит «мы туда совместно пришли»; союзности ц: ди-ц-ааит «он (ч.) с ним пришел», илыц-на-ргеит «то (в.) они с нею туда принесли; потенциалиса з и непроизвольности амха: сзымааит «я не смог сюда придти», дысзаамгеит «его (ч.) я не смог сюда привести», дамханеит «он (ч.) невольно туда пошел», повторности аиҭа: деиҭааԥшит (→ деиҭааԥшит) «он (ч.) вновь сюда посмотрел», деиҭаахеит «он (ч.) вновь сюда потянул».

В версионных образованиях показатели версии з и косвенного объекта предшествуют аа. З и аа совместно образуют как бы сложный формант заа: аара: дааит «он (ч.) пришел → дазааит «он (ч.) к чему-то пришел», дизааит «он (ч.) к нему пришел», ааскьара: дааскьеит «он (ч.) приблизился (к чему-то)» → дазааскьеит «он (ч.) к нему приблизился», аагара: иааигеит «то (в,) он принес сюда» → дазааигеит «его (ч.) он склонил к чему-то» ааигәахара: дааигәахеит «он (ч.) приблизился» → дазааигәахеит «он (ч.) к чему-то приблизился, дизааигәахеит «он (ч.) к нему приблизился, стал родственником». В некоторых основах вместо аа может быть направительный преверб на: анеира: днеит «он (ч.) пришел» → дазнеит «он (ч.) к чему-то пришел».

В обстоятельственных образованиях направительные превербы также стоят за обстоятельственным формантом: с-ан-аа-уа «когда я приду», сыш-неиуа «как я туда приду», сахь-аа-уа «куда я приду», данааскьа «он (ч.) когда приблизился», ишналго «то (в.) как она несет».

В некоторых временных образованиях глаголов превербы стоят за отрицательным показателем м: дмааит «он (ч.) сюда не пришел», дмаагылеит «он (ч.) не остановился», дымнеит «он (ч.) туда не пришел», санымаа «когда я не пришел», данымаагыла «когда она не остановилась», ср.: д-аа-ҭы-м-ҵит «он (ч.) оттуда не вышел».

Направитепьные превербы полифункциональны. В зависимости от того, в каких глагольных основах они реализованы, или с какими глагольными корнями они состыкованы, ипи же в каком контексте они использованы, данные превербы: 1) выражают направление действия, 2) указывают на характер действия. 3) формируют основу новой лексемы (Р. К. Гублия). Первые две функции морфологические, третья - словообразовательная, но в определенных случаях сочетающаяся с морфологической. Из перечисленных функций выражение направлений является основной и первичной.

Направительные превербы указывают на направление действия, в основном ориентируясь на говорящего (к говорящему и от говорящего). Таким ориентиром может стать также и определенный объект, о котором говорит говорящий, вокруг которого разыгрываются действия с различными направлениями (от дома, к дому). Кроме того, превербы могут указывать на действие, направленное на объект, который на уровне предложения может быть подлежащим, дополнением, обстоятельством.

Превербы - аа -, - на -// н(ы) - указывают на направление движение действия, протекающее по горизонтапи. Выражают они противоположные направления: аа – сюда, на//н(ы) туда.

Указываемые ими направления действия могут быть ориентированы: аа на говорящего (или на автора текста), на зрителя, на от говорящего:

Уааи арахь! – иҳаан, днаиаԥысит Ҳанашә. Дыццакуа днеин, акьыба ааганы инадиргылеит аҭзывара, нас инаиирбеит, – хыхь ухал, дад, абрахь. Аҭуан ахь ухал! Уа аласа ыҟәуп, унеины унылатәа. Иааиуа сара дызбап, уара умшәан (М. Л.).

«Иди сюда! – сказал (и) Ханаш, опередив гостя. Торопясь, пошел туда, лестницу сюда взяв, поставил к стене, затем туда показал, – поднимись наверх, дад, сюда. Полезай на потолок. Там лежит шерсть, пойдя туда, усядься на шерсть. С тем, кто сюда придет, я повидаюсь. Ты не бойся».

Зык аалгарц дындәылҭит уаҳәшьа, шьҭа дааиуазар акәхап! (Б. Шь.) «Воду сюда принести вышла (она туда) твоя сестра, уже, наверное, она (сюда) идет».

Дааԥнаԥалеит дгәырґьо, агазет кны Ҳабашь (С. Ҷ.). «В дом вбежал Хабащ, радуясь, с газетой в руке».

Аԥны саныҟоу – ача аага, ахш аага, акартош аага, агаз ахь уца – сгәы ԥырҭәахьан (Ш. Ҷ.). «Когда я дома - принеси сюда хлеб, принеси молоко, принеси картошку, иди за газом – надоело мне».

Шәара шәахь снеираны сыҟам «Я не приеду к вам туда».

Ашәа ҳәо даацәырҭуеит I-тәи (ахәмарюы). Ижәны дыҟоуп. Егьи аганахь ала ашәа ҳәо асцена даакәлеит 2-тәи (Ш. Ҷ.) «Распевая, появляется первый (актер). Он пьян. С другой стороны, распевая, приходит на сцену второй». Ашәҟәы насышьҭит «Я послал (туда) письмо. Ашәҟәы аасышьҭит «Я прислал (сюда) письмо».

Превербы ла, ԥа выражают направление движения по вертикали: ла «вниз», ԥа «вверх». Эти движения могут быть направлены или к говорящему, или от говорящего (Р. К. Гублия): Сара сахь дԥеиааит. «Пусть он поднимется ко мне вверх» – Сара сызхалом, иара дԥеиааит. «Я не могу подняться вверх, пусть он поднимется». В первом предложении действие направлено вверх к говорящему, во втором предложении – вверх от говорящего.

Ҳабашь аԥҳәал изнапык ала иаанкыланы, дыԥны, афырҳәа амԥахәасҭа дԥаваланы, дыԥхалт (С. Ҷ.), Хабащ взяв одной рукой кувшин, бегом, быстро поднимаясь по тропинке, поднялся вверх».

Хьыкәыҷ аԥҳәал лыжәԥахыр иԥықәлыргылан, лҷыналхеит (С. Ҷ.). «Хикуч поставила сверху на плечо кувшин... двинулась».

Улеи, дад сысас, шьҭа арахь (М. Л,). «Спустись, дад гость, уже сюда».

Самкьаникьа... аҭажә лла ҟаԥшь ду илымаз аатцәа илҭатцаны, ахы ааҷаҳәаны, илкажьны, иара дыхәнан, алыґәра дықәтәеит (Аҕс. а). «Самканика рыжую собаку старухи в мешок (вниз) положил, завязаа, бросив, влез на потолок и сел».

Амрагьы акыр иԥаскьеит (С. Ҷ.). «И солнце намного поднялось (вверх)».

Все перечисленные превербы могут быть использованы для выражения различных направлений, ориентированных ма место, на которое сконцентрировано внимание говорящего. Говорящий выражает направление действия, отталкиваясь от какого-то объекта:

Самкьаныкьа дышнеиуаз, данынаԥш, ҳаԥык аҷы бжьԥык аҽцәа шыҵагылаз ибеит. Иҷынаханы днеин, абахә изкәа адыргыланы аҳәҳәара далагеит.

«-Иҟалазеи» ҳәа аҽцәа анҵаа, – иҟалаз шәымбои, абри аҳаԥы саб иҵынхан, еилаҳауеит, сгәы иалоуп, икаҳаанза бжь-шьаҟак ааганы исазцаргылар, еиқәхон, иҟалозар. бжьшьаҟак аазгаанза, абри шәызкәала иаанышәкыл» ҳәа дрыҳәеит (Аԥс. л.). «Самканика идя, посмотрел туда, увидел, что в пещере стоят семь всадников. Он пришел туда, подставив спину под скалу, стал кричать. – «Что случись» когда спросили всадники», – «Случилось то, что это ущелье осталось от моего отца, оно разваливается, мне очень жаль, если я успею подпереть семью столбами, оно сохранится, принеся сюда, если это возможно. Пока я сюда принесу семь подпорок, придержите вашими спинами» – попросил он». В этом тексте, ориентиром для выражения направления движения, «сюда», «туда» служит ущелье».

Ахәыҷкәа (абнаҽы) ахәмарра ишалагаз аҳ илымҳа аҟынза инаргеит. Аҳ али-ԥси рыла дааит. Дахьаааиз, ахәыҷкәа ишеихәмаруаз ауимбахуаз (Аԥс. л.). «Донесли до уха князя о том, что дети (в лесу) начали играться. Князь быстро пришел (в лес), куда (в лес) он пришел, увидел играющих детей», ориентир лес.

Аҳ иԥа... асакаса данҵаны, ашҵа дрыманы инҵалан, днаганы лара дахьаадәылҵцәкьоз аҕараҳәа днадрыжьылт (Аԥс л.). «Они вошли во двор, внося сына князя на носилках, приведя туда, откуда она сюда вышла, бросили его туда (у дверей), ориентир «дверь».

Ажәардәына ари дахькажьыз анаба, ицан хәшәыс иҟаз ааганы, иқәыԥсаны дыбзанатәеит (Аԥс. л.). «Когда орел увидел, где он валяется, улетел, принеся сюда лекарства, осыпав его, оживил».

Направительные превербы, в отличие от локальных превербов. могут быть введены в основу для выражения пространственных отношений между субъектом-подлежащим и личноотносительным объектом-дополнением.

Реляция к субъекту – подлежащему:

Дәеа ԥыҵк анаацы ашьҭахь, (лашьцәа) и-аа- лыԥхьаны, ус ларҳәеит урҵ (М. Л.). «После того, когда прошло немного времени, ее братья, позвав ее к себе, так сказали ей».

...Ҩ-патронак аалымихын, ашәақь илҵеиҵеит (Ш. Ҷ.). «... он взяв у нее (к себе) два патрона, заложил в ружье».

Ала ааишьа иамхаҵәгьахан, ашофер ааида днадыххылан, икыдгылаз аҽеага аакыдиԥаait (Ш. Ҷ.). «Испугавшись бегущей собаки, шофер подбежал к ограде (и) схватил, к себе, старую мотыгу».

Ныгә ауха Оқәым днеит, ацкы ашәҟәы аначальник иааимихын, ... иҩоны дааит (Д. Гә). «В ту ночь Ныгу пришел в Окум, у начальника взял (к себе) справку (ее замену), (и) пришел домой».

Иԥьыба иҭаз ачабра ааҭигеит. «Он вынул из кармана, к себе, платок».

Реляция к объекту-дополнению:

Хәыҷык дахьынаскьаз, иҩызцәа ааиԥылеит (Д. Гә.). «Немного отойдя, его товарищи его встретили».

Иаргьы (аҕба) цасҳәа, иауазшәа, зынзак агаҽа иазааигәаны инагылт, аган дара инареирханы (Д. Гҽ.). «И он (корабль), якобы нарочно, причалил очень близко к берегу, длину (корабля) направив на них».

Ус амза аԥстҳәа иналҵын, аҳаҭгәын иныцаԥхеит (Д. Гә). «Так луна вышла из-за тучи, осветила надгробную плиту».

Даҕьуа, лхала дҟәынд-ҟәындуа (лара иара) дааи-ҟәаҵын, дцеит наҟ (М Л.). «Ругаясь, про себя ворча, отойдя от него, она ушла».

Ҽнак сан даасыдтәалан... (Ш. Ҷ.). «Однажды моя мать села рядом (сюда) со мной...».

Ари аазаҳаз арԥарцәа иааиуаз инаиԥылан, иарҳәеит Гәында лажәақәа («Нарҭ С.»). «Эти юноши, которые то услышали, идущего к ним они встретили, (и) передали слова Гунды».

Реляция всех направительных превербов может быть ориентирована к какому-либо объекту, который на уровне предложения является обстоятельством места. Данная функция пересекается с функцией послелогов. В этих случаях все превербы, включая аа, выражают направление «туда», семантика же «сюда», «вверх», «вниз» затушевана.

Ала днаҩсын, амардуан дынхалт (Ш. Ҷ.). «Пройдя мимо собаки, он поднялся по лестнице».

Хәлаанза агәылацәа дрылан, ианыхәла, дааит аҩоны (М. Л). Допоздна ходил по соседям, когда стемнело, пришел Домой».

...аҵх даара акыр цахьан, иҩоны днеит (Д. Гә.). «... уже была глубокая ночь, он пришел домой».

Зқьышә кыдырҕәҕәаланы икыдыз агәашә ду аартны иааҭалт (Ш. Ч). «Открыв плотно закрытые большие ворота, они вошли (туда)».

Аҵх дук мцакәа абнаршәыра агәҭаны ахәыҷы ԥшқа ҵәуабжьцас бжьык иаҳан, днеит ахәыҷы дахькнахаз аҵлаҽы (Аԥс. л.). «В полночь, посреди густого леса, пастух услышал плачь младенца, и пришел (туда) к дереву, на которым висел ребенок».

Ԥьгәанаҭ днеин, днықәиахт ииарҭа (М. Л.). «Джгуанат пошел, (и) лег (туда) в свою постель».

Анышәынҭра инықәыԥшырц иааит (Ш. Ҷ.) «Они пришли чтоб посмотреть на могилу».

Аҧсны аҳ иҩынза иааҩуан абарҭ ажәаҟәа (Б. Шь.). «Эти слова доходили до царя Абхазии».

Направительные превербы очень часто входят в основу глагола с локальным превербом, который также несет семантику направления.

Локальные превербы, а также основы с локальными лревербами, выражают направление к месту или от места, на что указывает семантика локального преверба, направительные превербы, как было отмечено выше, указывают направление: 1) к говорящему или от говорящего, 2) к субъекту или к личноотносительному объекту, дополнению, 3) к обстоятельству, или выделенного говорящим месту.

Их функции совпадают в том случае, когда направительные превербы выражают направление к личноотносительному объекту-дополнения и от личноотносительного объекта-дополнения, чей показатель в виде показателя косвенного объекта сопровождает локальный лреверб, или к обстоятельству места, которое соотносится с локальным превербом.

Основы с локальными лревербами могут сочетаться с направительными лревербами как со сходной направленностью, так и с противоположной направленностью.

При совпадении направлений направительные превербы как бы более подчеркивают уже существующее ее выражение направления действия и особенно в тех основах, в которых локальный преверб не имеет варианта с исходом на гласный а. Имплитицно, может очень слабо, присутствие реляции к говорящему или от говорящего, нам кажется, все же присутствует.

Агәырҕьаҩҳәаша сышәҭ. Есма ҧа длоут, – иҳәан ишәакь аакнихын (ср. книхын), Ҳажәла иазырҳа!» иҳәан, аҭыкьҳәа дхысит (Д. Гә.). «Дайте мне подарок радости. Есма родила сына, – сказал он, снял (к себе) ружье - Наш род увеличься! – сказал и выстрелил». Иаргьы агаз фҩы иаразнак иааиҩаҳаит (ср. иҩаҳаит) (Ш. Ҷ.). «И в него сразу ударил запах газа». Лмацәазкәа зегәы аалымҕылхын, игылаз ал амахәкәа акы

лхьарҭәырны инахалыҧсан, леааилылхны, дҩаҧырны азы дынҭаҧалан... (Аҧс. л.). «Сняв с себя все кольца, согнув одну из веток ольхи туда их сверху нанизала, раздевшись, взлетев, вошла в воду». Дышуа, лыпсыҧ, лцәырацәахо даналага, лхыза днагәҭасын, ашырҳәа даахыкәтәалт (С. Ҷ.). «Разгорячившись, задыхаясь, она от себя отбросила одеяло, сразу села». Дышнеиуаз ...аҭакәажә дынлыдгылт (ср. дналыдгылт, длыдгылт) (Аҧс. л.). «Так идя... подошел (туда к ней) к старухе». Даеа ҧыҭк анаабжьыс, даеа маҭык лҩы иааҭыҭын, лхаҭа ицҳаразы аҩанаанахы, убригьы еикәаҕала ахы аахиҭәеит (Аҧс. л.). «Когда прошло немного времени, другая змея вышла из ее рта и направилась ее мужа укусить, и эту он убил топором».

В образованиях, в которых выраженное глагольной основы направление не совпадает с тем направлением, которое у данного направительного преверба является исходным и основным, он - направительный преверб - чаще всего выступает выразителем различных характеров действия. Хотя и при совпадении направлений выражение характера действия возможно (Р. К. Гублия).

Нас даахьаҳәын, ашырҳәа хланҭы дынҭалт (С. Ҷ.). «Затем повернулся и быстро он (ч.) туда во что-то глубокое вошел (направления совладают, подчеркивается быстрота действия). ср.: Дааҭалт Ҭемыр игәашә Сеидыҟ (С. Ҷ.). Сеидык вошел в ворота Темыра (ср. дҭалт «он (ч.) вошел во что-то огороженное» с дааҭалт, в котором отражена семантика характера действия).

Направительные превербы в образованиях, в которых локальные превербы сопровождены показателем косвенного объекта 3 лица единственного числа класса вещей а, накладываются на этот а. Как известно[1], совпадение двух морфологических формантов, выраженных а, или а и аа, или же с исходными на а, не дает двух, трех а. В результате чего в данных словоформах направительные превербы как бы занимают позицию косвенного объекта:

[1]Ломтатидзе К. В. Историко-сравмительный анализ абхазского и абазинского языков, Тб., 1976. с. 24-33.

ахатәара: аишәа дахатәеит «за стол он (ч.) сел» → аишәа днахатәеит (→ днаахатәеит) «за стол туда он (ч.) сел»: (Абгахәыцы) инаганы астол агәҭа инахадыртәеит (Аҧс. л.). «Волчонка они повели туда и посадили посреди стола».

аҵатәара: даҵатәеит «он (ч.) сел под что-то» → днаҵатәеит (→ дн-аа-ҵатәеит) «он (ч.) сел туда под что-то». Қәаблыхә аҳәыс наҵицан, ажә днаҵатәан, ахьара далагеит (С. Ҷ.). «Куаблух отогнал теленка, сел возле коровы и начал доить».

адсылара: иаадсылоит «то (в.) о что-то ударяется» (→ иаадсылоит): Амшын ахьарчҳәа аканҵьа иаадсылоит (С. Ҷ.). «Море с шумом ударяло в судно».

алагылара: далагылт «он (ч.) на что-то встал → днылагылт(→ днаалагылт): Дышцоз днылагылт қыҭа ԥшзак («НарҬ С.»). «Так идя, он остановился перед красивой деревней».

адыххылара: дадххылеит «он (ч.) к чему-то прижался, подошел» (→ дааадыххылеит), даадыххылт: НарҬаа раҳәшьа Гәында ԥшза лҽы даадыххылан, длазҵааит («НарҬС.»). «Он к сестре Нартов Гунде вплотную подошел, спросил».

Сажәа анагзаха сымҭакәан, шьапыла аҟәардә дласын (ср. д-а-сын) иласыцирҟьеит (Ш. Ҷ.). «Не дав мне закончить слово, ударил ногой о стул, и выбил из под меня».

Однако встречаются случаи, когда преверб на в редуцированом варианте вообще вытесняет а:

аҵаԥырра: и-а-ҵа-ԥрит «то залетело под что-то» ср.: Аҩны аҵаҟа и-ны-ҵа-ԥрын (должно было инаҵаԥрын), аҽаҵәахит (Д. Гә.). «Залетел под дом и спрятался».

Уи аиарҬа днылҵызшәа (вместо днаҵызшәа) акәын дшыҟаз (М. П.). «Он был таким, как будто бы вышел из постели».

Нас дуурааза дыԥан, дышнеиуаз ашҭа агәҭа днықәԥалт (ср. дақәԥалт → днақәԥалт) («НарҬ О») «Затем он прыгнул и прямо попал в середину моста».

Небезинтересен факт, наблюдаемый в словоформах, в которых преверб на или аа становится между совпадающими показателями субъекта и объекта 3 лица и, тем самым ярче подчеркивая их синтаксические взаимоотношения:

Ари аазаҳаз арԥарцәа иааиуаз и-на-и-ԥылан (ср. (и)иԥылан) иарҳәеит Гәында лажәақәа («НарҬ С.»). «Эти юноши, услышавшие то, идущего к ним они (его) встретили».

... игәасҭеит, ҭырҧьманда иеиликааз - арҭ ажәақәа шааицәымыгхаз, аха уи зынзаскгьы и-н-и-рԥшуамызт (Б. Шь.), (должно было быть и-и-и-рԥшуамызт, показатель косвенного объекта и заменен) «... я заметил, что ему не понравились слова, понятые без переводчика, но совсем он это ни показывал».»

Данынаивала, ашьшьыҳәа инеиқәҽиҭит (С. Ҷ.). «Когда он прошел сбоку, тихо его позвал».

Қәаблыхә ииҳәаз ҳәызбаны инеилалт (С. Ҷ). «То, что сказал Куаблух, подобно ножу вонзилось в него (то туда в него вошло)».

«Да ииуа аабап» – рҳәан, иааибарлацәкәны, и-аа-иурыжьит (Д. Гә.). «Что же он сделает, увидим», – сказали, подмигнув друг другу, они его к нему подпустили».

Наблюдается явление взаимозаменяемости направительных превербов, при этом не внося каких-либо изменений в плане выражения направления. Особенно это характерно для на, ҩа, ла, которые в этих случаях чаще выступают в редуцированном варианте. Объединение этих трех превербов в данном использовании, как одна из версий, можно объяснить тем, что преверб аа в сравнении с другими превербами обладает маркированным признаком: он в основном выступает в значении, «сюда», «в это место» (Р. Гублия).

Таким же маркированным признаком обладает преверб на, основное значение которого выразить направление от чего-то «туда», «в то место». Об этом свидетельствуют и наречные образования: аахыц «в эту сторону чего-либо», нхыц «в ту сторону чего-либо», ааҩс «в эту сторону», анаҩс по ту сторону», уиаахыс «с этих пор», уи нахыс «с тех пор».

Выражением направленности «туда» обладают также превербы ҩа, ла. Для них местонахождение говорящего, собеседника не имеет значения, главное значение для ҩа

-от чего-то туда вверх, для ла - от чего-то туда вниз. Объединяющим, как видим, для на, ҩа, ла является семантика «туда» и отсюда их взаимозаменяемость (Р. К. Гублия):

Хьыкәыҷ аԥҳал ҩышьҭылпаан, лыжәҩахыр иныкәлыргылт (С, Ҷ.). «Хикуч быстро подняла кувшин и поставила туда (на что-то) на плечо» ср.: Хьыкәыҷ аԥҳал лыжәҩахыр иҩыкәлыргылан,.. лҷыналхеит. «Хикуч поставила на плечо кувшин,.. двинулась».

Необходимо отметить, что к основам динамических глаголов, особенно превербного образования, часто присоединяется один из направительных превербов в основном в редуцированном варианте н (→на), ҩ (→ ҩа), л (→ла). Особенно часто используется н. Функция их в основе пока четко не проявилась. Они могут быть в словоформе и не быть, лексическое и грамматическое значения остаются неизменными. Вариант словоформы без преверба также является естественным, однако, на наш взгляд, оставляет впечатление какой-то незавершенности, как в плане семантики, так и в плане формы. Учитывая их расположение в словоформах, можно их назвать протезами, занимающие позиции личных показателей, или вообще просто включающиеся в словоформу:

В позиции субъекта.

Аҽыгәҳәа ихгьы ҩкыдҟьеит (Ш. Ҷ.). «Бац (имитирующий стук) ударилась его голова». ... дааҕьаҵәы-ҕьаҵәит, ибжьы ныҵакны (И. П.). «...он застонал, умолял заглушённым голосом». Ихҭырԥа неихатаҵәрын, ихы аахтит ишкәакәаза (С. Ҷ.). «Его башлык соскользнул, открылась его голова, совершенно белая».

В позиции ближайшего объекта.

Ахҵысҭа иҽага нкыдыргыланы, инапқәа игәыҵапса... даахәыцт (И. П.). «Приложив, приставив мотыгу к перелазу, скрестив руки на груди, он задумался». Убри иазкны акыҩбак иаасҕыхьашәаз аҭоурых маҭәарқәа неиҿырԥшны.. (Б. Шь). «Сравнив попавшие мне один-два исторических фактом, связанные с этим...». ...ихы нарҵысуа саҕҳьа дгылан, раскачивая головой он стоял передо мной». Базала иԥсы неивигеит аҩоны данааи (И. П.). «Базале стало легче (досл: дух перевел), когда пришел домой».

В позиции косвенного объекта. В позиции косвенного объекта преверб чаще всего появляется в тех основах, в которых локальный преверб не сопровождается личным показателем косвенного объекта, а также преверб, который реализуется то с личным показателем, то без него. Он может вытеснить или наложиться на показатель косвенного объекта, сопровождающий локальный преверб (см. выше):

Аказы дҳәоша, илақәа рыцҳаза... ды-н-ҭаԥшит имшынха иҭагылаз имхы ду (И. П.). «Якобы умоляя о чем-то, жалким взглядом он посмотрел на большое поле (засеянное кукурузой) подобно морю». Базала ашацкыраз дҩагылан, иҽага иҟәаҟәа иныкәҵа ашҭа ды-н-ҭыҵит (И. П.). «Базала рано (досл.: во время рассвета) встал, положив на плечо мотыгу, вышел со двора». н также может быть использован в глаголе с противоположным направлением – дынҭалт «он (ч.) сюда вышел»).

Дәкаршәаран, дыкәланы дышнеиуаз, шҭа ԥшзак дынҭанагалт («Нарҭ С.»). «Поле было ровное, идя по ней, что-то ввело его в красивый двор». Амилициа аакылҟьаны, ҳрыманы ицап, иҳагәҭасны ҳаҩҭаркып (Ш. Ҷ.). «Сразу появится милиция, заберут нас, погнав нас, задержат». ...нас даҽеа чабрак лԥьыба иаатылхын, илаҕырзкәа аалрыцкьан, ихы-иҿы днагәзит, нас дышҵәыуаз дындәыл-ҵит (Д. Гә.). «... затем вынув другой платок, вытерла его слезы, поцеловав лицо и губы, затем вышла с плачем». Ус инҺеыжәлан, ашарԥазы аҩоны иааит (Д. Гә.). «Затем, сев на коней, к рассвету пришли в его дом». Зкьышә кыдырҕәҕәаланы икыдыз агәашә ду аартны иҩҭалт (Ш. Ҷ.). «Открыв плотно закрытые ворота, они вошли в ворота». (Аҿы) «хыр» аҳәан.... ашырҳәа илаҵҟьаны иҩот (С. Ҷ.). «Конь фыркнув..., стремглав ускакал».

Словообразовательные возможности направительных превербов значительно ниже морфологических.

В ряде глаголов направительные превербы являются неотъемлемой частью основы, корень которого сочетается

лишь с ним, или же, помимо направительных превербов, входят в контакт с локальными и другими превербами. Они одновременно формируют основу и выражают направпение (Р. К. Гублия):

скьа: ааскьара: дааскьеит «он (ч.) приблизился», анаскьара – днаскьеит «он (ч.) отдалился, отошел, подвинулся».

и: аира → аара): дааит «он (ч.) пришел», днеит «он (ч.) ушел», дҩеит «он (ч.) поднялся», длеит «он (ч.) спустился».

ха: аахара: исаахеит «то (в) по мне ударило»,

ҩ: аақра: иааҩит «то (о звуке) оттуда сюда донеслось».

т: аатра: иаатит «то (в) открылась».

ҭии: ааҭира: иаайҭиит «то (в) он прислал», инаиҭиит «то (в) он послал».

з: аназара: днаэеит «он (ч.) дотянулся до чего-то», дҩаэеит «он (ч.) до верха дотянулся».

хә: ааҳәра: дааҳәит «он (ч.) сюда повернулся», днаҳәит «он (ч.) туда повернулся».

ца: аацара: иаасцеит «их (скот) я сюда погнал».

гза: аагзара: иаалыгзеит «она до чего-то дотянулась».

ҟә: алаҟәра: длаҟәит «он опустился, нагнулся».

В ряде случаев одно из значений многозначного слова становится омонимом, в котором преверб является неотъемлемой частью основы: сааԥшит «я посмотрел сюда», но сааԥшит «я проснулся» (К. С. Шакрыл), инасышьҭит «то (в.) я туда послал, пустил», но абаҳчақәа инашьтын «сады протянулись», даасыҧхьеит «он (ч.) меня сюда позвал, но иаасыҧхьеит «меня пригласили».

Данные превербы с противоположной направленностью получили широкое использование для образования глагольных лексем с парной основой (об этом ниже):

анаҳә-ааҳәра «вертеться»

анага-аагара «носить туда, сюда», разносить»

анакәша-аакәшара «ходить вокруг»

аналаԥш-аалаԥшра «выбирать»

аналс-аалсра «прохаживаться вдоль и поперек»

анаԥш-ааԥшра «смотреть по сторонам» (об этом ниже).

В тех основах, в которых направительные превербы являются ее частью, может присоединиться второй направи-Тпльный преверб, выполняющий функцию выражения характера действия (Р. К. Гублия):

– иҳәан, иҽиртатаны лара лахь даа-на-скьеит (ср. днаскьеит // дааскьеит) (Ш. Ч). «... сказал ласково, к ней тихо, медленно приблизился». Заз маҷк иҽ-аа-ла- ишьҭит, адгьыл ишьапы накьысратә (Аԥсуа л.). «Дзадз немного опустился, чтоб его нога коснулась земли».

Направительные превербы сочетаются:

1) г. основой глагола: агәара → даагәеит «он (ч.) сюда толкнул, надавил», днагәеит «он (ч.) туда толкнул, аԥхьара → дааиԥхьеит «его (ч) он позвал сюда», днаиԥхьеит «его (ч.) позвал, пригласил туда».

2) с основой, состоящей из локального преверба и корня глагола аҭгылара → дааҭгылеит «он (ч.) приостановипся», адгылара → днадгылеит «он (ч.) к чему-то пристал», анкылара → дааныскылеит «его (ч.) я задержал, остановил», ашьҭра → иналышьҭит «то (в.) она туда послала».

3) с основой, состоящей из локального преверба и корне-суффикса: аҵцра → дааҵцит «он (ч.) вышел из под чего-то сюда», аҵыхра → иаацылхит «то (в.) она вытянула, вытащила сюда».

4) со связанным корнем: аақра → иааҩит «то (о звуке) сюда донеслось» ааҳәара → дааҳәит «он (ч.) сюда повернулся», аацара → иааицеит «(скот) он сюда пригнал».

5) основой с каузальным формантом: артра → иаасыртит « то я сюда открыл», арҳәра → иааирҳәит «то (в.) он сюда повернул», аарԥшра → дааирԥшит «он (ч.) его заставил сюда посмотреть, он его разбудил».

с основой с возвратным формантом -ҽ: илаишьҭит → иҽылаишьҭит «он себя отправил вниз, спустился, сбросился» (производящей основой является «алашьҭра» «вниз спустить»), инадиҵеит (→ и-на-и-диҵеит) → иҽнадиҵеит «он прислонился к чему-то», ақәырҷәҷәара → аақәырҷәҷәара

→ иеаақәирҧәҧәеит «он крепко задержался на чем-то (на поверхности)», и-е-на-лаижьит «он себя бросил во что-то (масса...)».

6) с основой с версионным формантом: илзааирҧшит «то (в.) он для нее показал, выявил», дысзааишьҭит «его (ч.) он мне (для меня) сюда прислал», илзынаишьҭит «то (в.) он ей туда послал», илзааигеит «то (в.) он ей сюда принес», илызнаигеит «то (в.) он ей туда принес».

7) с основой с взаимным формантом аи, аиба: иеибарҳоит «они побежали на перегонки» → инеибарҳоит (→ и-на-аиба-рҳоит) «они туда побежали на перегонки», иеибырҳәеит → иааибырҳәеит (иаа-аибы-рҳәеит) «они совместно что-то обговорили», иеимаркит → иааимаркит «о том они поспорили», иеибалыркит → иааибалыркит (и-аа-аиба-лыркит) «то она легко, быстро застегнула», иааиқәырҧшза-ааиқәырҧшзаны // иааиқәырҧшза-неиқәырҧшзаны «сглаживая», иеигәеит → инеигәеит (→ и-на-аи-гәеит) «они туда совместно (по)двинулись», иеиқәыҧсеит → инеиқәыцсеит «они (веки) сомкнулись», шэнеибац (→ шә на-аиба-ца) «вы туда друг с другом идите».

8) с основой с показателем совместности аиц: деицнаргеит «они его (ч.) совместно привели туда», деицааргеит «его(ч.) они совместно привели сюда», ҳаицааит «мы вместе сюда пришли», еицынаҳашьҭит «то мы вместе туда послали»

9) с основой с потенциальным формантом з, непроизвольности амха: дааргеит → дырзаамгеит «его (ч.) они не смогли привести сюда», дрызнамҟәит «его(ч.) они не смогли туда привести», дырзыламырҟәит «его (ч.) они не смогли понизить», изымҳахеит «то (в.) он не смог поднять», самхааит «я невольно пришел», самханеит «я невольно туда пошел».

Итак, в современном абхазском языке широко используются направительные превербы аа, на, значительно уже юа, ла. Это, с одной стороны, обусловлено тем, что в реальной действительности действий, направленных вверх, вниз меньше, чем действий по горизонтали, с другой стороны, превербы на, юа, ла оказались выразителями одного направления - от говорящего, от чего-то, отсюда их взаимозаменяемость и приоритет преверба на.

Грамматическая функция - выражения направления стало основой для формирования словообразующей функции. Однако она ограничена: не все глагольные образования, уже осложненные деривационным формантом, могут стать производящей основой для направительных превербов. Словообразовательные возможности направительных превербов ограничены как лексическим значением глагола, так и грамматическим значением формантов.

Функция выражения характера действия чисто грамматическая и сегодня она набирает инерцию.

СОЮЗНЫЕ, ВЗАИМНЫЕ, СОВМЕСТНЫЕ ОБРАЗОВАНИЯ

Впервые термины взаимный, союзный в научный обиход ввел П. К. Услар. Затем этими терминами стали обозначать образования со сходной семантикой во всех абхазско-адыгских языках. Считая их принадлежностью залогов, П. К. Услар к взаимному залогу отнес словоформы с морфемой аиба (иеибабуеит «они видятся»), которую членил на ба и аи. По мнению П. К. Услара, ба соотносится с наречием места, аи - означает совместность[1]. Он также обратил внимание на то, что словоформы с формантом аиба связаны с множественным числом. Однако, необходимо отметить и то, что с его поля зрения выпали образования с морфемой ай типа иеидгылеит «они вместе рядом встали», которые в абхазском языке имеют широкую сферу использования.

К союзному залогу он отнес образования как с морфемой ц, так и аиц, не различая их ни материально, ни функционально. Это не удивительно, т. к. эти два образования находятся в отношении производящей и производной, и

[1]П. К. Услар. Этнография Кавказа. Языкознание. Абхазский язык. Тифлис, 1887, с. 64-66.

обнаружить имеющуюся между ними незначительные семантические различия не легко.

Последующие исследователи отмечают наличие этих форм в абхазском языке, добавляя к ним образования с морфемой аи, и указывают на их значение[1].

Наиболее полное описание слов с союзной, совместной, взаимной семантикой представлено в работах К. В. Ломтатидзе, в которых они анализированы в аспекте словообразовательном, грамматическом, лексическом и систематизированы. Данные образования исследованы не только в синхронном плане, но и в сравнительно-историческом, привлекая материалы абазинского, убыхского и адыгских языков, что позволили ей установить их типологическую и генетическую общность. Кроме того, приводятся типологические параллели с картвельскими языками.

Все слова с обозначенной семантикой систематизированы по формантам ц, аи, аиба, аиц, что соответствует их функциональному назначению и грамматическим проявлениям[2].

Руководствуясь семантико-грамматическим критерием, а также традицией, выделяем образования союзные, взаимные и совместные.

СОЮЗНЫЕ ОБРАЗОВАНИЯ

Семантика союзных образований указывает на совместный процесс (действие, состояние), совершаемый субъектом и косвенным объектом, в котором субъекту отведена роль соучастника. Это значение передается посредством префикса ц (в бзыбском диалекте свистяще-щипящий ц′).

Ввиду того, что союзное образование семантически и

[1]Шакрыл К. С. Аффиксация в абхазском языке. Сухуми. 1961, с. 24 -26.

[2]Ломтатидзе К. В. Категория взаимности (взаимосоюзности, взаимообщности) в абхазско-адыгских языках. ИКЯ. Т. XII. Тб., 1960; Она же. Тапантский диалект абхазского языка. Тб., 1944; Она же. Ашхарский диалект и его место среди других абхазско-абазинских диалектов, Тб., 1954.

грамматически связано с косвенным объектом, в основе глагола присутствие показателя косвенного объекта обязательно. Однако он не входит в контакт с тем косвенным объектом, который уже присутствует в производящей основе, он вводит свой показатель. Производящей основой для союзных образований в основном являются те, в которых нет показателя косвенного объекта - одноличные и двухличные переходные глаголы. С введением форманта косвенного объекта валентность глагола увеличивается: одноличный глагол становится двухличным, двухличный трехличным. Изменения в плане переходности / непереходности основы глагола не происходит. Позиция форманта ц – за показателем косвенного объекта (К. В. Ломтатидзе).

Производящая основа - одноличный глагол:

а-гылара: с - гылоит «я встаю» → сицгылоит «я вместе с ним встаю»,

аныҟәара: с - ныҟәоит «я хожу» → с - и - ц - ныҟәоит «я вместе с ним хожу».

а-цара: с - цоит «я иду» → с - и - ц - цоит «я с ним иду».

а-тәара: с - тәоит «я сажусь» → с - и - ц - тәоит «я вместе с ним сажусь, сяду».

Производящая основа – двухличный переходный глагол:

абара:ды-з-боит «его (ч.) я вижу →	«дицызбоит «я вместе с ним его (ч.) повидаю, вижу»
агара: изгоит «то (в.) я несу» →	илыцызгоит «то (в.) вместе с нею я унесу, несу».
аҟаҵара: иҟарҵоит «то в они делают»	илыцҟарҵоит «то (в.) они вместе с нею делают».
ажәра: изжәуеит «то (в.) я пью»	илыцызжәуеит «то (в.) я вместе с нею пью»
аҳәара: исҳәоит «то (в.) я говорю»	илыцысҳәоит «я с нею вместе то говорю».

Для союзных образований производящей основой могут быть глаголы, в которых представлен локальный преверб, реализующийся без показателя косвенного объекта, модели:

локальный преверб + основа глагола, локальный преверб + корне-суффикс, локальный преверб + связанный корень:

и - та -бейт → иацҭабеит «то (в.) вместе с чем-то в чем-то испарилось, высохло».

д - ҭа -леит→ дицҭалеит «он (ч.) вместе с ним вошли во что-то, поступил в учебное заведение»,

д - дәыл- ҵит -* дицдәылҵит «он (ч.) вместе с ним вышел из помещения во двор».

и - калыжьит → илыцкаижьит «то (в.) он вместе с нею бросил».

икашәеит → иацкашәеит «то (в.) вместе с какой-то вещью выпало».

Е-е, уи аупеи иаҳҭаху ҳаргьы, – инаҳацырҳәеит Катиеи Мыкыҷи (И. П.). ««Э-э, именно этого же мы и хотим, – добавили к сказанному нами Катя и Мыкыч». Анцәа ибыциҳәааит, – рҳәан, иҩагыланы инлыцдәылҵит (Д. Гә.). «Пусть с тобой вместе этого скажет бог, – сказали они, встав, они с нею вышли во двор». Мыкыҷи Ачбаки роуп рҳәеит, ашьҭахь Есыфгьы дрыцдырхырааит (И. П.). «Они сказали, что это Мыкыч и какой-то Ачба, затем Есыфа они заставили им (Мыкычу и Ачба) помочь».

Статические глаголы, в основе которых лежат локальные превербы, не сочетающиеся с показателем косвенного объекта, дают союзную форму: дҭоуп → дицҭоуп «он (ч.) вместе с ним находятся в чем-то (в здании, в училище)», дыҩноуп → дицҩноуп «он (ч.) вместе с ним находится в доме», дыеҳәатәоуп → дицеҳәатәоуп «он (ч.) с ним вместе сидит у очага», ишьҭоуп → дицшьҭоуп «он (ч.) вместе с ним лежит».

Не все перечисленные основы в состоянии стать производящими для союзных форм. Встречающиеся ограничения обусловлены семантической несовместимостью основы и форманта ц.

Производящей основой для союзных образований не могут быть основы, в которых представлен личный показатель косвенного объекта – двухличные непереходные (исключение составляют лишь несколько глаголов) и трехличные глаголы. К этим основам относятся также и те, в которых деривационные форманты вводятся в сопровождении показателя косвенного объекта – локальные превербы, реализующиеся с показателем косвенного объекта, форманты объектной версии з, цә и инструменталиса ла[1].

Статистическая форма от локального преверба, реализущегося с показателем косвенного объекта, возможна, но она несет весьма искусственный характер (дицануп «он (ч.) с кем-то находится в чем-то, в списке); возможны также словоформы с локальным превербом, реализующимся то с косвенным объектом, то без него, второй вариант дает союзную форму: дицқәтәеит «он с ним сел на что-то».

Показатель союзности ц обладает некоторыми чертами локальных превербов, так ц может стать основой для статистических глаголов: дрыцуп «он (ч.) к ним прибавился, он их сопровождает, находится с ними». К ц присоединяются корне-суффиксы, обозначающее действие с иллативным направлением – ла, ҵа: дрыцлеит «он (ч.) к ним прибавился, присоединился», дрыцысҵеит «его (ч.) к ним присоединил, прибавил». К ҵ не присоединятся корне-суффиксы элативного направления. Это объясняется тем, что морфема ц выражает прибавление к чему-то, что, логично, не может быть увязано с элативным направлением. Для выражения убавления от чего-то используется другой корень - г (К. В. Ломтатидзе).

исыцлеит «то (в.) ко мне прибавилось, я поправился»	исыгхеит «то (в.) от меня убавилось, я похудел».
иацысҵеит «то (в.) я к чему-то прибавил, добавил»	иагсырхеит «то (в.) от чего-то убавил, уменьшил».

[1]Словоформы илыцисҵоит или илызисҵоит от трехличного глагола «дать», а также длыцидиртәалеит от длыдсыртәалеит «его (ч.) с нею усадил» экспериментальные, в речи не встречаются.

иацуп «то (в.) увеличено» добавлено».	иагуп «то (в.) уменьшено», убавлено.

Корни ц и г являются семантическими коррелятами г можно увязать с корнем слова агра «недостаток».

Позиция показателя союзности ц совпадает с позицией локальных превербов - за показателем косвенного объекта.

Перечисленные особенности форманта ц позволяют предположить о его превербном происхождении, который обладал конкретной локальной семантикой (К. В. Ломтатидзе, М. А. Кумахов). С течением времени ц утратил локальную семантику и стал выразителем определенных отношений между субъектом и косвенным объектом.

ВЗАИМНЫЕ ОБРАЗОВАНИЯ

Глагольные основы, выражающие взаимность, взаимообоюдность, образуются формантами *аи* и аиба // иба. Они являются деривационными формантами, которые модифицируют лексическое значение производящей основы, образуя новую лексему и в соответствии с этим меняют ее грамматические характеристики. Ввиду того, что семантика взаимности, взаимообоюдности предполагает больше одного лица, входящие во взаимные и взаимообоюдные отношения соотносящиеся с ними показатели лица представлены во множественном числе. Производящей основой для них являются полиперсональные глаголы, количество ниц которых в производной основе уменьшается на одно лицо. Этимология аи и аиба (-> аи + ба) пока не ясна, аи и аиба // аибы // иба - взаимоисключающие (об исключении ниже) форманты, каждый из которых имеет свою сферу реализации.

Основообразование посредством форманта аи

Сфера использования форманта **аи** очень широкая. Он, По всей вероятности, принадлежит к наиболее древним

формантам. Его основное грамматическое значение – выражение взаимности. В словоформе стоит перед производящей основой.

Производящей основой для взаимных образований являются основы, в которых представлен показатель косвенного объекта - это все двухличные непереходные глаголы трехличные глаголы. Семантика взаимных образований, мотивированных двухличными непереходными глаголом, выражает отношение взаимности, совместности, которая устанавливается между исполнителями действия (или состояния), представляющиий собой синтез субъекта и косвенного объекта производящей основы. Ввиду того, что действие совместное, они в основе представлены личным показателем субъекта во множественном числе. Двухличный глагол становится одноличным (К. В. Ломтатидзе).

асра: сисуан «я по нем ударял →	аисра: ҳаисуан «мы дрались».
адкьыслара: иадкьыслеит «то (в.) к чему-то коснулось» →	аидкьыслара: иеидкьыслеит «они друг к другу прикоснулись».
ажәлара: иҳажәлеит «они на нас напали» →	аижәылара: иеижәылеит «они друг на друга напали, атаковали».
аԥылара: диԥылеит «он (ч.) его встретил» →	аиғьылара: иеиғьылеит «они друг друга встретили».
агәҭасра: дигәҭасит «он (ч.) его толкнул» →	аигәҭасра: иеигәҭасит «они друга толкнули».
азыцқьара: дизыцкьеит «он (ч.) набросился, напал (словесно) на него» →	аизыцқьара: иеизыцқьеит «они друг на друга напали (словесно)».

Некоторые локальные превербы, сопровождаемые показателями косвенного объекта, могут стать основами для статических глаголов во взаимном оформлении:

ва: иавоуп «то (в.) находится сбоку чего-то» → иеивоуп: «они боками вместе друг с другом находятся».

д: иадуп «то (в.) приложено к чему-то» → иеидуп «они вместе приложены, находятся рядом».

ла: иалоуп «то (в.) находится в чем-то (в массе) → иеилоуп «они вместе находятся».

қә: иақәуп «то (в.) по верх чего-то лежит» → иеиқәуп «они друг на друга лежат», амца еиқәуп «огонь горит».

Семантика взаимных образований, мотивированных трехличным переходным глаголом, выражает взаимные отношения, устанавливаемые субъектом между объектами. Под действием субъекта косвенный и ближайший объекты производящей основы объединяются в ближайший объект производной основы. Глагол из трехличного становится двухличным переходным. Так как семантика взаимности предполагает взаимодействие лиц, предметов, то, естественно, соответствующий показатель ближайшего объекта всегда стоит во множественном числе (К. В. Ломтатидзе). Основа трехличного переходного глагола, как правило, сложная. Производящей основой для нее является двухличный глагол, который посредством локальных превербов, реализующихся с показателем косвенного объекта, или версионных формантов (з, цә) переходит в ряд трехличного переходного глагола, а затем вновь в двухличный переходный:

акра: иркит «то (в.) они держали, поймали» → адкылара: иа́дыркылеит «то (в.) они к чему-то приложили» → аидкылара: иеидикылеит «их он соединил, сплотил»;

аҟәаҟәара: исҟәаҟәеит «то (в.) я растолок» → аҵаҟәаҟәара: иаҵалҟәаҟәеит «то (в.) она под чем-то разрушила, растолокла» → аиҵаҟәаҟәара: иеиҵалҟәаҟәеит «их вместе она растолокла, раздавила, разрубила», «совершила злой поступок»;

атәара: дтәеит «он (ч.) сел» → артәара: дсыртәеит «его (ч.) я посадил» → аҽартәара: диҽасыртәеит «его (ч.) я перед ним усадил» → иеиҽасыртәеит «их я против друг друга посадил»;

аршәара: илыршәеит «то (в.) она бросила» → аҽар-шәра: иаҽалыршәит «то (в.) она зацепила за что-то» → аиҽаршәра: иеиҽалыршәит «их она друг с другом зацепила.

Образования с формантом аи помимо выражения взаимности, указывают и на направление. Взаимодействие участников может быть направлено или друг к другу, или друг от друга. Направление взаимодействия определяет лексическое значение производящей основы. Направление «друг к другу» выражают глаголы, производящая основа которых указывает на направление действия к косвенному объекту. Это основы глаголов с локальными превербами иллативного направления, версионные образования с формантом з, статические формы от локальных превербов и глагольные основы и связанные корни с соответствующей семантикой; направление «друг от друга» выражают глаголы, производящие основы которых указывают на направление от косвенного объекта. Это основы глаголов с локальными превербами элативного направления, с версионными показателем цә, а также глаголы, чья семантика позволяет выразить направление «друг от друга»:

и - а - воуп «то (в) находится сбоку чего-то»	иеивоуп «они находятся сбоку друг к другу»,
дидгылеит «он (ч.) к нему подошел, он рядом встал» -	иеидгылеит «они друг к другу подошли, встали рядом друг с другом»,
иалаҕьеит «то (в) в чем-то срослось»	иеилаҕьеит «они друг с другом срослись»
иалаижьит «то (в) он во что-то бросил»	иеилаижьит «их он свалил друг на друга»,

далҵит «он (ч.) вышел из чего-то» -	иеилыҵит «они отошли друг от друга, они разошлись».
иалихит «то (в) он выбрал, вывел из чего-то»	иеилихит «их он друг от друга отделил».
илзигеит «то (в) он для -нее унес»	иеизигеит «их он собрал».
иадҵит «то (в) отошло от -чего-то»	иеидыҵит «они отошли друг от друга»,
илцәызит «то (в) у нее -пропало»	иеицәызит «они друг друга потеряли»,
иаҟәигеит «то (в) он от чего-то убрал, отодвинул, отделил» -	иеиҟәигеит их он друг от друга отделил, их он разъединил».

Мырзаҟан дцааныза, Катиа ахь-мыхь фатәқәак илымаз ааҷәырылган, Мырзаҟани Мыкыҷи неидлыртәалан, даара ркьафқәа длыркаҵеит (И. П.). «До ухода Мырзакана Катя вынесла какую-то еду, посадила рядом, друг с другом, Мырзакана и Мыкыча, очень хорошо их напоила и накормила». Џьамхәыхә ашьхаҽы даннеи, днаԥшызар, ашьхақәа улагъш рхьымзо иеиҽаҳауан, еиҽҟьон (Агъс. л.) «Джамхух когда подошел к горе, посмотрел, (увидел) горы, не поспевая за его взглядом, то друг с другом сталкивались, то друг от друга отталкивались». Есыф дыԥсаанза, адәқьан Есыфи иареи ирзеилан «До смерти Есыфа, магазин принадлежал (то для них был общим) Есыфу и ему». Арамҵаҽы итәаз рыбжьы усҟак имырдуцәакәа еиҽацәажәон, акы еимаркуан. «Сидящие под орехом не совсем громко друг с другом говорили, что-то друг с другом оспаривали». Сҭепанагьы иаргьы еишьҭагыла, агәашә инҭалеит «Он и Степана идя друг за другом, вошли в ворота». Иеицәаазақәар, изхәарҭоузеи, ҳгәы шәзынханы ҳаҟоуп «Что хорошего, если мы друг от друга скроем, мы вами недовольны». Ибгәалашәоу, зны барей сареи ҳанеицәҳаз, Хакәыцә деимакны «Помнишь, как ты и я друг с другом поругались, оспаривая друг у друга Хакуцва».

Афырԥьанқәа аақәырхын, иахныҳәаны, иеизыԥшуа иржәит (И. П.) «Они подняли рюмки, сказав тост, друг друга поджидая (т. е. соблюдая очередность) выпили».

Направление друг к другу и друг от друга не всегда четко проявляется, особенно в тех случаях, когда аи не выражает значение взаимности.

Образования с аи часто выступают с семантикой совместного действия, в которой нет каких-либо указаний на направление друг к другу» или «друг от друга», а выражают совместное действие или совместный объект действия.

Џьамхәыхә иѡызцәа еиҵахаргьы, иара дыҟамзи (Аԥс. л.) «Если друзья Джамхуха вместе проиграют, ведь был еще и он». Абри збаз аҳәсақәа анцәа ишәԥьимшьааит, нан, ани ԥҳаи ҳәа иеидырныҳәалон (Д. Гә). «Женщины, которые это увидели, приговаривая «пусть вас вместе, мать и дочь, бог ненароком не убьет» - за них вместе они молились». Иашоуп, - рҳәан, инеиқәшаҳаҵхеит итәазгьы (С. Ҷ.) «Правильно, - сказали, согласились (вместе, друг с другом) сидящие».

В зависимости от лексического значения производящей основы производная основа с аи может выразить и иное значение. Так, она может указывать на распад, развал, расщепление пополам или на мелкие кусочки какого-либо предмета. Этот предмет в одноличном глаголе представлен показателем субъекта, в двухличным глаголе - показателем объекта. Число (единственное или множественное) показателей субъекта и объекта зависит от числа предмета.

Абахә еимѡрит «Скала развалилась, друг от друга отошла». Аѡны ажәын, аҭзамцқәа еимѡрит «Дом постарел, стены развалились». Акәымжәы ажәзан, иеимыттеит «Черкеска постарела и рассыпалась (на мелкие кусочки)». Адгьыл еиҟәԥеит «Земля раскололась». Аб еихала ақды еиҟәирԥеит «Отец топором расколол бревно». Ачанах еиҟәшәеит «Тарелка раскололась» (примеры из «Абхазско-русского словаря»). Ажьа мышьҭацәгьа ҳамѡа анеихнаҵәа, ҳаибганы ҳазцома ҳара Аҟәанза (И. П.) «Раз нашу дорогу пересек (разрезал) сглазливый заяц, сможем ли мы благополучно

доехать до Сухума». Џьамхәыхә ахаҳә днахагыланы даннас, акарҳәа, агәҭа аашеит (Ап,с. л.) «Джамхуху, встав над камнем, когда он ударил, мгновенно он раскололся посредине».

Однако необходимо отметить, что семантику взаимности, совместности во многих образованиях морфема аи утратила и соответственно утратила грамматические особенности, обусловленные этой семантикой. В таких образованиях показатели лица могут стоять во всех числах, а формант аи - за показателем косвенного объекта (К. В. Ломтатидзе), напр.: аимҳәара: деимҳәеит «он (ч.) кашлянул», аимсара: деимсеит «он (ч.) чихнул», аиканра: диеиканит «он (ч.) с ним соперничал», аиԥхызра: диеиԥхызуан «он (ч.) ему снится», аигзара: дсеигзеит «он (ч.) меня пожалел», аигәырҕьара: диеигәырҕьеит «он (ч.) обрадовался», аигәыҕра: сиеигәыҕуеит «я на него надеюсь», аихара: сеихеит «я направился», аицралара: еицралеит «то (в.) загорелось», аицрашәара: деицрашәеит «он (ч.) загорелся», аисара: сиеисоит «я с ним соревнуюсь».

Амца еиԥш деицралеит «Он (ч.) зажегся подобно огню». Зина дҟаԥшьза днеицрашәеит (И. П.) «Зина сразу покраснела (сразу красным загорелась)». Дааҷыхеит ашырԥазы, деишәара-еиҵараха (И. П.) «Проснулась она с рассвета, утомленная». Акәытқәа ҟарҟаруа рыбжакы акәытҵарахь иеихеит, рыбжакы - ал ду (С. Ҷ.) «Половина кур, кудахча, направилась к курятнику, половина - к большой ольхе». ...Иарбан ҳазлаго, ҳауааҩәлар ҳшәеикануама (И. П.) «Что мы начнем, опережая вас, соперничать с вами, с нашим народом». Агәашә ианынҵалаҵәҟьа, алақәа ааргъылт, ахыуҳәа иреишуа (И. П.) «Как только они вошли в ворота, их встретили собаки, лая на них». Џьара акала суеисап «Я с тобой в чем-нибудь посоревнуюсь».

Количество глаголов с простой основой, в которых представлен показатель косвенного объекта - двухличный непереходный и трехличный - в абхазском языке очень мало. В основном основы их производные. Они осложнены деривационными морфемами, которые обусловливают появление показателя косвенного объекта. Такими морфемами

являются локальные превербы, сопровождаемые показателем косвенного объекта, и показатели объектной версии, которые модифицируют лексическую семантику основы. Став производящей основой для взаимных образований (а также союзных), семантика превербов и версионного форманта в них слабеет, обеспечивая приоритет взаимной семантике морфемы аи. В определенных образованиях язык как бы прибегает к посредничеству преверба и версионного форманта в основном для того, чтобы ввести в основу показатель косвенного объекта, и тем самым образовать лексему с взаимной семантикой:

атәара: стәеит «я сел» → сақәтәеит «я на что-то сел» → иеиқәтәеит «они друг друга осадили, успокоились, успокоилось (море, ветер)», сгьежьит «я возвратился, сделал круг» → срылагьежьит «я среди них (массе) закружился, налетел на них → иеилагьежьит «все завертелось, закружилось», иҕьеит «то зажило» → иалаҕьеит «то (в.) в массе, в теле зажило → иеилаҕьеит «срослись между собой».

По видимому, этим же можно объяснить и то, что формант аи и образователь производной основы – преверб и версионный аффикс – часто ассоциируется как единый, цельный формант. Ассоциация целостности особенно ярко проявляется в тех образованиях, в которых превербы обладают абстрактной семантикой. Этим можно объяснить и использование их как цельного дериванта в образованных по аналогии ряда основ, в которых производящая основа без аи самостоятельно не вычленяется. Например, словоформы *иеимаркит* «они то оспаривали» и *илымаркит* «то (в.) они у нее оспаривали» находятся в отношении производящей и производной, деривантом производной основы является аи. Однако для словоформы иеимаҳаит «они друг на друга упали, свалились» производящей является связанный корень ҳа «упасть, свалиться», аима же цельный деривационный формант (словоформы иамаҳаит // имаҳаит нет). Данный факт демонстрирует процесс образования нового сложного деривационного форманта.

Можно выделить несколько таких деривантов, которые, помимо взаимной и совместной семантики, могут ввести в основу и другие значения.

аима // аим(ы). Компонент ма можно увязать с локальным превербом ма, который, как предполагают, восходит к корню слова анапы → амапы[1](см. раздел «Превербные образования»). В абхазском языке он утратил локальную семантику. Но в абазинском языке он выступает в значении «с руки, из руки», «от одной точки, одного места»[2].

Адзи сари ачкIвын д - а - ма - хI - кIитI «вода и я спорим из-за парня», букв, «его держим в руках».

Морфема аима // аим(ы) обладает рядом признаков, характерных для локальных превербов. Подобно локальным превербам они выражают направление: иллативное направление - вариант с гласным исходом а, или элативное направление - редуцированный вариант. Имеет статическую форму в виде деепричастного образования - иеима-ны «совместно, держась за руки». В динамических глаголах аима // аим(ы) сочетается:

а) с корне-суффиксами:

ла: аималара: иеималеит «они соединились, срослись друг с другом»,

ҵ: аимыҵра: иеимыҵит «они друг от друга отошли, разошлись»,

х: аимыхра: иеимысхит «их я разъединил»,

б) со связанными глагольными корнями: аимжәара: иеимызжәеит «то (в.) я разорвал», аимыҩра: иеимыҩрит «то (й) развалилось на части», аимаҳара: иеимаҳаит «они навалились друг на друга, сомкнулись», аимадара: иеимеидеит «их он соединил», аимдара: иеимырдеит «то (в.) они передали друг другу (из рук в руки)», аимппра: иеимппит «они рассыпались, разбрелись, разошлись».

в) с глагольными основами: аимарҕәҕәара: иеимаирҕәҕәеит «их он сжал (друг к другу прижал)», аимаҷьгәара: иеимеиҷьгәеит «их (губы) он сжал», аимттара: иеимырттауа (в.) рассыпая, разрыхляя (друг от друга)». Показатель аима сочетается с прилагательным абзиа хороший», ацәгьа «плохой», образуя соответствующие статические и динамические глаголы: иеимабзиоуп «они друг для друга хороши», иеимабзиахеит «они стали друг друга хорошими», иеимацәгьоуп «они друг для друга плохи», иеимацәгьахеит «они стали друг для друга плохими».

аиҩ. Морфема аи в сочетании с ҩ, восходящий к корню слова ҩ - ба «два», выступает в основном как цельный формант. Он присоединяется к основнам двуличных перехондых глаголов, лексическое значение которых выражает деление на части - разломать, разрубить, разрезать, развести в разные стороны, различить. С присоединением аиҩ к производящей основе сокращение количества личных пошили не происходит. Семантика слов с формантом указывает на деление субъектом ближайшего объекта на (две) части: аиҩшара: иеиҩылшеит «то (в.) она разделила пополам, на две части», аиҩырффара: иеиҩырффеит «то (в.) разрезал на две части», аиҩыреара: иеиҩлырееит «то (в.) она сложила вдвое», аиҩыхра: иеиҩылхит «то (в.) она разъединила, разобрала на две части», аиҩгара: иеиҩигеит «то (в.) он развел в разные стороны», аиҩырҧара: иеиҩирҧеит «то (в.) он расколол на две части», аиҩҵәара: иеиҩылҵәеит «то (в.) она рассекла пополам», аиҩдыраара: иеиҩылдырааит «то (в.) она различила из чего-то».

Адауцәа зегьы Ԥьамхәыхә идырҵеит, рашҭаҷы иҭажьыз ахаҳә ду иҟамала дасны агәҭа еиҩирҧарц (Аҧс.л.). «Все великаны приказали Джамхуху ударом своего кинжала рассечь (разбить) середину большого камня, лежащего в их дворе». ...сыхцәы хәыцк алхны имазар, иҟама инаҷшьы-ааҷшьы ахаҳә дасыр, ишҧаиҩыршәарыз (Аҧс. л.). «...если б он имел

[1]Ломтатидзе К. В. К вопросу об исходных видах слов «рука» и «нога» в абхазско-адыгских языках и анализ некоторых картвельских основ//Иберийско-Кавказское языкознание. Т. XV, Тб., 1966.

[2]Клычев Р. Н. Локально-превербное образование глаголов абазинского языка. Черкесск. 1944, с. 38 - 39; Он же. Глагольные суффиксы направления в абазинском и абхазском языках. Черкесск, 1972, с. 51 -53.

волос с моих волос, и, проведя им по лезвию кинжала, ударит о камень, то он его бы расколол (как бы он его не расколол)».

Аиқә||аиқә(ы). Аиқә как цельный формант встречается в деепри-частно-наречных образованиях, выражающих признак предмета, действия. В них еиқә усиливает степень обозначаемого признака:

иеиқәхиа «в полной готовности, в убранстве»: ...наҟтәирахьчыk еиқәхиа игылан (И.П.) «...с той стороны какая-то лошадь стояла в полной готовности, в хорошем убранстве».

деиқәбааза «совершенно промокший»: ... деиқәбаазаха амҩа даакәлеит (И.П.) «... совершенно мокрый пустился в путь, пошел».

деиқәҷабза «аккуратный: «Аҳ иҧа дахьааиз, иҩыза... дгылоуп деиқәҷабза «Когда пришел сын царя, его друг стоял во всем готовый, аккуратный».

иеиқәшьшьы // еиқәыршьшьы «темный, безмолвный, пасмурный».

иеиқәылашьцаха «совершенно темный»: Ақыҭажә еиқәышьшьы, еиқәылашьцаха иҟаз ... аҿаҧсахуа иалагеит (С.Ҷ.). «Безмолвная, темная старая деревня ... стала преобразовываться».

иеиқәыблааза «совсем горелое, пережаренное».

аиқә как словообразовательный формант выступает в словах: аиқәхара: деиқәхеит он (ч.) спасся» (→ иақәхеит «то (в.) на чем-то остался»), аиқәтәара: иеиқәтәеит «то (море, страсти...) успокоилось», аиқәҟәысра: иеиқәҟәысуеит «смыкаются (веки)», аиқәыргҧшзара: иеиқәлыргҧшзеит «то (в.) она скрасила, смягчила, сгладили», иеиқәуп (амца) «огонь горит», амца еиқәиҵеит «он разжёг огонь», аиқәҽыҵра «перекликаться» и др.

аила // аил(ы). Как сложный, цельный формант он широко используется в словообразовании (Р.К. Гублия). Он встречается в прилагательных, чаще в отглагольных: аилыҕраа «пестрый», аилышлаа «седой, седеющий», аилыхха «шустрый, ловкий», аилҟьа «расторопный», аилымга «глупый»,

аилажәжәа «растрепанный»: (ихахәы цәыш еилажәжәа «его серые растрепанные волосы» (С.Ч.).

В глаголах аил(ы) совместно с корнем образуют основы,указывающие на красоту, блеск, сверкание с оттенком интенсивности:

аилыҧхаара «переливаться»: Убра дыҩнан ҧҳәызба бзиак, деилыҧхаауа (Аҧс.л.). «Там в доме находилась хорошая девушка, вся переливаясь».

аилацырцырра: «сверкать»: Қәаблыхә азаза еилацырцыруа дылаланы днеиуан (С.Ҷ.). «Куаблух шел по сверкающей росе».

еилаарцырра: (Амра) икаҧхоит, икаҷҷоит, еилаарцыруеит (С. Ҷ.). (Солнце) светится, сверкает, отблескивает».

аилыбзаара «сверкать»: Еилыбзаауеит ахәаҵа мрахәагала (Б. Шь.) «Захолустье сверкает лучами солнца».

еилыцьцьаара: «мерцать, переливаться: Уахынла аиаҵәақәа еилыцьцьаауеит «Ночью звезды мерцают».

Подобно аиқә аила может внести в основу значение интенсивности, полноты действия: деилабаазаха «он (ч.) совершенно промокший», иеилабааха «совершено гнилое», днеилыууа: Акарточка анылба, дахьыҟаз лзымдыруа, днеилыууаа дцеит (И. П.). «Когда она увидела фотокарточку, не понимая где находится, совершенно отключилась».

Как цельный деривант он встречается в глаголах: аилахәра: иеилахәлеит «смеркает», аилагәаҭеира: иеилагәаҭеит «они всполошились», аилауаҭырра: ауаа еилауаҭырит (С. Ҷ.) «люди всполошились», еилырҕәҕәа «давя, крепко держа»: Аусҳәарҭа ацаҧха еилырҕәҕәа икны... (С. Ҷ.). «Крепко держа ключи управления...».

Аиз. Аи в сочетании с версионным показателем з как сложный деривант встречается в ряде глагольных основ с связанными корнями, общая семантика которых означает сосредоточение какой-либо массы в определенном месте: аизыҩҩра «они собрались, съехались в определенном месте», аизыҳәҳәара: иеизиҳәҳәеит «он массу чего-либо сгреб (в кучу)», аизкәкәара: иеизкәкәеит «они (капли) собрались»,

аизцара: иеизицеит «их (скот) согнал в кучу», аизара: иеизеит «они собрались», аизгара: иеизигеит «их он собрал в определенном месте».

аиха // аих(ы). Как цельная морфема встречается в глаголах:

аихарҕәҕәара «зажать, сомкнуть крепко»: Ахаҕыцқәа еихарҕәҕәаны, абысҵа еилагзара даҽын (И. П.). «Сомкнув крепко зубы, она завершала готовить мамалыгу».

аихаҽаҳәара «крепко завязать»: Иҟаз қәыҕәҕәаран, хәыҽран, уҽы еихаҽаҳәан (С.Ҷ.). «Было насилие, подавление, безмолвие (твой рот крепко завязан)».

аихаччара «засмеяться»: Ихы-иҽы леихаччеит (С.Ҷ.). «Его лицо (и рот) засмеялось».

аихаҟәысра «моргать»: ...илацәаҟәа еихаҟәысуамызт «... веки (собаки) не мигали, не шевелились».

аиҵа. Морфема аиҵа в глагольную основу вносит значения, соответствующие русскому предлогу пере: аиҵанеиҵасра: деиҵанеиҵасуа «он (ч.) переходит с места на место», аиҵагара: иеиҵалгеит «то (в.) она перенесла, перевела с одного языка на другой» → аиҵага «перевод».

аиҵакра: иеиҵеикит «то (в.) он перевел, преобразовал», илаҟәа ҧхашьа-ҧхашьо, ишәаҧырҳаҧуа, Миха днаихәаҧшит, нас ҧшьаала Арсана ишҟа инеиҵеикит (И. П.). «Стыдливым, боязливым взглядом он посмотрел на Миху, затем медленно перевел на Арсану».

аиҵарсра: иеиҵарсуа «то (в.) чередуясь, сменяясь»: аҟаҵарба аиҵарсра «спряжение глагола».

аиҵаҳәара: иеиҵасҳәоит «то (в.) я пересказываю», аиҵаҳәа «пересказ».

аиҵаҵра: сеиҵаҵуеит «я перемещаюсь, переселюсь», еиҵаҵуа аҟаҵарба «переходный глагол».

аиҵаҧара: деиҵаҧеит «он перепрыгнул через что-то». Ҷыхьа днеиҵапан, амҩаду днаныҵалт (И.П..) «Чиха перепрыгнув (через что-то), вышел на дорогу (прыгнул)».

аиҵанеиааира: деиҵанеиааиуеит «он (ч.) разгуливает, «охаживает, прогулка».

аиҵа в значении «повторного действия» получило широкое применение. В этом значении аиҵа выполняет чисто грамматическую функцию, не внося каких-либо модификаций в лексическое значение основы: сеиҵатәеит «я вновь сел», деиҵазгеит «его (ч.) я вновь увел», деиҵазбеит «его (ч.) я вновь увидел», сеиҵаиҳәеит «его (ч.) я вновь попросил».

аиҵа в значении «вновь использовано при образовании неологизмов: аиҵаира «возрождение», аиҵашьақәыргылара «восстановление, возобновление, реконструкция», аиҵаҧсахра «преобразование», аиҵалхра «переизбрание» (А. Д. Хнция).

Взаимная форма может стать производящей основой для возвратного образования, формант которого ҽ становится перед аи:

ҽеиҟаратәра: ҽеиҟаратәеит «они между собой сравнялись»... апионерцәа... ҽеиҟарартәны, еивагыланы, аулица ианыланы... (И. П.) «.. пионеры, равняясь, идя рядом шли по улице».

ҽеиҵакра: ҽеиҵанакит «изменилось»: Аамҭа даара ҽеиҵанкит (И. П.). «Время очень изменилось».

К. В. Ломтатидзе выделяет имена, в которых аи является частью основы. Семантика этих слов выражают: родственные отношения: аимаҳәылацәа «зятья (между собой)», аицалацәа «невестки (по отношению друг к другу)», аиашьа «брат», аиаҳәшьа «сестра», аиуара «родство»; добрые и враждебные отношения: аиҩызцәа «товарищи (между собой) аиҕацәа «враги (между собой)», - аиашьара «братство», аиҕара «вражда». Перечисленные имена имеют варианты и без аи: амаҳә «зять», ацала «жена брата мужа», сашьа «мой брат», саҳәшьа «моя сестра», ага «враг», аҩыза «товарищ», ауа «родственник».

Все они в статической форме могут быть с показателем косвенного объекта: дсымаҳәуп «он (ч.) мне зять», дсашьоуп «он (ч.) мне брат», дысҩызоуп «он (ч.) мне товарищ», дсыуоуп он (ч.) мне родственник». Морфема аи встречается и в словах, которые имплицитно выражают сравнение с кем-

чем-либо: аицәа «хуже»: дсеицәоуп «он (ч.) хуже меня», аиҕьашьара: деиҕьасшьоит «его (ч.) предпочитаю», аиҳа «более»: дсеиҳауп «он (ч.) выше, больше, старше меня», аитца «меньше»: дсеитцоуп «он (ч.) меньше, ниже, младше меня», аиԥш «подобно»: дсеиԥшуп «он (ч.) подобен мне, похож на меня», ҳаиманы «мы вместе» (шәеиманы «вы вместе», иеиманы «они вместе)». Скамбашьқәа уара иуеиҕьасшьома (С. Ҷ.) «Разве я своих буйволов предпочту тебе».

Союзные и взаимные образования с формантом аи являются коррелирующими лексемами. Если для союзных образований в качестве производящей основы преимущественно выступают основы без показателя косвенного объекта - одноличные и двухличные переходные глаголы, то для взаимных образований, напротив - основы с показателем косвенного объекта - двухличные непереходные и трехличные глаголы. Образование союзных и взаимных основ связано с косвенным объектом. Только одни - союзные - обусловливают появление показателя косвенного объекта, другие взаимные - вызывают сокращение показателя косвенного объекта.

Противопоставление союзных и взаимных образований с формантом аи проходит и на уровне локальных превербов. Производящей основой для союзных образований являются основы, в которых локальный преверб реализуется без показателя косвенного объекта - ҩна, кыд, ҕәа, ҽыжә, ҭа... для взаимных образований - основы с показателем косвенного объекта - ва, д, қә, ла, н, ԥ, ҩ, ҵа, ҟә, и.

Основа с показателем объектной версии не может стать производящей для союзной, но может стать производящей дли взаимной основы.

Основообразование посредством форманта аиба

Образования с формантом аиба // аибы // иба выражают взаимообоюдное действие.

Словообразовательные возможности морфемы аиба согласуются с словообразовательными возможностями морфемы аи. Эти образования дополняют друг друга. Семантическое расхождение между ними в основном заключается в том, что образования с аи выражают направление взаимодействия или «друг к другу», или «друг от друга», образования с аиба - направление взаимодействия «друг к другу».

Производящей основой для словоформ с аиба также является двухличные и трехличные глаголы. Однако в соответствии с морфемами аи и аиба // иба эти глаголы ччетко делятся на производящие основы для каждого из них.

Производящей основой для взаимообоюдных образований с морфемой аиба являются основы: а) простые, б) каузальные, в) с локальными превербами без показателя косвенного объекта. Сюда же входят и превербы, которые реализуются то с показателем косвенного объекта, то без него встречаются исключения, об этом ниже). Как видим, в этом случае производящие основы для морфем аи и аиба разные.

В простых и каузальных основах морфема аиба ставится перед основой глагола, в основах с локальным превербом аиба в редуцированном варианте иба - за локальным превербом.

Двухличные глаголы распределяются по переходности и непереходности: непереходные глаголы являются основами для образований с морфемой аи, переходные глаголы -с морфемой аиба. Если первые указывают на взаимодействие субъекта и косвенного объекта, то вторые - на взаимодействие субъекта и ближайшего объекта, в результате чего производная основа становится одноличной и непереходной с показателем субъекта во множественном числе (К. В. Ломтатидзе).

абара: д-ы-з-беит «его (ч.) я увидел» → аибабара: ҳ-аибабеит «мы повидали друг друга».

аҟәаҟәара: и - с - ҟәаҟәеит «то (в.) растолок, размельчал, разрезал» → аибаҟәаҟәара: и-еибаҟәаҟәеит «они друг друга раздавили, размяли, растолокли».

агәыҙра: дызгәыҙит «его (ч.) я поцеловал» → аибагәыҙра: иеибагәыҙит «они друг друга поцеловали».

аҕьсахра: исыҕьсахит «то (в.) я сменил, изменил» → аибаҧсахра: иеибаҧсахит «они друг друга сменили».

ақәыхра: дықәихит «его (ч.) он уничтожил» → ақәыибахра: иеиқәыибахит «они друг друга уничтожили».

анырҧәара: и-н-сы-рҧәеит «их я уничтожил» → аинырҧәара: инибарҧәеит «они друг друга уничтожили».

артәара: дсыртәеит «его (ч.) я усадил» → аибартәара: иеибартәеит «они друг друга усадили».

Ҭемыр ҧсызхаз имаз зегьы иеибарҩит иара иахь (С. Ҷ.). «Все, что живое было у Темыра, наперегонки побежали к нему». Ус ишеибарххоз аниба, абызшәа здыруаз Амтон уаҟа днарыхьзеит (Д. Гә.). «Когда он увидел, как они тягают друг друга, знающий язык (русский) Амтон подоспел к ним». Иеибаныҳәо астол иахатәан «Они сидели за столом, за здравие друг друга (выпивая)». Урҭ дааиуашәа анырба, еиқәызырҩы, ацәажәара иаҟәыцын, иара иахь инхьеибаргьшит (И. П.). «Когда они увидели, что он идет, прислушиваясь друг к другу, перестав говорить, они друг друга заставили посмотреть на него». Ус ауп, инибарҧәароуп, ишыббо (И. П.). «Это так, как видишь, они должны друг друга уничтожить». Ианааиҧыла, Ҭемыр ичамадан наиргылан, ҏеынеигәыджьланы, аҧәах-сахҳәа иааибагәзит (→ иаа - аи-ба - гәызит (И. П.). «Когда они встретились, Темыр поставил чемодан, они обнялись, (и) расцеловали друг друга».

Инверсивный глагол аҭаххара «желать, хотеть» взаимную словоформу образует по образцу переходного глагола: исҭаххеит «то (в.) мне захотелось» → ҳаибаҭаххеит «мы друг друга захотели».

Слово аибашьра «воевать, убивать друг друга, война» дают две словоформы: иеибашьуеит «они воюют», в которой аба → (аиба) является показателем взаимности (→ сишьуеит «он меня убивает» → ҳаибашьуеит «мы воюем, друг друга убиваем») и сиабашьуеит «я с ним воюю, я на него налетаю, ругаю», в которой аиба является словообразовательной морфемой, утратившей взаимообоюдную семантику.

Как отмечает К. В. Ломтатидзе, при образовании взаимообоюдной словоформы из трехличного глагола во взаимообоюдные отношения могут войти, с одной стороны, субъект и косвенный объект, оформляя субъект множественным числом, прямой объект остается неизменным, с другой стороны, прямой объект и косвенный объект, оформляя прямой объект множественным числом. В обоих случаях глагол становится двухличным переходным. Из формы д-и-сы-рбеит «его (ч.) ему я показал» при выражении взаимообоюдного отношения между субъектом и косвенным объектом получаем форму д - еиба - ҳа - рбеит «мы его друг другу показали», при выражении взаимообоюдного отношения между ближайшим и косвенным объектом ҳаиба - и - рбеит «он нас друг другу показал».

адырра: издырит «то (в.) я узнал» → ардырра: дысирдырит «его (ч.) он со мной познакомил» → аибадырра: деибаҳардырит «его (ч.) мы (я и он) между собой познакомили, т. е. мы с ним познакомились», ҳаибаирдырит «он нас друг с познакомил».

агара: изгеит «то (в.) я забрал, унес» → аргара: илсыргеит «то (в.) я заставил ее унести» → аибаргара: ҳаибаиргеит «он нас заставил взять друг друга», деибаҳаргеит «его (ч) мы друг друга заставили взять».

аҭара: илы - с - ҭеит «то (в.) я ей отдал» → аибыҭара иеибысҭеит «их я соединил, друг другу отдал, соединил, смастерил».

аҳәара: иласҳәеит «то (в.) я ей сказал» → аибыҳәара: иеибаҳҳәеит «о том мы друг с другом договорились».

аркра: иалыркит «то (в.) она к чему-то прикрепила» → аибаркра: иеибалыркит «их она прикрепила друг к другу, застегнула».

Во взаимообоюдные отношения могут войти субъект и прямой объект в результате чего производная основа становится двухличной и непереходной:

аҭара: урысҭон «тебя я им отдавал» → ҳреибаҭон «мы друг друга им отдавались».

адҳәалара: иадиҳәалеит «то (в.) он (к чему-то) привязал, окутал», окучивал» адгьыл ирыдиҳәалон «он их землей окучивал» → адибаҳәалара: иадибаҳәалеит «они то окружили».

адгәалара: ирыдигәалеит «то (в.) к чему-то он притеснил» → адибагәалара: иадибагәалеит «они к чему-то притеснились».

Ужакьа моу, уцламҳәеи иареи еибасыргап (С. Ҷ.). «Не только бороду, но и челюсть, и ее (бороду) я вместе (друг с другом) уберу, разнесу». Ахәыҷқәа ақәаҭана ссиршәа ирбан, инеины инадибаҳәалан, иацкласуа иалагеит (С. Ҷ.). «Дети приняли за чудо плуг, подойдя, они его окружили, и начали его трогать». (Ампыл) иахькаршәыз иҩеилалт, аҿҿаҳәа еибакит, ирибамҭо. Ус еибарҩынтуа ишыҟаз азәы дҩарылҭәрын, дыҩт (С. Ҷ.). «Где валялся (мяч), (дети) смешались друг с другом, боролись, не давая друг другу (мяч). Так, мешаясь друг с другом, один из них выскользнул и побежал». Амҩаныфа сзыҟаҭа, сан, ирласны, мамзар аамҭа иеибаҳҳәаз исцәахыҧоит (Аҧс.л.). «Сделай мне скоро на дорогу еду, мать, а то я не успею к обговоренному между нами сроку». Саби сареи ианакәзаалакгьы жәа гәацәыхьа еибазымҳәацыз, иацы ҕәҕәала ҳагәқәа цәибаҟьеит, аколнхара еимакны (И. П.). «Отец и я, которые никогда не говорили друг другу обидных слов, вчера мы друг друга расстроили (наши сердца мы друг другу расцарапали), споря о колхозе».

Морфема аиба // иба // аибы не присоединяется к трехличным глаголам, в которых представлен локальный преверб, сопровождаемый показателем косвенного объекта. Исключение составляет лишь группа глаголов, которые, сочетаясь с этими превербами, дают взаимообоюдные образования, при этом трансформируясь в непереходные, напр.: иаҭибаҳәеит «они вместе (друг с другом) к чему-то быстро подбежали (окружили): Дҿыжәҭуа даналага, аҿышькыл инаҭибаҳәеит арҧарцәа (И. П.). «Когда он начал слезать с коня, юноши быстро (окружили) устремились к его стремени».

адибагәалара: иадибагәалеит «они к чему-то друг друга теснили»: Реимактә духеит, астол иадибагәала, рҭаҷкәымқәа еиқәдырххон (И. П.). «Их спор усилился, тесня к столу друг друга, протягивали друг другу кулаки».

Морфемой аиба не оформляются основы с показателями объектной версии з, цә, так как и они являются носителями показателя косвенного объекта. Это можно объяснить тем, что данные основы взаимную и взаимообоюдную семантику передают морфемой аи: ирзаалгеит «то для них она принесла» - аизгара: иеизылгеит «их она друг с другом, вместе собрала».

Возможны модели, в которых сосуществуют как префикс иба, так и аи (К. В. Ломтатидзе). Мотивированной основой для них выступают трехличные глаголы с локативным превербом или с версионным показателем в основе. Путь образования данных моделей следующий: трехличный глагол трансформируется в двухличный посредством форманта аи, затем - в одноличный посредством форманта иба. Разница в семантике между этими двумя взаимными образованиями заключается в том, что взаимная лексема на аи выражает взаимные отношения, которые устанавливаются субъектом между объектами мотивированной основы, взаимная лексема на иба - взаимодействие субъекта и прямого объекта мотивированной основы:

адгалара «предложить», и -лы - ди - галеит «то (в.) он ей предложил» → и - ей - д - и - галеит «их он объединил, собрал» → и - еидибагалеит «они друг с другом, совместно собрались».

алкаара «выделить»: д-а-л-и- кааит «его (ч.) он из чего-то (массы) выделил» → и-еи-л-и- кааит «их он друг от друга выделил, узнал» иеилибакааит «они друг друга поняли».

авгара «сбоку проводить» → и - а - вы - згеит «то (в.) я провел сбоку чего-л.» → и - еивы - з -геит «их я развел боком» → и - еивибагеит «они друг друга развели, вывели себя».

азгара «нести для кого-то»: и - л -зы - згеит «то (в.) я для нее понес» → и - еиз - и - геит «их он собрал» → и - еизибагеит «они собрались, они друг друга собрали».

аигәыԥхаибажьара: иеигәыԥхеибажьоит (→ аигәыԥха + аибажьа) «они друг друга по совместному желанию обманывают».

СОВМЕСТНЫЕ ОБРАЗОВАНИЯ

Семантика совместных образований указывает на процесс, совершаемый более одним лицом, или на совместное воздействие на кого-что-либо в одном временном пределе. Подобно взаимным образованиям совместные образования также связаны с множественным числом. Лексемы с совместной семантикой образуются префиксом аиц (бз / аиц'), который стоит за первым личным показателем. По сравнению с союзными и взаимными образованиями они новее, о чем свидетельствует сам формант аиц, представляющий собой сочетание взаимного аи и союзного ц аффиксов.

Сфера использования морфемы аиц широкая. Сегодня она ассоциируется как цельный формант. Однако с точки зрения основообразования, производящей основой для основной массы совместных лексем были союзные, затем, уже как цельный показатель, он стал присоединяться и к другим основам. Это подтверждается тем, что все союзные образования без исключения дают совместные лексемы, имеющие свое лексическое значение. Они расходятся и грамматически: в производной основе количество показателей лиц меньше на одно лицо, чем в производящей. Двухличный глагол становится одноличным за счет объединения показателей субъекта и косвенного объекта в непереходных глаголах:

дыҩноуп «он (ч.) находится в доме» → д-и-цыҩноуп «он (ч.) с ним находится в доме» → иеицыҩноуп «они вместе (в одно время) находятся в доме».

ахәмарра: сыхәмаруеит «я играю» → сицхәмаруеит «я с ним играю» → ҳаицыхәмаруеит «мы вместе играем».

агылара: дгылеит «он (ч.) встал» → дсыцгылеит «он (ч.) встал со мной» → ҳаицгылеит «мы (я и он вместе, одновременно) встали».

аныҟәара: дныҟәеит «он (ч.) ходил» → дуцныҟәоит «он (ч.) с тобой ходил» → шәеицныҟәеит «вы (он и ты вместе, одновременно) ходили».

атәара: дтәеит → «он (ч.) сел»→ дицтәеит «он (ч.) с ним сел» → иеицтәеит «они (месте одновременно) сели».

Трехличный непереходный глагол становится двухличным непереходным: объединяются показатели субъекта и косвенного объекта, введенного формантом ц:

ахара: дихеит «он (ч.) его потянул» → дицлыхеит «он (ч.) с ним ее потянули» → иеицлыхеит «они (совместно, одновременно) ее потянули».

аԥхьара: д - а - ҕхьеит «он (ч.) то прочел» → ҳа́ицаԥхьеит «мы с ним вместе то прочли» → ҳаицаԥхьеит «мы (совместно, одновременно) то прочли».

агәара: сигәеит «я его толкнул» → сицагәеит «я с ним вместе то (в.) толкнул» → ҳаицагәеит «мы (я и он) совместно то (в.) толкнули».

Двухличный переходный глагол в союзном оформлении становится трехличным, в совместном оформлении - опять двухличным. В совместных отношениях могут быть: 1) субъект и косвенный объект производящей основы в производной основе представленный показателем лица субъекта во множественном числе, 2) прямой и косвенный объекты производящей основы, в производной основе представленный показателем ближайшего объекта во множественном числе, переходность глагола сохраняется (К. В. Ломтатидзе):

абара: дызбон «его (ч.) я видел» → дицызбон «его (ч.) я вместе с ним смотрел, ухаживал, воспитывал» → деицаҳбон «его (ч.) мы (он и я) совместно смотрели, ухаживали», иеицызбон «их вместе я видел».

агара: дугеит «его (ч.) ты увел» → дуцигеит «он (ч.) с тобой его увел» → деицыжәагеит «его вы (он и ты) совместно увели», ҳаицугеит «нас совместно ты увел».

ашьҭыхра: ишьҭысхит «то (в.) я поднял» → илыцшьҭысхит «то (в.) я с нею поднял» → иеиц-шьҭысхит «их (то и ее) вместе, совместно я поднял», ҳаицшьҭихит «нас (меня и ее) вместе он поднял».

аԥҟара: иԥысҟоит «то (в.) я режу» → илыцԥысҟоит «то (в.) я с нею режу» → иеицԥысҟоит «их вместе я режу», ача еицԥаҳҟеит «хлеб мы совместно разрезали».

афара: исфеит «то (в.) я съел» → иацысфеит ача ашә «я хлеб с сыром съел»→ иеицысфеит ачеи ашәи «хлеб и сыр вместе съел», амгьал еицаҳфеит «мы вместе съели чурек».

Те ограничения, которые характерны для союзных образований в какой-то мере распространяются и на произведенные от них совместные лексемы. Так, совместные лексемы, в основе которых представлен локальный преверб, сопровождаемый показателем косвенного объекта, зачастую носит искусственный, экспериментальный облик: ҳаицадуп, ҳаицадлеит, иеицыдтәалеит, иеицалалеит, иеицавоуп... (ср.: ҳаидуп «мы вместе рядом находимся», ҳаидылеит «мы друг с другом сошлись», иеидтәалеит «они вместе рядом сели», иеималеит «они друг с другом срослись, соединились», которые в семантическом плане почти компенсируют вышепроизведенные искусственные образования). Подобно союзным лексемам большинство каузативных основ также не могут стать основообразующим для совместных образований (шәеицсыртәоит «я вас вместе посажу», возможна как экспериментальная словоформа). Однако наблюдается тенденция расширения словообразовательных возможностей морфемы аиц. Так, для совместных образований производящими основами могут быть не только союзные основы, но и простые, например: основы, осложненные взаимным формантом аи, каузальным -р, возвратности -е, локальными превербами.

аҭара: ирысҭеит «то (в.) я им отдал» → иеицрысҭеит «их я им вместе отдал».

аиватәара: ҳаиватәеит «мы вместе сели» → ҳаицыватәеит «мы вместе, совместно сели».

аҭаргылара: иҭаиргылеит «то (в.) он поставил внутри чего-то» → илыцҭаиргылеит «то (в.) он с нею вместе поставил во внутрь чего-то» → иеицҭадыргылеит «то (в.) они имеете поставили во что-то».

ачыкәабара: сеыскәабоит «я купаюсь» → ҳаицаҳкәабеит «мы вместе, совместно выкупались».

аибашьра: сеибашьуеит «я воюю», сиабашьуеит «я с мим воюю», ҳаицеибашьуеит «мы вместе, совместно воюем».

алалара: салалеит «я во что-то (в массу) вошел» → иеилалеит «они слились, вместе вошли» → ҳаицалалеит «мы вместе вошли во что-то (в массу)».

Сопоставление семантико-грамматических особенностей и словообразовательных возможностей союзных, взаимных и совместных образований позволяет заключить, что они в глагольной системе образуют свою подсистему, члены которой связаны определенными отношениями. Эти отношения схематически можно изобразить следующим образом.

Производящая основа	Союзные	Взаимные		Совместные
		аи	аиба	
Одноличный	сицгылеит			хаицгылеит
Двухличный непереходный	в виде исключения сицасит	иеишьцылеит иеисит		в вцде исключения: хаицасит
Двухличный переходный	илыцызгоит		ҳаибагеит ҳаибартәеит иеибабеит	иеицаҳгоит
Трехличныи переходный		иеидикылеит	иебысҭеит хаибаирбеит	иецлаҳҭеит

Выявленные словообразовательные возможности союзного, взаимных, совместного формантов не универсальны: они не могут охватить все глагольные основы. Ограничения в основном обусловлены лексико-семантической несовместимостью. Кроме того, в языке могут быть словоформы,

которые в виде исключения выпадают из общей линии союзных, взаимных, совместных основообразований.

Союзная, взаимная, совместная семантика может быть передана описательно, сочетанием абсолютива и глагола (или причастия). В качестве корня абсолютива выступают морфемы ма, ц: аима. аиц, оформленные личным показателем и формантом абсолютива -ны, основа же глагола остается неизменной: сицны сцеит (ср.: сиццеит) «я с ним пошел», ҳаицны ҳцоит (ср.: ҳаиццоит) «мы вместе идем», ҳаиманы ҳцеит «мы вместе пошли».

В использовании вариантов отражается этикет, на что в свое время указывал П. К. Услар (66). Описательный вариант носит оттенок учтивости и его используют чаще всего в том случае, когда соучастник действия старше деятеля или уважаемая личность.

ВЕРСИОННЫЕ ОБРАЗОВАНИЯ

Абхазский глагол располагает основообразующими формантами, которые в лексическое значение глаголов вносят дополнительную семантику, позволяющую определить субъектно-объектные взаимоотношения. Посредством этих формантов * выражаются действия, которые распространяются на самого деятеля, или назначение и направление которых связано с косвенным объектом. В соответствии с этими функциями выделяют субъектную и объектную версии[1].

[1]Ломтатидзе К. В. Категория версии в абхазском глаголе // Труды ГСУ, Т.XXX1. Тб., 1947; Она же: Категория версии в картвельских и и абхазско-адыгских языках. Ежегодник ИКЯ. Т.V. Тб., 1978; Арсҭаа Ш. Ҟ. Ахаргьежьратә категориа аԥсуа бызшәаҿы // Труды Сухгосединсгитута: т. XV. Сухуми, 1962; Кумахов М. А. Морфология адыгских языков. Синхронно-диахроническая характеристика. Москва-Нальчик, 1964; Шакрыл К. С. Аффиксация в абхазском языке. АБГОСИЗДАТ., Сухуми, 1961; Шадури И. И. Ранговая дистрибуция префиксальных морфем переходного глагола абхазского языка. Мецне. Серия языка и литературы, №1, 1975.

Субъектная версия

Субъектная версия выражает действие, ближайшим объектом которого является сам производитель данного действия. Она образуется от ограниченного в количественном отношении основ переходных глаголов, к которым присоединяется формант возвратности -ҿ, сопровожденный показателем притяжательности. Показатели притяжательности и возвратности в основе глагола занимают позицию ближайшего объекта. Ввиду того, что действие субъекта распространяется на самого себя, показатель притяжательности, естественно, совпадает с показателем субъекта. Валентность переходного глагола уменьшается на одно число: двухличный глагол становится одноличным, трехличный - двухличным (К. В. Ломтатидзе):

ашьра: и-с-шьит «то (в.) я убил» - аҿшьра: с-ҿы-с-шьит «я убил себя».

акәабара: и-с-кәабеит «то (в.) я выкупал» - аҿыкәабара: сҿы-с-кәабеит «я выкупался».

аилаҳәара: д-еила-с-ҳәеит «его (ч.) я одел» - аҿеилаҳәара: сҿеила-с-ҳәеит «я оделся».

ахәышәтәра: у-с-хәышәтәит «я тебя (м.) вылечил» -аҿыхәшәтәра: сҿысхәышәтәит «я вылечился, себя вылечил».

аҭара: иасҭеит «то (в.) я к чему-то приделал, то (в.) я тому (в.) отдал - аҿаҭара: сҿасҭеит «я чему-то отдался».

алажьра: и-а-лаи-жьит «то (в) он бросил во что-то» - аҿалажьра: иҿалаижьит «он бросился во что-то».

ақәырзра: и-ақә-и-рзит «то (в.) он на что-то потратил -аҿақәырзра: и-ҿа-қәирзит «он (ч.) пожертвовал собой ради чего-то».

адцара: и-а-д-и-цеит «то (в.) он приложил к чему-то» -аҿадцара: и-ҿ-а-д-и-цеит «он прислонился, облокотился на что-то».

азкра: и-а-з-и-кит «то (в.) он для чего-то предназначил» - аҿазкра: и-ҿ-а-з-и-кит «он себя посвятил чему-то, направил себя к чему-то».

азааигәатәра: и-а-заа-и-гәалтәит «то (в.) она к чему-то приблизила» - аеазааигәатәра: л-е-а-зааигәалтәит «она приблизилась к чему-то».

Необходимо отметить, что во всех возвратных формах, образованных от трехличных глаголов, в масдаре формант -е представлен с гласным а, который, по всей вероятности, является показателем косвенного объекта III лица ед. числа класса вещей: аеақәырзра «пожертвовать собой», аеазкра «посвятить себя чему-то», аеадҳәалара «привязаться».

На уровне синтаксиса количество членов, конструирующих грамматическое ядро предложения, также сокращается на один член: ср.:

Ан лхәыцы деилалҳәеит. «Мать одела своего ребенка» и Ан лҽеилалҳәеит «Мать оделась».

К. С. Шакрыл приводит словоформу с каузативным аффиксом -р, в которой два притяжательных форманта и показатель субъекта выражены одним и тем же личным показателем: с-еы-с-гәа-сы-рԥхон «я старался понравиться сам себе» (букв, «я сам себе нравиться заставляю»).

Независимо от того, являются ли возвратные глаголы одновалентными или двухвалентными, все они транзитивные глаголы. Им присущи все грамматические особенности переходных глаголов (К. В. Ломтатидзе).

1. Формант -е вместе с притяжательным показателем, который, как известно, относится к ряду «л», занимает позицию ближайшего объекта, показатели косвенного объекта и субъекта располагаются в таком порядке, как и в перевичных глаголах: лҽеы-р-зааигәа-л-тәит «она себя приблизила к ним, она приблизилась к ним».

2. Показатель лица субъекта в повелительных положительных формах единственного числа опущен: у-е-за «спрячься», (формы у-е-у-за нет), но у - -е-у-мзан «не прячься», шә-еы-жә-за «спрячьтесь».

у-е-еилаҳәа «оденься», но у-е-еила-у-мҳәан «не одевайся», шә-ееи-ла-шә-ҳәа «оденьтесь».

3. Показать лица субъекта также отсутствует в деепричастных образованиях:

чмазаԥцас л-еыҟаҵаны дцеит «притворившись, больной, она ушла», лыҽерыцкҧаны дцеит «почистив себя, она ушла», лҽеилаҳәаны дааит «одевшись, пришла сюда».

Однако необходимо отметить, что иногда возможна замена форманта притяжательности показателем лица ряда «Д».

лыҽзаны «она скрываясь» и дыҽзаны «он (ч.) скрываясь». Это явление объяснимо семантическим сдвигом в пользу интранзитива и сокращением синтаксической валентности (К. В. Ломтатидзе).

1.Показатель субъекта в сложных глагольных основах находится внутри основы: лҽеы-ҟа-л-ҵеит «она притворилась», иҽақә-и-рԥсит «он цепко держался на какой-то поверхности», и-еа-леигалеит «он вмешался, вошел в какое-то дело», ԥеанысҵеит «я записался».

2. Показатель субъекта, выраженный глухим согласным, перед звонким согласным озночается с→ з, ҳа →*г* / а → аа, шә → жә

ҳеырцә-аа-геит «мы себя увели от них», сыҽбжьа-з-галеит «я втиснулся между чем-то», ԥеы-з-з-еит «я спрятался, скрылся».

Относительно переходности возвратных образований абхазского языка в специальной литературе существует и противоположное мнение. Так, в статье И. О. Гецадзе и В. П. Недялкова «Морфологический каузатив в абхазском языке» глагольные образования с формантом -ҿ (рефлек-тивы) отнесены к вторичным непереходным глаголам, которые, как отмечают авторы, «резко отличаются от первичных непереходных глаголов, во-первых, тем, что они являются двухличными (хотя и непереходными), а, во-вторых, тем, что в 3-м лице они употребляют, как и первичные переходные, II ряд согласователей, тогда как первичные непереходные глаголы - I ряд, ср.: иара д-гылоит «он становится», лара д-гылоит «она становится», но: иара и-еы-и-кәабоит «он купается», лара л-еы-л-кәабоит «она купается», дара реыркәабоит «они

купаются»[1]. Автора статьи правильно отметили специфику использования в первой позиции показателя лица ряда «Л» в возвратных образованиях, но относительно их непереходности можно говорить лишь в плане семантическом и синтаксическом, но не в морфологическом.

Аналогичная ситуация в адыгских языках. Но в отличие от абхазского, там и в плане синтаксическом возвратные формы глагола образуют переходную структуру предложения, правда, двухсоставную: адыг. в предложении пшъашъэм з-егъэпскIы «девушка купается». Пшъашъэм «девушка» подобно предложению с переходным глаголом стоит в эргативном падеже, ср.: пшъашъэм ар егъэпскIы «девушка купает его[2]».

Встречаются 2-3 глагола, которые в возвратной форме и в морфологическом плане являются непереходными – аеырбара: д-еырбоит «он себя показывает, он красуется», аехырцәажәара: дьехырцәажәоит «он (ч.) высказывается». Несмотря на то, что производящая основа переходная (а-ба-ра «видеть, смотреть», а-р-ба-ра «показывать»), они обладают всеми морфологическими признаками непереходного глагола. В данном случае семантика и синтаксис обусловили их переход из транзитива в интранзитив (Ш. К. Аристава).

Производящей основой для возвратных образований могут быть:

1) самостоятельная основа-корень переходного глагола: акәабара: дыскәабоит «его (ч.) я купаю» - аеыкәаба: сеыскәабоит «я купаюсь», аҟацара: иҟасцеит «то (в.) я сделал» – аеыҟацара: сеыҟасцеит «я сделался, превратился, притворился».

2) основа, состоящая из самостоятельного корня и локального преверба: а-ԥхьа-кра: и-ԥхьа-л-к-ит «то (в.) пристала, убрала с глаз» - аеыԥхьакра: иеыԥхьеикит «он укрылся, посторонился», аваҵәахра «сбоку чего-либо прятать» – аеаваҵәахра: иеавеиҵәахит «он спрятался сбоку чего-то, притаился».

3) основа, состоящая из связанного корня и локального преверба: аҭажьра: иҭасыжьт «то (в.) я бросил во что-то (глубокое, огороженное)» - аеҭажьра: сьеҭасыжьт «бросился во что-то (глубокое...)», аеалажьра: сеаласыжьит «я бросился во что-то (массу)».

4) основа, состоящая из локального преверба и корне-суффикса ца или х: аҭацара: иҭасцеит «то(в.) я во что-то вложил(а)» - аеҭацара: сьеҭасцеит «я себя во что-то ввел»: изулак аинститут сьеҭасцеит «всякими усилиями я ввел себя, поступил в институт».

5) основа с каузативным формантом: ардырра: исырдырит «я ему дал знать, понять» – иеисирдырит «он познакомился, представился».

Почти все качественные прилагательные, переведенные в каузативную форму глагола, могут стать производя щей основой для возвратных образований. Ограничении редки и они обусловлены семантикой. Их лексическое значение в основном выражает стремление субъекта приобрести качества, указанные прилагательным, иногда сопровождаемые оттенком притворства: ахаа «сладкий» → архаара «усладить» → аеырхаара: иеирхааит «он постарался стать приветливым, сделаться сладким», аеырҭынчра: иеирҭынчит «он успокоился», аеырдура: иеирдуит «он возвеличил себя», аеырҟьантазра: иеирҟьантазит «он оголился» аеырдагәара: иеирдагәеит «он притворился глухим», - аерыцкьара: иеирыцкьеит «он почистился», аеырпагьара: иеирпагьеит «он возгордился, сделал себя высокомерным». Производящей основой могут быть и существительные, особенно те, которые в зависимости от позиции могут выступить в качестве определения: аҭаца «невеста» аеырҭацара: лыеырҭацеит «она повела себя как невеста», агызмал «бес», «хитрый» – аеыргызмалра: иеиргызмалит «он притворился хитрым», ахаца «мужчина», мужественный» – аеырхацара:

[1] Гецадзе Н. О., Недялков В. П. Морфологический каузатив в абхазском языке., стр. 75. Шьаҟрыл т. Т. Аԥсуа харгьежьратә ҟацарбазы гҳаанагарақәак. Труды Сухгоспединститута. Т. XIII. Сухуми. 1960.
[2] Рогава Г В., Керашева З. И. Грамматика адыгейского языка. Краснов, стр. 265.

иеирхаҵеит «он постарался стать мужественным, смелым, подбодрился», ахага «сумасшедший» - аеырхагара: иеирхагеит «он притворился сумасшедшим».

6) основа с версионным показателем з или цә «что-то предназначить» - аеазкра: сеазыскит я себя предназначил, посвятил, направил» ацәгара «отнять» – аеацәгара: иеацәигеит «он себя увел от чего-то».

7) основа с потенциальным показателем з: дысзымшьит «его (ч.) я не смог убить» - сыҽсзымшьит «я не смог покончить с собой».

8) основа с взаимным показателем аи или взаимообоюдным показателем аиба. Как нужно было и ожидать, только переходные основы глаголов с взаимным префиксом аи могут стать производящими для возвратных образований: аидыҕсалара «прижать друг к другу к чему-то» – иееидырҧсалара: реидырҧсалеит «они крепко прижались друг к другу», аилаҳәара «одеть, обвернуть» - аееилаҳәара: сееиласҳәеит «я оделся», аимадара «связать, обменяться чем-то, соединить» → реимардеит «они связались, обменялись, соединились друг с другом», аибыҭара «сорить, построить, заложить, досл.:» друг другу дать» аееибыҭара: реибырҭеит «они себя снабдили, обеспечили, снарядились, подготовились», аибаркра «застегнуть», анапқәа реибаркра «держать за руки друг друга» – аееибаркра: «они объединились, взялись за руки», иеибаиркит «он застегнулся».

9) основа с направительным превербом: лыҩ-сышьҭылихит «она себя приподняла».

Этимология -е не ясна.

Возвратную семантику могут передать некоторые глаголы модели основа-преверб + корне-ссуфикс ҵа или х. Основа-преверб чаще восходит к слову, указывающее на часть тела: ха «голова»: ахаҵара «надеть на голову», ахыхра «снять с головы», шьа – корень слова ашьапы «нога»: ашьаҵара «надеть на ноги, (обувь, чулок, носок)», ашьхра «снять с ноги (обувь, чулок, носок)», ва - корень слова авара «бок»: а-ва-ҵа-ра «к боку приложить», авхра «с бока убрать». В

качестве первого компонента могут выступить и некоторые локальные превербы (см. раздел «Основообразование посредством локальных превербов»). Перечисленные глаголы отличаются от других трехличных глаголов, тем, что показатель косвенного объекта может дублировать показатель субъекта. Данные глаголы возвратную семантику приобретают в том случае, когда показатель косвенного объекта совпадает с показателем субъекта. Валентность и транзитивность не меняются: и- с-ха - с -ҵоит «то (в.) я надеваю на свою голову», и - с - хы - с -хуеит «то (в.) я со своей головы снимаю», исымҕасҵоит «то (в.) я надеваю на свою руку», и-сымҕы-с-хуеит «то (в.) я снимаю со своей руки», исшәысҵоит «я одеваюсь», исшәысхуеит «я раздеваюсь». При несовпадении показателей косвенного объекта и субъекта возвратная семантика отсутствует: илхасҵеит «то (в.) я надел на ее голову», илхысхит «то (в.) я снял с ее головы», илышьасҵеит «то (в.) я надел на ее ногу». Во всех этих образованиях косвенным объектом является то, на что указывает семантика преверба, показатель же лица выступает в функции притяжательности, точнее в функции косвенной принадлежности (К. В. Ломтатидзе).

Исключая повторяемость показателей косвенного объекта и субъекта, между словоформами *исхасҵоит* и *илхасҵоит* на уровне морфологии никаких расхождений нет. Этого нельзя сказать относительно синтаксического уровня: предложение со сказуемым с возвратной семантикой. Предложение со сказуемым и-с-ха-с-ҵеит (сара ахылпа (и)схасҵеит «я надел шапку») трехсоставное, в конструирующее ядро предложения входят подлежащее, ближайшее дополнение и сказуемое: сара ахылпҵа схасҵеит «я надел шапку», предложение со сказуемым и-л-ха -с-ҵеит сара лара ахылпҵа (и)л - ха - с-ҵеит «я на нее надел шапку», четырехсоставное - подлежащее, косвенное дополнение, ближайшее дополнение, сказуемое:

Существует другая трактовка валентности и транзитивности образования с возвратной семантикой. Считают, что

валентность этой словоформы понижена за счет перевода ее из транзитива в интранзитив. И. О. Гецадзе и В. П. Недялков пишут: «Для этого их (т. е. словоформы без возвратной семантики Л. Ч.) нужно употребить абсолютно, т. е. без прямого дополнения. Получается абсолютный рефлектив, который, однако, может сохранять окаменелый личный показатель прямого дополнения и (класса «нелицо»), например: и - с - шәы - с - ҵеит «я оделся», и - сы - шьа - с-ҵеит «я обулся» (букв.: на свою ногу надел), и - с - ха - с - ҵеит «я оделся (имеется в виду головной убор)». Хотя в примерах, типа приведенных, рефлективы являются непереходными, они все же отличаются от рефлективов типа сеыскәабоит «я купаюсь» тем, что действие затрагивает два предмета: сам субъект действия (отсюда дублирование субъектного показателя) и какой-либо предмет туалета (отсюда происхождение окаменелого показателя и)[1] .

Нет никаких оснований считать и окаменелым личным показателем. Он несет такую же семантику, что и и_в словоформе и - л - шәы - с - ҵеит («то (в.) я на нее одел»). Семантика обеих словоформ четко указывает на ближайший объект, в предложении ему соответствует ближайшее дополнение, без дополнения предложение не полное, ср.:

Сара и - с - шәы - с - ҵеит апалта (аҵкы, ахарԥ...) «я одел(а) пальто (платье, рубашку...)» и сара лара и - л -шәы-с - ҵеит апалта «Я на нее одел(а) пальто».

Подобно переходным глаголам в образованиях с возвратной семантикой 1) последовательность расположения личных показателей следующая: объект ближайший, объект косвенный, субъект; 2) субъект внутри основы: и - с - шәы- с - ҵеит «то (в.) я одел»; 3) в повелительной и деепричастной формах личный показатель субъекта отсутствует: и - ушәҵа «то на себя одень», ср.: иушәы-у-мҵан «то на себя не одевай», иушәҵаны «то одев».

Возвратную семантику можно передать сочетанием глагола и имени ахы «голова» с притяжательным формантом

[1]Гецадзе И. О., Недялков В. П. Мофологический каузатив в абхазском языке, с. 76.

совпадающим с личным показателем субъекта в глаголе: ҽехәара «хвастаться» → арехәара «хвалить» → «схы сырехәоит «я хвастаюсь; ахьчара «стеречь: схы сыхьчоит «я стерегусь», ажьара «обманывать»: схы сжьоит «я обманываюсь». Семантическая валентность в предложениях с подобным аналитическим глаголом-сказуемым снижена.

В предложении сара схы сыхьчоит «я стерегусь, защищаюсь» схы «моя голова» нельзя рассматривать как самостоятельный член предложения, он в сочетании со спрягаемым глаголом образуют единое целое (подробнее в разделе «Аналитические образования глагола»).

Принципиальное отличие этих аналитических образований от предыдущих заключается в том, что их глагольный компонент может быть как транзитивным, так и интразитивным: схы сашьҭоуп «я думаю о себе» - глагол непереходный и схы ныкэызгоит «я содержу себя» - глагол переходный.

Объектная версия

Объектная версия выражает взаимоотношение между субъектом и объектом, или же между объектами, а также направление к объекту или от объекта.

В абхазском языке объектная версия образуется посредством аффиксов з и цэ. Они всегда связаны с косвенным объектом, поэтому входят в производящую основу в сопровождении личного показателя косвенного объекта, в связи с чем валентность производной основы увеличивается: одноличныи глагол становится двухличным, двухличныи - трехличным. В основе глагола версионные показател стоят за сопровождаемым косвенным объектом[1].

Одноличные глаголы: аԥшра: дыԥшит «он (ч.) ждал» азҧшра: д - и - зыҧшит «он (ч.) его ожидал», днеит «он (ч.) туда пришел» - азнеира: д - и - знеит «он (ч.) к нему (для

[1]Ломтатидзе К. В. Категория версии абхазского глагола. // Труды ТГУ, т. XXXI. Тб.. 1947.

него) туда пришел», анҵәара: инҵәеит «то (в.) кончилось, погибло» - ацәынҵәара: и - с - цәынҵәеит «то (в.) у меня кончилось, погибло», абналара: д - ыбналт «он (ч.) удрал» ацәыбналара: ды - с - цәыбналт «он (ч.) от меня удрал».

Двухличный глагол: асра: сасуеит «я под чем-то бью, я звоню» - с - и - з - асуеит «я для него по чем-то бью, я к нему позвоню»; аԥхьара: саԥхьоит «я то читаю, прочту» - с - и - з - а - ԥхьоит «я ему (для него) то прочту», ды - с - цә -а - ԥхьеит «он (ч.) не по моему желанию то прочел»; ацәахра: и - л - ҭәахит «то (в.) она спрятала» - и - с - цәы -л- ҭәахит «то (в.) она от меня спрятала», анылара: и - а - нылеит «то (в.) расположилось на поверхности (плоском) чего-то» - и - с - цә - а - нылеит «то (в.) против моей воли расположилось на чем-то».

Основное назначение формантов з и цә - это выражение отношений между субъектом и объектами. При непереходных глаголах они выражают отношение между субъектом и косвенным объектом, при переходных глаголах - между объектами.

Непереходный глагол

и - с - цәы - зит «то (в.) у меня пропало»,
с- и- з - цеит «я для него пошел»,
и -с- цәы - блит «то (в.) не по моему желанию, против мое воли сгорело»,
с- и - цә-цеит «я от него ушел, увильнул»,
с- и-цә - шеоит «я его боюсь»,
д-а - з - неит «он (ч.) к чему-то пришел»

Переходный глагол

и - с -цә - а - феит «то (в.) не по моей воли оно съело»,
и - с - зы - лбаа - и - шьҭит «то (в.) он для меня спустил»,
ды - с- з-ы - л - беит «за ним она для меня присмотрела»,
и - цәы - л - геит «то (в.) она у меня отобрала»,

и- сы - з - ҭалҵеит «то (в.) она для меня положила во что-то».

Помимо выражения отношений между субъектом и объектами, версионные форманты указывают и на направление. В непереходных глаголах формант з выражает действие субъекта, предназначенное и направленное к косвенному объекту (т. е. туда), формант цә - действие, которое происходит вне воли, вопреки желанию, по неведению лица косвенного объекта, и направлено оно от косвенного объекта (т. е. сюда). В переходных глаголах формант з выражает назначение и направление прямого объекта к косвенному объекту, формант цә - отторжение прямого объекта от косвенного объекта, или указывает на то, что действие, распространяющееся на прямой объект, совершается случайно, вне воли, по неведению, вопреки желанию лица косвенного объекта (К. В. Ломтатидзе).

с-и-з-цеит «я к нему (для него туда) пошел»	с - и - цә - цеит «я от него (не по его желанию) ушел, увильнул от него».
и-с-зы-нхеит «то (в.) у меня (для меня) осталось».	и - с - цәы - нхеит «то (в.) случайно оставлено мною».
и-л-зы-згеит «то (в.) я для нее унес»	и - л - цәы - згеит «то (в.) я от нее унес, отобрал у нее».
и-с-зылҵәахит «то (в.) она для меня запрятала»	и - с - цәы - л -ҭәахит «то (в.) она от меня спрятала».
и-л-зы-ҟасҵеит «я для нее сделал».	и - л - цәы - ҟа - с -ҵеит «то (в.) я от нее, по ее неведению сделал».

Афырхаҵа ашәа изырхәоит зегьы гәырҭәыла. (Д. Гә.) «Все всей душой поют (для него) ему песню героя»; Наҳарбеи ихәы шьыжьнаҵы изнаргон. (Д. Гә.) «Долю Нахарбея приносили ему (для него туда) с раннего утра»; Игәырҕахәмаруа илзаанашьҭуеит ишәҭы-какаҷха аагъынра. (С. Ҷ.) «Радостно оно ей высылает (то для нее оно туда) в цветах

весну»; Асиа, егьи аҵәца рҭәны исзаагишь. (С. Ҷ.) Ася, наполнив другой стакан, принеси мне (для меня ты ко мне принеси)»; Абгақәа реиҧш ԥьоукы иааҳазкылсит. (Алашара») «Подобно волкам пришли они (они для нас к нам пришли)»; Иҧҳәыс акәасҭҵа ҟьауа дизнеит. (С. Ҷ.) «Его жена, размахивая головней, к нему (туда) пришла»; Ус наҟ-ааҟ ишыбжьаз, уи амшгьы рцәызит. (Д. Гә.) «Так, ходя по инстанциям (досл.: находясь между там и здесь), у них и день пропал (то от них пропало)»; Уи культура дууп, иаҳцәызыргьы, ицәыз духоит, уи хазырҭәаауа дәеа доуҳатә культурак ҳзаҧцазом. (Н. Ҳ.) «Та культура большая, и если она у нас пропадет (от нас туда пропадет), то станет большой пропажей, мы не сможем создать другую духовную культуру, которая эту заполнит»; Аҧсуа даараза иаарту уаԥуп: уи иуеиҳәо ишиашаза иҳәоит, акгьы (и)уцәиҵәахзом. (Н. Ҳ.) «Абхазец очень открытый человек, он говорит тебе прямо, ничего от тебя он не прячет»; Дад, уаҳзаҧхьа Абаҭаа (Б. Шь.) «Дад, прочти нам (ты для нас) «Абатаа».»

Форманты з и цә являются взаимоисключающими формантами. Однако от одной и той же глагольной основы образовать коррелирующие основы не всегда возможно. Чаще, наоборот; к той основе, к которой присоединяется з, цә может не присоединиться: и - с - зы - л - ҳәеит – «то (в.) она про меня сказала» - форма и - с - цәы - лҳәеит - искусственная и наоборот: ды-с-цъы-б-налт «он (ч.) от меня убежал, удрал» не дает коррелята дысзы-б-налт.

Из этих двух функций - выражение субъектно-объектных отношений и направлений (туда, сюда) - ведущей является выражения отношений между субъектом и косвенным объектом в непереходных глаголах и между объектами в переходных глаголах. Об этом свидетельствуют формы, которые образованы от глаголов, мотивированных качественными прилагательными. Они выражают признак мотивированного прилагательного, который распространился на косвенный объект.

Исцәыуадаԥхеит (// исзыуадаԥхеит) «то (дело) для меня стало трудным»; дазрыцҳахеит «он (ч.) стал нуждаться в

чем-то», исзыбзиахеит «то (в.) мне подошло, досл: то для меня стало хорошим», илзыцәгьахеит «то (в.) для нее стало плохим», исзыманшәалоуп «то (в.) для меня удобным есть, мне то удобно», исцәыҵбаахеит «то (в.) для меня стало широким», исцәыҵшәахеит «то (в.) для меня стало узким», исыцәдухеит «то (в.) для меня стало большим», исцәыхаахеит «то не по моей воле стало сладким», исцәырацәахеит «то (в.) для меня (стало) значительно большим, «то (в.) для меня стало слишком много».

Нередки случаи, когда версионная семантика в данных образованиях проявляется очень слабо. Создается впечатление, что язык в этих случаях использует версионный показатель лишь для того, чтобы, вводом личного показателя косвенного объекта увеличить валентность основы и тем самым выразить субъектно-объективные синтаксические отношения: схәыцуеит «я думаю» - иҟалаз сазхәыцуеит «я думаю о том, что произошло»; дзырԥуеит «он (ч.) слушает» - дизызырԥуеит «он (ч.) его слушает».

Патыхә еиҳа-еиҳа Хьмур дылзааигәахон. (И. П.) «Патух все более и более сближался с Химур». Ҳашгәаҟуаз аниба, иаҳҳәаз дазааит. (Шь. А.) «Когда он увидел, как мы страдаем, он согласился со сказанным нами». Иара даара дсызгәааит // дсыцәгәааит. «Он на меня очень обиделся». Ачқәын аҧсҭазаара даззышон. (А. Г.) «Мальчик жаждал жизни». Иасон иан лыла ҭаа лгьа дизыҧшуан. (А. Г.) «Мать Ясона не мигая глазами, смотрела на своего сына». Надиа илгәаргьханы дырзызырԥуан. (И. П.) «Надя с удовольствием их слушала». Мез ари дазхәыцуеижьҭеи акыр ҵуеит. (И. П.) «Давно Мез думает об этом».

Встречаются образования с десемантизированным з, в которых он лишь формирует основу. В них з настолько слился с корнем, что для образования версионной основы необходимо ввести второй формант з (К. В. Ломтатидзе); азхара 1) «справиться, суметь сделать что-то», 2) «стать -достаточным» - азыразхара: дазыразхеит «он (ч.) с чем-то согласился», азҵаара: усызиазҵаа «ты (м.) для меня спроси у него».

В качестве основообразователя з встречается и в слове азҳара «расти».

Формант з (бзыбекое з') восходит к послелогу з(ы) для», который также выражает назначение действия (К. С. Шакрыл). Послелог з(ы) в сочетании с притяжательным показателем может выступить в значении субъектной и объектной версией: при совпадении притяжательного аффикса с личным показателем субъекта передается субъектная семантика, при несовпадении - объектная семантика. При выражении версии посредством послелога з(ы), версионный показатель з в глагольной основе опускается. (К. В. Ломтатидзе).

	лара лзы иҟасцеит «то (в.) я для нее сделал».
илзыҟасцеит	сара сзы иҟасцеит «то (в.) я для себя сделал».
	лара сара сзы илҵәахит «то (в.) она для меня спрятала».
исзылҵәахит	сара сзы исцәахит «то (в.) я для себя спрятала»
	лара сара сзы азәы дылбеит «его (ч.) она для меня повидала».
дысзылбеит	сара сзы дызбеит «я для себя его (ч.) повидал (а)».

Производящей основой для образования с объектной могут быть:

1) глагольная основа-корень: ацара: дсыцәцеит «он от меня ушел, улизнул», агара: исзылгеит «то (в.) он для меня принес», исцәигеит «то (в.) он у меня отнял, унес», абаазара: илцәыбаазеит «то (в.) у нее случайно промокло».

2) основа, состоящая из локального преверба и глагольной основы-корня: ақәтәара: исцәықәтәеит «то (в.) не по моей воле село на что-то плоское», ахыҧара: исцәахыҧеит «то (в.) запоздало, досл.: то (в.) (от меня) вопреки моему желанию через что-то перешло, прыгнуло».

3) основа, состоящая из локального преверба и связанного глагола: акаҳара: исыцәкаҳаит «то (в.) случайно у меня выпало», исцәықәтатеит «то (в.) случайно меня испачкало», исцәыбжьашәеит «то (в.) случайно у меня упало между чем-то», илызкасыжьит «то (в.) я для нее бросил».

4) основа, состоящая из локального преверба и корне-суффикса: абналара: дысцәыбналеит «он (ч.) от меня удрал», аҭалара: дицәҭалеит «он (ч.) вопреки его желанию вошел во что-то», исызҭырхит «то (в.) они для меня вытащили из чего-то».

5) основа с каузативным формантом - р: аршәара: да-цә-и-р-шәеит «его (ч.) от чего-то отпугнул», иҳаз-рыҵаиргылеит «то (в.) для нас он подставил под что-то», азахра «шить» → арзахра «заставить шить» → иузылсырзахуеит «то (в.) я для тебя ее заставлю сшить».

6) глагольная основа, мотивированная качественным прилагательным, реже наречием, существительным: абзиа «хороший» → абзиахара «стать хорошим» → азбзиахара: илзыбзиахеит «то (в.) для нее стало хорошим, стало в пору», абзиатэра «сделать хорошим» → илзыбзиастәуеит «то (в.) я для нее сделаю хорошим», ааигәа «вблизи, близко» → дазааигәахеит «он (ч.) к чему-то туда приблизился».

7) основа с направительным превербом: илзааигеит «то (в.) он для нее сюда принес», илызнаигеит «то (в.) он для нее туда принес», илзааишьҭит «то (в.) он для нее сюда прислал», аацара «пригнать сюда (скот)» - илзаасцеит «их (скот) он для нее пригнал сюда», дысзааит «он ко мне (для меня) пришел», дысцәааит «он (ч.) не по моей воле пришел сюда», дсызлеит «он для меня спустился вниз».

8) основа с взаимным аи и аиба: аспа «ударить, драться» → аиспа «подраться» → исцәеисит «они не по моей воле, вопреки моему желанию подрались», исцәеибабеит «они вопреки моему желанию повидали друг друга»

Для объектной версии производящей основой не могу стать основы с потенциальным формантом з и непроизвольности амха. Помимо версионных показателей з и цә с кос-

венным объектом связаны показатель союзности ц (сиццеит «я с ним пошел») и инструменталиста ла (салацеит) «я посредством чего-то пошел»). Все они занимают позицию за косвенным объектом. И позиция, и их семантика обусловили их взаимоисключаемость, как говорилось выше, в основе глагола может быть один из них.

Основа объектной версии может стать производящей и для субъектной версии: иазикит «то (в.) он для чего-то предусмотрел» → иҽазикит. Формант повторности аиҭа «вновь» становится перед показателем косвенного объекта и версии: деиҭалызцеит м (ч,) вновь пошел к ней (для нее пошел)».

Словообразовательные возможности аффикса з шире, чкм цә.

Как было сказано выше, абхазский язык, как и во всех других абхазско-адыгских языках, обладает сложной системой выражения пространственных отношений.

Обобщая результаты исследования всех средств выражений пространственных отношений - послелоги, направительные превербы, локальные превербы, корне-суффиксы, направительные суффиксы, версионные форманты - можно заключить, что каждое из них по доминирующей функции выражения направления отличается от всех остальных.

Послелоги в абхазском языке в основном выражают отношения, которые возникают между простым дополнением и глаголом-сказуемым, а также между обстоятельством и глаголом-сказуемым. Основная масса послелогов выражает пространственные отношения между обстоятельством места и глаголом-сказуемым. Они не связывают субъект-подлежащее и личноотносительное объект-дополнение (ближайшее, косвенное) с глаголом-сказуемым. В предложениях с глаголом-сказуемым, в котором представлен локальный преверб, послелоги, за редким исключением, не участвуют в связи глагола-сказуемого с обстоятельством, семантически соотносящимся с локальным превербом.

Направительные превербы выражают противоположные

направления по горизонтали и вертикали, ориентиром направления является говорящий: к говорящему - «сюда», от говорящего - «туда». Другая функция направительных превербов - выражение пространственных отношений между субъектом-подлежащим, объектом-дополнением (ближайшим, косвенным), обстоятельством места и глаголом-сказуемым. Функция выражения направления действия по отношению к обстоятельству места пересекается с аналогичной функцией послелогов.

Локальные превербы в систему пространственных отношений входят лишь те, которые имеют варианты - вариант с исходом на гласный а и редуцированный вариант. Чередованием гласного а с ы или ноль звуком передаются противоположные направления по отношению к тому объекту, на что семантически указывает локальный преверб. Совместно с показателем косвенного объекта (при его наличии) иллативное направление передает вариант преверба с гласным исходом, элативный - редуцированный вариант.

Использование корне-суффиксов в качестве выразителей направления действия ограничено тем, что они сочетаются лишь с локальными превербами и то не со всеми. Подобно локальным превербам, имеющим варианты, они выражают направление к объекту и от объекта, на что указывает семантика локального преверба (ла, ҵа - иллативное направление, ҵ, х - элативное направление). Однако сфера использования корне-суффиксов значительно шире локальных превербов, так как выразителями направления они являются и в тех образованиях, в которых локальный преверб не участвует в выражении направления, это превербы представленные согласным, или превербы с согласным исходом. В образованиях модели локальный преверб с вариантами + корне-суффикс выбор варианта определяет корне-суффикс, а также семантика сочетающегося с превербом глагола.

Подобно локальным превербам, имеющим варианты, и корне-суффиксам, направительные суффиксы указывают на направление к месту действия и от места дей-

ствия семантически связанного с локальным превербом. Отличаются они тем, что сфера использования их очень узкая. Они не присоединяются к образованиям с корне-суффиксами. Это обусловлено тем, что корне-суффиксы очень четко выполняют иллативную и элативную функции. Необходимости введения в основу глагола другого форманта с аналогичной функцией нет.

Кроме того, количество глагольных основ и связанных корней, сочетающихся с направительными суффиксами, очень незначительное. В основном это такие основы и корни глаголов, семантика которых не в состоянии выразить направление: адтәалара: дадтәалеит «он (ч.) рядом чего-то (вертикального, плоского) сел» и адԥраара: иадԥрааит «то (птица) от чего-то отлетело».

Версионные показатели з, цә передают пространственные отношения, которые возникают между субъектом-подлежащим и косвенным объектом-дополнением в непереходных глаголах, между ближайшим объектом-дополнением и косвенным объектом-дополнением в переглаголах. Формант з выражает направление к косвенноу объекту-дополнению, цә от косвенного объекта-дополнения. В аналогичной функции могут выступить направленные превербы.

ПОТЕНЦИАЛЬНЫЕ ОБРАЗОВАНИЯ

Потенциальная форма глагола выражает возможное действие, образуется она посредством префикса з, который присоединяется к динамическим основам глаголов независимо от их переходности и непереходности.

В абхазском языке потенциалис характерен отрицательным образованием глагола, что отмечалось почти всеми исследователями абхазского языка. Еще П. К. Услар в монографии «Абхазский язык» приводит отрицательные формы потенциалиса[1]. К. В. Ломтатидзе, указывая на связь потенциалиса с отрицательными формами глагола, в то же время приводит и положительные формы[1].

[58]Услар П. К. Этнография Кавказа. Языкознание. Абхазский язык

Формант з в потенциальных словоформах становится за показателем реального субъекта.

Производящей основой для формы потенциалиса является отрицательное образование глагола (встречаются исключения, об этом ниже). Почти все отрицательные парадигмы динамических глаголов дают потенциальную форму.

сцом «я не иду», «я не пойду» → сызцом «я не могу идти».

сцарым «я не пойду» → сызцарым «я не могу пойти».

санымцо «когда я- не пойду» → санзымцо «когда я не могу идти».

имцо «тот, который не идет, не пойдет» → изымцо «тот, который не может идти».

избом «то (в.) я не вижу» → исызбом «то (в.) я не могу видеть»

избомызт «то (в.) я не видел» → исызбомызт «то (в.) я не мог видеть».

исымбазт «то (в.) я не видел» → исзымбазт «то (в.) я не мог увидеть»

ушысымбарыз «его как бы я не увидел» → дышсзымбарыз «его (ч.) как бы я не смог увидеть».

дрымбакәа «они не повидав его (ч.), не увидев»→ дырзымбакәа «они не сумев повидать его».

исымбада? «кого я не повидал, увидел?» → исзымбада! «кого я не смог повидать?».

исымбазеи? «что я не увидел?», «я ведь увидел»→ исзымбазеи? «что я не смог повидать, увидеть?».

Однако не от всех отрицательных образований можно получить потенциалис. Например, потенциальную форму не дают статические глаголы, несмотря на то, что с точки зре-

Тифлис. 1987. с. 64.

[1]Ломтатидзе К. В. Категория потенциалиса (возможности) и непроизвольности в абхазско-абазинском глаголе. Сообщение АН ГССР т. XVI. №3, 1955.

ния логики и семантики такие формы должны были быть в языке т. е. формы типа «я не мог быть», «я не мог находиться (в чем-либо)». Словоформа сзыкам от сыҟам «меня » не потенциальная. Она означает «почему меня нет», а не могу быть».

Невозможность образования потенциальной формы может быть обусловлена семантикой несовместимости. Так, отрицательная форма будущего категорического времени не дает потенциальной формы, т. к. в одной словоформе не могут сочетаться два противоположных взаимоисключающих значения - категоричность и возможность. Словоформа сзымцароуп // сзымцар ауп образовано не от сымцароуп «я не должен пойти», а от условной в потенциальной форме, актуально выделенной копулой ауп, ср.: сзымцар ауп аус санақәшәо «будет у меня дело именно тогда, если я не смогу пойти». Потенциальную форму не приобретает словоформа повелительного наклонения.

Наряду с отрицательными формами потенциалиса Ж. Дюмезиль указывает и на наличие в абхазском языке положительных форм, как например, исызфуеит. К. В. Ломтатидзе уточняет это положение Ж. Дюмезиля. Она пишет: «положительно-финитных глаголов, оформленных категорией потенциалиса, очень мало. Их можно встретить в тапанском (§43) и ашхарском (§37) диалектах. В южных диалектах им подобные формы сопровождены частицей ҳәа; исзыфоит ҳәа сыҟамызт «я не думал, что смогу то съесть». Однако необходимо отметить, что эти образования имеют оттенок условности»[1].

Ломтатидзе, помимо положительной формы потенциалиса с частицей ҳәа типа исзыфоит ҳәа сыҟамызт, приводит и другие, которые дают коррелятивные пары - положительный / отрицательный. К ним относятся формы: а) условного наклонения:

иузыҟаҵар «то (в.) если ты сможешь сделать» - иузыҟамҵар «то (в.)если ты не сможешь сделать».

[1]Ломтатидзе К. В. Категория потенциалиса..., с. 249-250.

длызбар «его (ч.) если она сможет повидать» - дылзымбар «его (ч.) если она не сможет повидать».

б) желательного наклонения: иузыҟаҵонда (з) «то (в.) хотя бы ты смог сделать» - иузыҟамҵонда (з) «то (в.) хотя бы ты не смог сделать».

длызбондаз «его (ч.) хотя бы она смогла повидать» - дылзымбондаз «его (ч.) хотя бы она не смогла повидать».

в) вопросительные:

дсызбару? «смогу ли я его (ч.) повидать?», дызцару? «сможет ли он (ч.) пойти?, дсызбама? «смогла я его повидать, за ним присмотреть?».

Переходные глаголы в потенциальной форме становятся инверсивными. Этот инверсивный строй глагола свое морфологическое выражение находит в переходных глаголах со сложной основой и в трехличных глаголах. Этого нельзя сказать относительно глаголов с простой основой, а также о непереходных глаголов.

Семантика потенциалиса связана с непереходным действием, и поэтому естественным является то, что все переходные глаголы в потенциальной форме становятся непереходными, инверсивными. Язык это старается выразить и морфологически. Так, в глаголах со сложной основой, подобно непереходным глаголам, показатель субъекта выходит из основы и становится перед основой (П. К. Услар):

и - ҟа - с - ҵом «то (в.) я не делаю» → и - с - зыҟаҵом «то (в.) я не могу делать, мне невмочь то сделать, то мною не делается».

и - ԥы-с -ҟом «то (в.) я не режу» → исызԥҟом «то (в.) я не могу разрезать. То (в.) мне невмочь разрезать, мною то не режется».

иагәыла -с-ымҵеит «то (в.) я не ввел в середину чего» то» → и-сыз-гәыламҵеит «то (в.) я не смог ввести в середину чего-то, то (в.) мне невмочь было ввести в середину чего-то».

В трехличных переходных глаголах происходит перестановка показателей субъекта и косвенного объекта: показа-

тель субъекта из третьей позиции переходит во вторую (К. В. Ломтатидзе, А. Лекиашвили)[1]:

и - лы - сҭом «то (в.) я ей не отдал» → и - сы- з - лы - ҭом «то (в.) я не (с)могу ей отдать, то (в.) мною невмочь ей отдать».

и - л - ҿа - с -цом «тем я ее не накормил» → и - сы - з - л - ҿамҵеит «я ее не смог накормить чем-то, мне невмочь было накормить ее чем-то».

д - и - д - с - мыртәалеит «его (ч.) я не посадил рядом с кем-то» → дсызидмыртәалеит «я не смог его посадить рядом с кем-то, мне невмочь было его посадить рядом с кем-то».

Глагол с простой основой каких-либо формальных изменений не дает:

дызбом «его (ч.) я не вижу» → дсызбом «его (ч.) я не могу видеть, мне невмочь его видеть».

илгом «то (в.) она не берет, не уносит» → илызгом «то (в.) она не может забрать, унести, то ей невмочь забрать, унести».

и- л - ҳәом «то она не говорит» → илызҳәом «то она не может» говорить, сказать, то ей невмочь сказать».

Ввиду того, что переходный глагол в потенциальной форме становится непереходным, то, естественно, наступает несоответствие между реальным субъектом и грамматическим субъектом, с одной стороны, и реальным объектом и грамматическим объектом, с другой стороны (К. В. Ломтатидзе). Реальный субъект соответствует грамматическому косвенному объекту, реальный объект - грамматическому субъекту. В глаголе ды - с - зымбеит грамматическим субъектом стал показатель д, грамматическим косным объектом - с. Семантика данной словоформы на грамматическом уровне означает «мне невмочь было его повидать», а на реальном» уровне - я не смог его повидать».

Инверсивная структура глагола сказывается на синтаксические позиции конструирующих членов предложения. В предложениях со сказуемым в потенциальной форме,

[1]Ломтатидзе К. В. В Категория потенциалиса..., с. 252.

производной от переходного глагола, подлежащим нужно считать тот член предложения, показатель которого в глаголе-сказуемом представлен грамматическим субъектом, дополнением - показатель которого представлен в глаголе грамматическим объектом. Например, в предложении Ангьы лыԥкәынцәа енагь иеиҧшны и - л - зеилаҳәом (Ажәаԥҡа). «И матери не всегда удается одинаково одеть своих мальчиков» подлежащим является лыԥкәынцәа «ее мальчики», косвенным дополнением - ангьы «и мать». Аналогичная структура и в последующих предложениях:

Жьи наԥхыци (уара) узеиҟәыхуам. (Ажәаԥҡа). «Тебе невмочь друг от друга отделить ноготь и мясо». Ԝ-жьак ирышьҭалаз акгьы изымкит. «Погнавшемуся за двумя зайцами не удалось (не в мочь было) поймать ни одного». Сасра имцац сас дизныҟәгом. «Не ходившему в гости невмочь гостя содержать (ухаживать подобающе)». Аԥсуа иламыс быжьгәыжьк ирзышьҭыхуам. «Благородство абхазца не в мочь поднять семерым мулам». Ауаԥы ҟәыҷа шә-ԥык ныҟәигоит, агаҙа ихгьы изныҟәгом. «Умный человек содержит сотню людей, глупому не в мочь и себя содержать». (Ажәаԥҡақәа).

Как известно, переходные глаголы абхазского языка не обладают специальным категориальным формантом, посредством которого основы переходных глаголов образовывали бы бинарную оппозицию - действительный / страдательный залог. Потенциальные же формы, мотивированные переходными глаголми, в семантико-грамматическом плане близки к страдательным. К. В. Ломтатидзе полагает, что в основу формирования страдательного залога как грамматической категории лягут потенциальные и непроизвольные (о них ниже) образования. Она считает, что глагольная форма в потенциалисе приближается к форме страдательного залога. «Если можно говорить о «страдательном залоге» в абхазско-абазинском глаголе, пишет она, в первую очередь его следует искать в форме потенциалиса.[1]

К В. Ломтатидзе считает потенциальные формы, производные от переходных глаголов, более древними, чем

[1] Ломтатидзе К. В. Категория потенциалиса..., с. 253.

формы, мотивированные непереходными глаголами. Подтверждением этому служат также префиксальные образования адыгских потенциальных форм, охватывающих только переходные глаголы и которые, по мнению адыговедов, являются более древними, чем суффиксальные формы, мотивированные как переходными, так и непереходными глаголами.

Потенциальные формы, производные от непереходных глаголов, К. В. Ломтатидзе также считает инверсивными. Однако значение инверсивности у непереходных глаголов не получило морфологического выражения. Словоформу *дызтәом* она предлагает переводить «ему не сидится», а не «он (ч.) не может сесть».

Из-за отсутствия каких-либо морфологических показателей инверсивности и падежных форм имени, указывающих на инверсивность глагола-сказуемого, очень сложно представить непереходные глаголы в потенциальной форме инверсивными, а также определить синтаксические позиции членов предложения, конструирующих ядро предложения. В связи с этим мы предлагаем в школьных учебниках синтаксические функции конструирующих членов предложения определять, отталкиваясь от их реальных значений. В предложении Рапӷ дызҭам ҕба зныҟәом. (Ажәапҟа) «Тот корабль не может ходить, в котором нет араба» реальным подлежащим считается ҕба «корабль». Так и в нижеприведенных предложениях: Аамыста дызмам дзаҳҳом. (Ажәапҟа) «Тот, который не имеет звание дворянина, не сможет стать царем». Ауада ашьха ицаны иааит ҳәа изыҳом. (Ажәапҟа) «Осел не может похвастаться, тем что он, пойдя в горы, вернулся конем». Ҭәи млашьи зеибадыруам. (Ажәапҟа) «Сытый и голодный не могут друг друга знать, понимать».

Позиция форманта з в словоформе зависит от переходности и непереходности глагола, от морфемной структуры словоформы. Ввиду того, что возможное действе связано с деятелем, их форманты в глаголе в основном представлены вместе в следующей последовательности: показатель

реального субъекта, показатель потенциалиса. Форманты могут быть разобщены: обстоятельственным префиксом: в непереходных глаголах с - ан - зы - мцо «когда я не смогу пойти», с - а - хь - зы - мцо «куда я не смогу пойти», с - ыш -зы - мцо «как я не смогу пойти», обстоятельственным и вопросительным префиксами: сышҕазымцо? «как я не смогу пойти?» Показатель реального субъекта и потенциалиса становятся перед отрицательной основой глагола, неосложненной каким-либо основообразующим формантом: сы - з - цом «я не могу идти», дсызбом «его (ч.) я не могу повидать, присмотреть», «проведать», в двухличных переходных глаголах за ними следует показатель косвенного объекта: д - ыз - и -вамлеит «он (ч.) не смог сбоку него пройти». В глаголах с осложненной основой показатели субъекта и потенциалиса ставятся перед основой: 1) с локальным превербом: и - сыз - ҭымгеит «то (в.) я не смог изнутри чего-либо вытащить, вынуть», г) с каузальным формантом: дысзыртәом «его (ч.) я не могу усадить», в трех-личных глаголах за ними следует показатель косвенного объекта: исызимырҵацеит «то (в.) я не смог его заставить сделать», 3) с направительным превербом: дсызнамгеит «его (ч.) я не смог туда привести». 4) с союзной мофемой ц: сызицымцеит «я не смог с ним пойти», 5) с взаимными формантами аи, аиба: изеилымҵит «они не смогли друг от друга отойти, разойтись», ҳзеибамбеит «мы не смогли друг друга повидать», 6) с морфемой совместности аиц: ҳзеи-цымтәеит «мы не смогли вместе сесть».

Показателям субъекта и потенциалиса предшествуют возвратный формант с показателем притяжательности: сыҽсзымшьит «я не смог себя убить».

Все перечисленные основы с деривационными морфемами являются производящими для потенциальных образований. Сама потенциальная основа не выступает в качестве производящей для других образований. Морфема з формирует основу, вводя понятие возможности, но основное ее назначение - формообразование. Однако в абхазском языке она как морфологическая морфема, не охватывает поло-

жительные парадигмы глагола, не дает коррелятивных пар, которых можно было бы объединить по признаку «не могу / могу». И это не позволяет считать морфему з категориальной морфемой, а образование с з - словоформой грамматической категории, з синкретическая морфема, совмещающая функции словообразования и формообразования.

П. К. Услар потенциальный формант з увязывал с версионным з. К. В. Ломтатидзе считает, что «категория потенциалиса ведет начало от категории версии». Сегодня производящей основой для потенциальных образований не могут быть основы с показателем объектной версии. Невозможность образования потенциальной формы от версионной логично объяснить их исторической связью.

В абхазском языке возможность действия может быть передана описательно:

1) сочетанием глагола в масдарной форме и модального глагола алшара «мочь» в спрягаемой форме:

аныҟәара сылшоит «я могу ходить», аныҟәара сылшом «я не могу ходить» ср.: сызныҟәом.

лбара сылшоит «я могу ее повидать», лбара сылшом «я не смогу ее повидать», ср.: дсызбом.

ацәажәара сылшоит «я могу говорить», ацәажәара сылшом «я не (смогу говорить», ср.: сызцәажәом.

2) сочетанием глагола в условно-целевой форме с суффиксом ратәы // ртәы // ртә и вспомогательного глагола аҟазаара «существовать, находиться» в спрягаемой форме:[1].

сныҟәартә сыкоуп «я в состоянии, я могу ходить», сныҟәартә сыҟам «я не в состоянии, не могу ходить», ср.: сызныҟәом.

дызгартә сыҟоуп «я в состоянии, могу ее забрать», дызгартә сыҟам «я не в состоянии, не могу ее забрать», ср.: дсызгом.

[1]Чкадуа Л. П. Система времен и основных модальных образований в абхазско-абазинских диалектах. Тб., 1970, с. 197.

НЕПРОИЗВОЛЬНЫЕ ОБРАЗОВАНИЯ[1]

Глагольная форма непроизвольности выражает непроизвольное, случайное, не подчиненное воле деятеля действие. Образуется она префиксом (а)мха, компонент которого (а)м, восходит к корню слова анапы → амапы «рука» (К.В. Ломтатидзе): изгеит «то (в.) я беру → исамхагоит «то (в.) я невольно беру, мною то уносится».

Основообразовательные и морфологические проявления форм непроизвольности во всем соответствуют основообразовательным и морфологическим проявлениям форм потенциалиса. Они расходятся лишь в том, что производящей основой для потенциальных форм являются отрицательные образования, для форм непроизвольности – положительные образования. Они, как бы, образуют бинарную оппозицию. Но объединить их в одну категорию невозможно из-за отсутствия общей для них семантики: между значениями возможности и непроизвольности нет ничего общего.

Производящей основой для форм непроизвольности являются положительные образования динамических глаголов, которые могут быть как переходными, так и непереходными. Морфема (а)мха охватывает почти все парадигмы (положительных) переходных и непереходных глаголов.

Ввиду того, что непроизвольное действие исходит от деятеля, показатель непроизвольности становится рядом, точнее, за показателем реального субъекта.

Переходные глаголы в форме непроизвольности становятся непереходными и инверсивными. Подобно потенциальным образованиям в глаголах с простой основой изменив в расстановке показателей лиц не происходит, в глаголах со сложной основой показатель субъекта становится перед

[1]Морфологические особенности форм непроизвольности описаны в работах К. В. Ломтатидзе: Категория потенциалиса и непроизвольности в абхазско-абазинском глаголе. Сообщение АН ГССР, т.XX/1, 3,| 1955; Она же, Тапантский диалект абхазского языка. Тб., 1944; Она же «Ашхарский диалект и его место среди других абхазско-абазинских диалектов». Тб., 1954.

основой, в трехличных глаголах показатели субъекта и косвенного объекта меняются местами:

дсамхабоит «его (ч.) я непроизвольно вижу», «он мною непроизвольно видится».

иламхаҳәоит «то она непроизвольно говорит, то ею непроизвольно говорится».

исамхажәуеит «то я непроизвольно пью, то мною непроизвольно пьется».

исамхаҟацоит «то я непроизвольно делаю, то мною непроизвольно делается».

исамхаԥеуеит «то я непроизвольно ломаю, то мною непроизвольно ломается».

исамхаҭгоит «то я непроизвольно из чего-то вытаскиваю, то мною непроизвольно из чего-то вытаскивается».

исамхалыҭоит «то (в.) непроизвольно ей отдаю, то мною непроизвольно отдается».

исамхалықәцоит «то (в.) я на нее непроизвольно кладу, мною непроизвольно на нее кладется».

Непереходные глаголы в непроизвольной форме принимают инверсионный строй: и самхалыҭеит «я непроизвольно то (в.) отдал, то (в.) непроизвольно мною отдано».

Подобно потенциальному форманту з, амха, также деривационно мною реляционный формант. Из этих двух функций реляционная является ведущий.

К. В. Ломтатидзе непроизвольные образования исторически также увязывает с версионными образованиями. Генетическая связь версионного форманта з и потенциального з очевидна. Такой связи между версионным цә и непроизвольным (а)мха нет, зато в их семантике есть нечто общее: версионными формами с морфемой цә передаются действия, происходящие часто не по желанию, не по воле косвенного объекта: илцэызгеит «то (в.) я вопреки ее желанию взял, отобрал у нее», непроизвольными формами передаются действия, которые, также происходят не по воли деятеля-субъекта, непроизвольно: исамхагеит «то я непроизвольно унес, забрал» (К. В. Ломтатидзе).

АНАЛИТИЧЕСКИЕ ОБРАЗОВАНИЯ

В абхазском языке можно выделить сравнительно большую группу образований, которые состоят из двух значимых компонентов, но выступают с одним лексическим значением и выражают одно понятие. Часть подобных образований обладает как номинативной функцией, так и коммуникативной. В номинативной функции они обретают форму и значение масдара, реже существительного. В структурном плане – они композиты: им присуща цельнооформленность с одним общим ударением. В коммуникативной функции один из компонентов приобретает словоформу глагола, в структурном же плане – это устойчивое словосочетание, каждый компонент которого имеет свое грамматическое оформление. Часть образований выступает лишь а коммуникативной функции. Все эти образования обладают процессуальной семантикой. Речь идет об образованиях типа агәҽыҕьра «скучать» – сгәы ҽыҕьуеит «я скучаю», агәыбылра «любить, переживать» - сгәы былуеит «я люблю переживаю», амлакра «голодать» - амла сакуеит «я голоден», аҧсмаҷхара «терять сознание» - лыҧсы маҷхеит «она потеряла сознание», ахақәиҭра «свобода, освободиться» - схы сақәиҭуп «я свободен, освободился».

В абхазской литературе можно выделить лишь одну работу, в которой основные структурно-грамматические особенности данных образований получили освещение – это статья В. Х. Конджария «Вопрос об аналитических глаголах в абхазском языке»[1]. Зато, благодаря словарям В. А. Касландзия, в плане лексическом и лексикографическом сделано очень много[2]. Объем словарных единиц, вошедших в словари,

[1]Конджария В. Х. Вопрос об аналитических глаголах в абхазском (Анатилитикатә ҟацарбақәа рызцаатәы аԥсуа бызшәаҽы). Известия АбИЯЛИ, т. V. Тб., 1976.

[2]Касландзиа В. А. Анемец-аҧсуа фразеологиатә жәар. (Немецко-абхазский фразеологический словарь). Қарҭ. 1985. он же. Аԥсуа-аурыс фразеологиатә жәар. (Абхасзко-русский фразеологический словарь). Аҟәа. 1995; Он же, и Саманба Л. Х. Русско-абхазский фразеологический словарь. Сухум, 1996: Он же. Аԥсуа бызшәа

весьма солидный. Он позволяет представить, насколько абхазский язык богат подобными образованиями. Словари отличаются высоким уровнем лексикологической оснащенностью, которая содержит лексико-семантические характеристики каждой единицы данных образований - выявление лексических значений, толкование значений, перевод иллюстрация единиц из художественной литературы, фольклора и живой речи, выделение синонимических рядов, деление на основных и переносных значений.

Подобными образованиями богат и абазинский язык. Исследование С. Н. Пазова «Фразеология абазинского языка» показало, что очень много общих устойчивых словосочетаний, которые, несомненно, относятся к абхазско-абазинской языковой общности.

Образования, структурно-семантически сходные с абхазским, имеются и в адыгских языках. Им посвящены отдельные статьи и разделы в монографиях таких видных кавказоведов, как М. А. Кумахов, А. К. Шагиров, Н. Т. Гишев[1]. В этих работах интересующие нас устойчивые словосочетания получили разную квалификацию. Расхождение в определении их места в системе языка обусловлено, скорее, не уровнем знаний особенностей данных устойчивых словосочетаний по этим конкретным языкам, а самой теорией о фразеологических словосочетаниях, в которой нет единого мнения по самым принципиально важным вопросам. До сих пор нет четко выделенного набора признаков, по которым можно было бы определить суть фразеологической единицы, позволяющего ее отделить от других устойчивых словосочетаний, в результате чего по одной концепции объем фразеологизмов сильно увеличен, по другой, напротив, сужен. Нерешенность вопроса сказалась на лексикографии абхазского и абазинского языков: ни в одном из словарей этих языков нет сравнительно полного перечни интересующих нас образований. Необходимо четко определить – данные образования являются лексическими единицами или фразеологическими. Если эти образования являются лексемами, то при составлении толковых, двуязычных, терминологических и др. словарей они, несомненно, должны быть представлены в них, по возможности, полнее, если же фразеологическими единицами - то их место в фразеологическом словаре.

Для определения места так называемых аналитических образований в системе языка сочла необходимым выявите их структурные, грамматические и семантические проявления. Исследования, проводимые в этих направлениях, были облегчены работой С. Н. Пазова «Фразеология абазинского языка», в которой основные особенности абазинских фразеологических единиц получили должное и обстоятельное освещение. Результаты наших изысканий сопоставлены с категориальными особенностями фразеологических единиц, свободных словосочетаний, композитов, выявляя общие, частные, специфические для каждого из них признаки. При сопоставлении руководствовалась теми установками фразеологов, которые отвечают нашим представлениям о сущности фразеологических словосочетаний.

АНАЛИТИЧЕСКИЕ ОБРАЗОВАНИЯ В МАСДАРНОЙ И ГЛАГОЛЬНОЙ РЕАЛИЗАЦИИ

Как было сказано выше, основная масса аналитических образований выступает в двух реализациях - это масдара и глагола в личной форме[1]. В масдарной реализации - они

афразеологиатә жәар. (Фразеологический словарь абхазского языка). Аkәа. 1999; Он же. Афразеологиатә синонимқәа аԥсуа бызшәаҽы. (Словарь фразеологических синонимов абхазского языка). Аҟәа. 2002.

[1]Кумахов М. А. Морфология адыгских языков. М-Нальчик, 1964; Он же. О так называемых аналитических глаголах. // Аналитические конструкции в языках различных типов. Изд-во «Наука», М-Нальчик 1965; Шагиров А. К. Об аналитических глаголах в абхазско-адыгских языках. Труды КЧНИИ, вып. V. Черкесск, 1968; Гишев Н. Т. Глагол адыгейского языка. Майкоп. 1989.

[1]Конԥьариа В. Х. Аналитикатә ҟатцарбақәа рызцаатәы аԥсуа

композиты, в глагольной реализации - они словосочетания. Ввиду того, что компонентный состав и порядок последовательности компонентов у них один, семантические отношение между ними точно такие, какие наблюдаются между масдаром и спрягаемой формой обычного глагола. Для спрягаемой формы исследуемых образований масдар также являтсюя начальной, словарной словоформой. Семантическая близость композитов и словосочетаний является одним из существенных признаков, не позволяющих разобщить их, относя первых к единицам лексем, вторых - к фразеологическим единицам. Их семантическую близость можно проследить в нижеприведенной иллюстрации.

Агәҭынчра «мир (душевный), спокойствие»: Схы сгәалашәозар аахыс, агәҭынчра зцәызыз уаҩуп сара (М. Л.). «Сколько я помню себя, я человек, потерявший душевный покой» - Сыҷкәын изы сгәы ҭынчуп. «Я спокоен за своего сына».

Ахақәцара «жертвовать собой»: Ахақәцара хаҵароуп, «Жертвовать собой - мужество» - Уажәшьҭа сыҟазаара зхәарҭоузеи, схы ақәысҵароуп ари! (Б. Шь.). «Зачем теперь мне жить, за это я должен пожертвовать собой!».

Абзиабара «любовь, любить»: Аҧсны абзиабара «любовь к Абхазии» - Бызбоит, бызбоит, бзиа бызбоит, Аарцә бызбан, ныцә бызгоит. (Д. Гә.). «Люблю, люблю, люблю! тебя, Здесь я тебя увидел, туда тебя уведу».

Агәахәара «желание, желать, понравиться»: Аҽар ажәжәаҳәа аус Руан, агәаҳәара ду рыманы (И. П.). «Молодежь энергично работала, имея большое желание». - Зегьы ргәы иахәо аҟаҵара Азәгьы илшом аҧсабара (Д. Гә.). «В мирм никто не может делать то, чего все желает».

Ашәаҳәара «пение, петь»: Ачара ԥшзоуп шәаҳәарала (Ажәаԥҟа). «Свадьбу красит пение» - Ахәыҷқәа ашәа рҳәон. «Дети пели», // сшәаҳәоит «я пою».

агәыбылра «переживание, страсть»: ...имазоугьы аргамахоит, иазҳауеит агәыбылра (М.Л.). «...и тайна обнародыбызшәаҽы. Аҧснытәи абызшәеи, алитетартуреи, аҭоурыхи ринститут. Адыррақәа, V, Қарҭ, 1976, с.49.

вается, увеличивается переживание» - Лашьа лгәы дазыбылуан. «Он переживал за брата».

Агәабзиара «здоровье»: Угәабзиара шԥаҟоу ҳәа дсазҵааит? «Он меня спросил: как твое здоровье?» - Иахьа сгәы бзиам. «Сегодня я не здоров».

Агәаанагара «мнение, думать»: ...аҽазәы игәаанагара аԥхьа имырҳәакәан, иара иаԥхьа иҳәон (Ш. Ҷ.). «...не давая возможность другому сказать его мнение, он говорил раньше него». ...сгәаҟланда сара схала, иара дзыхсырҟьазеи ҳәа игәы иаанагон Ҭемыр (И. П.). «...переживал бы я один зачем и его (ч.) заставил переживать - думал Темыр».

Агәалсра «разочарование, расстройство, переживание Уаҳа агәалсра анцәа ишәимҭаait (И. П.). «Чтоб бог больше не дал вам разочарований, переживаний». Угәы иалсма сахьааз? (И. П.). «Ты расстроился моим приходом?».

Аԥсыцәгьара «жадность»: Аҧсыцәгьара дагеит. «Его унесла, погубила жадность». Илбо зегьы лымазарц лҭахуп, уиаҟара лыԥсы цәгьоуп. «Все что видит, хочет иметь, настолько она жадная».

Ахынкылара «воздержание, воздержаться»: Ирҳәоит, хынкылашьа имамызт ҳәа (Б. Шь). «Говорят, что он не мог воздержаться». Иакәым ажәа имҳәарц азы даара ихы никылеит. «Чтоб не сказать не заслуженных слов, он силой себя сдержал».

Однако необходимо различать аналитические образования в масдарной реализации от образований, восходящих к свободным словосочетаниям типа:

аҵкызахра «шить платье» → аҵкы азахра «шить платье»: аҵкы сзахуеит «я шью платье».

абысҭаура «приготовление мамалыги» → абысҭа аура «готовить мамалыгу»: абысҭа зуит «я приготовил мамалыгу».

Аҵәафара «есть яблоко» → аҵәа афара: аҵәа сфоит «я ем яблоко».

акәацзра «жарение мяса» → акәац азра «жарить мясо»: акәац сызуеит «я жарю мясо».

Как видим, в отличие от аналитических образований, в которых лексическое значение компонентов перетерпевает некоторое изменение, в данных образованиях каждый компонент сохраняет свое лексическое значение, не позволяя тем самым слиться в одно понятие.

Не все аналитические образования дают масдарную форму например, ашоура сакуеит «мне жарко», ацәа сакуеит «хочу спать», не дают масдара (их масдарные формы носят весьма искусственный характер и в речи они не встречаются), хотя формы амлакра (// амлашьра) «голодать» от амла сакуеит «голодаю», ахьҭакра «мерзнуть» от ахьҭа сакуеит «мне холодно» уже существуют. Немало и таких, масдарную форму которых можно отнести к потенциальному слову, т. е. к слову, которое образовано по языковой модели высокой продуктивности, которое возможно в речи, но еще не вошедшее в язык, например: игәы еималеит «он потерял аппетит» →* агәеималара, сгәы иқәоит «услышал (о звуке) →*агәықәора, игәы иҭашәеит «его осенило, вспомнил» →*агәҭашәара.

Масдарная форма может стать производящей основой для наречных образований:

Агәыцқьара «чистосердечие» → гәыцқьарыла «от чистого сердца, искренне».

Агәыҳалалра «доброта» → гәыҳалалрыла «по доброте».

Агәазыбылра «испытывать симпатию» → гәазыбылрала «с симпатией».

Агәахәара «нравиться» → гәахәарыла «с удовольствием», гәацҕыҳәала «с воодушевлением».

Агәрагара «доверять, довериться» → гәрагарала «с доверием».

Многие из аналитических образований в композитном варианте (без масдарного -ра) выступают в качестве основы имен, а также основы, к которой может присоединиться формант ҩ(ы) или га (В. Х. Конджария). Известно, что ҩ(ы), или га являются образователями отглагольных имен (А. И. Инал-ипа), и в данном случае компоненты аналитического образования выступают как цельная глагольная основа, ко»

торая стала производящей для отглагольных имен. Это одно из средств образования имен, причем продуктивного.

агәрагара: игәра згоит «ему я верю» → агәра||агәрага «доверие, доверенность»: Агәрага - умаза иҭ (Ажәаԥҟа). «Свои секрет отдай доверенному».

агәрагара: агәрагага шәҟәы «справка, документ доверенности», агәрамга «сомнительный»: Аԥҳәыс гәрамга дызмоу изы анҕса акыр дағьсоуп (Ажәаԥҟа). «Для того, у кого жена сомнительная, мачеха стоит многого».

агәҟаҵара: игәы ҟасҵоит «я его подбадриваю», агәҟаҵага «бодрящий (о предмете)»: Ашьақарҵәа уаркалеиуа, амандаринақәа зазоит, афҩы ирхылҵуа уа илеи-ҩеиуеит, игәҟаҵаганы иҟалоит (Б. Шь.). «Сахарные яблоки сверкают, мандарины раскачиваются, запах, исходящий от них, там разгуливает, становится радостным, подбадривающим.

агәахәара: сгәы дахәеит «он мне понравился» → агәахәа: Дааразa гәахәас иҟаиҵеит Леуан Алиас ииҳәаз (Д. Гә). «То, что сказал Аляс, очень понравилось (досл.: в качестве приятного) Левану».

агәыбылра: сгәы былуеит «я переживаю, люблю» → агәыбылҩы: «человек любящий, теплый, переживающий»: Сара сзы дгәыбылҩуп (Б. Шь.). «Он любит, переживает за меня».

агәалсра: сгәы иалсит «я расстроен, мне обидно» → агәала «обида»: Хьыкәыҷ агәала илымаз лхы-лҽы ианымҕшыр иауамызт (А.Л.). «Обида на лице Хикуч не могла не отразиться».

По этой модели образованы слова: агәақәҧҵәага «надоедливый, назойливый», агәахшәага «неприятный, надоедливый», агәеилга «сообразительный, смышленый», агәырҟычга «утешительный, успокоительный, агәкылҵәага «нудный, надоедливый», агәырҕәҕәага «подбадривающий», агәҽыҷ «скука», агәыҟаҵаҩы «утешитель», ашәаҳәаҩы «певец», аусуҩы «рабочий», ахырқьиага «оправдательный», аҧсҽыхга «средство спасения», аҧсыцәгьа «жадина», аҧсыцқьа «святой, честный»:, агәазырхаҵаҩы «вдохновитель».

Анализ материала позволяет проследить процесс формирования коммуникативной и номинативной функций.

Коммуникативная функция первичная, номинативная - вторичная, которая пока не охватила все аналитические образования.

СТРУКТУРНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА АНАЛИТИЧЕСКИХ ОБРАЗОВАНИЙ

Структурные модели масдарных и спрягаемых форм аналитических образований в основном общие. Расходятся они лишь характером их грамматической оформленности. Ввиду того, что семантика модели аналитических образований в спрягаемой реализации более конкретна, чем в масдарной, а также не все аналитические образования имеют масдарный коррелят, представляем модели спрягаемых форм, из которых легко вывести модели масдара.

Модель 1. Имя в посессивной форме + глагол (статический или динамический). Модель самая распространенная.

Статический глагол: Абри ахаҵа акы игәы иалоуп узҳәарымызт (И. П.). «Ты бы не мог сказать, что этот мужчина чем-то расстроен». ...иԥсы ҭагәышьазаап аҭаҳмада (Б.Шь.).«...оказывается, старик жив»[1]. Иҷкәын еснагь игәы дҭоуп. «Он всегда думает о своем сыне».

Динамический глагол: Сажәа агәра га, Заурҟан (Б. Шь.) «Верь моему слову, Зауркан»; агәрагара «верить»; Игәы кыдбымхын, ди, баала, сбыҳәоит (Ш. Ҷ.). «Не надоедам ему, ди, идем, умоляю»; агәкыдхра «надоедать»; ... ргәы кыдгылахьеит, абԥьар шьҭарҵар ҟалап (Б. Шь.). «...их терпение, страдание дошло до предела, иссякло, может сложат оружие»; агәкыдгылара «страдать, переживать, дойти до предела своих страданий».

Модель 2. Имя без морфологического оформления + глагол: Уаҳа ԥсыхәа рымамызт: ма Аԥсныҟа, ма Арабтәылаҟа

[1]Подобно статическим глаголам, аналитические глаголы в статичкском оформлении не дают масдара, образования же с формами! заа носят экспериментальный характер: агәалазаара «расстройство, расстроиться», агәҭазаара «думать, беспокоиться».

иахыҵыр акәын (Б. Шь.). «Они не имели другого выхода: они должны были переселиться или в Абхазию, или в Арабскую страну». Асас даара патү иқәырҵеит. «Гостя приняли с большим уважением», апатуқәцара «уважение, уважить».

Модедь 3. Имя в общей форме + глагол: Алиас иишьҭыз аҷкәын (ила) адырра лиҭеит Селма (И. П.). «Аляс посланным мальчиком сообщил Селме»; адырраҭара «сообщить! Уи даара иеигәыргьеит, аԥсшәа иархәеит рҩыцьагьы (И. П.) «Они очень ему обрадовались, они двое приветствовали его»; аҧсшәаҳәара «приветствовать; Сыҷкәын ашкол аҿы аус иуеит. «Мой сын работает в школе», аусура «работать».

Модель 4. Имя в неопределенной форме + глагол: ԥсыхәак лыҫтароуп «я должен ей помочь», ҧсыхәа(к) имоуит // хәарҭа(к) имоуит «он не получил какого-либо облегчения, пользы, помощи».

Модель 5. Имя с послелогом + глагол: ...амалахазгьы сгәы имаазеит. (Д. Гә). «...совсем не додумался» // схахьы имаазеит.

Модель 6. Имя в притяжательной форме + имя в притяжательной форме + глагол: Абасҡаамҭа исычҳап ҳәа сыҡамызт, саргьы шьҭа саџьал ааит сгәахәуеит, - иҳәан, ихы, игәы ақәмаҷха (И. П.). «Я не думал, что столько времени смогу вытерпеть, предполагаю, что пришел мой конец (смерть), - сказал он подавленно».

Модель 7. Прилагательное // наречие + глагол: абзиабара «любить», Хьызла дымҩасырц даара бзиа ибон (И. К.). «Он очень желал умереть со славой».

Модель 8. Имя в притяжательной форме + имя в глагольном оформлении: Даагылеижьҭеи иҧсы цәгьан. «Он вседа был жадным», аҧсыцәгьара «жадность»; Сан лгәы бзиам «Моя мать больна»; Сызҭаб лзы сгәы ҭынчуп. «Я спокоен за свою дочь».

Модель 9. Существительное + глагол акра «держать»: амла сакуеит «я голодаю», «мне голодно», ахьҭа сакуеит «мне холодно».

Модель 10. Существительное в посессивной форме + глагол, не имеющий самостоятельной реализации: Даара сгәы ҽыҷъуеит «Я очень скучаю, мне очень скучно».

Аналитические образования в масдарной реализации представляют исключительно бинарную структуру, в глагольной реализации - также бинарную структуру: определители действия стоят перед аналитическим образованием и это является нормой языка:

... хьызла дымԥасырц даара бзиа ибон (И. К.) «...умереть со славой он очень желал» (последовательность *бзиа даара ибон* является отступлением от норм языка), даара амла сакит «мне очень голодно» (но не амл даара сакит), зынзагьы игэы иалымсит «он совсем не расстроился (но не игәы зынзагьы иалымсит).

Однако в коммуникативной реализации в аналитическое образование может вклиниться слово, синтаксически связанное с одним из компонентов (В. К. Конджария), нарушая норму последовательности.

Мыкыч иеиҳәаз агәра цқьа изгомызт иара (И. П.). «То что Мыкыч ему сказал, он не мог (хорошо) поверить» (вместо обычного цқьа агәра изгомызт).

Урҭ иԥоны иҟаз ауаа ықәҵны ицеижьҭеи, игәы зынза еималт (И. П.). «С тех пор как те, которые были у него дома ушли, ему стало очень тяжело» (досл.: его сердце совсем сомкнулось)».

Игәы иҵахәхәа иҵан лылагырзқәа (И. П.). «Ее слезы для него были незабываемыми» (досл.: в его сердце они прикрытым находились).

Зина уаҳа дышдәылымҵуаз агәра цкьа ианига, ацарахьы ихы кыдиҵеит (И. П.). «Когда он хорошо понял, что Зина больше не выйдет, он направился (решил) уйти».

Порядок последовательности компонентов аналитических образований фиксированный: именной компонент, затем глагольный: сгәы былуеит «я очень переживаю, досл.: «мое сердце горит». Инверсивное расположение компонентов весьма редкое исключение и обусловлено оно эмфазисом: ибылуеит сгәы, ибылуеит «горит мое сердце, горит».

Большинство аналитических образований в спрягаемой форме (особенно модели имя в посессивной форме + глагол) находятся под двумя ударениями, которые не равны по силе. Сильное ударение, как правило, падает на глагольный компонент образования. Оно как бы объединяет компоненты образований в одну акцентную кривую, слабое – на имя, точнее на последний слог имени. В масдарных формах ударение также падает на глагол: лыԥсы маҷхеит «она потеряла сознание» (ср.: аҧсымаҷхара), игәы ԥоит «он предполагает, подозревает (ср.: агәԥара «подозрение»), сгәахьы имааизеит «то (в.) не предполагал, то мне в голову не пришло», сгәы далсит «мне его жаль» (ср.: агәалсра), сыԥсы сшьоит «я отдыхаю (ср.: аҧсшьара), сгәы ҽыҷъуеит скучаю» (ср.: агәҽыҷъра), лыԥсы ааилалеит (→ лыԥсааилалеит) «она возмутилась», иԥсахы ҧыжәжәо «очень разозлённо».

Обращает на себя внимание одна особенность аналитики образований, которая заключается в том, что в качестве глагольного компонента часто выступают глаголы, которые без именного компонента не имеют реализации. Они морфологически оформляется так, как любой глагол, но в отрыве от именного компонента они десемантизируются, или же выступают в значении, не имеющее ничего общего с общим значением аналитического глагола.

Модель: Имя с притяжательным формантом + связанный глагол:

Агә - хьаҧсаа-ра «успокоиться, остыть» - Аҳмаҭ игәы анхьаҧсса, акамбашьқәа рыҽхәаны даацәажәеит (И. П.). Ахмат немного успокоился, остыл, он стал расхваливать буйволов».

А-гә-ҭыҧсаа-ра «замереть» - Ҳазҭиида, ачарҳәара ҳзызуда? Сгәы нҭыҧсааит (Ш. Ҷ.) «Кто нас продал, кто предал?! Сердце мое замерло». Глагола *нытҧыҧсааит* нет.

Илахь еиқәыршьшьы «очень расстроенный, огорченный, пасмурный» – Ҧытк аабжьысхьаны Аҳмаҭгьы дкара-ҧсараха дааԥналт, илахь еиқәыршьшьы (И. П.). «Прошло немного времени и вошел в дом уставший Ахмат, очень расстроенный, огорченный».

а-гә-еаны-заа-ра «быть начеку» - сгәы сеанзамкәа ахы сықәшәеит «неожиданно для меня (досл.: не будучи начеку) пуля попала в меня»,

а-гә-ҭ-гәырҕьаара «радоваться» - Амаҭәа ҽыцкәа анылшәылҵца, лгәы ҭгәырҕьааауа дҟалеит (И. П.). «Когда она надела новую одежду, она стала радостной». Есть глагол агәырҕьара «радоваться», но словоформы // ҭгәыргьааауа – нет.

а-гәа-хәа-ра «понравиться» – Саҳаҭыр убозар, знык дгәыдкыл, сгәы иахәоит (Ш. Ҷ.). «Если ты меня уважаешь, поцелуй его (ч.) еще раз, мне понравится». Глагол *иахәоит* в значении «понравиться» нет, омоним иахәоит дахәоит означает «выпить, глотнуть».

Дызҽыз аус игәы ақәҽыҷыт. «Ему надоела его работа; глагола *ақәҽыҷыт* нет.

Аҳмаҭ илахь ҩеиқәиҵан, даагәынкҺын, ихы днахашшаит, ажәытәра анааигәалашәа (И. П.). «Ахмат был расстроен, поохал, расчувствовался, когда вспомнил старые времена».

а-гә-ҽыҷь-ра «скучать» - сгәы ҽыҷьуеит «я скучаю» Глагола оҽыҷьуеит нет.

а-гә -Ҟыч - ра «успокоиться (после какой-либо обиды, горя)». Аамҭа иара атәы иҟанаҵеит, сгәыр҃оақәа схашҭуа салагеит, сгәы сҟычит. «Время сделало свое, я стал(а) забывать свои неудачи, переживание, я успокоился».

Компоненты аналитических образований имеют разную степень сочетаемости. Так, в аналитическом образовании модели имя в посессивной форме + глагол обладает высокой степенью сочетаемости, особенно компонент агәы «сердце», который образует целую серию лексем, затем ахы «голова», аҧсы «дух», «жизнь»[1]. Однако этого нельзя сказать о глагольном компоненте, обычно он имеет единичную сочетаемость. Например, глаголы иқәоит «раздался по верх чего-л. (о звуке)», ҩбахеит «раздвоился» могут сочетаться лишь с агәы «сердце»: сгәы иқәоит «я услышал (звуки)», сгәы ҩбахеит «я не решился, усомнился». Но встречаются и такие, чья валентность доходит до двух-трех и более. Например, глагол ифеит «он съел» сочетается агәы: сгәы ифеит «он меня довел (более в плане эмоциональном)», с ахы «голова»: ихы ифеит «он себя довел в плане материальном и социальном)», с аҧсы «дух, жизнь»: сыҧсы ифеит «он меня довел (более в плане физическом)», глагол акра «держать» сочетается с именами: амла «голод амлакра: амла сакит «я голоден», ахьҭа «холод» → ахьҭакра: ахьҭа сакит «мне холодно», аҙба «вода»: аҙба сакит «я хочу пить», ашоура «жара»: ашоура сакит «мне жарко».

Немало глаголов, сочетающихся с одним лишь словом: аусура: аус зуеит «я работаю», ахаҵацара: хаҵа дцеит «вышла замуж», анапеинҟьара: рнапқәа еинырҟьеит «они зааплодировали».

[1]Касландзия В. А. В «Фразеологическом словаре Сухум, 1999. слова с гәы 338, с ҧсы 108, с ха 216.

МОРФОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА АНАЛИТИЧЕСКИХ ОБРАЗОВАНИЙ

Аналитические образования в масдарной и именной форме обладают всеми словоформами имени:

Общность: Абзиабара бла ахаҙам (Ажәаҧҟа). «Любовь слепа».

Определенность: Арҭ ирыбжьалаз агәнибархара уаҳа аҵыхәтәак мтәаҙеит (М. П.). «Возникшее между ними недоме, недоразумение пока не закончилось».

Неопределенность: Ихаҽы гәалсрак ныҧшуан. «На его лице было видно какое-то недовольствие, обида, скорбь».

Посесивность: Зегьы идсырбап сара сгәыбылра мца шмыцәац... (А. Г.). «Я всем покажу, что огонь моей любви, страсти не погас».

Множественность: Игәынамзарақәа рызҳаит. «Его недовольствия увеличились».

Превратительность: Гәхаршҭыгас дсоуит. «Его я получил в качестве утешителя». Хырзаман урҭ ашәақәа ракәын гәхаршҭгас имаз (И. Ҭ.). «Именно эти песни были для

Хырзамана утешительными». Саб гәалас иман, ашкол сизҭамцакәа аҩныҟа сырхынҳәны сахьаааигаз (Д. Гә). «Мой отец переживал, что не сумел меня в школу устроить, привел домой».

Компоненты аналитических образований в спрягаемой форме раздельнооформленны: имя оформляется категориями имени, глагол - категориями глагола. Необходимо отметить, что имя в этих сочетаниях не может выступить в другой грамматической категории. Так, имя в словосочетании модели имя в посессивной форме + глагол может изменяться по лицам в соответствии с особенностями притяжательной формы имени: сгәы ҽыгьуеит «я скучаю», бгәы ҽыгьуеит «ты (ж.) скучаешь», угәы ҽыгьуеит «ты (м.) скучаешь», лгәы ҽыгьуеит «она скучает» и т. д. Это же имя может быть оформлено показателем множественного числа -кәа (В. Х. Конджария); рыгәқәа // ргәы еизыбылуеит «они друг друга любят».

Однако заменить посессивную форму имени в словосочетании с данным лексическим составом какой-либо другой категориальной формой невозможно. В каждой модели аналитического образования именной компонент выступает лишь в одной грамматической реализации. Иначе проявляет себя глагольный компонент. Глагольный компонент располагает полной словоизменительной парадигматикой глагола, грамматическое значение каждой парадигмы которого распространяется на аналитическое образование в целом Основными выразителями грамматического значения всего словосочетания является глагольный компонент. Благодаря ему аналитическое образование как цельная единица обладает всеми грамматическими категориями глагола. На уровне морфологии - это категории лица, числа, класса, переходности / непереходности, времени; статичность, динамичность; аналитическое образование в финитной оформлении занимает позицию сказуемого, в инфинитном оформлении - могут быть во всех синтаксических позициях.

Выразителями лица, числа и класса аналитических образований являются личные показатели глагола, которые помимо лица, числа и класса указывают и на субъект или объект (ближайший или косвенный): ахьҭа сакуеит «мне холодно», ахьҭа уакуеит «тебе (м.) холодно» и т. д.

В словосочетаниях модели имя в посессивной форме + глагол показатель лица при имени выступает в функции посесивности, само же имя - в функции субъекта или объекта: в сгәы ҽыгьуеит «я скучаю» сгәы занимает позицию субъекта; в сгәы иалсит «то меня расстроило, расстроился» (досл.: «то прошло через мое сердце») сгәы - позицию косвенного объекта. Между тем выступление личных показателей в притяжательной функции характерно не только именам, но и глаголам. Так, в возвратных формах глагола первый показатель лица выступает в функции притяжательности (К. В. Ломтатидзе): сеыскәабоит «я купаюсь», леылкәабоит «она купается»; в словоформах типа илхасцоит элемент ха является объектом, л притяжательным формантом, означает то (в.) я на ее голову одел».

Словосочетание типа лгәы ҽы́ҕьуеит на уровне морфологии выступает как цельная единица, способная изменяться по всем парадигмам глагола.

Аналитические образования обладают всеми временными формами глаголов в финитном и инфинитном оформлении.

Финитные глаголы: сгәы сырҭынчуеит «я успокаиваюсь», сгәы сырҭынчуан «я успокаивался», сгәы сырҭынчын «я успокоился (и)», сгәы сырҭынчит «я успокоился», сгәы сырҭынчхьеит «я уже успокоился», сгәы сырҭынчхьан «я уже был успокоенным», сгәы сырҭынчып «я (обязательно) успокоюсь», сгәы сырҭынчышт «я успокоюсь».

Инфинитный глагол: сгәы анысырҭынчуа «когда я успокриваюсь», сгәы анысырҭынчуаз «когда я успокаивался», сгәы ансырҭынчыз «когда я успокоился», сгәы ансырҭынчра «когда я успокоюсь».

Ашәҟәы анаасырт, ашәҭ агәылан, аҧсы ахыҧхьан еилареы (Б. Шь.). «Когда я открыл книгу, внутри находился цветок, уже завял (дух с него вышел), сложенный». Узбалакгьы ибла хухуан, уи дшанхон, иҧсы изгомызт (Б. Шь.). «Кто тебя увидит, ты его слепил, он ошеломленный, задыхался». Алхәыз шиакәыз аҟыҧыҳәа лгәы азцеит (Нарҭ Сас-рыкәеи...). «Она сразу поняла, догадалась, сообразила, что это был Алхуз». Ауаҩы данызба, сгәы ааҟәандахан, снеихырхәаны саламк исҭеит (Б. Шь.). «Когда я увидел человека, я подобрел, (мое сердце стало теплым), я, наклонившись, поздоровался».

Аналитические глаголы в условном, повелительном, условно-целовом, желательном оформлении:

Иара Гәында ҧшза уажәы иаҳагьы дигәаҧхеит, дыҧсыдынха пҳәысс дигарц избеит (Нарҭ Сасрыҟәеи...). «Ему красавица Гунда еще более понравилась, во что бы то ни стало решил взять ее в жены». Сажәа агәра га, Заурҟан, лассы ара уҭыҵуеит (Б. Шь.). «Поверь моему слову, Зауркан, скоро ты отсюда выйдешь (из тюрьмы)». Иҟалап Ҭемыр сыгәра имгар? (И. П.). «Может Темыр мне не поверит?». Аус иуандаз, уаҳа исҭахыз. «Работал бы он, что бы *я* еще хотел».

Аналитические глаголы в вопросительном оформлении.

Уара урҭ урацлабырц угәы иҭоума? (Д. Гә.). «Ты думаешь с ними сравниться?». Аусурахь ацара угәы ианбаҭо? «Когда ты думаешь пойти на работу?». Угәы ишҧаанаго, уаха даару? «Как ты предполагаешь, сегодня вечером он придет?». Угәы зырҕәҕәада? «Кто тебя подбодрил?». Иҧсы маҷымхазеи? «Он не потерял сознание?»

Аналитические глаголы в причастном оформлении:

Алоу-иҧа Шьардын иаҟәикит игәы иҭаз анагзара (Б. Шь.). Сын Алоуа Шардын решил выполнить то, что задумал».

...аҧсҭҳәаҟәа инеилас-еиласуан, инеивыс-ааивысуан, аҕба дуҟәа реиҧш, уаҩ игәы иахәара еиҧш сахьаҟәак ҳзыҟаҵозар ҳәа ргәы иҭазшәа (Д. Гә.). «...подобно большим кораблям, облака проходили, якобы хотели понравиться человеку, выводили рисунки».

Аналитические глаголы в деепричастном оформлении:

Ахмаҭ уиаҟара даҿамҧакәа, иҿаанкыланы, илахь неиқәҵаны днатәеит (И. П.). «...Ахмат особо не придираясь, сдерживая себя, расстроенный сел». Алиас иҩныҟа иҿынеихеит, игәы дахаҧжәауа (Д. Гә.). «Аляс направился домой, сильно злясь».

Аналитические глаголы в обстоятельственной функций:

Анахь-арахь дшаҟь-шаҟьо аҧстәқәа дышрышьҭаз, игәы ишҭазамыз, Нарҭаа ахьынхоз рқыҭа дналанагалеит (Нарҭ Сасрыҟәеи). «Тут, там гоняясь за животными в ущельях, не желая, не думая, забрел в деревню, где жили Нарты».

Нарҭаа аиашьцәа рыҧсы шеиқәирхаз, рыҧсы шҿихыз арзара рҭахымызт (Нарҭ Сасрыҟәеи). «Братья Нарты не хотели оглашать, как он их спас, как сохранил им жизнь».

Аналитические образования различаются по переходности / непереходности (см. «Синтаксическая характеристика аналитических образований»).

СИНТАКСИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА АНАЛИТИЧЕСКИХ ОБРАЗОВАНИЙ

Подобно обычному глаголу аналитический глагол в предложении, а также в инфинитном обороте, является синтакической доминантой, конструирующим ядром. Он, как и обычный глагол, синтаксическими узами связан с ведущими предложения и инфинитного оборота. Но, помимо этой связи, внутри аналитического глагола, между его компонентами устанавливаются определенные синтаксические отношения. Характер и вид этих отношений зависят от валентности глагольного компонента, от его транзитивности и интранзитивности, от структуры основы глагола, от семантики компонентов, от принадлежности неглагольного компонента к той или иной части речи и от ее формы. Надо заметить, что эти отношения в основном определяют синтаксические позиции других членов предложения и конструкцию предложения.

Представляем анализ аналитических образований модели существительное + глагол. В них именной компонент обычно оформлен притяжательным формантом, демонстрирующим посессивную связь с определенным именем, которое часто опущено, но известно по притяжательному форманту, из содержания предыдущего предложения, контекста, речевой ситуации.

Именной компонент, сочетающийся с одноличным глаголом, по отношению к глагольному компоненту занимает позицию грамматического субъекта-подлежащего. В предля жении (или в инфинитном обороте), в котором аналитический глагол является конструктивным ядром, в роли подлежащего выступает тот член предложения, которому соответствует притяжательный формант в именном компоненте аналитического образования.

С одной стороны, часть аналитического образования, а именно именная, связана с другим именем посессивной связью, образуя атрибутивное сочетание, с другой стороны, связана с глаголом. Ввиду того, что именной компонент по отношению к глагольному компоненту является субъектом подлежащим, естественно, и связанное с этим именем другое имя становится подлежащим. В данном случае грамматический субъект-подлежащее совпадает с реальным субъектом-подлежащим, конструкция предложения прямая. Аналитический глагол выступает как непереходный одноличный.

Кадыр и-гәы (и)хьаҧссахьан, иҧа ииҳәаз дазыразхеит (И. П.). «Кадыр уже успокоился, он согласился со сказанным сыном». Игәы «его сердце» является субъектом-подлежащим по отношению к глаголу (и)хьаҧссахьан, показатель субъекта и опущен из-за непосредственной препозиции игәы. На уровне предложения подлежащим необходимо считать Кадыр. Дахьимышьҭуаз (Зина) лыҧсахы неилалт (И. П.). «Из-за того, что он ее не отпускал, (Зина) разозлилась, рассвирепе-м» ...(Ҭемыр) игәы ҭыҧсааит, ихыиҿы ианыубало (И. П.). (Темыр) замер, что было видно на

его лице». (Кадыр) иҧсахы еилалт, дҟааит (И. П.). «(Кадыр) разгневался, закричал». Азҭаб дшааѡналазҵәҟьа, лыҧсы маҷхеит. «Девочка, как только вошла в дом, потеряла сознание».

Однако, если в основе одноличного глагола представлен локальный преверб, реализующийся без показателя косимого объекта, то именной компонент чаще всего занимает позицию косвенного объекта. Именной компонент сигнализирует место действия, локальный преверб же конкретизмрует указанное место. Например, если таким местом является сердце, то преверб уточняет: поверх сердца, внутри сердца, возле сердца и т. д. В предложениях со сказуемым подобного образования грамматический субъект-подлежащее не соответствует реальному подлежащему. Налицо предложение с инверсивной конструкцией. Грамматическим субъектом-подлежащим является тот член предложения, которому в глаголе соответствует показатель субъекта. Реальным же подлежащим выступает член предложения, которому в именном компоненте соответствует притяжательный формант.

Одновалентный глагол в союзе с именным компонентом приобретает силу двухвалентного непереходного глагола.

Ҧҳәысыс Зина лгара бзанҵыкгьы игәы иҭамызт Мыкыҷ (И. П.) «Мыкыч никогда не думал Зину взять в жены, досл.: во внутрь сердца Мыкыча никогда не попадала (мысль) взять в жены». Грамматический субъект-подлежащее – мысль взять Зину в жены, реальный же субъект-подлежащее - Мыкыч.

(Мыкыҷ) игәы иҭыҵәом иҿҟәа, урҭ ахьицәыргаз даара ихьымзҭишьон (И. П.). «(Мыкыч) не может забыть своих лошадей, очень оскорбился тем, что их у него отобрали, досл.: изнутри его (Мыкыча) сердца не выходят лошади». Грамматический субъект-подлежащее – его лошади, реальный - Мыкыч. (Зина) лнапала иулҭарцы лгәы иҭоуп (И. П.). «(Зина) собственноручно желает тебе отдать то, досл.:

внутри сердца у нее лежит желание собственноручно отдать тебе то». Грамматическим подлежащим выступает сочетание лнапала иулҭарц «она собственноручно тебе то чтоб отдать», реальным – Зина. Еснагь игәы сҭоуп «всегда он думает обо мне, досл.: я всегда в его сердце нахожусь». Грамматический субъект-подлежащее сара, что указывает показатель с в сҭоуп, реальный – иара (ср. и-гәы «в его сердце»). Аҳмаҭ дхысны Мыта данишьуазтәи ашәақь абжьы игәы иныҟәҩызшәа ибеит уажәы (И. П.). «Сейчас ему, показалось, что ему послышался выстрел ружья, которым Ахмат убил Мыту, досл.: сейчас ему (Темыру) показалось, что поверх его сердца якобы разнесся звук выстрела ружья, которым Ахмат убил Мыту». Грамматическим подлежащими выступает абжьы «звук», а реальным он (Темыр).

...(Ҭемыр) азәы аҩны абарҭаҿы дгыланы дҕызы-ҕызуа дҭәыуашәа игәы иаақәҩит (И. П.). «...(Темыр) услышал: якобы кто-то жалко плачет, стоя на балконе дома, досл.: по поверху сердца Темыра прошелся, донесся якобы плачь кого-то, стоя на балконе». На уровне предложения грамматическим субъектом-подлежащим является плач, реальным – Темыр.

В полиперсональных глаголах именной компонент по отношению к глагольному компоненту может быть субъектом, объектом (как ближайшим, так и косвенным). Синтаксическая позиция именного компонента определяет структуру предложения.

В двуличных непереходных глаголах именной компонент может быть в позиции косвенного объекта и субъекта.

а) Структура предложения инверсивная в том случае, когда именной компонент занимает позицию косвенного объекта. В предложениях с такой структурой аналитического образования грамматическим субъектом-подлежащим является тот член предложения, которому в глаголе соответствует показатель субъекта, реальным же субъектом подлежащим - член предложения, которому соответствует притяжательный формант в именном компоненте.

Игәы иамыхәеит Ҭемыр, Мыкыҷ избахә ианиалҳәа (И. П.) Темыру не понравилось, когда она заговорила о Мыкче», досл.: сердце Темыра не понравилось то, что она сказала о Мыкыче». Грамматическим субъектом-подлежащим выступает Мыкыҷ избахә ианиалҳәа «когда она сказала о Мыкыче», реальным -Темыр.

Бгәы иацәымҕымзар, ҳнымҩахыҭцып (И. П.). «Если ты не против, свернем с дороги». Имя бгәы «твое сердце» соотносится с показателем косвенного объекта а в глаголе и-а-цәымҕымзар «то (в.) этому не приятно», ҳнымҩахыҭцып «сойдем с дороги» - с показателем субъекта и, притяжательный формант в имени б (бгәы) - с реальным подлежащим, который в предложении отсутствует.

Сгәы д-а-хәазеит Хоҷьан ду, Инхара, имазара, иҩын ду (Д. Гә). «Мне очень понравился Ходжан большой, его богатство, его большой дом». Грамматический субъект-подлежащее - Ходжан большой, реальный - сара «я», на который указывает формант притяжательности с в *сгәы* «мое сердце».

Алиас абҕьааҳәа идырит арҭ зааз, даарагьы игәы иаацәыҕхеит (Д. Гә.). «Аляс сразу понял из-за чего они приши, это ему очень не понравилось».

В глаголах с локальным превербом, сопровождаемым показателем косвенного объекта, синтаксическая взаимосвязь всех членов предложения ни чем не отличается от вышеописанных.

Сгәы далсит Хоҷьан ду, Гәымбыл ҷьбара, суаҩ ду (Д. Гә). «Мне очень жаль Ходжана большого, очень бессердечный мой большой человек». Грамматический субъект подлежащее – Ходжан большой, косвенный объект – сгәы «мое сердце», реальный субъект-подлежащее – сара «я». Грамматическое подлежащее Ходжан большой соответсвует реальному косвенному дополнению, грамматический косвенный объект сгәы «мое сердце», ассоциируемый с сара «я» – реальному подлежащему.

Абри ахаҭа акы игәы иалоуп узҳәарымызт (И. П.). «...ты не сможешь сказать, что этот мужчина чем-то недоволен»

Грамматический субъект-подлежащее акы «что-то», реальный ахатца «мужчина».

Зина лгәы иныҵаххит, данаҟәымҵ (И. П.). «Зина дошла до предела из-за того, что он не перестал (говорить)».

...аус ишашьҭоу ианааҧсалакь, ргәы анақәыҧҵәалакь, иаҟәыҵуазар акәхап (Д. Гә.). «...в ходьбе по делу они устанут, когда им надоест, наверное, перестанут (думать о деле)».

б) Структура предложения прямая в том случае, когда именной компонент по отношению к глагольному компоненту является субъектом. Расхождении между грамматическими членами предложения и реальными не наблюдаются.

Уаҳа лбара сҭахым, сгәы лыцәцеит. «Я больше не хочу ее видеть, я в ней разочарован, досл.: мое сердце от нее ушло».

Абри илҳәаз дааразa сгәы азцеит (Д. Гә.). «Я увлечен тем, что она сказала, досл.: мое сердце идет за тем, что она сказала».

Акыр ҵит дсымбацижьҭеи, даара сгәы лзыбылуеит «Много прошло времени с тех пор, как я ее не видел, я очень по ней тоскую, люблю».

Амаҭәа бзиа даара иҧсы азцоит. «Он очень желает иметь хорошие вещи».

Именной компонент, сочетающийся с двухличным переходным глаголом, по отношению к глагольному компоненту занимает позиции ближайшего объекта или субъекта – подлежащего.

а) При позиции ближайшего объекта-дополнения, соответствующий показатель представлен в глаголе в виде ближайшего объекта. При этом возможны два характера оформления членов аналитического образования.

Первое – притяжательный показатель при именном компоненте не совпадает с показателем субъекта в глаголе. В этих случаях ни валентность, ни транзитивность не перетерпевают изменений. На уровне предложения подлежащим является тот член предложения, которому в глаголе соответствует показатель субъекта, ближайшим дополнением – тот

член предложения, которому соответствует притяжательный формант в именном компоненте. Структура предложения прямая.

Хышә маатҭ аҧара аначалник исҭеит, цәгьа дҳацхраait, аха иҵагьы игәы (и)ҟаҳамҵар, иламысым (И. П.). «Триста рублей я отдал начальнику, он очень нам помогает, но если мы еще не задобрим, не хорошо». В условной части предложения иҵагьы игәы ҟаҳамҵар «если мы его еще не задобрим» нет ни подлежащего, ни ближайшего дополнения, но на них в аналитическом образовании указывают показатели субъекта в глаголе х (ҳара «мы»), ближайшего объекта и (аначальник «начальник») в именном компоненте.

Мыкыч игәы (и)дырҷыхарацы даарыҧхьеит ргәыла аурыс ҳәса ххыччәа (И. П.). «Чтоб развеселить Мыкыча, она позвала девушек, досл.: чтоб они разбудили сердце Мыкыча, она позвала соседских русских девушек»; Аҳматҭ игәы анхьаҧсса, акамбашьқәа рыҽхәаны даацәажәеит, иҭаацәа ргәы ирыҭәҭәарц (И. П.). «Когда Ахмат успокоился, заговорил, расхваливая буйволов, чтоб подбодрить семью»; ...Алхас иҟазшьақәа зынза игәы аапыржәеит (И. П.). «...его (Мырзакана) совсем разозлило поведение Алхаса, досл.: его сердце совсем разорвало поведение Алхаса»; ...сара убри ахьсаҳауа зынза слахаҵ аргьежьуеит (И. П.). «...когда я слышу то, появляется сильное головокружение, досл.: оно крутит мою голову». Подлежащее убри «то», ближайшее дополнение – сара «я»; О, сгәы бмырҩан, сныҳәа шара (Б.Шь). «О, не убивай меня, мой светлый праздник, досл.: ты не суши мое сердце». Ближайшее дополнение сара «я», подлежащее бара «ты (женщина)», которые в предложении отсутствуют, но их присутствие не обязятельно, т. к. на них указывают показатели с в сгәы «в моем сердце», б в бмырҩан «ты (ж.) не суши то»; Дақәгәыҕуан лара, аҳамҭа бзиа изаалгаз игәы хьанарҧссап (И. П.). «Она надеялась, что хороший подарок, который она ему принесла, его смягчит». Подлежащее аҳамҭа «подарок», ближайшее дополнение – он.

Второе - притяжательный формант при имени совпадает с показателем субъекта в глаголе. В этих случаях двухва-

лентное аналитическое образование становится одновалентным и интразитивным. Все образование приобретает значение возвратности. Ср.: агәырҧәҧәара: 1.игәы сырҧәҧәеит «я его подбодрил», 2. сгәы сырҧәҧәеит «я подбодрил себя». Структура предложения прямая.

Пахәалагьы дцәаҧәон, аки-сиҳәа арха ианыԥуаз ауԥьанч чԥьан быжьқәа дырзызырԥуа, игәы рхаҵаны (И. П.). «И Пахвала пахал, прислушиваясь к неприятным звукам, раздающимся в просторе, подбодряя себя; Азныказ ссиршәа ихы ибон (А. Г.) «В какое-то мгновение он себя почувствовал чудесно»; ...ҵәыуарала ргәы дырдеит уа (М. П.). «...плачем они успокоили себя там»; ...издыруада аҧшәма ҧҳәыс хәыҷык лгәы лхашҭыр, ааигәахәын Алиас (Д. Гә.). «...может быть хозяйка немного забудется, подумал Аляс»; ...мамзар баша сгәы сажьоу? (Б. Шь.). «...или просто обману; досл.: мое сердце меня обмануло»; Иахьа абарҧқәа ихы риҵеит, дықәиоуп абарҵаҽы, дхәыцуеит (Д. Гә.). «Сегодня он им отдался, лежит на балконе, думает»; ...имҧсзаз азәы иеиҧш ихы иҧхьазоит (Б. Шь.). «Он себя считал одним тех, кто не умер»; Шықәхалак иҧсы изеит. «Как бы то ни было он притаился, спрятался», иҧсы игеит «он спасся».

б) При изучении субъекта-подлежащего на уровне предложения подлежащим является тот член предложения, которому в именном компоненте соответствует притяжательный формант. Структура предложения прямая.

...(Мыкыҷ) знымзар зны (Зина) инапаҽы дааигарызшәа игәы иабон (И. П.). «Ему казалось, он думал, что когда-нибудь он (Мыкыч) ее (Зину) приберет к рукам»; (Зина) уи аԥкараҵәҟьа ихьааганы дашьҭоуп ҳәа лгәы ииаанагомызт ашьаура (И. П.). «Она (Зина) не предполагала, что он страстно желает смерти»; Сыҧсыргьы, гәыблыла суҵәыуап ҳәагьы сгәы ииаанагоит (И. П.). «И если я умру, то думаю, что ты искренне меня оплачешь».

Именной компонент, сочетающийся с трехличным транзитивным глаголом, по отношению к глагольному компоненту может занять все три позиции субъекта, ближайшего объекта, косвенного объекта. Примечательным является, то что

в них притяжательный формант в имени обычно совпадает или с показателем субъекта, или с показателем объекта. Это приводит к уменьшению валентности всего аналитического образования, придавая ей семантику возвратности.

Предложение с таким глаголом-сказуемым – прямой конструкции. На уровне предложения подлежащим выступает тот член предложения, которому в глагольном компоненте соответствует показатель субъекта.

а) Именной компонент в позиции ближайшего объекта:

Азҧаб лгәы (и)-л-хе-и-ршҭразы Алиас ажәабжьҳәара далагеит (Д. Гә.). «Аляс начал рассказывать, чтоб девочку заставить забыться, точнее забыть себя»; Урҭ рыгәқәа (и)рха-ды- ршҭырц ашәаҳәара иалагеит. «чтоб забыться они начали петь, досл.: чтоб они себя заставили о себе забыть. начали петь»; Чанҵа егьаҵьара дыԥказаргьы, ихы (и)лыққәиршәон (Б. Шь.). «Где бы ни был Чанта, он к ней обращался, досл.: он свою голову направлял (направлялся) к ней».

б) Именной компонент в позиции субъекта:

Амҭ рыхра мариоуп, аха уи ацкьыс еицәоу аус умоуп, иуздырам акәымзар ҳәа игәы ииааинаҵеит Мыкыч (И. П.). Колючки косить легко, но у тебя дела похуже этого, но пока не знает – подумал Мыкыч, досл.: его сердце дало ему то».

в) именной компонент в позиции косвенного объекта:

Сгәы иақәыскит сымҵәыуарц «я решил не плакать».

Урҭ нхацәа цқьан, агәнамга ахьҧарзуҳәо... – лҳәаан, лгәы иналлырсит (И. П.). «Они чисто крестьянского сословия, зачем ты говоришь про них незаслуженное - сказала она, расстроилась, досл.: заставила себя, т. е. свое сердце расстроиться из-за чего-то».

В предложениях со сказуемым модели имя в общей форме + глагол акра «держать» реальным подлежащим необходимо считать тот член предложения, которому в глаголе соответствует ближайший объект, грамматическим же подлежащим является именной компонент:

Иацижьҭеи крымф сыԥоуп, даара амла сакит. «Со вчерашнего дня я ничего не ел, я очень голоден, досл.: очень меня голод поймал, задержал».

Ахәыцы ахьҭа дакит. «Ребенок замерз, досл.: ребенка поймал, задержал холод».

Итак, совпадение грамматического субъекта подлежащего и реального субъекта-подлежащего (ГС=РС наблюдается в тех случаях:

1) когда именной компонент по отношению к глагольному компоненту находится в позиции субъекта-подлежащего. На уровне предложения подлежащим является тот член предложения, которому в именном компоненте соответствует притяжательный формант: именной компонент как бы приравнивается подлежащему. Глагольный компонент в этих случаях выражен:

а) одноличным глаголом с основой без локального преверба: слахаҵ гьажьуеит «у меня головокружение, досл.: моя голова кружится», сгәы ҧжәеит «я разозлился, досл.: мое сердце лопнуло», сгәы ԥцәеит «мне надоело, досл.: мое сердце сломалось».

б) двухличным непереходным глаголом: сгәы лыцәцеит «я в ней разочарован», сгәы азнеит «я дошел, додумал до чего-л.».

в) двухличный переходный глагол: игәы иабон «ему виделось, досл.: его сердце то видело»; игәы дажьон «он обманывался, досл.: его сердце его обмануло».

г) трехличным переходным глаголом: игәы иааинаҭеит «ему представилось, досл.: его сердце то ему дало».

2) Когда именной компонент находится в позиции блинишего объекта-дополнения по отношению к глагольному компоненту. На уровне предложения подлежащим является тот член предложения, которому в глаголе соответствует показатель субъекта. Именной компонент приравнивается дополнению. Глагольный компонент оформлен:

а) двухличным переходным глаголом: игәы сырԥәԥәеит ого подбодрил, досл.: его сердце я укрепил», игәы ԥысҵәеит «я ему надоел, досл.: его сердце я сломал», игәы ԥызжәеит «я его разозлил, досл.: его сердце я разорвал».

б) трехличным переходным глаголом: лгәы лхадыршҭит

«они заставили ее забыться», рыгәқәа рхадыршҭит «они заставили себя забыть».

При совпадении притяжательного форманта в имени с каким-либо показателем лица в глаголе аналитическое образование в целом в сравнение с глагольным компонентом выступает с пониженной валентностью: двухличный транзитивный глагол становится одноличным интранзитивным, трехличный глагол – двухличным.

Аналитическое образование преимущественно выступает с возвратной семантикой: игәы дажьон «он обманывался», сгәы сырԥәԥәеит «я подбодрился, я подбодрил себя», ргәы дырдеит «они успокоились, они успокоили себя», сгәы сфеит «я съел себя (переживаниями)», схы сфеит «я погубил себя (действием)», лгәы лхадыршҭит «они заставили ее забыться, позабыть себя».

2. Несовпадение грамматического субъекта-подлежащего и реального субъекта-подлежащего (ГС ≠ РС) происходит в тех случаях:

1) когда именной компонент по отношению к глагольному компоненту находится в позиции косвенного объекта-дополнения. На уровне предложения грамматическим подлежащим является тот член предложения, которому в глагольном компоненте соответствует показатель субъекта, а реальным же подлежащим – которому соответствует притяжательный формант в именном компоненте. Глагольный компонент выражен:

а) одноличным глаголом с локальным превербом, который обычно реализуется без показателя косвенного объек та: игәы сҧоуп «я нахожусь в его сердце», игәы иҧыҳоит «из его сердца раздалось что-то».

б) двухличным непереходным глаголом: игәы иалоуп «то ему не нравится, досл.: то в его сердце вонзилось, находится», игәы иамыхәеит «то ему не помогло, не понравилось», лгәы иацәымыҳхеит «то ей не понравилось».

Аналитические образования модели имя в форме общности + переходный глагол строят предложения:

а) прямой конструкции, когда между именем и глаголом существует объектное отношение: сара аус зуеит «я работаю», сара ашәа сҳәоит «я пою», сара аҕҳәыс даазгоит «я женюсь».

б) инверсивной конструкции, когда между именем и глаголом существует субъектное отношение: сара амла сакит «мне голодно, досл.: голод меня ловит», сара ахьҭа сакуеит «мне холодно», сара ашоура сакуеит «мне жарко», сара азба сакуеит «я хочу пить, меня жажда берет».

Подобно глаголу аналитические образования в финитном оформлении в предложении выступают в роли сказуемого, в инфинитном оформлении – в различных синтаксических позициях.

Сказуемое: Надиагьы уамашәа лгәы арԥшааит афильм ҷыц, лхы дазнархәыцит лаԥхьаҟазы (И. П.). «Новый фильм очень расстроил и Надю, он ее заставил призадуматься и о будущем». «Ҳара хаиҳабыра» ҳәа Сеидыҟ есҟьынгьы данцәажәоз иҷыԥакзан, дгызмалза, асовет мчы игәы азкыдушәа ала дирбон (С. Ҷ.). «Сеидык когда говорил, то вставлял слова «наши руководители», хитрый, тем сам хочет показать, что он якобы сторонник советской власти».

Подлежащее: Уи аены схьаақәа зегьы еизыкәкәаны иҟан, схы ахьызгара сымамкәа (И. П.). «В тот день все мои болячки обострились, я не знал, что делать с собой (куда себя забрать)». Аҳақьымцәа ухы дурбар бзиан. «Было бы хорошо, если бы ты показался врачам».

Личноотносительное ближайшее дополнение: Мыкыҷ, аказы суацәажәарц сҭахын, угәы ишаабара сыздыруам акәымзар (И. П.). «Мыкыч, я хотел с тобой о чем-то поговорить, только не знаю, как ты на это посмотришь». Игәы иаанагоз Надиа илцәымзакәа илеиҳәеит (И. П.). «О чем он думал, нескрывая рассказал Наде».

Личноотносительное косвенное дополнение: Зыгәра угоу уицныҟәала. «Ходи с тем, кому доверяешь». Ҳгәы ԥызжәалоз, ҳцәа ҳхызхуаз сидгылома! «Я разве встану рядом с тем, кто нас расстраивал, нас позорил!».

Дополнение: Ихы дамыхәо аҟнынза днаргеит. «Они довели до бессилия»; Лгәы иалымсырц азы иласымҳәеит. «Чтоб она не расстроилась, я ей не сказал»; Лгәы ҷыгьыр ҳәа сшәоит. «Я боюсь, что она заскучает».

Определение: Сатәнеи Гәашьа лыҷкәын игәы ҟазҵаша ажәақәагьы иалымҳәеит (Нарҭ Сасрыҟәеи...). «Сатаней Гуаща не сказала ему ни одного подбадривающего слова». Иҵахын иара иҩыза игәы злеиҟычша ажәа ҟәандақәа иеиҳәар (И. П.). «Он хотел сказать своему другу подбадривающие, теплые слова».

Обстоятельства, особенно обстоятельство образа действия, которое чаще всего выражено деепричастием: Мыкыҷ игәы рҧагьазаны даазан (И. П.). «Мыкыча воспитали слишком заносчивым». Ажәлар гәырґьоит, ашәа ргәаҳәо (Б. Шь). «Народ радуется, распевая». Камаҷыҷ хәыҷы дҵәыуеитдхьит, – баба дысзаажәг! – лҳәеит, аха уи шыҟамлоз аныдыр, лгәы каршәны, быргк леиԥш зегьы рҽы лан длыцхраауан (Д. Гә). «Маленькая Камачич плакала, переживала «приведите отца», но когда она поняла,что это не возможно, смирилась, она, подобно старушке, во всем помогала матери». Аҽы зардагь акра ахьыцәгьахаз, Мырзаҟан даара игәы ҟанаҵо дгылан (И. П.). «Из-за того, что поймать буланого коня стало трудно, Мырзакан стоял очень довольный».

Знаменательного компонента сложного сказуемого: Ҷыц алҧсаа дзауз иеиҧш, игәы измырҭынчуа, игәы ԥшаауа дҟалеит (И. П.). «Подобно тому, у кого недавно был покойник, он стал беспокойным, сердобольным»; ...ацәгьа игәы иҵазаргьы ҟалап...(И. П.). «...может быть он думает о плохом»; Сасрыҟәа знык иҧсы аниоугәышьа, иҽы дасын, ирыҷҭәаны ддәыкәлеит, аха уеизгьы уа ацәаҷәаѡ дишьҭаргьы, дышихьзо аҟара агәра ганы дыҟоуп (Н. Сасрыҟәеи...). «Как только Сасрыква пришел в себя, ударив коня, рванул, но если за ним погонится тот пахарь, то он верит, что он его нагонит»; Схы ныҟәызгартә сыҟоуп. «Я в состоянии себя содержать»; Сыҷкәын аҟәыҷахарагьы далагазаап ҳәа лгәы иаанаго далагеит (Нарҭ Сасрыҟәеи...) «Мой сын

и мудреть стал - начала думать она»; Даргьы сара сзы ргәы рҟычхьазар акәхарын (Б. Шь.) «Они уже, наверное, успокоились, смирились (за меня)»; Мырзаҟан дызҭахымызгьы иаалырҟьаны игәы инырхара рылшомызт (И. П.). « И те, которые не хотели Мырзакана, сразу, внезапно не могли его обидеть»; Ҷхыбжьон Сагьаса дааҽыхан, аха ихы агәра имго дыҟоуп (П. Ҷ.). «В полночь Сагяса проснулся, но он не верит в себя».

Конструирующий член инфинитных оборотов:

Сатаней Гәашьа лыҷкәын иҧсы анишьа, лсырҭа аалырхиан, асра далагеит (Нарҭ Сасрыҟәеи...). «Когда сын Сатанеи Гуащи отдохнул, она приготовила свою пряжу и начала прясть». Ҷьара мҩа хара дыҷәларц игәы ианҭеикуаз, аены шаанза дгылон (Н. Сасрыҟәеи...). «Когда он задумывал уехать в дальнюю дорогу, в тот день он вставал рано». Хара ҳаиҳабыра» ҳәа Сеидыҟ есҟьынгьы данцәажәоз иҿыцакын, дгызмалза, асовет мчы игәы азкыдушәа аладирбон (С. Ҷ). «Сеидык в разговоре всегда говорил «наше правительство», хитрый, тем самым показывал свое якобы хорощее отношение к советской власти». Ар ҟаҧшь ирзаҳҭиуеит, уи угәы иамыхәозар, иахьуҭаху уцаны уашшы (И. П.). «Мы (лошадей) посылаем в Красную армию, если это тебе не по душе, не нравится, иди куда хочешь, жалуйся».

СЕМАНТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА АНАЛИТИЧЕСКИХ ОБРАЗОВАНИЙ

Все аналитические образования обладают лексическим значением. Для них характерна семантическая целостность, что позволяет им функционировать в языке на правах отдельного слова. Подобно словам эти устойчивые, связанные словосочетания также обладают признаком воспроизводимости. В отличие от свободных словосочетаний, которые создаются в процессе речи по существующим правим лексической и синтаксической сочетаемости слов, данные сочетания используются в речи в готовом, связанном виде. Они являются воспроизведением уже существующих устойчивых сочетаний в языке.

Лексическое значение аналитических образований формируется лексическим значением компонентов, которые при этом перетерпевают переосмысление. Обладание целостным значением аналитические образования обязаны именно семантическим сдвигом значений компонентов[1]. Степень участия лексических значений компонентов в формировании целостного значения аналитического образования различная,.

В основной массе аналитических образований лексической доминантной является глагол. Это аргументируется наличием серии глаголов с общим именным компонентом, например, серии глаголов с компонентом агәы «сердце», аҧсы «дух», ахы «голова» и др. В них именные компоненты чаще выступают как детерминирующий элемент, объединяя серии инвариантным лексическим значением и в то же время дополняя и модифицируя основное значение глагола. В качестве же релевантного фактора выступает именно глагол. Количество образований, в которых семантическим лидером является именной компонент, весьма незначительное – азба

[1]Если значения компонентов не перетерпевают переосмысления, а выступает в своем прямом значении, то говорить об аналитическом образовании не приходится, т. к. каждая из них выступает как самостоятельная часть речи в свободном употреблении.

сакуеит «пить хочу», амла сакуеит «есть хочу», ахьҭа сакуеит «холодно (мне)» и др.

Из общего числа аналитических образований можно выделить такие, которые являются единственными выразителями определенных понятий. У многих из них нет синонимов из обычных слов. Эти образования в плане экспрессии чаще бывают нейтральными, например: агәҽыҕьра «скука* скучать (вообще)» – игәы ҽыҕьуеит «он скучает»; агәхьаагара «соскучиться о ком-чем-л.» – рыгәхьаа згеит «я о них соскучился»; абзиабара «любить» – бзиа дызбоит «его (ч.) я люблю»; аусура «работать» – аус зуеит «я работаю; ахақәҵара «жертвовать собой» – ихы ақәиҵеит «он пожертвовал собой»: ахҽыхра «оправдаться» – ихы ҽихит «он оправдался»; иԥсы ҭоуп «он жив»; игәы аздууп «он горд»; игәы бзиоуп «он здоров»; агәнырхара «обидеть» – игәы нирхеит «он его обидел» // игәы цәырҟьеит «они его обидели»; агәыхынҳәра «тошнота» - игәы хынҳәуеит «ему тошнит»; аҧсшьара «отдых, отдохнуть» – иԥсы ишьеит «он отдохнул»; аԥсыцәгьара «жадность» – иԥсы цәгьоуп «он жаден»; ахақәиҭра «свобода» – ихы дақәиҭуп «он свободен»[1].

Большая часть аналитических образований дает синонимические ряды. Члены ряда противостоят друг другу эмоциональным признакам, по характеру действия. Например: понятие «разочарование» передается словами сгәы ицәкаҳаит, сгәы ихшәеит, сгәы ԥсит, которые разнятся по степени экспрессии; злиться – игәы ԥжәеит, игәы ԥыжәжәеит, игәы шит, игәы еиҟәыччеит; понравиться – игәы дахәеит, дигәаԥхеит, сгәы дақәшәеит; обидеться - агәалсра, агәаара, ему не здоровится – игәы еиҟарам, игәы рахәым, игәы ҽеим, дычмазаѡуп; подбодрить – сгәы ирҕәҕәеит, сгәы ҟаиҵеит, сгәы ишьҭуам; надоедать – игәы ргеит, игәы кылырҵәеит, игәы ԥҵәеит, игәы ақәҽыҕьит, игәыкыдзааит; болеть – игәы бзиам, игәы рахәым, игәы хәашьуп[2].

[1]Фактический материал этот и ниже взят из работ В. А. Касландзия. «Абхазо-русский фразеологический словарь». «Фразеологический словарь абхазского языка».

[2]Какие семантические расхождения наблюдаются между членами

Многие из аналитических образований обладают полисемией, например:

агәмаҷхара – игәы маҷхеит 1. «он потерял сознание», 2. «он заболел».

абзиабара: 1.-любить: Бызбоит, бызбоит, Бзиа бызбоит, Аарцә бызбан, нырцә бызгоит (Д. Гә.). «Люблю, люблю, люблю тебя, Здесь тебя увидел, туда заберу»; 2. желать: Хьызла дымѡасырц Даара бзиа ибон (И. К.). «Он очень желал, чтоб его жизнь прошла в славе».

Ввиду того, что ряд именных компонентов образует серии аналитических глаголов с определенной семантикой, сочли целесообразным некоторые из них рассмотреть в отдельности[1].

Семантика образований с именным компонентом агәы **«сердце»**

Образования с именным компонентом агәы «сердце», независимо от того, являются ли они композитом или аналитической структурой, в основном передают понятия, выражающее процессы, характерные человеку.

Эти понятия отражают:

1) характер, суть той или иной личности: доброту, мягкосердечие, черствость, безволие, великодушие, беспомощность, смелость, дерзость:

игәы ҳалалуп, игәы разуп → агәыраз, агәыҳалал «добрый (о человеке)»; лгәы ԥшҟоуп «она мягкосердечна) беспомощная»; агәы имоуп «он (м.) храбрый, смелый»; игәы ҵаҕоуп «он нервный, чувствительной»; игәы ԥьбароуп «он жесток, черств»; Ҳаниф ԥшза, згәы еицамкуаз, Агәаҟра цәгьа данеит (И. К.). «Храбрую Ханиф – красавицу постигло большое горе»; Ишәахха арѡаш цоит еижәхысла, уа инхогьы ргәы

синонимического ряда вопрос особый и подлежит специальному анализу.

[1]Подробное и обстоятельное описание каждого из синонимов представлено в словарях В. А. Касландзия.

ҵаруп (Б. Шь.). «Поток, подобный пене, стремительно идет, и те, кто там проживает смелы, быстры».

2) разные эмоции: восторг, вдохновение, разочарованние гнев, ярость, презрение, отвращение, любовь, увлечение удовольствие, привязанность:

Ҳабахә ииҳәаз дук згәы иамыхәақәаз ҟалеит (Д. Гә). «Были и такие, кому не понравилось, что сказал Хабаху»; ...еиҳарак ахәаԥшшәоуп сгәы иахәа (Д. Гә.). «...мне больше нравится серый (о платье)»; Ааи, шәара рыцҳақәа, дааразa сгәы шәзыбылуеит (Д. Гә.). «Да, вы бедные, я очень вас люблю, за вас переживаю»; Арныҟәацоы игәы ԥыжәжәон (А. Г.). «Водитель злился, гневался»; ...уаха абра сдәылцаны санкабца, сгәы ԥжәаны сыԥсыр ҟалап (А. Г.). «...если сегодня ночью выгонишь меня, то я может умру от злости, разочарования»; Игәы азцошәа избар, дсыманы сцаны диасырцәажәап (Д. Гә.). «Если я увижу, что ему понравилось, согласен, возьму для переговоров»; Абри азлагара сгәы ԥнаҵәеит (Д. Гә.). «Эта мельница мне надоела»; Ҭемыр игәы аатҙызаait, Зина дырехәаны лызбахә абасҟак, Миха данналацәажәа (И. П.). «Темыру стало непосебе, когда Миха, так расхваливая, заговорил о Зине»; Аҭаца ԥшза, иԥҳәыс рыцҳа, Лхы-лгәы дагазеит (И. К.). «Невеста красивая, его бедная жена, в отчаянии»; Ихаҵа, ишәа ишԥазҟазоу, лакәҵас ирҳәоит ргәы ацнеиуа (Б. Шь.). Поверь, какие они мастера песни, поют подобно сказке, с удовольствием».

3) волеизъявление: обидеть кого-либо, обидеться; выявить усердие, заботу, успокоить, обнадежить кого-либо, напугать кого-либо:

..ас ҳарахә рыла гәылак игәы нирхагәышьомызт (Д. Гә.).

«...так из-за нашего скота он соседа не обижал, не унижал»; ...ларгьы игәы цәымҟьакәа, ирхаашәа днаиацәажәон (Б. Шь.). «...и она говорила с ним, ласково, не расстраивая, не нанося боль ему»; Даара игәы ақәыкны аус напы наиркуаны еиԥш аан, дааимҵԥаны араион ахь дыргеит (А. Г.) «Когда он с большим усердием взялся за работу, его перевели в район»; Уахи-ениқәа кыргьы цеит, Игәоарамкәа ргәы

дырҭынчит (И. К.). «Прошло много дней и ночей, они успокоились (заставили себя успокоиться)»; Угәы рҭынч, ухацкы сцеит (И. П.). «Успокой себя (успокойся) дорогой»; Гафур дыхәмаруа дцәажәон, Ҭемыр игәы ԥижәарцы (И. П.). Гафур шутя говорил, чтоб разозлить Темыра».

4) психологическое состояние человека: состояние страха, ужаса, безразличия, печали, спокойствия, тоски, скуки, пессимизма, замешательства, неведения, неожиданности, нервозности:

Зегьы ҳгәы цаны хаҟан, акаамеҭ ҟалоит анырҳәа (И. П.). Мы все пали духом, когда сказали, что настанет конец света, ужасное происшествие»; Абольшевикцәа рызбахә аниҳәалак, ҳгәы нҭыԥсаауан (И. П.). «Когда он говорил о большевиках, мы приходили в состояние страха»; ...аха уи иара игәы азырҭынчуамызт, иаҳагьы амца ицранаҵон (Б. Шь.). «...но это его не успокаивало, еще более заставляло переживать»; Игәы хьу-хьууа. инҭыԥсааua дышхәыцуаз, ацәа деиҭаҭанагалт (И. П.). «Находясь в состоянии тоски, переживаний, он, раздумывая, вновь заснул»; ...ахьышәҳәа иарҭа дныкәтәеит дцәырҳаны, игәы ҭзызааua (И. П.). «... проснувшись сразу сел на кровать в состоянии замешательства»: Ргәы ҏеанзамкәа еимҵәа иусҵап иахьа ҕала сызышьҭоу (И. К.). «Тех врагов, которых я преследую, неожиданно для них я, уничтожив, их отдам тебе»; Игәы даара иҵаҕоуп, «Он очень нервный».

5) процессы мышления: думать, додуматься, сообразить, предположить, размышлять, вспомнить, решить:

Унан, ԥьбеит, абри сҳәап ҳәа сгәы итеижьҭеи акраацуеит (Д. Гә.). «Ах, это сказать я думаю давно»; Ахәшә-мыхәшә зегьы рацкыс бара беигьымзи, аха схы зга сыздырам, амалахазгьы сгәахьы имаазеит (Д. Гә.). «Ведь ты лучше, чем какие-то лекарства, не знаю, что меня отвело от этой мысли), совсем не додумался»; Угәы иаанагаз даара иус бзиоуп (Д. Гә.). «То, что ты задумал, очень хорошее дело»; Аа-оеишьцәа еиҵагылт, Сатәарбарцы ргәы иԥнаҟом, са сзы ицәгьаҳәацоцәоуп (И. К.). «Восемь братьей встали вместе,

они не додумываются, меня уважать они злословят против меня»; Чмазарак сагап ҳәа иҭашәомызт игәы (И. К.). «Он не мог подумать (сообразить, додуматься), что какая-либо болезнь заберет меня»; Мзауҷ дгәырҕьо дцауан, Игәы иҭеикыз наигзарц (И. К.). «Мзауч с радостью шел выполнить задуманное».

6) физическое состояние человека: быть здоровым, больным, в состоянии отсутствия аппетита или появления аппетита, в состоянии тошноты, голода:

Сара сгәы бзиамшәа сыԥоуп, сызцом (Д. Гә.). «Я немного заболел, не могу пойти»; Игәы рахәым «он не совсем здоров»; Игәы хәашьуп «ему не в моготу»; Игәы еиԥарам «не здоров, чувствует слабость»; Игәы хынҳәуеит «ему тошнит»; Игәы бзиоуп «он здоров»; Игәы цәгьахеит «он заболел».

Семантический анализ исследуемых образований показал, что лексическое значение компонента агәы в них весьма абстрактное. Он в них утратил свое лексическое значение и как бы приобрел деривационную функцию, указывая на процессы, связанные с личностью, точнее с психикой, с его мышлением, с его сутью, с его эмоциям и волеизъявлением, с его физическим состоянием. В (а)гәы «сердце» персонифицировано. Сердце личности и сама личность отождествляются, что обусловило оформление имени притяжательным формантом.

афара «есть, кушать» → игәы ифеит «он извел себя переживаниями», ср.: ихы ифеит «он извел себя (необдумаными и т. п.) действиями», переживаниям противопоставляются действия и это достигается аппозицией агәы «сердце и ахы «голова». В данных образованиях (а)гәы и (а)хы выступают в функции деривантов и находятся в отношении производящей и производной, напр.:

аԥжәара «разорваться, разорвать» → игәы ԥжәеит «он разозлился, сильно рассердился», игәы ԥижәеит «он его разозлил».

аԥцәара «ломать что-то тонкое» → игәы ԥцәеит «ему надоело», игәы ԥысцәеит «я ему надоел».

аҟацара «делать» → игәы ҟасцеит «я его подбодрил, воодушевил, развеселил».

арҕәҕәара «усилить» → сгәы сырҕәҕәеит «я подбодрил себя, сделал себя уверенным», игәы сырҕәҕәеит «я подбодрил его».

акаҳара «падать» → игәы каҳаит «он пал духом, его охватило отчаяние, он в отчаянии».

абылра «гореть» → игәы былуеит «он охвачен страстью, любовью».

ашра «кипеть, накаляться» → игәы шит «он разозлен, дошел до ярости (не сразу, а постепенно)».

азцара «пойти к кому-чему-л., для кого-чего-н.» → игәы азцеит «он сообразил, предположил».

ақәыкра «прицелиться, направить что-л. на что-то, решть что-л.» → сгәы иақәыскит «я решил(ся). намерился».

акаршәра «бросать (что-то мелкое)» → агәкаршәра: игәы каршәны «спокойно, умиротворенно».

Анализируемый материал позволяет нам агәы квалифицировать как словообразовательный компонент. Посредствпом его в абхазском языке образованы много лексем с определенной семантикой. В этом плане его возможности не исчепраны. Примечательным является и то, что нередки существования синонимических рядов. Расхождения между членами ряда весьма незначительные, отражающие малейшие нюансы, которые порой одним словом трудно перевести на другой язык (материал взят с словарей В. Р. Касландзия):

дгәааит «он рассердился, разозлился», игәы ԥжәеит «сильно разозлился», игәы тҟәацит «он пришел в ярость», игәы шит «он дошел до ярости».

дшәеит «он испугался», игәы ҭҟьеит «испугался внезапно», игәы имнаҟьеит «сильно внезапно испугался», игәы еиҭаԥеит «сильно испугался».

бзиа дибоит «он его полюбил», игәы дазыбылуеит «он его любит, переживает за него», лгәы азцеит «он полюбил, увлекся».

илгәампҳеит «то ей не понравилось», лгәы намзеит «ей не понравилось, ей не по душе».

лгәы иаанагеит «она подумала, предположила», игәы азцеит «он подумал, сомкнул», сгәахы иааит «он додумался».

игәалашәеит «то он вспомнил», игәы иҧашәеит «то он быстро вспомнил».

игәы разуп, игәы ҳалалуп, игәы ҭбааup «он добрый».

дрыцҳасшьоит «я его жалею», сгәы далоуп «мне жаль», сгәы дрыцҳанашьоит «мне очень жаль его».

Наличие в абхазском языке обилия слов с указанной семантикой демонстрирует высокий духовный менталитет абхазского народа.

Семантика образований с именным компонентом ахы «голова»

Словосочетания с именным компонентом ахы «голова» неоднородны. Среди них немало сочетаний фразеологического уровня, например, ихы аҧырча ҭоуп «он глуп». Но есть и серии, которые по семантико-грамматическим признакам нельзя отнести к фразеологическим сочетаниям.

В наиболее популярной серии компонент ахы «голова» синкретичен: он сочетает в себе функции словообразования и формообразования. Имя ахы в основном сочетается с транзитивным двухвалентным глаголом, по отношению к которому занимает позицию ближайшего объекта. Показатель притяжательности при имени всегда совпадает с показателем субъекта в глаголе. На уровне синтаксиса подобная модель аналитического глагола выступает как одновалентный интразитив. Именной компонент ахы в данных образованиях как бы приобретает статус категориального форманта, выражающего реляцию действия на самого деятеля, обеспечивая аналитической основе грамматическое значение «возвратности»[1], например:

[1]Ломтатидзе К. В. Категория версии в абхазском глаголе. Труды ТГУ. Т. XXXI. 1947.

аазара «воспитывать»: дсаазеит «я его воспитал» → ахаазара «содержать, воспитывать себя»: ихы иаазеит содержал, воспитал».

ацәыргара «выставить, показать»: ицәырызгеит «я то , выставил» → ахцәыргара «показаться»: ихы цәыригеит «он показал себя, он выставился, обнаружил себя».

арҟьиара «оправдать кого-л.» дсырҟьиеит «я его оправдал» → ахырҟьиара «оправдаться»: ихы ирҟьиеит «он оправдался».

ахьчара «сторожить кого-л.»: исыхьчеит «я то сохранил, предостерег» → ахыхьчара «остерегаться, защититься»: ихы ихьчеит «он себя защитил, остерегся».

арҧьара «обвинить кого-л.»: дсырҧьеит «я его обвинил» → ахырҧьара «обвинить, хулить себя»: ихы ирҧьеит «он обвинил себя».

аныҡәгара «содержать кого-л.»: дныҡәызгоит «я его содержу» → ахныҡәгара «содержать себя»: схы ныҡәызгоит «я себя содержу».

аҧхьакра «прибрать, спрятать что-л.: иҧхьаикит «то-он прибрал, спрятал» → ахыҧхьакра «скрыться, спрятаться, воздержаться»: ихы ҧхьаикит «он спрятался, отстранился».

арехәара «хвалить кого-что-л.»: дирехәеит «он его похвалил» → ахырехәара «хвалиться»: ихы ирехәеит «он хвалится».

Зны-зынла ихы ишәиуан иара, дымхәыцзакәа аҧҳәызба асалам шәҡәы ахьылзимɷыз (И. П.). «Иногда он проклинал себя, что, не подумав, послал письмо девушке»; Иҡалап ухы злаурнаалаша усутәык узыҳаҧшааргьы (И. П.). «Может быть мы сможем тебе разыскать работу по твоему нраву» (досл.: к которой ты сможешь приспособиться); Инеицәажәан, ахәылпазы ианаауа, хышә-хышә (мааҭ) иреицамкәа иааргарацы рхы иадырцеит (И. П.). «Поговорив, они обязались вечером не менее чем по трехсот (рублей) принести»; Чанҭа егьаҷьара дыҡазаргьы, ихы лыкәиршәон (Б. Шь.).. «Где бы ни был Чанта, всегда возвращался к ней» (досл.: свою голову поверх нее стелил);

...ацарахьы ихы нкыдиҵеит (И. П.). «он направился выйти».

Сочетаясь с транзитивным трехвалентным глаголом, ахы также становится в позиции ближайшего объекта и также выражает действие, распространяющееся на субъекта, но уже с реляцией на косвенный объект. Аналитический глагол в целом на уровне предложения выступает как транзитивный двухвалентный глагол:

алагалара «внести, включить то во что-л.»: иалазгалеит «то я во что-то включил, внес» – ахалагалара «включиться, подключиться во что-л.»: ихы алеигалеит «он подключился во что-то» (досл.: «он себя включил во что-то») ақәҵара «положить на что-то плоское»: иақәысҵеит «то (в. я положил на что-то плоское» – ахақәҵара «пожертвоват собой»: ихы ақәиҵеит «он пожертвовал собой»; алгар «вывести из чего-то»: иалигеит «то он из чего-то вывел» ахалгара «вывести себя»: ихы алигалеит «он вывел себ из чего-то»; адцалара «заставить делать что-л.»: исыдицалеит «он меня заставил делать что-л.» – ахадцалара «упорно заставить что-л. делать»: ихы адицалеит «он заставил себя что-то делать»; Схы ансраалахьеит сара ауаҩызаҵәра (И. П.). «Я приспособился к одиночеству»; Уаҩы имбахуа ииааира бжьазма, ихы зқәиҵаз... (Б. Шь.). «Невиданная его победа, пропала из-за чего он сложил свою голову».

Имя ахы может сочетаться и с интранзитивными глаголами.

ахахәара: ихы дахәеит «он себе помог, он себя содержал».

ахеиҷаҳара: ихы деиҷаҳауеит «он бережно относится к себе».

Исшәоит, иззоит, схы сазҵаауеит, абас еиҕьхару еиҕьымру ҳәа (И. П.). «Мерю, перемериваю (в смысле думаю), спрашиваю себя, так лучше или хуже»: Ҭемыр ихы иамхацәгьаха, уажәы-уажәы дқәыҧсычҳауа дааҩналт (И. П.). Темыр недовольный собой, время от времени вздыхая, зашел (в дом)»; Ухы узацхраауам, узлазбо (М. Л.). «Как я вижу, ты не можешь помочь себе».

В том, что имя ахы «голова» в приведенных образованиях выполняет грамматическую функцию подтверждают возвратные формы глагола с формантом -е : их грамматические значения совершенно идентичны, ср.:

ихы алеигалеит = иеалеигалеит «он вмешался в какое-то дело»;

ихы ақәирзит = иеақәирзит «он пожертвовал собой»;

ихы риҭеит = иериҭеит «он им отдался»;

ихы ақәырҧс = иеақәырҧс «цепко, намертво, усердно»;

ихы иҵәахит = иеиҵәахит «он спрятался»;

ихы аҵаирхом = иеаҵаирхом «он не сдается».

Также нельзя считать фразеологической единицей сочетания, в которых ахы с притяжательным формантом занимает позицию подлежащего по отношению к глагольному компоненту, напр.:

ихы иҧнаҟеит «он понял»;

ихы азцеит (игәы азцеит) «он понял, предположил»;

ихы ҳалеиҵеит «он посоветовал нам», «помог советом нам».

В них ахы в семантическом плане близок именному компоненту агәы (ср.: игәы азцеит, игәы иҧнамҟеит), а в функциональном плане – деривационному форманту.

Семантика образований с именным компонентом аҧсы «дух, жизнь, дыхание»[1].

В отличие от компонентов агәы «сердце», ахы «голова», которые в аналитических образованиях чаще выступают с абстрактной семантикой, семантика компонент аҧсы «дух», жизнь» более конкретна: большинство образований с

[1]Лексический материал взят из работ В. А. Касландзия, Л. Х. Саманба. Русско-абхазский фразеологический словарь. Сухум, Касландзия В. А. Фразеологический словарь абхазского языка. Сухум, 1999.

аԥсы выражают процессы, связанные с жизнью, смертью, с физическим состоянием всего живого.

иԥсы иоуит «он спасся, остался в живых» (досл.: « получил свой дух, свою жизнь»).

иԥсы ҭалеит «он ожил» (досл.: «дух, жизнь в него вошла»).

иԥсы деиҭеит «он его убил» (досл.: «он отдал его своему духу»).

иԥсы ихыҵит «он скончался (досл.: «его дух, жизнь вышла из него»).

сыԥсы ҭихит «он меня замучил» (досл.: «мой дух, жизнь он вытащил»).

иԥсы илалеит «он ожил» (досл.: «его дух, жизнь вошел в него»).

иԥсы ҭоуп «он жив» (досл.: «его дух, жизнь в нем находится»).

сыԥсы кылахеит «я задохнулся (досл.: «мой дух застрял в чем-то узком»).

иԥсы еивигеит «он передохнул» (досл.: «свой дух, дыхание перенес»).

лыԥсы ааигеит «он ее оживил» (досл.: «ее дух, жизнь он принес»).

иԥсы игәаҕьит «он покончил с собой (досл.: «он решился на свою жизнь»).

Среди образований подобной модели есть такие, которые выражают состояние, характер, эмоции, но их значительно меньше:

иԥсы цәгьоуп «он жаден» (досл.: его дух плохой); иԥсы цқьоуп «он честен, чист» (досл.: его дух чистый); иԥсы ишьоит «он отдыхает»; иԥсы изоит «он притаился» (досл.: дух, дыхание он прячет).

Необходимо также отметить, что в абхазском языке немало фразеологизмов с компонентом аҧсы[1].

[1]Касландзия «Абхазско-русский фразеологический словарь», 1995., стр. 74 - 78; Его же. Аԥсуа бызшәа афразеологиатә жәар. Аҟәа. 1999, ад. 287 – 309.

иԥсы шҭоугьы рыздырам «он забыт всеми»; сыԥсы унапы иануп «я надеюсь на тебя»; иԥсы ахьҭаҵәахәу азәгьы издырам «он скрытен».

АНАЛИТИЧЕСКИЕ ОБРАЗОВАНИЯ В СОПОСТАВЛЕНИИ СО СВОБОДНЫМИ И ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИМИ СОЧЕТАНИЯМИ

Анализ аналитических образований позволяет результаты его сравнить и сопоставить с особенностями как свободных словосочетаний, так и фразеологических.

Аналитические образования являются субстанцией языка. Эта устойчивые словосочетания, обладающие признаком воспроизводимости. Свободные словосочетания – это субстанция речи: они образуются в процессе речевого акта с учетом лексической сочетаемости и по грамматическим правилам языка. Каждый компонент свободного словосочетания выступает в своем лексическом значении, соотносящемся с понятием. Лексические значения компонентов аналитических образований подвергаются переосмыслению. Они совместно формируют лексическое значение аналитического образования и выражают одно понятие.

Исходным для аналитических образований стали свободные словосочетания. Модели свободных словосочетаний легли в основу моделей аналитических образовании. Эти модели отражают такие синтаксические отношений между компонентами модели, которые возникают между субъектом-подлежащим и глаголом-сказуемым, между объектом-дополнением и глаголом-сказуемым, между обстоятельством и глаголом-сказуемым.

Компоненты и в свободных словосочетаниях, и в аналитических образованиях раздельнооформленны. Каждый компонент оформлен в соответствии с категориальным значением той части речи, к которой он относится. Однако в этом плане аналитические образования отличается от свободных словосочетаний. Как было сказано выше, имя в ана-

литических образованиях выступает в одном категориальном значении, в одной категориальной форме, тогда как имя в свободных словосочетаниях может выступить в разных словоформах, например: ахәыҷы дцеит «ребенок ушел», лхәыҷы дцеит «ее ребенок ушел», хәыҷык дцеит «какой-то ребенок ушел». В аналитических образованиях соответствующей модели имя может стоять лишь в посесивной форме, к которой может присоединиться показатель множественного числа (игәы цеит «он испугался», ргәы цеит // рыгәҟәа цеит «они испугались». Замена этой категориальной словоформы какой-либо другой приводит или к бессмыслице, или же к разрушению устойчивости, трансформируя его в свободное словосочетание. Например, в сочетаниях сгәы ирҕәҕәоит «он подбадривает меня», сыҧсы сшьоит «я отдыхаю», сгәы ҽыҕьуеит, «я скучаю», схы нықәызгоит «я содержу себя» и т. п. притяжательную форму имени заменить какой-либо другой невозможно. В аналитических образованиях типа ашәа сҳәоит «я пою», аус зуеит «я работаю» именной компонент оформлен показателем общности а. Стоит заменить даную словоформу какой-либо другой, как устойчивое словосочетание становится свободным, например: шәак сҳәоит «я пою // спою какую-то песню», ашәаҟәа рҳәеит «они спели песни», сашәа ҳәа «спой мою песню». В этих сочетаниях глагол аҳәара «говорить» выступает в значении «петь». Аҧҳәыс дааигеит «он женился» – устойчивое словосочетание, но ҧҳәыск дааигеит «он привел какую-то женщину», сыҧҳәыс дааг «приведи мою женщину // жену» – свободное словосочетание.

Позиции компонентов свободных словосочетаний не фиксированы, но они нормированы: подлежащее, дополнение, обстоятельство предшествует сказуемому: ахәыҷы дцоит «ребенок идет», ахәыҷы аҵыс ибоит «ребенок видит птичку», ахәыҷы ирласны дцоит «ребенок быстро идет». Инверсивное расположение компонентов словосочетания не является исключением: дцеит ахәыҷы, ахәыҷы ибеит аҵыс, ахәыҷы дцеит ирласны. Позиции компонентов аналитических образований фиксированы, инверсия возможна лишь в виде исключения и она обусловлена эмфазисом.

В свободных словосочетаниях каждый компонент может сопровожден детерминирующим словом: арҧыс дкәашеит «юноша станцевал» – арҧыс ҧшъа даара ибзиазаны дкәашеит «красивый юноша очень хорошо станцевал». В аналитических образованиях детерминирующее слово относится ко всему словосочетанию и ввиду того, что все сочетание несет процессуальную семантику, это слово выступает в функции обстоятельства: иаразнак лыҧсы маҷхеит «она сразу потеряла сознание», еиха игәы ҭынчхеит «он более успокоился», даара игәы иалсит «он очень расстроился».

Именной компонент словосочетания не может иметь детермината-определения. Если при имени стоит определение, то это сочетание свободное, в котором имя выступае в своем лексическом значении.

Ср.: ибзианы ашәа рҳәоит «они хорошо поют» – устойчивое словосочетание и ашәа бзиа рҳәоит «они поют хорошую песню» – свободное словосочетание, также ашәа ҽыц рҳәоит «поют новую песню», ажәытә ашәа рҳәоит «поют старинную песню», глагол аҳәара «в этих сочетаниях выступает в значении «петь».

Как было сказано выше, в аналитических образованиях слово, выступающее в функции обстоятельства, как правило, становится перед аналитическим образованием: Мыкыҷ акыр игәы ҽыҕьит, дтәаны дахьрыхәаҧшуаз (И. П.) «Мыкычу стало очень скучно, пока, сидя, он смотрел на них». Аха Мыкыҷ даара игәы иахәон ашәа зҳәоз ауаа (И. П.). «Но Мыкычу очень нравились поющие люди». Аҷкәын даара бзиа ибон ашәҟәы аҧхьара. «Мальчик очень любил читать книги». Ахәыҷҟәа ибзиазаны ашәа рҳәеит. «Дети очень хорошо спели». Иаразнак игъсы маҷхеит. «Он сразу потерял сознание».

И в то же время необходимо отметить, что в некоторых аналитических образованиях, особенно с именным компонентом гәы «сердце», агәра «доверие» обстоятельственный детерминант может встать внутрь сочетания:

...игәы зынза еималеит (И. П.). «...он совсем потерял аппетит»; Мыкыҷ иеиҳәаз агәра цқьа изгомызт (И. П.). «Он доконца не мог поверить тому, что сказал Мыкыч»; Зина уаҳа дышдәылымҵуа агәра цқьа ианига (ср.: цкьа агәра анига) ацарахьы ихы икыдиҵеит (И. П.). «Когда он совершен убедился, что Зина больше не выйдет, он направился уйти».

В свободных словосочетаниях каждый компонент на уровне предложения является самостоятельным его членом, исследуемые же словосочетания на уровне предложения выступают как единое целое, с единой синтаксической функцией. Сочетания с одной и той же моделью и с тем же лексическим составом могут быть как свободными, так и устойчивыми. Характер сочетания определяет контекст предложения, языковая ситуация. Ср.: Иҟалаз ансаҳа, даара сгәы сыхьит. «Когда я услышал о случившемся, я очень огорчился»; сгәы сыхьит аналитическое образование; переосмысленное лексическое значение каждого компонента словосочетания совместно выражают «расстройство, переживание». Сееим, даара сгәы сыхьуеит. «Мне плохо, очень сердце болит», сгәы сыхьуеит свободное сочетание, в котором каждый компонент выступает в своем лексическом значении.

Встречаются предложения, в которых семантика именного компонента изменена, но само словосочетание не имеет устойчивого характера: компоненты словосочетания могут быть разобщены словом или словами: Иажәа агәра Мыкыҷ (ср.: Иажәа Мыкыҷ агәра ирго (ср.: даацәажәеит Мырзаҟан (И. П.). «Заговорил Мырзакан, убеждая словом Мыкыча». Аха Ҭемыр иара убри аминуҭ азы игәы иаразнак даҽакала иааҳәызшәа ибеит (И. П.). «Но Темыру показалось, что его в одно мгновение (за минуту) изменилось (подругому) повернулось)»; .. игәы неидҟьышәла ицазшәа ибеит (И. П.). «... ему показалось, что его сердце лопнуло».

Среди аналитических образований можно выделить и словосочетания, которые не имеют исходных свободных коррелятов. Они являются порождением наиболее продуктивной модели. Особенно много аналитических образований дала модель имя в посессивной форме + глагол. К подобным словосочетаниям относятся: сгәы ԥцәеит «мне надоело, досл.: мое сердце сломалось, переломилось», сгәы хынҳәуеит «мне тошнит», досл.: мое сердце вернулось», сыԥсы (// сгәы) кыдгылеит «я возмутился, досл.: мой дух (// мое сердце) подошел к какому-то пределу», сгәы шьҭыҵит «я воспрял, досл.: мое сердце поднялось». Эти и им подобные словосочетания не могут восходить к свободным словосочетаниям из-за их лексической несочетаемости, обусловленной действительностью: сердце не может переломиться, возвратиться, подняться, подойти к какому-то пределу.

Как было сказано выше, лексем, образованных подобной моделью, много, особенно с компонентом гәы. Однако, этого сказать нельзя относительно образований моделей имя в обобщенной форме + глагол, существительное в неопределенной форме + глагол и о других моделей.

Данная модель и сегодня создает новые образования. Говорящий в процессе речи создает словосочетания по аналогии уже существующих словосочетаний, подбирая компоненты словосочетаний, особенно глагольный, по своему усмотрению, многие из них это потенциальные образования, которые не являются воспроизведением уже существующих в языке готовых словосочетаний. Эта особенность сближает их с свободными словосочетаниями.

Лгәы цхлымуа, ажәа лыламзго, лыԥштәы аалыԥсахит (И. П.). «С дрожью в сердце // дрожа (перевод приблизительный), не в состоянии произнести слово, она побледнела»; Игәи-игәи еилаԥшуа далагон (И. П.). «Стал сомневаться»; ...афырҳәа игәы назыҳаҵхаҵит (И. П.). «...сразу воспрял (из словаря В. Л. Касландзия: игәы ааилаххы-ааилаххит «оп подумал»; игәы иаацаххы-аацаххит «ему не понравилось», игәы еилахынҳәуеит // еилазыѡ-зыѡуеит, синонимы к игәы хынҳәуеит «ему тошнит») и многие другие.

И в то же время они не свободные словосочетания. Их также нельзя отнести к свободным словосочетаниям, компоненты которых лексически друг с другом связаны, типа при-

ступил к работе, приступил писать (но не приступил к окну), выражает значение (но не изображает значение), и которые не перетерпели лексических сдвигов. В аналитических образованиях семантика компонентов, особенно именного, сдвинута, но почти свободная заменяемость глагольного компонента сближает их со свободными словосочетаниями. Существование данных образований не может стать одним из аргументов для квалификации всех образований подобной модели свободными словосочетаниями.

Аналитические образования в спрягаемой реализации обладают рядом кардинальных черт, характерных фразеологическим словосочетаниям.

Основная масса аналитических образований обладает признаком воспроизводимости и является единицей языка, исключая потенциальные сочетания, которые создаются в процессе речевого акта и являются индивидуальными образованиями. Всем словам и фразеологическим словосочетаниями без исключения характерен признак воспроизводимости.

Аналитические образования представляют собой бинарную структуру. Лишь в некоторые словосочетания может включиться обстоятельственный детерминант. Фразеологизмы состоят из двух и более компонентов. Введение нового компонента или выведение одного из них не характерно для фразеологических словосочетаний.

Аналитические образования эквиваленты слову, фразеологизмы соотносятся со словом, словосочетанием и предложением.

Последовательность расположения компонентов и в аналитических образованиях, и в фразеологических словосочетаниях фиксирована. Случаи перестановки компонентов в аналитических образованиях очень редки и они обусловлены эмфазисом.

И для фразеологических словосочетаний, и для аналитических образований характерным является переосмысление значений компонентов словосочетаний. В лексической семантике этих словосочетаний происходит сдвиг. Это тот

основной категориальный признак, который свободное словосочетание переводит в устойчивое, лексическое значение компонентов, пройдя этап семантического преобразования, совместно образуют новую номинативную единицу. В аналитических образованиях в формировании нового лексического значения лидирующим компонентом стал глагольный, значительно реже – именной, придав всему словосочетанию значение процессуальности. Для аналитических образовании адыгейского языка признак процессуальности является основным, что позволил Н.Т. Гишеву квалифицировать их как аналитические глаголы.

Он также является основным выразителем грамматических значений всего словосочетания в целом. Однако функция именного компонента в аналитических образова ниях модели имя в посессивной форме + глагол (особенно с именами (а)гәы, (а)ӆс, (а)хы) в формировании лексического значения всего словосочетания отличается от функции именных компонентов фразеологических словосочетаний. К примеру гәы, с одной стороны, выступает как деривационный формант с абстрактной семантикой персонификации деятеля или объекта действия. В этой фукнции гәы оказался очень продуктивным, о чем свидетельствуй большая серия аналитических образований с данным именем; иӆцәеит «то (в.) сломалось» → лгәы ӆцәеит «ей надоело»; иҟаиҵеит «то (в.) он сделал» → лгәы ҟаиҵеит «он ее подбодрил»; дирҽыхеит «он его разбудил» → сгәы ирҽыхеит «он меня развеселил» (см.: «Семантическая характеристика аналитических образований»). С другой стороны, гәы с притяжательным показателем выступает как морфологический формант. Слияние значений компоненте в одно целостное значение содействовало их грамматическому объединению. Так, показатель притяжательности в них выступает не как показатель притяжательности при имени, а как морфологический формант всего словосочевания в целом. Показатель посессивности и гә(ы) совместно выполняют функцию личного показателя, указывая на число, класс субъекта действия или объект действия,

например: сгәы ҽыҕуеит означает «я скучаю», а не «мое сердце скучает», сгәы выступает в функции личного показателя субъекта, сгәы иалсит означает «то меня расстроило, а не через мое сердце то прошло», сгәы выполняет функцию ближайшего объекта. Имя (а)хы часто выступает в функции выражения возвратности: ихы ҽихит «он оправдал себя, он оправдался» (→ иҽихит «то (в.) он сорвал (ихы ақәиҵеит «он пожертвовал собой» (→ иақәиҵеит (в.) он что-то положил»), ихы иавибеит «он обвинил себя (→ иавибеит «то он сбоку чего-то увидел», сгәы сажьеит обманулся» (→ дысжьеит «его (ч.) я обманул»), (→ лгәы лырҭынчит «она успокоила себя».

В исследуемых образованиях морфемы гәы, ԥсы, хы утратили свою основную функцию – функцию номинации и свое лексическое значение. В данных словосочетаниях они выступают не как корневые морфемы самостоятельных слов, а как деривационно-реляционные форманты глагольного компонента. Выступление гәы, ԥс(ы), х(ы) в словообразовательной и формообразовательной функциях является одним из существенных признаков, позволяющий внутри устойчивых словосочетаний выделить исследуемые образования в особую группу.

В фразеологических словосочетаниях игәы ашьа ҭыкәкәуеит «он сильно страдает, он убит горем, досл.: из сердца вытекает кровь»; игәы ашша кыдуп «он здоров, удачлив, досл.: на его сердце находится жир»; игәы ахаҳә ҭажьуп «он очень переживает, досл.: в его сердце камень брошен»; ихы ахәа ҭоуп «он чудит, с блажью в голове, досл.: его голове находятся черви»; иԥсы даҵаҵаны димоуп «его он очень любит, досл.: под его дыханием, жизнью он его имеет». Во всех этих словосочетаниях (а)гәы, (а)хы, (а)ԥсы, хотя и переосмыслены, функцию номинации, они не утратили. Иная ситуация в словосочетаниях иԥсы ишьеит «он отдохнул», иԥсы цәгьоуп «жадный», ихы дақәиҭуп «он свободен», ихы азцеит «он подумал, догадался, предположил», игәы дажьеит «он обманулся». В них гә(ы), ԥс(ы), хы не вычленяются, не осмысляются как именная единица[1]

[1]Фактический материал взят из словаря В. А. Касландзия.

Семантико-грамматическая связь компонентов данных словосочетаний близка к композитным и, надо полагать, поэтому большая часть дала композитный вариант, реализуясь в виде масдара и имени. Процессуальная семантика аналитических образований также содействовала появлению композитов: подобно обычным глаголам признак процессуальности стал одной из причин появления масдарных образований.

А между тем в языке наблюдаются процессы, которые направлены на снятие противопоставления между содержанием – семантической целостностью и выражением – раздельнооформленностью.

Этот процесс быстрее проходит в образованиях, в которых именной компонент по отношению к глагольному компоненту находится в позиции субъекта-подлежащего или прямого (ближайшего) объекта-дополнения класса вещей, т. к. их не разделяет личный формант. Как известно, в непосредственной препозиции субъекта или ближайшего объекта, представленного в глаголе показателем 3 лица единственного числа класса вещей или показателем множественного числа и, по отношению к глаголу показатель **и** в глаголе опускается, что содействует их слиянию. На уровне устной речи – это композит, что же касается их письменного оформления, то это вопрос орфографии[1].

Игәы хынҳәуеит (и)//*(игәхынҳәуеит) («ему тошнит») → агәыхынҳәра «тошнота», игәы (и)азцеит (//*игәазцеит) он предположил» → агәазцара «предположение».

Ачаирҭаҷы зегьы ажәжәаҳәа рхақәырԥсны (//рхы ақәырԥсны) аусура иаҧын (А. Г.). «На чайной плантации все с

[1]Количество представленных в «Абхазско-русском словаре» А. Генко слов модели агәы + глагол и их орфографическое оформление позволяют предположить, что А. Н. Генко не относил их к фразеологическим единицам. Это предположение основано на том, что в словаре слов подобной модели много и они не сопровождени каким-либо дополнительным знаком, указывающим на их особенность, кроме того, многие из них слитно написаны, особенно в повелительной форме: сгәахшәеит «мне опротивило» (ср.: сгәы ахшәеит), угәуеаныз «будь осторожным».

усердием работали»; Аԥсынтәыла ҭынха дрымам, шьҭа агә-разгартә (// агәра згартә) избауеит (И. К.). «В Абхазии у них нет родственников, уже я верю»; Аҵыхәтәантәиқәа аминуҭ азы инапырҟьеит, ала мҧыҕзеит, аха убри еиԥш блақәак ҳәа днарбеит, урҭ аԥырымҵыр ԥсыхәас ирымаз! (Шь. Ҭә.). «Последние (стоящие в очереди) в течение минуты зааплодировали, собака не зарычала, но им показала такие глаза, что они не могли не отступиться».

Наличие двух ударений, из которых сильное ударение объединяет в одну акцентную кривую компоненты словосочетаний, также содействуют образованию композита.

В языке встречаются и такие образования, которые в спрягаемой форманте встречаются то как композиты, то как словосочетания (В. Х. Конджария): ахаҵацара «замужество, выходить замуж» – хаҵа дцеит // дхаҵацеит «она вышла замуж»; ашәаҳәара «петь, пение» – ашәа лҳәоит // дшәаҳәоит «она поет».

В языке не мало слов, в которых именной компонент (агәы, ахы, аԥсы...) выступает в роли компонента композита как в масдарной реализиции, так и в спрягаемой. Нам представляется, что эти лексемы некогда прошли этап раздельного оформления. Это предположение может быть аргументировано их семантикой, инвариантное значение которых (см. раздел «Семантическая характеристика аналитических образований») совпадает со значением аналитических образований соответствующей модели:

агәаҧхара «желание, стремление» – дысгәаҧхоит «я его желаю, мне он нравится»;

агәалашәара «воспоминания, вспоминать» – дигәалашәоит «он его вспоминает, помнит» ср. сгәы иалашәеит;

агәаара «обида, обижаться» – дгәааит «он обиделся»;

агәамҵра «нервничать» – дгәамҵуеит «он нервничает»;

агәақәҽыҕьра «наскучить» – игәақәҽыҕьит «то ему наскучило» (ср. сгәы ҽыҕьит «я соскучился») и др.;

агәыдкылара «целовать, обнимать» – дгәыдыскы-лоит «я его целую».

Межкомпонентные синтаксические взаимоотношения в фразеологизме носят автономный характер: он не выходит за пределы фразеологической единицы. В связь с другими членами предложения, в котором он реализован, выступает как цельная единица. Иная ситуация в предложениях с аналитическими образованиями, с одной стороны, словосочетание в целом входит в синтаксические отношения, выступая в позиции определения, дополнения, подлежащего, обстоятельства, с другими членами предложения, с другой стороны, межкомпонентные отношения, подобно глаголу, определяют позиции субъекта-подлежащего и объекта-дополнения, а также структуру предложения (прямую и инверсивную) (см. раздел «Синтаксические функции»).

Аналитические образования и фразеологические словосочетания расходятся и по функциональному назначению.

Подобно лексическим единицам, аналитические образования предназначены для номинации определенных понятий, точнее – для номинации процесса. Об этом свидетельствуют аналитические образования, которые являются единственными выразителями определенных понятий. И в лексической системе отсутствуют их семантические корреляты, например: сгәы ҽыҕьуеит «мне скучно», сгәы хынхәуеит «мне тошно», сыԥсы сшьоит «я отдыхаю», схы сыхьчоит «я остерегаюсь», схы ҽысхуеит «я оправдываюсь, отстаиваю себя», ахьҭа сакуеит «мне холодно», сгәы ицәцеит «я в нем разочаровался», игәы ԥшааит «он расчувствовасля» и многие другие.

Необходимо отметить, что они составляют основную массу в аналитических образованиях и появление их обусловлено отсутствием слов на эти понятия. Количество образований, имеющих в качестве синонима обычные слова, значительно меньше, зато внутри аналитических образований синонимические ряды встречаются часто (В. А. Касландзия).

Фразеологическим словосочетаниям также характерна номинация, но номинация на понятие, которое уже выражено словом. Фразеологизм всегда находится в синонимическом

отношении со словом. Он синоним, но в отличие от синонимического коррелята несет ярко выраженную экспрессию. Языку понадобился новый вариант передачи определенного понятия, вариант более яркий, эмоциональный, красочный. Фразеологические единицы – это украшение языка, в которых очень образно отражен менталитет говорящих на данном языке народов. Неспроста хороший оратор щеголяет набором фразеологизмов, а писатель широко использует их богатые выразительные возможности в своих художественных произведениях.

Назначение фразеологизмов – образно-экспрессивно выразить понятие, мысль.

С точки зрения экспрессии аналитические образования, подобно словам, делятся на образования с нейтральной семантикой и экспрессивной семантикой.

В аналитических образованиях с нейтральной семантикой не отражено отношение говорящего к обозначаемым ими предметам и явлениям: сгәы азцеит «я что-то заподозрил», сгәы иаанагоит «я предполагаю», игәы иҭан «он хотел, намеревался», хаҵа дцеит «она вышла замуж», ахьҭа сакит «мне холодно», иԥсы ҭалеит «он ожил». Сюда же относятся аналитические образования, которые сами по себе нейтральны в образно-экспрессивном плане, но их лексическое значение указывает на различные эмоции, настроения. Это непосредственные выразители различных чувств, например: бзиа дызбоит «я люблю», сгәы каҳаит «я упал, сгәы сырҕәҕәоит «я подбадриваю себя», сгәы ԥҵәеит мне надоело».

В аналитических образованиях с образно-экспрессивной семантикой в лексическом значении присутсивует семантика, отражающая отношение говорящего к предмету, например: игәы ԥжәеит, игәы ҭҟәацит «он разозлился» – с образно-интенсивной семантикой ср.: дгәааит «обиделся, разолился с нейтральной семантикой.

Содержательная сторона фразеологических сочетаний значительно шире: в ней помимо номинации понятия существует и момент коннатации. Решающую роль в возникновении фразеологизма играет именно образно-экспрессивный

фактор. Многие фразеологи считают, что коннотация является неотъемлемым атрибутом фразеологизмов. Фразеологизм может утратить экспрессивную семантику, а следовательно исчезнуть из системы фразеологизмов.

Анализ композитов, устойчивых словосочетаний, свободных словосочетаний, состоящих из одних и тех же лексем, позволяет наметить последовательность их образования. Не вызывает сомнения то, что исходными для аналитических образовании стали свободные словосочетания, для композитных образований – аналитические образования. Модели устойчивых словосочетаний, в свою очередь, послужили основой для образования по аналогии многих аналитических единиц. Появление этого процесса вызвано необходимостью, с одной стороны, выразить понятие, причем часто отражая мельчайшие нюансы, с другой стороны, выразить образно определенное понятие.

Процесс этот живой и сегодня он несет весьма активный характер. В нем нельзя выделить этапы образования свободных словосочетаний с лексически связанными компонентами, устойчивых словосочетаний в виде аналитических глаголов и фразеологических единиц, и этап образования композитов. Анализ материала показал, что в современном абхазском языке представлены единицы, отражающие разные этапы этого общего процесса. Одни тяготеют к свободным словосочетаниям с лексически связанными компонентами, другие представляют устойчивые сочетания, третьи – композитов. В связи с этим оказалось сложным выработать универсальный критерий, который бы позволил определить место этих образований в системе языка. Нелегко среди них выделить единицы, относящиеся к фразеологическим словосочетаниям, к аналитическим глагольным образованиям, и, наконец, к свободным словосочетаниям, отсюда и разные точки зрения относительно их квалификации, существующие в специальной литературе.

Встает вопрос, какие же принципы являются характерными только лишь для аналитических образований?

Прежде чем выделить эти признаки, коротко перечислим все те, которые выявлены анализом фактического материала.

I. Аналитические образования – это бинарные единицы, стоящие из имени и глагола и обладающие признаком воспроизводимости.

2. Назначение их – номинация процесса, которая достигнута переосмыслением значений его компонентов. Многие из них являются единственными выразителями определенных понятий.

3. Большинство аналитических образований реализуются в номинативной и коммуникативной функциях.

4. В номинативной функции они композиты, обладающие всеми грамматическими категориями масдара и существительного. Основа их может стать производящей для существительных и наречий.

5. В коммуникативной реализации они устойчивые словосочетания, компоненты которых раздельнооформленны. Именной компонент реализуется лишь в одной грамматической категории, глагольный компонент – во всех грамматических категориях глагола.

7. Аналитическим словосочетаниям характерны непроницаемость и фиксированная позиция компонентов. Случаи разобщения компонентов и инверсивное расположение компонентов очень редки.

8. Изменение грамматической формы имени, или разобщение компонентов детерминантами разрушает устойчивость словосочетания, превращающая ее в свободное сложение, или приводит к бессмыслице (исключения встречаются).

9. В аналитических образованиях с именным компонентом в посессивной форме имя десемантизировано. В сочетании с глаголом имя выступает как деривационно-реляционный формант: с одной стороны, именной компонент модифицирует лексичекое значение глагола, с другой стороны, посессивный формант и имя выполняют функцию личного показателя, они указывают на лицо, число, класс субъекта или объекта действия (или состояния), образуя с глаголом одну словоформу. Грамматическое значение словоформы определяет глагол. Подобно деривационному форманту, именной компонент образует серии аналитических образований.

10. Аналитические образования в финитном оформлении выступают в позиции сказуемого, в инфинитном оформлении – во всех синтаксических позициях.

11. Межкомпонентные синтаксические отношения, переходность / непереходность глагола, структура основы глагола аналитического образования определяют позиции субъекта и объекта (ближайшего косвенного) в предложении, а также структуру предложения (прямая, инверсивная).

12. Ввиду того, что все словосочетание в целом выступает с процессуальной семантикой, детерминирующим ее словом может быть лишь обстоятельство, которое, следуя нормам языка, в основном становится перед словосочетанием. Имя не может быть сопровождено детерминантом – определением.

13. Семантика аналитических образований с точки зрения коннотации может быть нейтральной, а также образно-экспрессивной.

Из перечисленных признаков можно выделить два, которые характерны лишь аналитическим образованиям:

1) реализация значительной части аналитических образований в спрягаемой форме в виде устойчивых словосочетаний, в масдарной форме в виде композитов;

2) утрата функции номинации и выступления в деривационно-реляционной функции именного компонента в аналитических образованиях самой популярной модели – имя в посессивной форме + глагол. Но эти признаки не охватывают все аналитические образования. Однако, несмотря на это, на них можно опереться, чтобы данные единицы отделить от свободных словосочетаний. Вопрос о принадлежности их к фразеологическим словосочетаниям решается в соответствии с тем, какой точки зрения придерживается

исследователь по категориальным вопросам общей теории фразеологии. Кроме того, учет и остальных признаком может определить место данных словосочетаний в системе языка.

Результаты анализа аналитических образований и наше понимание сути фразеологических словосочетаниях позволяет говорить о существовании в абхазском языке лексических единиц сложно-составного характера, а с позиции словообразования считать их результатами аналитического способа словообразования. Это одно из средств обогащении словарного состава абхазского языка. Аналитическое образование является раздельно-оформленным вариантом слова.

Аналитические словосочетания обладают всеми грамматическими категориями глагола и его категориальным знанием является выражение процессуальности. Эти особенности аналитических образований позволяют их отнести к классу глагола.

Если признается наличие аналитических категорий морфологического уровня, то почему же нельзя признать наличие аналитических единиц лексического уровня, а их образование считать аналитическим словообразованием.

А. Д. Хеция в монографии «Неологизмы в абхазском языке»[1] приводит новообразования, которые также могут реализовываться в номинативной и коммуникативной функциях. В номинативной функции – они композиты, в коммуникативной функции – они словосочетания. Вторым компонентом этих образований являются глаголы аҟаҵара «делать», аныҟәара // арныҟәара «погонять, водить, вождение», амҩангара «провозить, проводить, проносить», аарыхра «выращивать (о растении)», аазара «воспитывать, выращивать», аингалара «убирать, уборка (сены)», аҭагалара «уборка (урожая)», аҭцаара исследования», аргылара «строить». Посредством перечисленных глаголов образованы неологизмы: аххҳәааҟаҵара «обозрение» – аххҳәа ҟаиҵеит «он сделал обозрение», аҕбаргылара «кораблестроение» – аҕба иргылеит «он построил корабль», амашьынаныҟәцара – амашьына ныҟәицоит «он водит машину», азахәаазара «виноградарство» – азахәа разоит «они выращивают виноград», ачаҭагалара – ача ҭаргалеит «они убрали хлеб», абызшәаҭцаара «языкознание» – абызшәа ҭиҵаауеит «он исследует язык», арахә аниҵеит «он развел скот».

[1]Хеция А. Д. Неологизмы в абхазском языке. Тб., 1988.

В номинативной реализации все перечисленные образования, несомненно, лексемы, в коммуникативной реализации – они свободные словосочетания с лексически связанными компонентами. Они отличаются от аналитических образований тем, что каждый компонент словосочетания выступает в своем лексическом значении: факта переосмысления их значений и образования целостного значения нет.

К свободным словосочетаниям с лексически связанными компонентами можно причислить словосочетания, глагольный компонент которого в зависимости от лексической семантики именного компонента может выступить в разных переносных значениях. К таким глаголам относится аса. Прямое его значение «ударять». Но в сочетаниях с определенными именами он выступает в значениях:

а) стучать: ашә дасит «он постучал в дверь», астол днаасуан «он слегка постукивал по столу»;

б) звонить: аҵәҵәа асит «зазвонил звонок», аҭел даст «он позвонил (по телефону)»;

в) играть: ампыл дасуеит «он играет в мяч», амаца дасуеит «он играет в карты», анард дасуеит «он играет в нарды», акьаброу дасуеит «он играет в кяброу (игра с палкой)». Данное словосочетание выступает и как фразеологически выражая безделье, праздность кого-либо: Уи иахьантъарак акьаброу дасуа ддәықәуп «он весь день бездельничает»;

г) напасть: ашышкамсқәа сысит «муравьи на меня нали».

Глагольные основы с различными деривационными формантами

Суффикс – шьа.

К. В. Ломтатидзе в абазинском языке выделяет категорию «кажимости», грамматическим значением которой является – выражение представления субъекта об объекте, каким он его считает, воспринимает, каким он ему кажется. Образуется он формантом ыма, который присоединяется к качественным прилагательным, реже – к существительным, с качественной семантикой, переводя их в двухличные переходные глаголы[1].

...анҭ ауыи иҳәаз ирымаԥхашьарахан... (ашхарский диалект) «...они тому, что он сказал, постыдились».

...ифаз иымамаԥхан, «краасыҭ! – ҳәа иҳәахт (ашхарский диалект) «...то, что он поел, показалось, посчитал мало и сказал «дай еще!».

В абхазском языке, как и в адыгском и убыхском языках, этой категории нет, но это значение передается различными средствами. Одним из таких средств К. В. Ламтатидзе считает использование корня глагола шьа, означающий «казаться, считать, представить», который также присоединяется к именам (реже наречиям) с качественной семантикой и также образует переходные глаголы. Инных образованиях корень шьа выступает в функции деривационного форманта, хотя в спрягаемой форме занимает позицию корня. Словообразовательная продуктивность элемента шьа низкая, но наблюдается тенденция образования неологизмов по этой модели.

ахәымга // ахәынга «паршивый» → ахәымгашьара: ихщымгеишьоит «то он посчитал паршивым, тем он принебрег». Уи иифаз хәынгеишьон (Ажәар.) «то, что он ел считал паршивым, брезгал».

[1]Ломтатидзе К. В. К категории «кажимости» в глаголе абхазско-адыгских языках и вопрос соответствующего глагольного образования в грузинском языке. Иберийско-кавказское языкознание. Т. XVII. 1970. 2 примеры из этой же работы.

алакә «сказка» → алакәшьара: илакәишьоит «то он принял за сказку, удивился».

амаԛ «малый, маленький» → амаԛшьара: имаԛишьеит «то он посчитал, показалось маленьким». Ирҭаз аԥара! (и)маԛишьан, имгазеит «Деньги, которые ему дали, он посчитал «мало» (и) не взял».

ахьымзҕ «позор» → ахьымзҕшьара: ихьымзҕишьеит «то посчитал, показалось ему постыдным, позором». Сликәа ахәыҷы днаскьазгоит ҳәа дсышьҭалеит, аха сара изымуит, ихьымзҕысшьеит (Ш. Ҷ.) «Сливка пошла за мной, чтоб провести, но это я посчитал позорным, постыдным и не позволил».

аиҕьа(а) «лучшее» → аиҕьашьара: иеиҕьасшьоит «то я считаю лучшим». Сара акәты аҵкыс акәац иеиҕьасшьоит (Ажәаԥҟа). «Я курице предпочитаю мясо».

аицәа «худшее» → аицәашьара: иеицәасшьеит «то я считал, принял за худшее».

арацәа «много» → арацәашьара: ирацәеишьеит «то он посчитал «много». Ирҭаз аԥара (и)рацәеишьан, абжа хнирҳәеит «Деньги, которые ему дали, он посчитал великоватыми, «много», половино вернул».

асахьашьара «представление» (неологизм).

Некоторые отыменные глаголы подобной модели образованы от слов, которые сегодня не имеют самостоятельной реализации, напр.:

аҵкьыҵкьашьара: иҵкьыҵкьеишьеит «тем он брезгует». Иалса иҵкьыҵкьашьаны илфомызт тәым напык иҟанаҵаз ачыс (И. П.) «Ялса брезгуя, не ела еду, приготовленную посторонними».

аҭәашьара: илаҭәалшьеит «то она для себя посчитала позволительным. Основа аҭәа может дать статическую форму исаҭәоуп «то мне подобает». Сопоставляя эту словоформу с глаголом типа исхасҵеит «я на свою голову что-то надел», исышьасҵеит «я обулся, точнее, на свою ногу надел», можно предположить, что (а)ҭәы, по всей вероятности, означал какую-то часть тела.

аԥьашьара: иԥьаишьеит «тому он удивился». Основа этого глагола стала производящей для существительного аԥьшьатәы «чудо, диво».

Эта семантика может быть передана и описательно, напр.: Абасала, аиҳабы пату иқәцара, уи нцәас дшьаны...(Н. Ҳ. Аԥсуара.) «Так, уважение старшего, считая, принимая кого за бога». Вместо нцәас дшьаны можно использовать дынцәеишьауан.

Аналогичное значение может быть передано показателем непроизвольности амха, который присоединяется непосредственно к имени, а также версионной морфемой цә, присоединенной к прилагательному (К. В. Ломтатидзе): агаза ихы наимхабзиоуп (Ажәаԥҟа) «Дураку своя голова», кажется, представляется хорошей», ...агәрагара лцәыуадаҩны «..поверить ей представлялось трудным» (примеры из работы К. В. Ломтатидзе).

Суффиксы тә, ртә. Суффикс тә (ртә) является суффиксом, посредством которого из именных основ образованы переходные глаголы с каузативной семантикой: абзиа → дыбзиастәеит «я его делаю хорошим, я его облагораживаю» (см. раздел «Каузативные образования»). А. Д. Хеция в вышеупомянутой монографии, описывая образования с суффиксом тә (тәра), наряду с переходными глаголами выделяет одноличные непереходные глаголы, также носящие семантику превращения, на которую может наслоиться значение «размножение», «увеличение».

Ашьатәра – «расплодиться (о животных, людях)», урҭ рыжәла шьатәит «их род расплодились (с иронией)»; ахәатәара «расплодиться, размножиться» (о насекомых, червях): ашьха хәатәит «пчелы расплодилась»; акәац хәатәит «в мясе завелись черви, очервило(сь)»; ахәтәра «затметь, покрыться мхом, плесенью»; Ахаҳә шбылгьо ихәтәуам (Ажәаԥҟа). «Пока камень катится, не затмеет», абаҩтәра «закостенеть, затвердеть», аԥьықәреи баҩтәит «стебель кукурузы затвердел»; аиашьеибатәра «братание»: иашьеибатәит «они побратались»: аиуацәеибатәра «породнение, породниться»: иеиуацәеибатәит «они породнились»[1]. По предположению А. Д. Хеция, «одноличные глаголы данной конструкции древнее двухличных».

Суффикс -рк. Представляет основу глагола аркра (к корень, р – каузативный формант) «прикреплять, скреплять зажигать; закрывать; вручать». Присоединяется к именам образуя переходные глаголы с семантикой «покрыть, пропитать», «начинять», «скрепить» (А. Д. Хеция).

аҵларкра: иҵласыркит «то (в.) я склеил», ахәшәкра: ихәшәсыркит «то (в.) я пропитал лекарством», ашьаҭаркра: ишьаҭаиркит «то (в.) он обосновал», аҵааркра: иҵааиркит «то (в.) он заморозил», ахацыркра: ихациркит «он заложил основу».

Префикс азыпхьа. Основа состоит из личного аффикса а, версионного з, наречия (а)ԥхьа «впереди» (А. Д. Хеция): азыԥхьахьчара: иазыԥхьархьчон «его, их они предостерегали», азыԥхьагәаҭара: иазыԥхьагәарҵон «то они предполагали, предначертывали», азԥхьаҳәаакәцара: иазыԥхьаҳәаакәырҵон «то они предопределяли».

ЗВУКОПОДРАЖАТЕЛЬНЫЕ ОСНОВЫ ГЛАГОЛА

Образования слов путем звукоподражания не чуждо абхазскому языку. Особенно много наречий и деепричастных образований, имитирующих звуки, образующиеся при тех или иных действиях человека, а также звуки живой и неживой природы. Это образно-экспрессивные слова, которые придают речи (как устной, так и письменной) красочность, выразительность, эмоциональность. Семантика их конкретная.

ачырҷырра: ичырҷыруеит «она (птичка) щебечет». Аацраҽы ачынҷа ҷырҷыруан (Н. Кә.) «За домом птичка щебетала».

[1] Все примеры взяты из работы А. Д. Хеция, с. 54.

аркьыкьра: иркьыкьуан «он пел высоким голосом», Алашә еиниҟьон, ацыркь дкәашон, хдамаҟьа иркьыкьуан. Слепой рукоплескал, хромой танцевал, с приплюснутой головой пел высоким голосом».

акакара: икакаит «она (курица) закудахтала». Аҟәарҭ ажәҟьы иацкласуа иахьгылаз иаакакан, аҽынанахеит (С. Ҷ.) «Наседка, где разгребала навоз, закудахтала и двинулась».

ашәышәра // ашәшәра, дшәышәуан «он (ч.) свистел). «Темыр амзырха агәҭаны акәаҭана неиргылан, дшәышәуа, дгәырҧьо .... даахагылт (С. Ҷ.) «Темыр плуг поставил посреди двора, свистя и радуясь встал над ним».

ачыжьра: иҷыжьуеит «то скрепит». Ацәарҭаҧәы иҧәоу заҟа ипоузеи, уеааурҧысыр, иҷыжьуеит (Ш. Ҷ.) «Какая узкая приставленная тахта, пошатнешься – скрипит».

акьыркьырра: икьыркьырит «он (конь) заржал». Адәы аҵыхәан аеы кьыркьыруан (Д. Гә.) «В конце двора конь ржал».

абырбырра: дбырбыруеит «он (ч.) бурчит, ворчит». Уи аамҭазы дбырбыруа дҩагылан, Мыкыҷ иахь иҽааихеит арҧызба (И. П.) «В это время недовольно бурча встал и к Мыкычу направился... юноша».

акъызкъызра: дкъызкъызуеит «он (ч.) плачет навзрыд». Зина дкъызкъызуа дҵәуон. «Зина плакала навзрыд».

аҕазыҕызра: иҕазыҕазуеит «то воет». Аҧшатлакәа ҕазыҕазуа сыбаҩ рыцха нышә ақәнаҧсап (Б. Шь.) «Вихри с воем покроют землей мои бедные кости».

ахәархәарра: ихәархәаруан «то скрипело». Амашьына хәархәаруа... (Ш. Ҷ.) ...машине поскрипывая».

аҕызра: иҕызуан «то (в.) стонало». Абас шаанза аб игәаҟуаз иҽырпын ҕызуан (Б. Шь.). «Так до утра стонала свирель страдающего отца».

ОБРАЗОПОДРАЖАТЕЛЬНЫЕ ОСНОВЫ ГЛАГОЛОВ

В абхазском языке, как и в абазинском, широкое распро« странение получили слова с образоподражательной (звукоизобразительной) семантикой. История изучения образо« подражательных слов в пределах этих языков небольшая. Впервые на образоподражательные слова абазинского языка обратила внимание Н. Т. Табулова. В «Грамматике абазинского языка» ею они описаны в плане структурно-семантическом. Представленный в грамматике богатый материал демонстрирует яркую образность данных образований. Абхазским образоподражательным словам посвящена статья Б. Г. Джонуа – «Дескриптивная лексика абхазского языка», в которой некоторые из них сравниваются с аналогичными словами других языков и даются структурные модели звукоподражательных и образовательных слов[1]. Однако в этих работах представлен анализ лишь наречных и именных образований, глагольные же образования получили освещение в статье Б. В. Шинкуба «Удвоение в абхазском языке». В этой статье представлен большой матер образоподражательных глагольных лексем, которые не только систематизированы по структурным признакам, охарактеризованы семантически. Отмечая трудность перевода подобных лексем на другой язык, он, между тем, но и снабжает каждую из них описательным переводом, который позволяет образно представить ее семантику, а в ряде случаев устанавливает ее семантическую зависимость от структурной, выявляя некоторую закономерность чередования звуков в повторяющихся компонентах. Данная работа заслуживает особого внимания в плане дальнейших семантических изысканий, посвященных образоподражательной лексике редупликативного образования. С более широким охватом материала ведет исследование Р. К. Гублия. Образоподражательные слова, а также звукоподражательные, относящиеся ко всем частям речи, активно привлекаются при этимологическом исследовании интересующих ее слов. Сравнивая и сопоставляя корневые

[1]Табулова Н. Т. Грамматика абазинского языка. (Фонетика, морфология). Черкесск. 1976. Джонуа Б. Г. Дескриптивная лексика абхазского языка. Абхазоведение. Язык, фольклор, литература. Выпуск 1. Сухум. 2000. Шинкуба Б. В. Удвоение в абхазском языке, АбИЯЛИ, XXVII. Сухуми, 1956.

и аффиксальные морфемы серии слов, включая идеофоны, имеющие некоторые материальные и семантические сходства, она выявляет мотивированную связь между звуком и семантической реализацией звука. Убедительна предложенная ею символика таких звуков, как гь, ҕь, з, с, ԥ и др., а также ряда звуковых комплексов, которые содействуют выявлению внутренней формы слова[1].

Образоподражательный пласт абхазской лексики систематически пополняется потенциальными словами, т. е. словами, которые создаются в языке по мере надобности в любой момент речи по действующей модели. Однако не все они входят в словарный состав языка, так как среди них есть и такие, которые пока не перешли из области речи область языка. Принадлежностью словаря являются лишь те, которые обладают признаком воспроизводимости. Воспроизводимость же устанавливается общественным признанием, это – когда то или иное слово, возникшее в речи индивидуума, становится достоянием всего общества. Лексикография вообще отстает от живого процесса словообразования. В абхазском художественном литературном языке очень богато представлены образоподражательные слова, многие из которых пока находятся на уровне речи того или иного писателя и поэтому они не получили отражения в словарях абхазского языка.

Образоподражание как средство словообразования по сравнению с другими частями речи более широкую реализацию получило в наречии и глаголе.

В разделе образоподражательные глаголы рассматриваются в основном в плане их семантики. Ввиду того, что

[1]Гублия Р. К. К этимологии топонимических элементов ԥшь / шь pš и š в абхазо-адыгских языках. // Тезисы докладов научной конференции, посвященной 80-летию со дня рождения выдающегося историка-кавказоведа З. В. Анчабадзе. Сухум. 2000; Она же. К этимологии элемента ҧс в абхазско-адыгских языках. //Актуальные вопросы абхазо-адыгской филологии. Карачаевск. 1977; Она же. Об абхазских лексических заимствованиях в картвельских языках. Сухум. 2002.

основная масса их представляет собой редупликацию звука, или слогов, сочли целесообразным описание их моделей дать в разделе «Глагольное словообразование посредством редупликации».

Образоподражательные глаголы отличаются от обычных глаголов по ряду признаков: во-первых, большинство из них не могут быть производящими основами, (некоторое исключение составляет каузальное образование: ипеипеиуеит «искрится, светится» → исырпеипеиуеит «я делаю его светящим, искрящим, чистым» во-вторых, они не обладают полной словоизменительной парадигматикой глагола. Из-за того, что их основное назначение – образно охарактеризовать действие – они чаще всего выступают в деепричастном оформлении (в основном с суффиксом уа // о), реже в прошедшем несовершенном или в настоящем времени. Семантика этих глаголов также очень конкретная, однако семантическое поле каждого из них большое, широкое. В них выражено не только характер действия с указанием мельчайшие нюансы, но и на образ исполнителя действия в момент действия и на субъективное отношение говорящего к деятелю и к действию. Посредством образных глаголов создается яркий, красочный, цельный образ и действия и деятеля. Например, выражение *дкәаԥ-кәаԥуа дцоит* причастие *дкәаԥ-кәаԥуа* означает, что действие «идет» совершается легко, равномерными шагами, без спотыканий; совершается ребенком или молодой, симпатичной, чаще не совсем высокого роста женщиной; ласковое, любящее, умилительное отношение говорящего к деятелю. Выражение *дгыр-гыруа дцоит* означает, что действие «идет» совершается человеком в нетрезвом или больном состоянии, пошатываясь из стороны в сторону, с оттенком пренебрежения говорящего к деятелю. Как явствуют примеры, подобными идеофонами создается целая панорама образного восприятия, которую перевести на какой-либо другой язык одним словом часто невозможно, и описательная передача лишь приблизительно выражает их значение.

Из общего состава образоподражательных слов можно выделить группу, в которой слова выражают не столько характер действия, сколько качество.

аҕьазҕьазра «сверкать (о большом предмете)» (Шинкуба, Гублия). Ерцахә ду ҕьаз-ҕьазуан аҵлақәа рышьҭахь (Б. Шь.) «Огромный Ерцаху сверкал за деревьями».

аказказра «сверкать, блестеть (о прозрачном, стеклянном предмете, воде, о ледяной глыбе, снежной горе» (Шинкуба, Гублия). Амзырха асаркьа еиҧш иказказуан (И. П.) Двор сверкал подобно зеркалу».

акамкамра «сверкать, блестеть (о глазах)» (Шинкуба). Уи иарҧысра днахыҳәҳәома уҳәаратәы дыҟан, аха иблақәа кам-камуа иҽирҷкәынуан (А. Г.) «Можно было сказать, что он перешел юношеский возраст, но сверкая глазами, он притворялся юным».

ацамцамра «гореть, румяниться, покраснеть». Ахәыҷы ихаҽы цамцамуа агара дгаран (Ажәар) «Ребенок с горящим, покрасневшим лицом лежал в люльке».

ашамшамра «сверкать, излучать свет, тепло». Зина дшамшамуа лшәымҭа дҭагылан (И. П.) «Зина, излучая, была в расцвете лет».

акәалыкәаҵьара «сверкать, переливаясь, мерцать». Алиас имаҟабызқәеи, насгьы иразны ҟамеи кәалы-кәаҵьон (Д. Гә.) «Подвески пояса Аляса, затем его серебряный кинжал переливаясь сверкали».

аҵарҵарра «разветвленный, раскидистый, распустивший-ся, сильный, основательный, представительный (о дереве, о мужчине...)». Аҵла ҷарҵаруа азҳара иаҽын «Дерево, хорошо распустив ветки, росло».

ацаҳәцаҳәра, ашаҳәшаҳәра «излучать тепло, пламенно, горячо, раскаленно». Адәахьы амра цаҳәцаҳәо иҧхон (Гь. Гә.) «Во дворе солнце раскаленно грело».

агьамгьамра «становиться полным, округлым, румяным (о лице)». Уарҭан, зхы-иҽы гьам-гьамуа иҟаз Нарыкь днеиҽаҧшит (И. П.) «Уартан, чье лицо было покрасневшим, полным, посмотрел на Нарыка».

аҧхеиҧхеира «блестеть, переливаясь (Р. Гублия).

акеикеира «сверкать, блестеть чистотой, ясно (о воде, чистом стекле, небе)». Ажэюан саркьоушэа икеи-кеиуан (Б| Шь.) «Небо сверкало подобно стеклу, зеркалу».

арпеипеира «делать чистым, сверкающим, заметным».

...сурпеипеиуан, еснагь суман сҳаракны (Б. Шь.) «..ты меня делал чистым, сверкающим (не совсем заслуженно), всегда возвеличивая меня».

ашеишеира «сверкать, излучать свет, блеск, тепло». Сҩыза, мроушәа ишеи-шеиуа (Б. Шь.) «О, мой друг, излучающий блеск и тепло подобно солнцу».

акәеикәеира «блестеть, быть прозрачно чистым», Аҩы шьҭысхит, аҩы ҷьбара, абар икәеи-кәеиуа (Б. Шь.) «Я взял вино, крепкое вино, вот оно, сверкая чистотой, прозрачностью».

ацеицеира «блестеть, сверкать, очиститься». Шьарадын иаҳәа аҽы цеи-цеиуа аҭра иааҭигеит (М. Л.) «Шарадын вытащил из ножны сверкающую лезвием саблю».

акәеицеира «сверкать».

Из перечисленных слов можно вывести звуки, комплексы звуков, ставшие мотивирующими для образоподражательных слов с указанной семантикой.

Начальные согласные – это абруптивы к, кә, п (икам-камуа, икеи-кеиуа, икәеи-кәеиуа, ипеи-пеиуа), спирант ш, придыхательный смычной ц (ишеи-шеиуа, ишам-шамуа, ишаҳә-шаҳәуа, ицеи-цеиуа). Семантика слов с ш и ц позволяет ш увязать с корнями слов ашра «нагреваться», ашоура «жара», ц – с корнями слова амца «огонь» (Б. В. Шинкуба).

К конечным согласным слога можно отнести: з (каз-каз, ҕьаз-ҕьаз), м (кам-кам, шам-шам, цам-цам), ей (кеи-кеи, пеи-пеи, цеи-цеи).

К словам, выражающим характер действия, относятся:

(-)умам-умамуа «нехотя, стесняясь». Думам-умамуа даа-ҩналт зҕаб шкәакәа ҟәазк (Ш. Ҷ.) «Нехотя, стесняясь, вошла белесая, полная девушка».

(-)кьа-кьо «изгибаясь, извиваясь, подхалимничая».

Ушьамхы арсны, укьакьо, агәыбзыгра уцәтәымын (Мушь.Л.) «Для тебя не было характерным становиться на колени, изгибаться, льстить».

(-)қамс-қамсуа, ақамсара «танцевать неуклюже (о мужчине плотном, здоровом, о медведе)». Нас анапеинҟьара ианалага, афырҳәа дҩаҵҟьан, дкамс-қамсуа днықәлеит (И. П) «Затем, когда начали хлопать, мгновенно встав, он начал неуклюже танцевать».

(-)ршаҟь-шаҟьо «разгоняя в разные стороны». (Акамбашьқәа)... алақәа ыршаҟь-шаҟьо иҩаҵҟьан, идәықәлеит (И. П.) «Буйволы, разгоняя в разные стороны собак, вскочили и двинулись».

(-)қәас-қәасра «неторопливо, слегка подпрыгивая идти, идти (о ребенке, о небольшом животном)». ...ала ҩагылан..., нас иқәас-қәасуа иара дахьцоз инаишьҭалеит (И. П.) «собака встала, ...затем, семеня, пошла следом за ним».

аҟәыс-ҟәысра, арҟәыс-ҟәысра «мигать, заставить мигать (о глазах)». Кадыр дхәыц-хәыцуа илақәа ааирҟәыс-ҟәысын, дҩагылан, астол днадтәалеит (И. П.) «Кадыр раздумывая, замигал глазами, встал и сел за стол»

абыз-бызра «болевое чувство жжения». Сарҕьа шьапы быз-бызуашәа збоит (Ш. Ҷ.) «Я чувствую, что моя правая нога жжет (от боли)».

акәыр-кәырра, акәырра «катиться (о небольшом предмете)». Аҧҳәыс нарцәгьы акәтаҕь кәыруа илышьҭоуп (Ажәаҧҟа). «И на том свете женщину сопровождает катящееся яйцо».

акәар-кәарра «трястись (о ногах пожилых)». Гьедлач икәахьча хылҧа ааихихын, иааиҩыҵреикын, аха ииҳәо иазиуазеи, ишьапқәа аакәар-кәарит (С. Ҷ.) «Гедлач снял с головы шапку, взяв под мышку, но что ему говорить, его ноги начали трястись».

гыргыруа «пошатываясь из стороны в сторону». Сагьаса ижә ахә ҳәа иҷьыба иҭаз даалган, дгыр-гыруа имҩа днықәлеит (П. Ҷ.) «Сагяса, закончив лежащие в кармане деньги, вырученные за корову, «пошатываясь» пошел по своей дороге».

архыҷ-хыҷра «грубо, резко трясти». Сагьаса имахәар аанкыланы, дырхыҷ-хыҷуа уи дааирҿыхан... (П. Ҷ.) «Сагяса, взяв его за локоть, грубо тряся, разбудил».

аҳәыҵәы-ҳәыҵәра «волнуясь ерзать». Қаласа Малакьиаиҧа дааҳәыҵәы-ҳәыҵәит дахьтәаз (Ш. Ҷ.) «Каласа Малакиевич волнуясь заерзал там, где сидел».

(-)паҕә-магәуа «чопорно, важно, с ложным достоинством». Иҽырзажәуа, дпаҕә-маҕәуа, адәы дахьықәу ихы идыруа ҷьыбшьома (И. П.) «Возомнив о себе, важно, с ложным достоинством, находясь в этом мире, ты думаешь, он знает себя».

(-)ҷьыҟә-ҷьыҟәуа «сгорбившись». Аҭакәажә дҷьыҟә-ҷьыҟәуа амҩа ду данын «Старушка, сгорбившись, шла по шоссейной дороге».

(-)ҳаш-ҧышуа «тяжело дыша». Ани аиқәаҵәа икьаҿ ишәихын, дҳаш-ҧышуа дҳашьҭоуп (Ш. Ҷ.) «Тот смуглый снял пиджак, (и) тяжело дыша шел за нами».

(-)кьаҿы-мьҿуа «уродливо, грубо, нескладно передвигаясь, с оттенком презрения» (Б. В. Шинкуба). Иҧашь кылышьшь, дкьаҿы-мьҿуа асоф даақәгылеит Мырзакан (И. П.) «С выпяченным животом, уродливо передвигаясь, появился на балконе Мырзакан».

(-)калышь-малышьуа «пребывая в постоянном безделье, в праздности» (Б. В. Шинкуба). Дкалышь-малышьуа ақыҭа дрылоуп «Он в постоянной праздности шатается по селу».

Образования с суффиксом - леи

С образной семантикой выступают глаголы с суффиксом -леи. Основы их или звукоподражательные или образноподражательные. Продуктивность суффикса -леи // еи низкая.

аҷарҷалеира звукоподражательное слово, имитирующее детский лепет, щебет птиц: Ахәыҷы инап ҧахә кәашқәа иан лыхәда иакәыршаны икны дышҷарҷалеиуаз, ацәа дынҭанагалт (Ш. Ҷ.) «Ребенок, обняв за шею свою мать пухлыми, белыми ручками, щебеча, заснул».

апатҟалеира 1) болтать (всякую всячину), 2) имитация речи начинающего говорить ребенка. Илҳәо цқьа илыздырам, баша дпатҟалеиуеит «Она хорошо не понимает, что говорит, просто болтает».

акәаталеира «болтается (о висячем предмете)».Ҭемыр имаҭра иахаршәыз иҟамчы аҿы икәаталеиуан (И. П.) Головка плетки, свисавшаяся из-под руковы Темыра, болталась».

акәаталеира ласкательное выражение манеры ходьбы: Ахәыҷы иануду дкәаталеиуа длышьҭан «Малыш ходил следом за бабушкой».

асарсалеира «ходить из стороны в сторону, змееобразно». Дсарсалеиуа акы иҧшааруан «Он, двигаясь из стороны в сторону, что-то искал».

аҷкәанҷкәалеира «помяться». Икьаҿ ҿкәанҷкалеит «его пиджак помялся».

ҳәарсалеира «катиться, семенить (о толстых и низкорослых: Мырзакан дҳәарсалеиуа дрышьҭан уахь ицоз (Ажәар). Мырзакан семеня, следовал за уходящими».

акәаркәалеира «катиться»: Ҷкәынак амаланыҟәа дақәтәаны дкәаркәалеиуа атротуар дықәын (М. Аҳ.) «Какой-то мальчик, сидя на велосипеде, кружа, крутясь, ездил по тротуару».

апаҿҟалеира «создать, состряпать что-то небрежно, недостойное». Иара ипаҿҟалеиз аусумҭа мцымзар, уаҳа акгьы ҳанаҳәом «работу, которую он состряпал, если не ложь, ничего нам не говорит», апарҧалеира «болтать без умолку, много говорить».

апаҭхалеира «двигаться, действовать неуверенно».

ГЛАГОЛЬНОЕ СЛОВООБРАЗОВАНИЕ ПОСРЕДСТВОМ РЕДУПЛИКАЦИИ

Редупликация корня, основы, части основы, слова является характерным явлением для абхазского языка. Редупликация в абхазском языке в основном выступает в функ-

ции словообразовательной и грамматической, из которых наиболее широкое использование получила словообразовательная функция. Как словообразовательное средство она выступает во всех частях речи, но особенно в наречиях, а затем в глагольных образованиях. Основная масса слов, образованная редупликацией, это звукоподражательные и образоподражательные слова.

Вопросы, связанные с редупликацией в абхазском языке рассматривались в работах К. Боуда, К. В. Ломтатидзе, Б. В. Шинкуба, Б. Г. Джонуа[1]. Однако обобщающей работы, в которой были бы освещены все проявления редупликаций по всем частям речи, пока нет. В данном же разделе редупликация рассмотрена в аспекте глагольного словообразования.

Можно выделить следующие модели глагольных корней и основ.

1. Корень, состоящий из удвоенного согласного или из удвоенного согласного и гласного а.

а) Несколько глаголов этой модели имеют коррелят с одним корневым согласным, который отличается от редуплицированного коррелята семантически. Коррелирующиеся пары находятся в отношении производящей и производной:

аҳәара; исҳәеит «то я сказал» → аҳәҳәара: сыҳәҳәеит «я закричал».

алшәара: иалшәеит «то (о мелком, маленьком предмете) выпало из чего-то». Асаби амардуан далшәеит (Ажәар) «Ребенок упал с лестницы» → алшәшәара: иалшәшәоит «то (о мелком) из чего-то сыпится». Аҧша анаслакь, аҵлақәа абҕьы шлақәа рылышәшәоит (Ажәар) «Когда дует ветер, с деревьев сыпятся листья».

архара: дасырхеит «его (ч.) я заставил что-то потянуть» → арххара: исырххеит «то (в.) я натянул». Рыхҿақәа хиоуп,

[1]Boуda K., Archiv fűr vergleichenge Phonetik, Band, 3. Heft III; Ломтатидзе К. В. Редупликация в абхазском языке. Известие Института языка, истории, материальной культуры. Т. V-VI Тб., 1940; Джонуа Б. Г. Дескриптивная лексика абхазского языка. Абхазоведение, 1. Сухум. 2000; Шинкуба Б. В. Удвоение в абхазском языке. // Труды АбИЯЛИ, т. XXVII, Сухуми, 1956.

рхыцқәа рххоуп, раҳәақәа хуп (Д. Гә.) «Их наконечники стрел готовы, их стрелы натянуты, их сабли наточенны».

алсара: иалисеит «то (в.) вырезал из чего-то». Аинар-жьи Нарҭ Сасрыҟәа ахаҳә далисеит (Н. Саср.) «Аинар-кузнец Сасрыкву вырезал из камня» → ассара: илссеит «то (в.) она искромсала, разрезала на мелкие кусочки». Сан ачашә лссан, асаан ианылҵеит (Ажәар) «Моя мать разрезала хачапур (пирог с сыром), выложила на тарелку».

б) Редупликацией согласного корня в определенных глаголах выражается действие, которому подвергается объект, в результате чего цельный объект распадается на множество частей (Ломтатидзе, Шинкуба). Действие это может быть как разовым, так и многократным, подвергая объект действию в разных местах. Основное назначение редупликации в этих случаях выразить распад цельного объекта на множество частей (исключая двух).

аԥҵәара: иԥылҵәеит «то (в.) она сломала» → аԥыҵәҵәара: иԥылҵәҵәеит: Зина маҵәык ԥыҵәҵәаны, икаԥсо дгылан (И. П.) «Зина, ломая ветку на кусочки, рассыпая их, стояла».

аԥжәара: иԥылжәеит «то (в.) она разорвала». Аԥҳәызба асалам шәҟәы ԥылжәеит «Девушка разорвала письмо» → иԥылжәжәеит: Аԥҳәызба асалам шәҟәы ԥылыжәжәеит «Девушка разорвала письмо (на мелкие кусочки)». Словоформа *иԥылжәеит* не несет каких-либо указаний на какие части вещь разорвана, оно может быть разорвано в одном месте, во многих местах, на две части или на мелкие части. В семантике словоформы иԥылыжәжәеит имеется четкое указание на то, что объект разорван на многие части.

аԥера: иԥеит «то (стакан, тарелка) сломалось, разбилось» – аԥыеера: иԥыееит «то (в.) разбилось на мелкие части)».

аиҟәжәара: иеиҟәжәеит (алу) «то (жернов) раскололось» – аиҟәжәжәара: иеиҟәжәжәеит «то (в.) раскололось на несколько частей».

ацәҟьара: ицәнаҟьеит «то оно ободрало, поцарапало». Сеимаа сшьапы цәнаҟьеит «Чувяк мою ногу ободрал» – ацәыҟьҟьара: Изабалакь иныҟәырцауеит, рыхәда цәыҟьҟьеит (Д. Гә.) «Все их эксплуатируют, (о быках), шеи их ободраны (во многих местах)».

в) У многих глаголов данной модели отсутствует нередуплицированный коррелят (Б. Ш.). По всей вероятности, исторически он существовал: аччара «смеяться», ашшра «жаловаться», аҕьҕьара «скоблить», аттара «разлезться разложиться»: аҵкы ттеит «платье разлезлось», аҷҷара: илҷҷит «она мотает (о нитке)», акәкәра «трепать, чесать»: Абри аласа кәыкәны, ихаханы, кәымжәык сзалхны иаага (Аԥс.л.) «Эту шерсть, расчесав, сделав пряжу, черкеску мне принеси», аҙәҙә-ара «мыть, стирать», ашшра «плести (забор, корзину)», ашьшьра «гладить (рукой)».

2. Связанный корень, представляющий собой удвоенное согласное или удвоенное согласное и гласное а:

алжжра «просачиваться»: Ашьа аалыжжит «кровь просачилась», ахышәшәара «то (о запахе) исходит от чегото аԥшшара «просохнуть»: Амаҭәақәа ԥшшеит «одежда высохла», аԥырффара «рассекать», аҵыҳәҳәара «высовываться из-под чего-то», аҭашьшьра «медленно войти, вползти». Акамыршша ацәа инҭашьшьит «улитка вползла (в кожу)».

3. Основа, состоящая из удвоенного открытого слога: ахахара: исхахоит «то я пряжу», аҵәаҵәара: исҵәаҵәоит «то (содержащей влагу) я толоку», акәа-кәара: искәакәоит «то я мну, толоку», атәатәара: илтәатәоит «то (о земле) она разрыхляет, молотит (колосья)».

4. Основа, состоящая из двух открытых слогов с чередующимися согласными начальных слогов: дкьати-шәатиуа «возясь», дхьати-матиуа «сгибаясь из стороны в сторону».

5. Основа, первый сегмент которого представлен двумя или более слогами с подударным ы в конце сегмента, который в повторном сегменте редуцируется или, весьма редко, сменяется гласным а. Возможно чередование начальных или исходных согласных сегментов. Модель продуктивная: ипылы-пылуа «кишмя». Ауаа пылы-пылуа ашҭа иқәын (Ажәар) «Народ кишмя находился во дворе»; ибзарыбзаруа

«переливаясь, светиться», ибалы-баҭо «растерянно метаясь», дкьылы-кььыҟуа «идти прихрамывая».

6. Основа, состоящая из повторяющихся сегментов, представляющих закрытые слоги: дхыҧ-хыцуа «бежа вприпрыжку», икьас-кьасо «движение наполненное до краев жидкости», дқыць-қыцьуа «судорожно трясясь», дбаԥ-баԥуа болтая всякую всячину».

7. Основа, состоящая из повторяющихся сегментов, составляющих закрытый слог с чередующимся начальным или исходным согласным в повторном сегменте: дгәар-еаруа «гремя», дкәаҧ-чаҧуа «аккуратно», дҕьап-чапуа «ругаясь, возникая».

8. Основа, состоящая из повторяющихся сегментов с чередованием согласного первого закрытого слога, с комплексом согласных повторного слога: дҟәиҭ-ҧсиҭуа «тихо, жалко, дҳақь-ҧсықьуа «тяжело дыша (о взрослом, тучном)», ихаҟәцраҟәуа, дҳәар-ҕьсаруа.

9. Глагол, основа которого удвоена (Ломтатидзе, Шинкуба). Глаголы данной модели часто выражают действие, которое совершается не в полной мере, слегка, с перерывами, время от времени: дхьаҧш-хьаҧшуа (ахьаҧшра «оглянуться») «оглядываясь время от времени», дында-ччо (аччара «смеяться») «посмеиваясь», дбыҕ-быҕуа (абыҕра «чесаться») «почесываясь», дгәамҵ-гәамҵуа (агәамҵра «нервничать, расстраиваться») «слегка нервничая, расстраиваясь», дылҟьа-лҟьо (алҟьара «выбегать, выскакивать из какого-нибудь укрытия») «быстро, попеременно выбегая» (Б. В. Шинкуба). Аҕдар дылҟьа-лҟьо днеиуан Зина (И. Папаскьыр) «Зина шла быстро (то показываясь из кустарника, то скрываясь)», дхәыц-хәыцуа (ахәыцра «думать») «раздумывая».

Глаголы данной модели могут выразить интенсивные, продолжительные, многоактовые действия (Б. В. Шинкуба, К. В. Ломтатидзе).

дкәаша-кәашо (акәашара «танцевать») «беспрестанно танцуя», дҵыс-цысуа (аҵысра «шататься») «шатаясь (многоактовое действие)», дҟыцә-ҟыцәуа (аҟыцәра «тесать») «тесать непрерывно».

10. Глагол, основа которого представляет собой удвоенную основу с чередованием согласного в повторной основе Интересны семантические наблюдения Б. В. Шинкуба, связанные с образованиями подобной модели. Так, чередованием согласного передается интенсивность действий дгәаҟ-цәаҟуа (агәаҟра «мучиться, страдать») «очень страдать», дыцәха-шҳауа (ацәҳара «ругаться») «сильно ругаясь», дыцҟьа-шәкьо (ацҟьара «разгромить, разрушить, разбить») «в дребезги разрушая». Глагол ахьаҧшра означает «оглянуться назад», ахьаҧш-хьаҧшра «оглядываться (попеременно) назад», ахьаҧш-кәаҧшра «оглядываться не только назад, но и по сторонам», ихьати-матиуа (ахьатира «гнуться в сторону»), сгибаясь из стороны в сторону», ихьаҳәахьачо (ахьаҳәра «повернуться») «поворачиваясь туда сюда, не зная в какую сторону направиться, нерешительно», дыпҳашьа-ҧхацо (аҧхашьара «стыдиться, стыд») «стыдливо». «Здесь, – пишет Б. В. Шинкуба – изменение корневого звука второго компонента используется как художественный прием: описывает состояние стыдливости человека». Иҽеилаҳәа-иҽеилаца (аҽеилаҳәара «одеться») «одет хорошо», ицәырҟьа-цәырасуа (ацәырҟьара «быстро внезапно появиться») «то появляясь, то исчезая, появляться попеременно».

Одним из активных способов глагольного слово-образования является повторение глагольных основ с разными направительными превербами. Обычно повторяющаяся основа использует пару, которая представлена превербами, выражающими разные направления по горизонтали или по вертикали. При этом последовательность превербов строго фиксирована: на // н - аа и ла // л - ԝа. В повторяющихся сегментах могут быть, правда редко, превербы горизонтальной и вертикальной направленности. Глаголы, образованные по этой модели, семантически отличаются от глаголов, ставших основой для них. Данные образования могут выразить действие, представляющее совокупность актов с различной направленностью, совершаемое с легкостью, не основательно, иногда небрежно.

анаскьа-ааскьара (анаскьара «отодвинуться туда», ааскьара «сюда») «разойтись». Шәнаскьа-ааскьа, амарԥьа! игоит абыжьқәа (Б. Шьынқәба) «Разойдитесь, а ну-ка! – (издаются голоса».

анаҳәы-ааҳәра (анаҳәра «туда, сюда повернуться») «ворочаться». Аҽеы былгьон, аҽеарххо, Ашьапқәа аҩада иархон, Инаҳәы-ааҳәуан иара, Аԥсашьон агәазхара (М. Л.) Конь катался (с боку на бок), вытягиваясь, направив ноги Верх, ворочался он, вдоволь отдыхал».

анахьшь-аахьшьра (ана(аа)хьшьра «вытереть») «вытерать, там, тут, слегка». Ҭемыр ихы ааирҵысын, ичабра ҭыхны аԥхзы зыхьшыз ихы-иҷы инахьишь-аахьишьит (И. П.) «Темыр покачал головой, вынув платок, вытер слегка пот с лица».

анавагыла-аавагылара (ана(аа)вагылара «сбоку чего-то встать») «идти медленно, с расстановкой, украдкой».

...хҭырԥала ихы-иҷы ҭаҳәҳәаны, ааида днавагылоаавагыло, азәы дшааиуаз ибеит (И. П.) «Он увидел, как кто-то, прикрыв лицо башлыком, шел медленно, крадучись, вдоль забора».

анарха-ҩархара «что-то переворачивать». Ихы ларҟәны, руакы шьҭыхны, инарха-ҩархо дахәаԥшуа ҷааиҭит (И. П.) «...нагнув голову и подняв одну из них, переворачивая, рассматривая, он сказал».

анацклас-аацкласра «задевать слегка». Ԥьагә ахәыҷқәа алаф рылихуеит, днарыцклас-аарыцкласуа, акака реиҳәоит (Ш. Ҷ.) «Джагу шутит с детьми, задевая (слегка) их, каждому говорит что-то».

анеихәаԥшы-ааихәаԥшра «посмотреть друг на друга». ... рыгәқәаа хыҵхыҵуа инеихәаԥшы-ааихәаԥшит (И. П.) «...с дрожью в сердце они нерешительно переглянулись».

анаԥшы-ааԥшра «оглядываться по сторонам». Алиас днаԥшы-ааԥшуа дгылан «Аляс стоял оглядываясь».

Глагольные основы могут быть образованы сочетанием

а) антонимов, часто оформленных деепричастием: дцо-дааua «идя туда-сюда, расхаживая», дымтәа-дымгыла «сидя – не вставая, совершать что-то с большим усердием», дакуа-дашьҭуа «его задерживая-отпуская, находиться постоянно под воздействием чего-то», еихаргыла-еиҵаргыла «говорить о чем-то с преувеличением, с добавлением лжи, фантазии». Иҩызцәа иреиҳәоит иҵегь еихаргыла-еиҵаргыла (Ш. Ҷ.) «Говорит он своим друзьям, преувеличивая».

б) семантически дополняющих друг друга слов:

дымҵаа-дымԥшаа «не спрося – не разыскивая, не выявив желания, усердия», днапырҟәыҷы-шьапырҟәыҷуа «потирая руки-ноги, жадно», дҟәаҟәа-ҭәаҭәаны «сильно побитый дҭагә-ҭасуа «сильно толкая, расталкивая», дҽаԥха-ҽаччо «смеясь тепло, искренне», дҵәыуа-дхьуа «рыдая, моля», дымшәа-дымрха «мужественно», икаԥха-каҷҷо «очень сверкая», дгәырґьа-хәмаруа «радостно-играя, радостно», дгәырґьа-ччо «радостно-смеясь», дкылыԥш-кылзырҩуа «с украдкой подсматривая, подслушивая», дшәа-зызо «очень боясь».

ЛИТЕРАТУРА

Амичба С.А. О Некоторых функциональных особенностях превербов и послелогов в абхазском и абазинском языках // Система превербов и послелогов в иберийско-кавказских языках. Черкесск. 1983.

Арсҭаа Ш.Ҟ. Ахаргьежьратә категориа аԥсуа бызшәаҟны. // Труды Сухгоспединститута – Сухуми, т. XV. 1962.

Арсҭаа Ш.Ҟ. Аҧсуа литературатә бызшәа аграмматика. I ахәҭа. Аҟәа. 1996.

Арсҭаа Ш. Ҟ., Ҷкадуа Л. П. Аҧсуа литературатә бызшәа аграмматика. Афонетика, Афоногиа, Ажәахырҷиаара, Аморфологиа, Аҟәа, 2002.

Аԥсуа бызшәа ажәар I (Шьаҟрыл К.С., Конҷьариа В.Х.). Аҟәа, 1986.

Аԥсуа бызшәа ажәар II (Шьаҟрыл К.С. Конҷьариа В.Х., Ҷкадуа Л. П.), Аҟәа, 1987.

Аршба Н.В. Об одном случае рецессии ударения в некоторых глаголах абхазского языка // Тезисы докладов XI региональной научной сессии по изучению системы и истории иберийско-кавказских языков. – Нальчик. 1986.

Аршба Н.В. Некоторые вопросы акцентологии абхазского языка. // Тезисы пятого международного коллоквиума Европейского общества кавказоведов. – Лондон. 1990.

Аршба Н.В. Акцентные схемы глаголов абхазского языка / Девятый международный коллоквиум Европейского общества кавказоведов, посвященный 100 летию со дня рождения А.С. Чикобава. – Махачкала. 1998.

Аршба Н.В. Место ударения в масдарных и личных формах глаголов с превербами абхазского языка // Тезисы VIII региональной научной сессии по изучению системы и истории иберийско-кавказских языков. – Черкесск. 1979.

Арыш-ԥҳа Н.В. Аԥсуа ҟаҵарба ахаҷытә формақәа рҷы ақәыҷәҷәара аҭыԥ аҷыдарақәа. // Аԥсны Анаукақәа ракадемиа Д.И. Гәлиа ихьз зху Аԥснытәи институт XLIV Аихшьааратә сессиа. Ажәахәқәа ртезисқәа. Аҟәа. 2000.

Аршба Н. В. Динамическое ударение и редукция гласных в абхазском языке. Тбилиси, 1979.

Бгажба Х.С. Бзыбский диалект абхазского языка. (Исследование и тексты) Сухуми. 1964.

Виноградов В.В. Основные понятия русской фразеологии как лингвистической дисциплины (1946). Избранные труды. Лексикология и лексикография. Москва. 1977.

Виноградов В.В. Об основных типах фразеологических единиц в русском языке (1947). Избранные труды. Лексикология и лексикография. Москва. 1977.

Габуния З. О композитном словообразовании в абхазском и русском языках. // Роль русского языка в жизни народов Северного Кавказа и развитие их местных языков. Грозный. 1985.

Генко А.Н. Абазинский язык. Москва. 1955.

Генко А.Н. Абхазско-русский словарь. Сухум. 1998.

Гецадзе И.О., Недялков В.П. Морфологический каузатив[1] в абхазском языке. // Типология каузативных конструкций, Морфологический каузатив. Ленинград. 1969.

Гишев Н.Т. Глагол адыгейского языка. Майкоп. 1989.

Гублия Р. К. Превербы направления в глаголе абхазского языка. Автореферат. Тбилиси. 1971.

Гублия Р. К. О функциях направительных превербов глаголе абхазского языка. Труды Сухумского гос. пед. инст. XXI – XXИ. Сухуми. 1971.

Гублия Р. К. Несколько вопросов о функциях направительных превербов. (Ахырхарҭатә превербқәа рфункциа иазкны зҵаарақәак). Труды Сухумского гос. пед. инст. XVII, Сухуми, 1964.

Гублия Р. К. К этимологии топонимических элементов ԥшь / ԥшь в абхазо-адыгских языках. / Тезисы докладов научной конференции, посвященной 80 летию со дня рождения выдающегося историка-кавказоведа З. В. Анчабадзе. Сухуми, 2000.

Гублия Р. К. К этимологии элемента ԥс в абхазо-адыгских языках. // Актуальные вопросы абхазско-адыгской филологии. Карачаевск. 1997.

Гублия Р.К. Об абхазских лексических заимствованиях в картвельских языках. Сухум. 2002.

Гублия Р. К. Абхазо-адыгские этимологии. Сухум. 2004.

Гулия Д. И. Материалы по абхазской грамматике (Дополнение и разъяснение к книге П. К. Услар «Абхазский язык»), Сухуми. 1927.

Джонуа Б. Г. Дескриптивная лексика абхазского языка. Абхазоведение. Язык, фольклор, литература. Выпуск I. Сухум. 2000.

Инал-ипа А. И. Отглагольные имена объекта действия с суффиксом га в абхазском и абазинском языках. Сухуми. 1988.

Инал-ипа А. И. Отглагольные имена с суффиксом ҩы в абхазском и абазинском языках. // Известия АбИЯЛИ. Т. X. Тбилиси. 1981.

Касланзиа В. А. Анемец-аԥсуа фразеологиатә жәар. Қарт. 1985.

Касланзиа В.А. Аԥсуа-аурыс фразеологиатә жәар, Аҟәа. 1995.

Касландзия В. А., Саманба Л. Х. Русско-абхазский фразеологический словарь. Сухум. 1996.

Касланзиа В.А. Аԥсуа бызшәа афразеологиатә жәар. Аҟәа. 1999.

Касландзия В. А. Афразеологиатә синонимқәа аԥсуа бызшәаҿы. Аҟәа. 2002.

Кварчелиа А. А. Глагольное словообразование в абхазском языке. Автореферат кандидатской диссертации. Москва. 1953.

Керашева З. И. Проблема превербов в адыгских языках. Ученые записки, -т.1. Министерство Просвещения РСФСР. Адыгейский государственный педагогический институт. Майкоп. 1957.

Керашева З. И. Локативные и направительные превербы «дыгских языках. Избранные труды т. II Майкоп.

Керашева З. И., Чкадуа Л.П. Направительные превербы и суффиксы в абхазско-адыгских языках. Система превербов и послелогов в иберийско-кавказских языках. Черкесск. 1983.

Керашева З. И., Чкадуа Л.П. О Взаимоотношении и взаимосвязи некоторых несамостоятельных глагольных корней с локативными превербами. // Арнольд Чикобава (Сборник, посвященный 80-летию со дня рождения). Тбилиси. Мецниереба. 1979.

Керашева З. И., Чкадуа Л.П. Локативные превербы статических и динамических глаголов а абхазско-адыгских языках. Ежегодник иберийско-кавказского языкознания. Т. IV. Тбилиси. 1977.

Кълыч Рауф. Асуффиксоидкви ащатакви йнарахвуа ашӏыпӏа превербква. Черкесск. 1988.

Клычев Р.Н. Локально-превербное образование глаголов абазинского языка. Черкесск. 1994.

Клычев Р. Н. Глагольные суффиксы направления в абазинском и абхазском языках. Черкесск. 1972.

Конджария В.Х. Лексика ашхарского диалекта по сравнению с лексикой абжуйского и бзыбского диалектов. Автореферат. Тбилиси. 1968.

Конҷьариа В. Ҳ. Аԥсуа-абаза алексика иазку аочеркқәа, Қарҭ. 1976.

Конҷьариа В. Ҳ. Аналитикатә ҟаҵарбақәа рызҵаатә» аԥсуа бызшәаҿы. Аԥснытәи абызшәеи, алитературеи, аҭоурыхи ринститут. Адыррақәа.V. Қарҭ. 1976.

Кумахова З. Ю., Кумахов М.А. О превербах и превербных основах в абхазско-адыгских языках. Система превербов послелогов в иберийско-кавказских языках. Черкесск. 1983 г.

Кумахов М.А. Морфология адыгских языков. Моска. Нальчик. 1964.

Кумахов М.А. Сравнительно-историческая фонетика адыгских (Черкесских) языков. Москва. 1981.

Кумахов М. А. О так называемых аналитических глаголах Сб. Аналитические конструкции в языках различных типов. Москва-Нальчик. 1965.

Кумахов М. А. Инверсивные конструкции в адыгских язы-

ках. Вестник института гуманитарных исследований правительства КБР и КБНЦ РАН. Выпуск 9. Нальчик. 2002.

Лекиашвили А. О потенциалисе в абхазском языке ИКЯ т. II Тбилиси. 1948.

Ломтатидзе К. В. Категория версии в картвельских и абхазско-адыгских языках. Ежегодник, И.К.Я. Т. V. Тбилиси. 1978.

Ломтатидзе К. В. Редупликация в абхазском языке. Известие Института языка, истории, материальной культуры. Т. V-VI. Тбилиси. 1940.

Ломтатидзе К. В. Категория каузатива в абхазском языке. Сообщение АН ГССР, т. IV, 1. Тбилиси, 1942.

Ломтатидзе К. В. Тапантский диалект абхазского языка. Тбилиси. 1944.

Ломтатидзе К. В. Категория версии в абхазском глаголе // Труды ТГУ. т. XXXI. 1947.

Ломтатидзе К. В. К этимологии слова Рица. IV научная сессия Института языка им. Акад. Н.Я. Марра. План работы и тезисы докладов. Тбилиси. 1947.

Ломтатидзе К. В. К структуре сложно-составных глагольных основ в абхазском языке. ИКЯ. Т. IV. Тбилиси. 1953.

Ломтатидзе К. В. Статические и динамические глаголы в абхазском языке (по абхазско-абазинским диалектным данным). ИКЯ, т. VI. Тбилиси. 1954.

Ломтатидзе К. В. Ашхарский диалект и его место среди других абхазско-абазинских диалектов. Тбилиси. 1954.

Ломтатидзе К. В. Категория потенциалиса (возможности) и непроизвольности в абхазско-абазинском глаголе. Сообщение АН ГССР, т. III. Тбилиси. 1955.

Ломтатидзе К. В. Категория взаимности (взаимосоюзности, взаимообоюдности) в абхазско-адыгских языках. ИКЯ; Г XII. Тбилиси. 1960.

Ломтатидзе К.В. К вопросу об исходных видах слов «рука» и «нога» в абхазско-адыгских языках и анализ некоторых картвельских основ. ИКЯ. Т. XV. Тбилиси. 1966.

Ломтатидзе К.В. Категория версии в картвельских и абхазско-адыгских языках. Ежегодник ИКЯ, т. V. Тбилиси. 1978.

Ломтатидзе К. В. Относительное местоимение в глагольных формах абхазского языка. Сообщение АН ГССР. Т. II. № 4. Тбилиси. 1948.

Ломтатидзе К. В. Основные виды локальных превербов и их оформление в абхазском и абазинском языках. Тбилиси. 1982.

Ломтатидзе К. В. Бессубъектные формы абхазского переходного глагола. ИКЯ. Тбилиси. Т. II. 1948.

Ломтатидзе К. В. К категории «кажимости» в глаголе абхазско-адыгских языках и вопрос соответствующего глагольного образования в грузинском языке. ИКЯ. Т. XVII, Тбилиси. 1970.

Марр Н. Я. Абхазско-русский словарь. Ленинград. 1938.

Молотков А. И. Основы фразеологии русского языка. Ленинград. 1977.

Назарян А. Г. Фразеология современного французского языка. Москва. 1987.

Рогава Г. В., Керашева З.И. Грамматика адыгейского языка. Краснодар, 1966.

Салаҟаиа Ш. Хь. Аԥсуа бызшәа афразеологиа азҵаатәқәа рахьтә. Труды АбИЯЛИ. Т. XXVII. (Аԥснытәи абызшәеи, алитературеи, аҭоурыхи ринститут аусумҭақәа XXVII Аҟәа. 1956.

Табулова Н. Т. Грамматика абазинского языка. Фонетика и морфология. Черкесск. 1976.

Табулова Н. Т., Тимирова Р. Х. О функциях некоторых локальных превербов в кабардино-черкесском и абазинском языках. // Вопросы топонимии и грамматики языков народов Карачаево-Черкессии. 1989.

Телия В. Н. Фразеология. Общее языкознание. Внутренняя структура языка. Москва. 1972.

Услар П. К. Этнография Кавказа. Языкознание. Абхаский язык. Тифлис. 1887.

Хеция А. Д. Неологизмы в абхазском языке. Тбилиси. 1988.

Чикобава А. С. Морфологические встречи абхазского языка с картвельскими языками. Известия ИЯИМК. Т. II, Тбилиси, 1942.

Чикобава А. С. О некоторых процессах трансформации аналитических образований в синтаксические. Сб. Аналитические конструкции в языках различных типов. Изд-во «Наука», М. Л. 1965.

Чикобава А. С. О значении преверба ҭа в грузинском языке. Известия ИЯИМК. Т. I, Тбилиси,

Чкадуа Л. П. Система времен и основных модальных образований в абхазско-абазинских диалектах. Сухуми. 1970.

Чкадуа Л. П. Связь слов в предложении абхазского языка. // Сборник материалов по абхазскому языку. Тбилиси. 1970.

Ҷкадуа Л. П. Еилоу ахьызтә аккәа рҩышьапҟара. // Аҧсуа орфографиа аматериалқәа. Аҟәа. 1981.

Шадури И. И. Ранговая структура морфем абхазского литературного языка (система переходных глаголов). Автореферат. Тбилиси. 1975.

Шагиров А. К. Об аналитических глаголах в абхазско-адыгских языках. Труды КЧНИИ, вып. V. Черкесск, 1968.

Шакрыл К. С. Аффиксация в абхазском языке. Сухуми. 1961.

Шакрыл К. С. Очерки по абхазско-адыгским языкам. Сухуми. 1971.

Шьаҟрыл Т. П. Аҧсуа харгьежьратә ҟаҵарбазы гҳаанагарақәак. Труды Сухгосединститута. Т. XIII. Сухуми. 1960.

Шинкуба Б. В. Удвоение в абхазском языке. // Труды АбИЯЛИ – Т. XXXVII. Сухуми. 1956.

Шинкуба Б. В. Именные основы-превербы в абхазском глаголе. Труды АбИЯЛИ – Т. XXV. Сухуми. 1954.

Шинкуба Б. В. Сопряженные корни с превербами в абхазском глаголе. // Труды АбИЯЛИ – Т. XXXVIII. Сухуми. 1957.

Сокращения

Аҧс. л. – Аҧсуа лакәқәа – Абхазские сказки
А. Гә. – А. Гогәуа – А. Гогуа
Д. Гә. – Д. Гәлиа – Д. Гулиа
М. Лакр. – М. Лакрба – М. Лакирба
М. Л. – М. Лашәриа – М. Ласуриа
Н. С. – Нарҭ Сасрыҟәеи... – Нарт Сасрыква...
Б. Шь. – Б. Шьынқәба – Б. Шинкуба

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие..... 3
Структура корня..... 7
Общая характеристика основных способов образования глагольных основ..... 14
Каузативные образования..... 21
Превербные образования..... 35
Образования с глагольными превербами..... 36
Образования с детерминативными превербами..... 114
Образования с направительными превербами..... 132
Союзные, взаимные, совместные образования..... 149
Союные образования..... 150
Взаимные образования..... 154
Совместные образования..... 174
Версионные образования..... 178
Субъектная версия..... 179
Объектная версия..... 187
Потенциальные образования..... 196
Непроизвольные образования..... 205
Аналитические образования..... 207
Аналитические образования в глагольной и масдарной реализации..... 209
Структурная характеристика аналитических образований..... 214
Морфологическая характеристика аналитических образований..... 219
Синтаксическая характеристика аналитических образований..... 223
Семантическая характеристика аналитических образований..... 237
Семантика образований с именным компонентом агә(ы) 239
Семантика образований с именным компонентом ах(ы)..... 214
Семантика образований с именным компонентом аԥс(ы)..... 247

Аналитическая образования в сопоставлении с свободными и фразеологическими словосочетаниями..... 249
Глагольные основы с различными деривационными формантами..... 266
Звукодражательные основы глаголов..... 269
Образоподражательные основы глаголов..... 270
Глагольное словообразование посредством редупликции..... 278
Литература 286
Сокращения..... 293

Об особенностях некоторых глагольных* словосочетаний в абхазском языке

В глагольных словосочетаниях модели имя существительное + глагол абхазского языка можно выделить словосочетания, в которых именной компонент является общим для целой серии словосочетаний. Имен, реализующихся в глагольных сочетаниях, немного – это аг(әы) «сердце», а-х(ы) «голова». а-ӊс(ы), «дух» и др. В данной статье остановимся на сочетаниях, с перечисленными именными компонентами.

Частотность реализации именных компонентов различная: самая высокая у имени а-гә(ы), затем ах(ы.), более низкая а-ӊс(ы).

В зависимости от степени спаянности компонентов внутри словосочетаний можно выделить свободные и несвободные словосочетания.

Свободные словосочетания создаются в процессе речевого акта. Выбор лексем при конструировании сочетания определяется установкой говорящего: говорящий подбирает слова, необходимые для выражения нужной ему семантики и составляет словосочетание, подчиняясь законом языка. Каждый компонент словосочетания выступает в своем лексическом значении и выполняет определенную синтаксическую функцию. Он является членом предложения. Это лексически и грамматически организованная синтагма. Лексическая организованность выражается в том, что в словосочетание входят лексически сочетаемые слова, т. е. слова, обозначающие предметы, действия, их признаки и т. д., которые могут быть связаны в реальной действительности. Грамматическая организованность заключается в том, что компоненты словосочетания вступают в определенные грамматические взаимоотношения – определительные, дополнительные, обстоятельственные и др.

Сееим, **сгәы сыхьуеит** «**Я плох, у меня болит сердце**». **Сааӊсеит, удыруа, Миха, – иҳәан, астол ихы ныҟәиҵеит.** (И. Папаскьыр). «Знаешь, Миха, я устал, – сказал, он, (и) положил голову на стол, **Уи лыӊсы шылхыҵуаз саҳауан** «я слышала, как из нее выходил дух».

*Первые международные Инал-иповские чтения. Сухум. 2011.

Эти же сочетания слов могут выразить одно понятие, образуя несвободное, неразложимое сочетание слов, напр.: **Данызбалак, даара сгәы сыхьуеит** «когда я его вижу, мне становится очень больно». **Иҷкәын аиааиразы ихы аҟәиҵеит** «его сын за победу отдал жизнь. **Сыбжьы анаарҳалак, рыӊсы рхыҵуеит** «когда они слышат мой голос, им становится невмоготу».

Анализ фактического материала позволил заключить, что типов несвободных, неразложимых словосочетаний несколько. Наряду с общими признаками, характерными для всех несвободных словосочетаний, каждый тип обладает своей спецификой, которая позволяет выделить сочетания: 1) образуемые в процессе речевого акта – так называемые потенциальные словосочетания, 2) воспроизводимые в процессе речевого акта в виде в виде аналитических образований, 3) воспроизводимые в процессе речи фразеологические словосочетания.

И структурно и лексически близки два первых сочетания. Модель словосочетаний у них одна: имя в посессивной форме, глагольный компонент, обладающий всей словоизменительной парадигмой финитных и инфинитных глагольных образований.

Глагол сочетания легко заменяется другим глаголом, тем самым сочетание приобретает открытую структуру. Однако семантика именного компонента накладывает некоторые ограничения на выбор глагольного компонента, например: глагол может сочетаться с именем а-гә(ы) (агәалсра, сгәы иалсит «я расстрон, сожалею») он радуется», но имена ах(ы), аӊс(ы) – нет.

Нередки случаи, когда глагольный компонент как лексическая единица в языке не существует, но в сочетание с именем приобретает статус лексемы (сгәы ҿыҕьуеит *«я* скучаю» глагола аҿыҕьра в значении близкой к скучать нет).

Лексическое значение компонентов словосочетаний изменяется. В лексической семантике этих словосочетаний происходит сдвиг. Это тот основной категориальный признак, который свободное словосочетание переводит в устойчивое. Лексическое значение компонентов, пройдя этап семантического преобразования, совместно образуют новую номинативную единицу.

В исследуемых словосочетаниях компоненты гә(ы), *аԥ(ы)* х(ы) утратили свою основную функцию - функцию номинации. Утратив и свое прямое лексическое значение, в данных словосочетаниях они выступают не как корневые морфемы самостоятельных имен, а как деривационно-реляционные форманты глагольного компонента. К примеру, гә(ы), с одной стороны, выступает как деривационный формант с абстрагированной семантикой персонификации деятеля или объекта действия *(иԥҳәеит* «то (в.) поломалось» – *сгъы ԥҳәеит* «мне надоело», досл.: мое сердце сломалось), с другой стороны, гә(ы) с посессивным показателем выступает как морфологический формант. Слияние значений компонентов в одно целостное значение содействовало их грамматическому объединению. Так, показатель притяжательности и именной компонент совместно выполняют функцию личного показателя, указывая на лицо, число и класс субъекта действия или объекта действия (дызжьеит его (ч.) я обманул» – сгәы сажьеит «я обманулся, досл.: сердце меня обмануло»), или совместно передают возвратную семантику *(исхеиршҭуан* «то (в.) он заставлял меня что-то забыть – *лгъы лхалыршҭуан,* «то (в.) она заставляла себя забыть», илыдырҵеит «то (в.) они ей поручили, рхы иадырҵеит «они обязались, поручились, досл, «то (в.) они поручили, обязали себя». Выступление гә(ы), х(ы), пс(ы) в словообразовательной и формообразовательной функциях является одним из существенных признаков, позволяющих внутри устойчивых словосочетаний выделить данные образования.

Лексическое значение глагола также сдвинуто, оно, как было сказано выше, совместно с значением именного

компонента выражает одно понятие, одно лексическое значение (и-а-лсит (то (в.) через что-то прошло» – сгәы иалсит «я расстроился»). В формировании нового лексического значения лидирующим компонентом стал глагол. Он выступает в качестве релевантного фактора в серии однотипных образований. Глагол также является основным выразителем грамматического значения всего словосочетания в целом.

Данные словосочетания в предложении выступают как одна синтаксическая единица, как один член предложения, который в составе предложения вычленяется целиком. Именной компонент самостоятельно на уровне предложения ничего не значит.

Внутри словосочетания с перечисленными особенностями можно выделить сочетания, которые широко используются. Они созданы в процессе речи по существующим в языке высокопродуктивным моделям языка. Процесс этот речевой, активно действующий, который содействует образованию новых сочетаний по существующим образцам.

Спаянность компонентов в подобных словосочетаниях сравнительно слабая: возможны перестановки, повторы, словесные протезы. Слабая спаянность не содействует слиянию компонентов в композитную основу: именных и масдарных образований, за редким исключением, с данными компонентами нет.

Подбор глагольного компонента может быть индивидуальным. Об этом свидетельствует язык художественной литературы. В языке того или иного писателя встречаются сочетания, в которых к имени подбирается глагол, возможно, впервые. В качестве иллюстрации приведем примеры из романа И. Папаскир «Темыр».

Зинагьы Аҳматҭ еиԥш аусура даныццакуаз, лысас «бзиахә» иҟазшьақәа уажәшьҭа зынӡа лгъы иаԥысит. «Зина подобно Ахмату торопилась на работу, поведение ее «хорошего» гостя довели ее до предела».

Рацәа быԥҳәыс ҟъыбҧазаап, бара сыхаара, – игъы иааинатҵеит Ҭемыр (гов.). «Ты очень аккуратная женщина, моя сладкая

(дорогая) – подумал Темыр (досл.: его сердце ему дало что-то)».

Лажәа хаакәакәараҙа угәы инаҟәынҷабло, инадзыҵыло ахәша ныҚәнашьуан. Ее сладкие слова в сердце растворялись словно масло (досл.: «ее очень сладкие слова прилипая к сердцу, растворяясь смазывали маслом»).

Днаиҷаԥшит, игәы иауа иамуа, лара леиԥш иаргьы дыԥхашьон «он на нее посмотрел нерешительно, подобно ей стыдясь».

Акы ахәыц еиԥш исыҕран, сгәы ҵызфаауа «что-то подобное крапиве вошло в меня, разъядая мое сердце».

Мыкыч, аказы суацәажәарц сҵахын, угәы ишабара сыздырам «Мыкыч, я хотел у тебя что-то спросить, не знаю как ты к этому отнесешься (досл.: «как твое сердце на это посмотрит»).

Ҭемыр ԥыҵрак даалакҩакын, игәы аабжьажьеит, ииура изымдыруа «Темыр немного усомнился, растерялся, не зная, что делать».

Урҵ иҩны иҟаз ауаа ыҚәԥны ицеижьтеи, игәы зынза еималт, чаҕьак ахәаша лбааимдацт, ... игәы итыцәом иҿкәа. «С тех пор как ушли люди, находившиеся в его доме, он совсем проголодался (досл.: его сердце совсем сжалось), не проглотил ни кусочка, он не забывал своих лошадей».

Аҳмат арҵ ажәаҚәа аниҳәоз, игәы атҵаччара даҕын Мыкыч «Когда Ахмат говорил эти слова, Мыкыч в душе смеялся (досл.: «его сердце внутри смеялось»).

...Цқьа еилкаатәуп ҳәа игәы ааҩбахахәуан ...необходимо точно узнать, мол, он сомневался (досл.: «его сердце становилось двояко, раздваивалось).

Зина Ҭемыр дзиҷамԥшуа даанкалеит, иҟазшьаҚәа ангәалҵа. Лгәы цхалымуа, ажәа лыламзо лыԥштәы аалыԥсахит. «Зина не смогла смотреть на Темыра, когда (заметила) обратила внимание на его поведение. Переживая, (перевод приблизительный), затрудняясь ответить, побледнела (сменила свой цвет)».

Однако высокая частотность использования многих сочетаний подобного типа и общественное признание позволили им стать достоянием языка. В речи они уже

воспроизводятся как цельная лексическая единица. Это сочетание в специальной литературе известно как «аналитическое образование». Спаянность компонентов в них настолько тесна, что она содействовала образованию лексем со сложной основой в виде масдара, имен и наречия.

Сгәы былуеит «я чувствую привязанность, любовь → ***агәыбылра*** «чувство привязанности, любви → *агәыбылҩы* «человек, умеющий любить, переживать, имеющий родственное чувство»

игәы каҳаит «он пал духом, подавлен, расстроился» → *агәкаҳара* «подавленность»

игәы ихадырштуеит «его развлекают → *агәхаршҭра,* «развлечение» →*агәыхаршҭга* «предмет развлечения»

игәы тҟьеит «он сильно испугался» → *агъытҟьара* «страх, сильный испуг»

иԥсы маҷхеит «он потерял сознание» → *аԥсымаҷхара* «терять сознание»

схы сыхьчоит «я берегусь, я берегу себя» → ахахьчара «оберегаться» → *ахыхьчага* «предмет обороны»

схы сырҚьиоит «я оправдываюсь» → ахырҚьиара «оправдываться» →*ахырҚьиага* «оправдательный (документ).

Процесс слияния компонентов словосочетаний в одну основу пошел дальше. В абхазском языке достаточно много слов, образованных слиянием компонентов глагольных сочетаний или образованных по образцу уже существующих, которые в спрягаемой форме выступают в виде композита, а не словосочетания. Язык как бы старается преодолеть существующее несоответствие между формой и содержанием. К таким глаголам относятся:

агәырҩара «горевать» → дгәырҩуеит «он горюет»

агәыдкыпара «целовать» – дгәыдикылоит «он его (ч.) целует

агәаԥхара «нравиться» – дигәаԥхоит «ему (ч.) нравиться

агәыгьра «решиться» – изгәаҕьит «я на что-то решился»

аххәыцра «слушаться, задуматься» – диххәыцуеит «он (ч.) над чем-то за думываться, прислушиваться.

аӈсхыхра «испускать дух, умереть» – дыӈсхыхуеит «он (ч.) умирает, испускает дух».

ӈсызхоу «все одушевленное».

Переход словосочетания в сложную основу, несомненно, явление вторичное. Об этом свидетельствуют факты параллельного существования в спрягаемой форме и словосочетания, и композита, демонстрирующие переходную ступень от словосочетания к композиту:

агәыӣасра «толкать» – *дылгәыӣасит II сгәы дыӣасит* «он (ч.) меня толкнул».

агәазыбылра «чувство привязанности, симпатии» – *лгәы азыбылуеит* «она к кому-чему-то чувствеут привязанность *II аӈсы дызгәаблымыз дыцәазшъа дибеит (Посл.)* «тот, кто не чувствовал привязанности к покойнику, видел его спящим».

ахырқьиара «оправдываться» – *ихы ирфиеит «он* себя оправдывал, но дахиркьиеит «он заставил его себя оправдать».

Представленные в статье типы глагольных словосочетаний активно реализуются в речи как самостоятельные единицы. Между тем, взаимосвязь их очевидна: каждая из них представляет этап общего процесса, который и сегодня действует. Последовательность этапов такова: 1. свободное словосочетание → 2. конструируемые в процессе речи несвободные словосочетания → 3. воспроизводимые в процессе речи несвободные словосочетания, известные в литературе как аналитические образования, реализующиеся и в виде словосочетаний (спрягаемая форма финитных и инфинитных образований, и в виде композитов (масдара) → 4. параллельное сосуществование спрягаемых форм в виде словосочетаний и композита → 5. образование глаголов, имен и наречий со сложной основой. Последний этап является одним из продуктивных источников словообразования.

Это процесс быстрее проходит в образованиях, в которых именной компонент по отношению к глагольному компоненту находится в позиции субъекта - подлежащего или прямого (ближайшего) объекта – дополнения, как известно, при

непосредственной препозиции их личный показатель и, указывающий на 3 лицо класса вещей или на 3 лицо множественное число, в глаголе опускается, что содействует их слиянию. На уровне орфоэпии они композиты, что же касается их письменного оформления, то это вопрос орфографии, напр.:

ахныҟәгара содержать себя: ихы *ныҟәигоит // ихныҟәигоит → ихы ӥныҟәигоит II* он содержит себя» → *ахныҟәгага* чем себя содержать.

ихақәырӈсны // ихы ақәырӈсны со всей отдачей, силой

аӈсгара отдышаться, спасаться: *иӈсы игеит // иӈсигеит* «он отдышался, спасся».

агәрагара довериться: лыгәра *игартә // лыгәраигартә* «чтоб ей довериться → *агәраргага* доверенность

агәцаракра заботиться: *игәцареикит // игәы цареикит*

Свободные словосочетания также стали основой для многих фразеологических словосочетаний.

Процесс перехода исследуемых единиц из одного этапа в другой живой. Он обусловливает сосуществование разных типов глагольных сочетаний, что осложняет установление однозначного определения их места в системе языка, это особенно сказалось на практике составления словарей.

Так, судя по «Абхазско-русскому словарю», А.Н. Генко образования с именными компонентами а-гә(ы), а-ӈс(ы), а-х(ы) считал лексическими единицами. Дать такое заключение позволяют словарные статьи, в которых как начальная словарная форма представлен композит)-масдар. спрягаемая форма – в виде словосочетания, а иногда в виде композита (особенно деепричастная и повелительная формы). Например[1]*:*

агәазҳара' радовться, пов. (повелительная) угәы азҳа. наст. (настоящая) *сгәазҳауайт* я радуюсь, *агәазҳа'ра* радость: *дгәазырҳагоуп* он (рз.) служит источником радости; *агәазырҳага* то, что радует.

[1]Подробнее в Л. П. Чкадуа. Глагольное словообразование в абхазском языке. Аналитические образования 212-272.

агәаа'нага (аа'нагара) соображение, замечание, мнение, предположение; *агәаа'нагара* думать, полагать, воображать пов. *ўыгәы* иааиаг; наст, *сгәы иаанагаўаит* я думаю.

аԥснырхара спасаться, спасать; ***пов. ўыԥсы ныpха.*** аор. йыԥсы ныйрхайт.

аха'ҟәцара абж. ах'ақәцара бз. взять на себя (обиду); самопожертвование: пов. уыхы ақәца, аор. *йыхы йақәыйцааит* обиду взял на себя; *ихақәыйцаит* он пожертвовал собой.

ахырҽхәара хвастаться – *схы сырҽхъауаит* «хвастаюсь»

ахырҟьыйира оправдываться – *йыхы йырҟьыйўаит* он оправдывается.

ахыхәара «трудиться для себя» – схы сахәауейт.

В толковом переводном «Словаре абхазского языка» интересующие нас образования в основном представлены в композитном варианте с приметой *ахь.* (существительное): *агәааанагара* мнение, предположение, *агәыҧыгьра* скука, *агәазыбылра* чувство привязанности, симпатии», *агәазыҟацара* «поощрение», *агәалсра* «горе, печаль, обида.

Часть статей с существительным завершается приметой *аҟац. хьзы* – (отглагольное существительное), с спрягаемым вариантом в виде словосочетания: *агәахъара ахьз.* удовольствие, радость // *аҟац. хьзы* игәы иахәеит, агәаҳара *ахьз.* восторг, радость // *аҟац. хьзы* (игәы азҳаит, агәыԥжәара *ахьз.* обида, гнев // *аҟац.* хьзы игәы ԥжәеит.

Подобные единицы могут быть описаны в двух статьях, под номером I. существительные, под номером II отглагольные существительные с спрягаемым вариантом в виде словосочетания; I агәахәара ахьыз, агәахәара II аҟац. *хьзы* (игәы иахәеит) нравиться, *аԥсызкра* I рыболовство ахьз. аԥсызкра II аҟац.хьзы ловля рыбы.

Немало статей с приметой *аҟац. хьзы* – отглагольное имя в сопровождении спрягаемой формы:

ахырҟьиара ихы ирҟьиеит «оправдаться» оправдываться:

ахырхара (*ихы ирхеит*) «направлять»

агәкаршәра (игәы каиршәны, «спокойствие», умиротворенность»,

ахархәара (*ихы иаирхәеит*) использовать,

аԥсҙара (иԥсы иҙеит) притихнуть, затаиться.

В «Абхазско-русский словарь» В.А. Касландзия вошло незначительное число данных образований. Это обусловлено тем, что многие из них он относит к фразеологическим словосочетаниям (они вошли в его фразеологические словари). Но те, которые учтены, также не получили однозначного, системного описания, например:

За словом *агәазыбылра* следует примета, указывающая на фразеологизм, затем словосочетание *игәы зыбылуеит* «он по нем скучает», слово же *агәыбылра* сущ. любовь, не сопровождено словосочетанием, хотя оно существует: *игәы былуеит* «он любит, переживает (*агәыбылра* это и любовь и любить), *аԥсыхаҵара* сущ. одухотворение, нет варианта одухотворить и словосочетания *аԥсы хеиҵеит,* он что-то оживил, одухотворил. Также слово *агәеибакра,* в словаре о представлено только как существительное, опущено масдарное значение и спрягаемая форма в виде словосочетания: *игәы еибакит* он вспылил, пришел в ярость, или представлено как масдар с приметой перех. или ***неперех.*** гл. (переходный или непереходный глагол), сопровождаемый спрягаемой формой в виде словосочетания: *ахныҟәгара* перех. гл. *ихы ныҟәиговит* «содержит себя», *аԥсаргара* перех. гл. *аԥсы аиргеит* дать передохнуть; *аԥсаҭара* перех. гл. *иԥсы аиҭоит.* Ряд слов получили оформление в двух статьях: под знаком I существительное, под знаком II- глагол: *агәыҟаҵара* I сущ. утешение, *агәыҟаҵара сгәы ҟаиҵеит* «утешить, воодушевить; *аԥсымаҧхара* сущ. "обморок, обморочное состояние", *аԥсымаҧхара II* неперех. гл. (иԥсы маҧхеит) упасть, падать в обморок, потерять, терять сознание, *ахархәара* I сущ. «спользование, ахархәара II перех. гл. *(ихы иаирхәеит* "использование".

В фразеологических словарях, составленных В.А. Касландзия (Фразеологический словарь абхазского языка, Абхазско-русский фразеологический словарь, Фразеологические синонимы в абхазском языке, в соавторстве

с Саманба Л.Х. («Русско-абхазский фразеологический словарь») данные глагольные единицы представлены лишь в спрягаемой форме, грамматической формой которых является устойчивое словосочетание. Масдарного эквивалента нет, это и понятно, т.к. фразеологический словарь это словарь устойчивых словосочетаний. Но каких устойчивых?

Резюмируя изложенное, можно заключить, что и в «Словаре абхазского языка», и в «Абхазско-русском словаре» акцент делается на масдарную реализацию данных единиц, во фразеологических словарях - на словосочетание. Логично – композит в толковом и переводном словарях, словосочетание - в фразеологических. Но при таком распределении не учтена органическая связь этих двух форм реализации. Масдарная форма является одной из форм данной языковой единицы. Лексическая взаимосвязь их точно такая, какая имеется между спрягаемой формой и масдаром динамических глаголов. На современном уровне языка эта и словарная форма и начальная. Правда, в названных словарях имеет место подачи материала в таком аспекте, но она не несет системного характера. Сосуществование нескольких типов устойчивых словосочетаний с переходными звеньями, представляющих этапы общего процесса, очень осложняет квалификацию каждой из них. Это, по-видимому, стало причиной того, что в них не вошли многие единицы подобного характера. А в языке их немало. К примеру в словарях опущены слова: *агәықәа: игәы иаақә*

агәнырхара: игәы нирхеит «он его обидел»

алахьӡатъра: илахь ӡатәуа

агәыбҕанҭара: агәыбҕан сиҭеит «он выговорил меня, он обвинил».

В этом плане фразеологические словари В.А. Касландзия существенно отличаются: в них богато представлены все типы устойчивых словосочетаний модели имя в посессивной форме + глагол.

В словник будущих словарей – толковых, переводных,

орфографических, отраслевых - должны войти аналитические образования, т.е. образования, которые сегодня реализуются в варианте композита - масдара и в варианте словосочетания - в спрягаемой форме. Считаю целесообразным эти два варианта давать в одной статье. Существительные, ставшие результатом конверсии масдара, выделять в самостоятельную статью, как это сделано в названных словарях.

В словарях должны быть учтены и сочетания, представляющие собой имя + имя в статической форме, имя + статический глагол, так как они также являются самостоятельной лексической единицей, например: *аҭынч* «спокойный» → статическая *форма дҭынчуп* «он спокоен вообще, но *игәы ҭынчуп* «он спокоен за кого-что-то»: *иҷкәын изы игәы ҭынчуп* «он спокоен за своего сына».

иҭоуп «оно находится внутри чего-то» → игәы иҭоуп «он думает о чем-то».

абзиа «хороший» → игәы бзиоуп «он здоров» → *агәыбзиара* «здоровье»

аҧшқа «ребенок», «мягкий, нежный» – *дыҧшқоуп* «он ребенок» *иҧшқоуп* «то мягкое, нежное» → *игәы ҧшқоуп* «человек, обладающий мягким характером»

исымоуп «то у меня имеется» → *агәы сымам* «у меня нет желания», я не желаю, мне не хочется»

иалоуп «то (в.) в чем-то находится – *игәы иалоуп* «он сожалеет».

Все эти образования являются лексическими единицами и поэтому они должны быть зафиксированы в словарях.

Литература

Аԥсуа бызшәа ажәар I (Шьакрыл К. С., Конҷьариа В. Х.). Аҟәа. 1986.

Аԥсуа бызшәа ажәар II (Шьакрыл К. С., Конҷьариа В. Х., Ҷкадуа Л. П.). Аҟәа. 1987.

Габуниа З.М. О композитном словообразовании в абхазском и русском языках // Роль русского языка в жизни народов Северного Кавказа и развитие их местных языков. Грозный. 1985.

Генко А.Н. Абхазско-русский словарь. Сухум. 1998.

Касланзиа В.А. Анемец-аԥсуа фразеологиатә жәар. Қартҭ. 1985.

Касаланзиа В.А. Аԥсуа-аурыс фразеологиатә жәар. Аҟәа. 1995.

Касландзиа В.А., Саманба Л. Х. Русско-абхазский фразеологический словарь. Сухум. 1996.

Касландзиа В.А. Аԥсуа бызшәа афразеологиатә жәар. Аҟәа. 1999.

Касаланзиа В.А. Афразеологиатә синонимкқәа аԥсуа бызшәаҿы. Аҟәа. 2009.

Конҷьариа В.Х. Аналитикатә ҟаҵарбақәа рызҵаатәы аԥсуа бызшәаҿы: Аԥснытәи абызшәеи, алитературеи аҭоурыхи ринститут. Адыррақәа. V. Қартҭ. 1976.

Пазов С.Н. Фразеология абазинского языка. Карачаевск. 1990 Чкадуа Л.П. Глагольное словообразование в абхазском языке. Сухум. 2005.

О ГРАММАТИЧЕСКОЙ ПОЛИСЕМИИ (НА МАТЕРИАЛЕ АБХАЗСКОГО ЯЗЫКА)*

Всякий элемент грамматической структуры языка характеризуется диалектическим единством формы и значения. Это единица, обладающая и планом содержания, и планом выражения. Значение от формы отделить нельзя.

Грамматическое значение расщепимо на морфологическое и синтаксическое. Морфологическое значение грамматической формы всегда однозначно и проявляется оно при нулевом контексте. Значение это определяет место языковой единицы в системе парадигм и выступает как релевантный фактор, позволяющий настоящую языковую единицу противопоставить всем остальным членам парадигматического ряда.

Синтаксическое значение полизначно. Оно проявляется в различных контекстных условиях.

Например, временными парадигмами системы индикатива абхазского языка являются: *с-цоит* «я иду», с-цеит «я пошел», *с-цон* «я ходил», с-цан «пошел (и)», *с-цахьеит* «я уже ушел», *с-цахьан* уже был ушедшим», *с-цап* «я пойду», *с-цашт* «я пойду». Каждая из перечисленных форм обладает значением, отличным от всех остальных. Это значение является морфологическим значением формы. Однако грамматическая форма, реализуясь в различных контекстах, может быть многозначной. Например, форма типа сцеит «я пошел», может иметь следующие значения:

I. *Сара сцеит* «я пошел» – изъявительное, пришедшее (аористическое, перфектное).

II. *Шьҭа сцеит сара* «так я пойду» – изъявительное, будущее.

III. *Уахь сцеит ҳәа иалӣуеи? «*хоть я туда пойду, *что и*з этого получиться? // Уахь сцеит ҳәа иалҵи? «хоть я туда и пошел, что из этого получилось? – уступительное, будущее, прошедшее.

IV *Цәгьала иааиз цәгьала ицеит (*пословица*) «*то, что плохо пришло, плохо (и) уйдет» – абстрактное, гномическое.

*Известия АбИЯЛИ. т. IV тб., 1975.

V. *Уа бзиала шәцеит!* «да хорошо вам пойти» – желательное.

Все эти значения являются синтаксическими значениями формы аориста с суффиксом -**ит**. И морфологическое, и синтаксическое значения составляют грамматическое значение формы.

Возникают вопросы: 1. Как определить морфологическое значение языковой единицы? Иначе говоря, как квалифицировать форму типа *с-цеит*? Являемся ли она формой прошедшего или будущего времени индикатива, или она должна быть представлена в системе парадигм допускательного наклонения, или должна быть отнесена к уступительным образованиям? 2. Чем вызвано появление пяти вариантов? Их появление обусловлено ли лишь контекстом, поскольку проявляются они преимущественно в определенных контекстах?

Высокая степень полисемии многих грамматических форм побудило некоторых исследователей сделать вывод, что аналогичные формы вообще лишены грамматического значения. Подобное негативное решение вопроса скорее снимает проблему, чем намечает пути к ее разрешению. Многозначность превращается в доказательство отсутствия значения. Однако в современной лингвистической литературе предпринят ряд попыток объяснения грамматической полисемии. Одним из таких путей является нахождение смыслового инварианта. Но в понимании инварианта нет единого мнения. Ряд исследователей (Р. О. Якобсон, А. В. Исаченко, Е. Крижижкова, Е. В. Чешко) все частные значения формы рассматривают как реализации некоего общего инвариантного значения, лежащего в их основе. Некоторые же авторы (Е. И. Шендельс, А. А. Реформатский, М. Докулил, Е. Курилович) считают, что интегрировать прямые и переносные значения нельзя. Инвариантное значение ими принимается как рабочая гипотеза, не включающая в себя переносные значения. Под инвариантным значением они понимают значение, полученное путем обобщения семантических

элементов, общих для всех конкретных, прямых вариантов. Это – абстрактное значение, необусловленное контекстом. Чем сложнее семантическая структура языковой единицы, тем абстрактнее ее инвариантное значение.

Придерживаясь мнения последних исследователей, постараемся рассмотреть с этих позиций материал абхазского языка. Возвратимся вновь к форме типа *сцеит*.

Варианты I, III, IV можно объединить по признаку «указание на прошедшее время»; вариант II и V – по признаку «указание на будущее время». Частота употребления самая высокая у варианта I. Если исходить из частоты употребления и количества вариантов с общим признаком, то можно заключить, что выражение прошедшего времени является прямым значением формы типа сцеит, выражение же будущего времени – переносным.

Общий признак, который можно вывести из всех прямых вариантных значений, является выражением прошедшего времени. Этот признак следует признать инвариантным, проявляющимся в форме типа *сцеит* и при нулевом контексте.

Итак, форма типа *сцеит* как член парадигматического ряда характеризуется значением предшествования по отношению к моменту речи. В системе парадигм значение предшествования играет дифференцирующую роль по отношению к таким парадигмам системы, как *сцоит* «я иду», *сцап* «я пойду», *сцашт* «я пойду». Однако признак выражения прошедшего времени характерен и для форм типа *сцан* «я пошел(и)», *сцахьан* «я был уже ушедшим», *сцахьеит* «я уже ушел», сцон «я шел».

Настоящий признак, следовательно, не может выступить в качестве релевантного фактора в пределах форм типа *сцеит, сцан, сцон, сцахьан, сцахьеит.*

Между тем все эти формы не адекватны. Естественно, возникает вопрос: что их дифференцирует?

Как показал абхазский материал, для определения значения формы как члена парадигматического ряда выявление инварианта не всегда является достаточным. Возникает не-

обходимость выставления добавочного критерия. Выявление последнего возможно, изучив вес вариантные реализации грамматической формы.

При изучении этих реализаций необходимо учитывать иерархию отдельных, семантических вариантов: одно из вариантных значений является ведущим, примарным, основным; остальные – вторичными, производными, секундарнымм.

Основное вариантное значение прямое, контекстуально необусловленное. Частота употребления его самая высокая, Если инвариантное значение – это абстрактное значение, выведенное из всех прямых вариантных значений, то основное, напротив, — конкретное. Основное значение представляет собой сумму главных признаков, создающих одну семантическую единицу.

Какие эти главные признаки и как их следует выявить?

Выявление главных признаков грамматической формы возможно линь сопоставлением ее вариантных значении с выявленными вариантными значениями других форм, входящих в один с ней парадигматический ряд. При этом особо важным фактором является выбор критерия. Объективного и полного описания грамматической формы можно достичь лишь в том случае, если избранные критерии будут отражать подлинные и основные признаки этих единиц. Основная трудность исследования заключается в выявлении правильной отправной координаты. Отправная координата не должна быть субъективной, априорной и искусственной.

Так для временных форм индикатива мы выделили следующие признаки:

1) ориентация на время действия другого глагола выражена (О+) и ориентация на время действия другого глагола не выражена (О –);

2) в семантике формы содержится указание на характер действия и не содержится (А±). Если содержится, то это может быть или указание на замкнутый целостный процесс (А +), или указание на процесс в его течении (А –);

3) отрезок времени с момента действия по момент речи фиксирован (Д+) и не фиксирован (Д –);

4) результат действия отражен (Р +), результат действия не отражен (Р –), результат действия может быть отражен и не может быть отражен (Р±):

5) добавочный модельный оттенок выражен (М+) и не выражен (М –);

6) ввиду того, что инвариантное значение выводится из всех прямых вариантных значений, оно является одним из главных признаков основного значения (Пр. – претерит, Ф – футурум, П – презепс).

Все перечисленные нами признаки в той или иной комбинации характеризуют парадигмы одного ряда. Каждая парадигма ряда характеризуется своей, специфичной для нее, комбинацией признаков.

Итак, основное вариантное значение грамматической формы – прямое, контексуально не обусловлено, частота употребления самая высокая, оно конкретное. Являясь синтаксической реализацией, оно в то же время представляет собой морфологическое значение формы. В системе морфологических парадигм оно единственное.

Например, из вариантов значений формы типа *сцеит* основным является I вариант – *иара дцеит* «он мужч.) ушел». Признаем его основным по следующим признакам:

1) значение это прямое,

2) контекстуально необусловленное;

3) частота употребления самая высокая;

4) оно конкретное: его характеризуют признаки Пр. О- А + Д - Р ± М -;

5) в системе парадигм нет другой такой формы, которая обладала бы таким сочетанием признаков.

Такое сочетание признаков позволяет ей противопоставить себя всём остальным членам парадигматического ряда. Однако основное значение обладает релевантной функцией не в суммарном виде всех его признаков, не всей семантической единицей, а лишь ее частью, лишь по какому-нибудь одному (или более) из главных признаков, который и выступает как собственно дифференцирующий. Для наглядности

сопоставим формулы основных значений форм *сцеит* и сцан:

сцеит Пр. О - А + Д-.Р ± М -

сцан Пр. О + А + Д + Р – М -

Эти формы релеватны по признакам О, Р и Д.

Итак, резюмируя сказанное, отмечаем, что в абхазском языке место той или иной формы в парадигматическом ряду определяют, с одной стороны, инвариантное значение, с другой стороны, – основное. Инвариантное и основное значения являются морфологическими значениями грамматической формы. Они устанавливаются в самой системе грамматических форм, объединенных одной общей категорией.

Неосновные, секундарные значения могут быть прямыми или переносными. Они, также как основное значение, конкретны, но в отличие от основного проявляются в контексте. Секундарные значения не образуют оппозиционных коррелятов: секундарное значение одной формы может совпасть с основным или секундарным значением другой формы парадигматического ряда.

При одной и той же форме могут быть более одного секундарного значения.

Причины, содействующие появлению секундарных значений, разные. В специальной литературе существует ряд мнений, объясняющих появление секундарных значений.

Не касаясь всех причин, мы остановимся лишь па одном из возможных объяснений причин появления определенных вариантов, подсказанном абхазским материалом.

Считать, что секундарных значений, целиком обусловленных контекстом, нельзя. Если б они исходили только лишь из контекста, то тогда появилась бы возможность сочетать любую грамматическую форму с любым контекстом. Анализ функций грамматических форм и языковый эксперимент показывают, что это далеко не так.

Всякая грамматическая форма обладает определенными регулярно повторяющимися типами секундарных значений. Эти значения проявляются в определенных контекстах.

Подобное явление объясняем тем, что и **при секундарных значениях между контекстом и морфологическим значением формы существует взаимосвязь, взаимодействие: морфологическое значение формы диктует контекстные условия, которые в свою очередь навязывают форме новые значения.** Секундарные значения зачастую возникают на базе тех признаков, которые составляют основное значение формы. Например, признаки формы типа сцеит, составляющие ее основное значение, содействовали возникновению следующих секундарных вариантов.

1. Выступление аориста то в аористическом значении, то в перфектном позволил признак Р±: (результат действия может быть отражен и не может быть отражен).

иара дцеит «он (мужч.) ушел» – аористическое значение (ср. дцахьеит);

иара дааԥсеит «он (мужч.) устал» – перфектное значение (ср. дааԥсама? «он устал?» – дааԥсеит «он устал», но не дааԥсахьеит).

2. Признак А+ (замкнутый, целостный процесс) в сочетании с признаком Пр. и О – (прошедшее, ориентация на другое действия не выражена) создали предпосылку для употребления его в значении будущего времени. Транспозиционное употребление аориста используется говорящим для представления будущего действия как уже реализовавшегося. Это один из известных приемов, придающих речи живость, изобразительность.

Однако форма прошедшего неопределенного времени, несмотря на то, что многие признаки ее совпадают с признаками аориста, не может выступать в таком значении. Возникновению этой функции препятствует признак О+ – наличие ориентации на время действия другого глагола.

IV вариант выражает повторное, типичное, обобщенное действие. Такое действие обычно передается формами, указывающими на процесс в его течении. Но оно может быть передало и прошедшими формами с противоположным аспектным значением. В этих случаях обычное, повторяющееся,

типичное передается на примере единичного факта. Появлению этого значения содействуют признаки Пр., О – , А+.

Появлению IV варианта, нам кажется, особо содействовал признак Р±.

Прошедшая неопределенная форма типа сцан «пошел(и)», хоть и близка по признакам форме аориста, не богата секундарными вариациями. Это мы объясняем наличием признака ориентации на момент другого действия (О +). Зато этот признак позволяет ей выступить в синтаксических конструкциях, сигнализирующих ряд последовательных действий или действий, выражающих причинно-следственные отношения: *дҩагылан, ашәахь иҧынеихеит* «он. (чел.) встал и направился к дверям»; *ахәыҷы дшәан, аӣәуара далагеит* «ребенок испугался и начал плакать».

Общность ряда признаков послужила причиной частого сочетания формы прошедшего неопределенного времени с аористом.

В настоящей статье в качестве иллюстративного материала приводились глагольные образования. Однако все указанные положения статьи распространяются на любую словоформу и морфему, обладающих грамматической полисемией. Интересно в этом отношении исследование Р. Гублиа, в котором ярко прослеживается связь грамматических значений направительных превербов с их функциональными реализациями.

В абхазском языке существуют 4 направительных превербa – аа, на, ла, ҩа; аа – выражает направление движения к позиции говорящего лица по горизонтали, на – направление движения от позиции говорящего лица по горизонтали, ҩа – направление снизу вверх по вертикали или по наклонной, ла – направление сверху вниз по вертикали или по наклонной.

Помимо выражения направления, грамматическое значение каждого преверба сигнализирует объем и протяженность пространства: аа – выражает большую пространственную протяженность и объемность, которую можно уменьшить или увеличить; на – лишь тесное пространство, которое иногда

представляется лишь в виде точки; ҩа, ла преимущественно выражают тесное пространство, но могут и указывать и на далекое расстояние, что, по предположению Р. К. Гублиа, вторично.

Наличие признака – выражения степени протяженности и объемности пространства – послужило причиной использования перечисленных направительных превербов в глаголах действия в качестве выразителей способов действия. Например, преверб аа, указывающий в глаголах движения на большую величину пространства, которую можно уменьшить, в глаголах действия выступает с сигнализацией на мгновенность или длительность, полноту или неполноту, незначительность или интенсивность и т. д. Превербы же ҩа, ла, на, выражающие точечное пространство, не в состоянии в глаголах действия выразить длительное, действие. Они чаще всего выражают незначительность, мгновенность или особую краткость действия:

Д-ҩа-гылан, ашә ааиртит «он в этот миг встал и открыл дверь»;

Астол инапы ныҟәикшеит «он в этот миг – стукнул рукой по столу»[1].

Перечень примеров, иллюстрирующих одну из причин появления определенных вариантных значений отдельных грамматических форм из арсенала абхазского языка, может быть намного увеличен. Во всех этих примерах связь между морфологическим значением и синтаксическим очень тесна. Морфологическое значение — основное, исходное, которое может быть характеризовано рядом признаков, и оно единственное. Синтаксическое значение может быть представлено рядом вариантных значений. Одно из синтаксических значений совпадает с морфологическим, другие значения производные. Появление вариантов обусловлено не контекстом, а признаками, составляющими основное значение. Они то и диктуют, каково должно быть лексическое пополнение предложения.

[1]Р. К. Гублиа. Превербы направления в глаголе абхазского языка. Автореферат кандидатской диссертации, Тбилиси, 1971.

Р. К. Гублия. Превербы направление в глаголе абхазского языка. Автореферат кандидатской диссертации. Тбилиси. 1971.

С. И. Иванов. К истолкованию многозначности грамматических форм, ВЯ, 1973. 6.

А. В. Исаченко. *О* грамматическом значении, ВЯ, 1961, I.

Е. Курилович. Очерки по лигвистике. М., 1962.

А. А. Реформатский. Дихотомическая классификация дифференциальных признаков и фонетическая модель языка, Сб. «Вопросы теории языка в современной зарубежной лингвистике», М., 1961.

Е. В. Чешко. К вопросу о падежных корреляциях, ВЯ. 1960, 2.

Р. Якобсон. Морфологические наблюдения над славянским склонением (состав русских падежных форм) American comtribution to the IV, International Congres of Siawicists Monton S-Gravenhage, 1958.

О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ ЭТИКЕТА АБХАЗОВ*

Этикет абхазов очень богат и разнообразен.

В данной статье представление лишь некоторые фрагменты из самобытной и уникальной культуры и поведения и формы обхождения абхазского народа.

Формы обращения

Формы обращения представляют собой весьма сложный акт деятельности. Реализация той или иной формы обращения зависит от социальной принадлежности, от уровня культуры и образования, от ситуации, от личных взаимоотношений и степени родства и особенно от возраста как адресата, так и адресанта.

Абхазский этикет требует строгого соблюдения возрастной иерархии.

Абхазы при обращении употребляют как собственные вокативы, так и нарицательные. Собственные вокативы используются при обращении к знакомым лицам, к незнакомым же – в особых официальных случаях. Нарицательные вокативы используются при обращении к знакомым и незнакомым лицам.

Собственные вокативы, как правило, однокомпонентны: это или имя, или фамилия адресата.

В абхазском языке нет противопоставления полных и сокращенных имен типа русских. *Таня-Татьяна, Лиза-Елизавета, Катя-Екатерина* и т. д. Это противопоставление иногда (в необразованной среде) воспринималось как разные имена.

Имя в качестве вокатива используется в обращениях: а) детей к детям, б) старших к младшим, в) сверстников к сверстникам, г) среднего поколения к старшим, д) младшего поколения к старшим.

*Национально-культурная специфика речевого обрашения. Москва. 1982.

В обращениях сверстников к сверстникам, а также лиц среднего и младшего поколения к старшим имеются определенные ограничения. Невестке, например, не позволено произносить собственные имена родственников мужа, особенно родственников мужского пола, не только при обращении, но и вообще. Она им подыскивает другие имена. Если ее собеседнику непонятно, о ком идет речь, она их называет описательно, например: *Леуа иаб* ‘отец Левы’, *Кама лабду* ‘дедушка Камы’. Имена для нее табуированы и тогда, когда они являются именами лиц, не имеющих никаких родственных отношений с родней мужа. Собеседникам она на них указывает также описательно: *санхәа лыхьӡ змоу аԥҳәыс* ‘женщина, которая имеет имя моей свекрови’. Невестка к свекрови обращается исключительно на “Вы” – *шәара,* а вокативом для нее является заимствованное из русского языка слово *мама* (реже *нана)*. В недалеком прошлом невестка не имела права говорить со свекром (и тем более называть его по имени). Сейчас невестка обращается к свекру с вокативом *папа // баба.* Сверстницы-невестки называют друг друга по имени, но если между невестками большая возрастная разница, то младшей невестке не рекомендуется называть старшую невестку по имени: в этих случаях в качестве вокатива используется имя, выбранное ею.

Зятю запрещено произносить имена тестя, тещи, а также дедушки и бабушки жены. Обращаясь к ним, он или вообще избегает вокатива, или использует следующие вокативы: к тестю – *папа // баба,* к теще – *мама // нана,* к дедушке – *баба,* к бабушке – *нана // нани // ди.*

Дети называют по имени только своих самых близких родственников: тетю, дядю (остальных родственников называть по имени не полагается). Если старшего по возрасту называют по имени, это расценивается как дерзость или отсутствие воспитания.

Использование фамилии в функции обращения не столь характерно для абхазской речевой ситуации, оно ограничено официальными условиями и определенной средой. В деревнях (на собраниях, сходах) использование имени в функции обращения обусловлено тем, что в деревнях много однофамильцев. Кроме того, обращение по фамилии привносит некоторый оттенок официальности и сухости.

Абхазские фамилии могут быть оформлены аффиксом общности *-а-,* выступающим в этих случаях в значении конкретизатора: *Бганба - а-Бган-ба, Киут - а-Киут.* В роли вокатива может быть использована и та и другая форма; расхождения в их значениях не выходят за рамки нормы. В абхазском языке встречаются вокативы, состоящие из двух компонентов: имя + отчество *(Тарас Кадыр-иԥа)* или из трех компонентов: имя + отчество + + фамилия *(Тарас Кадыр-иԥа Киут)*.

Исконно абхазское расположение компонентов следующее: отчество + имя *(Кадыр-ипа Тарас)* при двухчленном вокативе, фамилия + отчество + имя *(Киут Кадыр-ипа Тарас* ‘Киут Кадыра-сын Тарас’). Однако под влиянием русской среды и русского языка эти вокативы чаще используются с обратным расположением компонентов *(Тарас Кадыр-ипа Киут* Тарас Кадырович Киут’).

Двухкомпонентный вокатив типа Даут Алхас-ила ‘Даут Алхасович’ в настоящее время становится универсальным; им пользуются лица всех возрастов и социальных групп (в особенности интеллигенция).

Сложные вокативы типа рус. *тетя Маша, дядя Коля* для абхазского языка нехарактерны.

Нарицательные вокативы. Количество нарицательных вокативов, функционирующих в сфере обращения, незначительно: *аҳ* ‘князь’//саҳ ‘мой князь // ҳаҳ ‘наш князь’; аҳҟәажә ‘княгиня’, *саҳкәажә* ‘моя княжна’, *бара*’ ‘ты (женщина)’, *уара* ‘ты (мужчина)’; *мамида* ‘сестра отца’, ‘тетя, дад’ дядя’, *ди* ‘бабушка, мама’, *баба* ‘дедушка, отец’, *аҩыза* ‘товарищ’, *арԥыс* ‘юноша’, *сыԥҳа* ‘моя дочь’, *саҳәшьа* ‘моя сестра’, *сыжәлар* ‘мой народ’, *ухацкы* ‘дорогой, уважаемый’ (букв, ‘вместо тебя’), *сааукәыхшоуп* ‘дорогой’ (букв, ‘вокруг тебя я’),*аԥҳәызба* ‘девушка’.

Вокативы *аҳ, аҳкәажә* в настоящее время почти вышли из употребления. До революции ими пользовались при обращении подчиненного к начальнику или представителя низшего сословия к высшему. (В настоящее время эти вокативы используются в ироническом плане или при обращении к старшему брату и сестре мужа.)

Вокативы *нан, дад* используются лицами старшего поколения: *нан* – лицами женского пола, *дад* – лицами мужского пола; возраст и пол адресата в этих случаях не имеют никакого значения.

Ди, баба – вокативы одного из диалектов абхазского языка – абжуйского; *ди* используется при обращении к лицам женского пола, *баба // бабаду* – при обращении к лицам мужского пола (возрастные границы адресата в этом случае не учитываются).

Внуки обращаются к бабушке с вокативами *ди* (абжуйский диалект), *нану//нанду* (все диалекты), к дедушке – *баба//бабаду* ‘большой баба’ (абжуйский диалект), *дада//даду* (бзыбский диалект), *баба//сбаба* ‘мой баба’ может быть использован и стариками при обращении к лицам, младшим по возрасту, и при обращении к отцу (в абжуйском диалекте).

Младшее и среднее поколение обращается к родным с вокативами *мама, папа,* заимствованными из русского языка. Старшее поколение обращается к родным с вокативами *нана//нани* ‘мама’, *сан* ‘моя мать’, *саб* ‘мой отец’. Не исключены случаи, когда дети обращаются к родным, называя их по имени (в абжуйском диалекте).

Абхазский этикет запрещает супруге произнести имя супруга, а супругу – имя супруги. Собственные имена чаще всего сменяются местоимением *ари*, но никогда местоимением уи. Местоимения ари “эта, этот, это” указывает на ближайший предмет, ани – на более отдаленный, уи – на отделеныый предмет (та, тот, то”. Взаимоотношение супругов это взаимоотношение самых близких людей и, вероятно, поэтому из перечисленных местоимений ари как выразитель близости приобрел такую функцию. Параллельно муж употребляет слово *апшәма* ‘хозяйка’, *сыпшәма* ‘моя хозяйка’, *стакәажә* ‘моя старуха’, *ахъычқәа ран* ‘мать детей’, *шәан* ‘ваша мать’; жена – *схазеин* ‘мой хозяин’, *слыгажә* мой ‘старик’, *шәаб* ‘ваш отец’, *дара раб* ‘их отец’. В ситуациях диалогического общения муж обращается к жене с вокативом *бара*’ ты (женщина)’, жена к мужу – с вокативом *уара* ‘ты (муж)’.

Мужчина пожилых лет, обращаясь к девушке, называет ее *сыпҳа* ‘моя дочь’, обращаясь к женщине – *саҳәшьа* ‘моя сестра’, к юноше – *арпыс* “юноша’. Использование вокатива *апҳәызба* ‘девушка’ носит характер некоторой пренебрежительности, иронии’

Вокатив *аҩыза* ‘товарищ’ неуниверсален. Его использованием подчеркивается официальность обращения.

Вокативы *сыуаажәлар* ‘мой народ’, *ажәлар* ‘народ’, *аҩызцәа* ‘товарищи’ используются только в официальных условиях.

Обращение на “Вы” – шэара – явление более позднего порядка, охватывающее все большую сферу употребления.

Универсальным средством обращения является *ухацкы* ‘дорогой, уважаемый’ (букв, ‘вместо тебя’ *(муж.))// бхацкы* (‘вместо тебя’) (жен.)), *сааукуыхшоуп* ‘дорогой, уважаемый’.

Некоторое недовольство, возмущение собеседником может быть передано особой формой вокатива: к нарицательному или собственному имени присоединяется суф. *-хьеит {дихьеит, нанхьеит, Камахьеит).*

В деревнях при обращении по имени (если общение происходит дистантно) используются междометия: перед собственным именем – *уā* (звук [а] удлиняется), за собственным именем – *уый*: *уа Куаста уый*; вторая часть междометия уый может быть опущена: *уа Куаста!*

Формы приветствия

Приветствия у абхазов могут быть выражены словесно и жестами (иногда сопровождаемыми соответствующими словами).

Наиболее распространенным приветственным жестом среди мужчин является рукопожатие. Обмениваются руко-

пожатием близкие знакомые, родственники. Если наряду со знакомыми и родственниками присутствуют и незнакомые лица, обмениваются рукопожатием и с ними; после этого представляют незнакомых. Рукопожатие часто сопровождается словесным приветствием. Мужчины, хорошо знакомые (или близкие родственники), давно не видевшие друг друга, могут при встрече обняться и расцеловаться. Если один из встретившихся не собирается останавливаться, то он приветствует другого легким кивком головы (кивок сопровождается иногда словесным приветствием). Вообще этот вид приветствия является самым универсальным: им пользуется среднее и старшее поколение обоего пола (особенно, если встретившиеся не очень хорошо знакомы или приветствующие находятся на сравнительно далеком расстоянии).

Если мужчина желает подчеркнуть свое уважение встретившемуся, то кивок головой сопровождается снятием или приподниманием шапки (шляпы, кепки). В этих же целях кивок головой или словесное приветствие могут быть заменены жестом: ладонь правой руки (пальцы плотно прижаты друг к другу) прикладывается чуть ниже груди, корпус тела слегка наклонен вперед.

Мужчины старшего поколения могут выразить приветствие поднятием правой руки до уровня плеча, причем при поднятии руки пальцы собираются, но кулака не образуют. Этот жест чаще используется всадниками.

Мужчины среднего или пожилого возраста приветствуют детей поцелуем в голову или слегка треплют им волосы (дети подходят к ним с опущенной головой, очень скромно, нерешительно, не приветствуя их).

Женщина-горожанка, встретившись с мужчиной, протягивает ему руку для рукопожатия пожилого возраста) при встрече с мужчиной целует его в правое плечо, он же, наклонившись, слегка ее обнимает; если мужчина очень известен, почитаем, то она целует его в грудь. Невестка не имеет права приветствовать ни свекра, ни диверя. Она лишь скромно, опустив голову, подходит к ним.

Женщины при встрече чаще целуются, и если среди знакомых есть незнакомая, то и с ней обмениваются поцелуем. Молодые целуются в щеки или в губы, пожилые - в щеки или в плечо.

Если хозяева заметили, что к дому направился гость, то они обязаны выйти ему навстречу. У дверей дома обычно спорят, кому прежде всего следует войти в дом. Как правило, гость настаивает, чтобы первым вошел в дом старший из хозяев дома. Затем следует гость, за ним – младшие хозяева дома.

Ни в коем случае непозволительно приветствовать кого-либо сидя. Встает при входе гостя даже женщина весьма преклонного возраста (возраст гостя для нее не играет никакой роли) . Хозяева не садятся до тех пор, пока не усадят всех гостей.

Женщины (крестьянки среднего и пожилого возраста), встречая очень близких и дорогих им людей, правой рукой (многократно) против хода часовой стрелки описывают круги перед лицом того или иного человека, приговаривая *ухацкы сцааит* ‘Да пойти мне вместо тебя (муж,.)’, *бхацкы сцааит* ‘Да пойти мне вместо тебя’ (жен.), затем целует его, может также и обойти вокруг него. При выражении очень большой радости круги иногда описывают двумя руками: направление движения левой руки противоположно движению правой руки.

Молодое поколение в качестве приветствия может использовать поднятие правой руки чуть выше головы, ладонью к адресату.

Если старшие заняты серьезным разговором или делом, то младший по возрасту их не приветствует, а тихо, стараясь не обратить не себя внимания, подходит к ним. Если его заметил кто-нибудь из сидящих, то он тихо с ним здоровается.

В доме, где находится покойник, приветствовать присутствующих не положено.

Если к сидящему в машине направился кто-то из знакомых, чтоб его приветствовать, то сидящий обязательно должен выйти из машины и ответить на приветствие стоя.

Жесты приветствия очень часто сопровождаются соответствующими речениями: *шьыжъыбзиа* ‘доброе утро’, *мшыбзиа* ‘добрый день’, *хулыбзиа* ‘добрый вечер’, *бзиа ууит* ‘хорошей тебе работы’ (муж.), *бзиа жәууит* ‘хорошей вам работы’, *бзиа бууит* ‘хорошей тебе работы* (жен.) (последние три приветствия использует путник при встрече с работающими людьми); *бзиа шҳәеит* ‘хороших вам разговоров, хорошо вам поговорить’ (используется при встрече с людьми, которые о чем-то говорят); *убзаҳәит* (используется при встрече с пастухом), *нар улбааит* ‘сойти тебе с нар’ (муж.) (этимология *нар* неясна), *бзиала улбааит* ‘хорошо сойти тебе’ (муж.) (предшествующее и это приветствие используются при встрече с человеком, собирающим виноград), *аура уцуп* ‘с хорошим урожаем’ (букв, ‘на тебе (муж.) лежит урожай’), *бза хаугалт* (используется при встрече с аробщиком на арбе), *еиҳа бхьеит* Больше тебе (жен.) надоить’, иеиҳа *ухьеит* ‘Больше тебе (муж.) надоить’, асеи аԥшыци ҳәа *сааит* ‘Пришел за прядильным станком’ при встрече с прядильщицей).

Этикет речи

Темп абхазской речи несколько более быстрый, чем русской. Это обусловлено спецификой некоторых фонем. В абхазском языке из гласных фонем самыми частыми являются а, ы, которые короче соответствующих русских а, ы. Этот признак по сути и является, как нам кажется, одной из причин сравнительно ускоренного темпа абзахской речи. Мелодика фраз с различной целеустановкой в основном совпадает с аналогичными фразами других языков, например русского, грузинского. Абхазская речь не изобилует междометиями. Специфическими междометиями для абхазского языка являются: *кох, дида, унан* (выражают удивление), *амарԥьа, абааԥс* (используются для подбадривания, подстегивания и т.п.). Пауза в речи обычно заполняется словами *ыҟами* ‘не есть ли’, *ы-ы* ‘ы-ы. . .*, *абри // ари* ‘это’. В общественных местах собеседники говорят тихо. Если собеседники не являются

близкими знакомыми и сказанное не вполне услышано, то недослышанное не переспрашивается. В таких ситуациях или не показывают вида, что сказанное не вполне услышано, или переспрашивают кого-то третьего.

В абхазском языке имеется специальная форма переспроса, которая образуется посредством присоединения частицы *ба* к слову переспроса: *Тина ба?* “Тина?”

Если из двух собеседников один знает другого, а другой его не знает или не может припомнить, то последний скрывает это и старается направить беседу таким образом, чтобы получить некоторые данные, которые помогли бы ему установить личность собеседника. Установить личность собеседника он может также, прибегая к посредничеству других лиц, но таким образом, чтобы собеседник этого не заметил. Если посредничество невозможно, то следует, обязательно извинившись, попросить собеседника назвать себя. Тон просьбы при этом сожалеющий и немного виноватый.

В обществе говорить на ухо или шептаться не рекомендуется. Если же необходимо поговорить с кем-либо конфиденциально, то его отзывают в сторону и там ведут с ним разговор.

Прерывать говорящего недопустимо, но если кто-либо делает это, то свою речь он начинает с извинения или словами *Уажәа хьыла иԥысҟоит* Твои слова я режу золотом’.

Всадник обязательно спешивается даже для короткого разговора с пешим, который намного старше его по возрасту. Если к сидящему подходит кто-то весьма уважаемый или старший по возрасту, то сидящий обязан встать и вести разговор стоя. На собраниях и в обществе младшему по возрасту непозволительно выступать раньше старшего.

В недалеком прошлом невестка не говорила со свекром, но сегодня придерживающихся этого правила становится все меньше и меньше. В то же время исключается развязный, пренебрежительный тон разговора невестки с родней мужа и вообще со старшими по возрасту. Такт и выдержка должны характеризовать ее общение со старшими (по возрасту и

положению в семье), даже если она в чем-либо не согласна с ними.

Обычной темой разговора при встрече знакомых является здоровье. Незнакомые, оказавшись вместе, чаще всего ведут разговор о погоде, о своем самочувствии при соответствующей погоде; обсуждают деревенские или городские новости, если они из одного района.

Мимика и жестикуляция

Абхазы в процессе беседы жестикулируют очень умеренно. Чрезмерная жестикуляция может быть расценена как проявление фамильярности. При официальной беседе или при публичном выступлении жестикуляция доходит почти до минимума.

Застывшая мимика (“каменное лицо” с европейской точки зрения) не характерна для абхаза. Диалектных различий в реализации жестов и мимики почти не наблюдается. Во всем инвентаре жестов, используемых абхазами, имеются исконно абхазские жесты и заимствованные. Основная часть жестов сопровождает речь, но есть и такие, которые выступают в роли функциональных эквивалентов определенных речений.

I. Жесты, выражающие различные эмоции говорящего.

1. Чувство недоумения передается разведением рук в стороны.

2. Одобрение, восторг выражаются аплодисментами, которые иногда сопровождаются междометием прауа // браво, уыра // ура.

3. Жесты, выражающие подчеркнуто безразличное отношение к сообщаемому, дифференцируются в зависимости от пола и возраста. Девушки (преимущественно деревенские) безразличие с некоторым оттенком юмора передают легким пощипыванием щек, сопровождая иногда этот жест междометием *уыу-уыу* (как бы оплакивая случившееся). Жест этот обрядовый, им пользовались женщины при оплакивании

покойного. Мужчины равнодушие и безразличие выражают поднесением большого пальца к верхним зубам (остальные пальцы загнуты) и затем резко отстраняют его от зубов, имитируя выдергивание зуба. Жест сопровождается речением *кыкышь* (этимология неясна) или иеҳа иҵысхуеит ‘*большой* из всех (зубов) выдерну’ (жест весьма фамильярен и поэтому используется далеко не всяким).

4. Возмущение передается следующим жестом: кисть руки с плотно прижатыми и слегка согнутыми пальцами подносится ко лбу, глаза при этом сощурены (жест абхазский).

5. Презрение выражают растягиванием губ в разные стороны или плевком. Вместо плевка часто употребляется междометие *тьфу.*

6. Пренебрежение, брезгливость, неприязнь передаются легким подергиванием надгубных мышц лица. Эти мимические движения сопровождаются междометием *фиф.*

7. Жесты, вызванные утратой близкого человека, наиболее разнообразны. Мужчины при выражении горя бьют себя по голове или кулаком в грудь, женщины царапают щеки до крови. Плач женщин сопровождается специфическим криком *уыу-уыу.* На этот крик сбегаются соседи, заведомо зная, что произошло большое несчастье. Подобное выражение горя характерно для жителей села старшего поколения.

8. Чувство досады передается следующим жестом: ладонь или ладони прикладывают к щеке (жест абхазский).

9. При окончательно принятом решении взмахивают рукой: руку, обычно правую, поднимают до уровня плеча, затем резко опускают. Этот жест может сопровождаться речением *иҟалалак ҟалааит* ‘будь что будет’. Налицо тенденция их исчезновения.

10. Удивление может быть передано хлопком, при этом руки разводят довольно широко, чтобы получился сильный хлопок. Жест этот часто сопровождается словами абар ассир ‘вот чудо’.

Прикладывание кисти (ладонью вниз, большой палец загнут, остальные прижаты друг к другу) к горлу означает пресыщение.

12. При обдумывании чего-либо почесывают затылок или за ухом.

13. Незнание или непонимание чего-либо передается пожатием плеч.

14. Если хотят показать, что кто-то глуп, туп и т.п., то указательным пальцем (остальные пальцы согнуты) слегка постукивают по лбу.

II. Жесты, выражающие различные взаимоотношения между собеседниками.

1. При выражении благодарности правую руку прикладывают к груди и слегка кланяются.

2. Прощаясь (процесс прощания протекает дистантно), поднимают руку и двигают кистью вперед и назад.

3. При выражении угрозы размахивают кулаком или вытянутым указательным пальцем. За разглашение секрета угрожают следующим образом: рука с плотно сжатыми пальцами, кроме большого, подносится ко рту и затем резко отводится (жест абхазский).

4. Отказываясь что-либо отдать или заплатить, говорящий протягивает руку с поднятым большим пальцем (все остальные пальцы согнуты) в сторону собеседника. Этот жест сопровождается выражением *меҳ умоуп* (этимология *меҳ* неизвестна, (и) *умоуп* ‘ты (муж.) имеешь’) или *аҳампал* (конусообразная лепешка с сыром). Жест весьма фамильярен и используется исключительно в среде низкого культурного уровня.

Аналогичный жест, но рука в этом случае не протянута, может быть использован для выражения благополучия, хорошего качества чего-либо. Подобный жест заимствован из русской среды.

5. Отказ от чего-либо передается размахиванием руки или покачиванием головы влево и вправо; согласие передается киванием головы.

6. Отсутствие денег или желание их получить может быть передано потиранием указательного, среднего и большого пальцев (заимствованный жест). Отсутствие денег передается похлопыванием рук по карманам.

III. Жест императива.

1. Если требуется удалить кого-либо за дверь, то используется следующий жест: указательным пальцем указывают на дверь или взмахами вытянутой руки направляют к выходу. Этот жест часто сопровождается наречием *нақ*! *нақ*! ‘туда!, туда!’ (ср. рус. ***вон!)***.

2. Значение ‘отстань’ передается движением руки от себя (рука не вытянута). Сопровождается или наречием *нақ*, *нақ*, или глаголом *усҧырҧ*! ‘отстань, отойди!’

3. Прикладывание указательного пальца к губам означает требование тишины. Жест часто сопровождается междометием *шь-шь-шə // су*.

4. Требование или приглашение подойти передается движением указательного пальца (к себе и от себя) в сторону приглашающего, сгибанием и разгибанием (к себе или от себя) кисти руки или же всей рукой по направлению к приглашающему. Использование одного из этих жестов зависит от расстояния между приглашаемым и приглашающим.

5. Требование замолчать выражается легким постукиванием указательного пальца (палец в вертикальном положении) по губам.

IV. Жесты, выражающие размеры и количество

1. Длина, равная толщине пальца (*маҷак*), передается вытянутым указательным пальцем, остальные пальцы собраны в кулак, толщина в четыре пальца - вытянутыми собранными четырьмя пальцами (большой загнут).

2. Длина, равная расстоянию от вытянутого большого пальца до вытянутого указательного (три остальные загнуты), называется *ԥсыза*.

3. Длина, равная расстоянию от вытянутого большого пальца до вытянутого мизинца (ладонь открыта, пальцы разведены), называется *аза.*

4. Поднятием руки до уровня плеча выражается расстояние в локоть *(рак).*

5. Кулак с чуть поднятым и согнутым большим пальцем обозначает толщину, равную расстоянию от конца большого пальца до первого сустава *(анапыхырҟуара).*

6. Глубина реки (или какого-либо водоема) передается прикладыванием руки (ладонью вверх) к колену, если воды по колено; к поясу, если воды по пояс.

7. Рост ребенка показывают вытянутой рукой ладонью вниз, пальцы прижаты друг к другу.

8. При счете загибают пальцы внутрь, начиная с мизинца.

V. *Обрядовые* жесты и жесты, связанные с суеверием.

1. Жесты, сязанные с обрядом оплакивания покойного. Женщины, приближаясь к покойному, кричат *уыу-уыу* и одной или двумя руками имитируют расцарапывание щек. Приблизившись к покойному, они начинают причитать. Близкие родственники покойного царапают щеки до крови. Мать или жена (особенно жена) не имеет права бурно выражать свое горе, все ее движения очень сдержанны. Мужчины при оплакивании ладонями рук слегка бьют себя по лбу, эти жесты часто сопровождаются возгласом *а-ҳи-ҳи, а-ҳ-ҳи*. Близкие покойного кулаком правой руки бьют себя в грудь. Отец покойного или муж покойной выражает свое горе очень сдержанно. Мужчины, которые особо хотят подчеркнуть свое страдание по усопшему, становятся перед покойником на колени и плачут. Приходящие на похороны выражают свое сочувствие родственникам плачем (родственники, сидящие рядом с покойным, встают в то время, когда пришедшие двигаются вокруг плакальщицы). У сидящей рядом с покойным родни руки, как правило, сложены ниже груди.

2. Жесты, оберегающие от дурного глаза - плевать через правое плечо; дуть в того, кого хотят уберечь от дурного глаза (это называется *атәҳәара* ‘дуть’).

3. Жест, оберегающий от злых духов и всего плохого: вращение правой рукой против хода часовой стрелки перед лицом того, кого хотят уберечь, затем прикладывание руки к своему лбу – это означает ‘пусть все плохое ляжет на меня’.

Чтобы удача сопутствовала уходящему, у порога его провожают мать, бабушка или кто-нибудь из знакомых, известный своим «счастливым шагом».

О ЯЗЫКЕ КОРОТКИХ РАССКАЗОВ Д. И. ГУЛИА[1]

Язык прозы Д. И. Гулиа очень богат и стилистически разнообразен. Об этом свидетельствуют: обширный объем привлеченной лексики, представленной бытовой, обиходной, отраслевой, диалектной лексикой, социальными и религиозными терминами, терминами родства, фразеологическими сочетаниями; обилие различных грамматических форм и синтаксических построений; наличие вариативных слов и выражений. Проза демонстрирует не только тонкое знание Д. И. Гулиа родного языка, его богатой лексики, интуитивное знание до мельчайших нюансов грамматических форм, но и исключительное умение выбрать из всего обилия самое нужное, яркое, образное, благодаря чему достигается сильное эмоциональное воздействие. В этом суть мастерства Д. И. Гулиа как художника слова.

Однако необходимо отметить, что до сих пор изучению языка прозы, а также поэзии Д. И. Гулиа посвящен очень мало работ[2]. Перспективы же исследования в этом направлении очень большие.

Задача языковеда — на глубокой научной основе изучить все средства словесно-художественной изобразительности, использованные в произведениях Д. И. Гулиа, причем изучить их как систему, прослеживая динамику развития, и установить наиболее характерные, конструирующие индивидуальный стиль Д. И. Гулиа. Кроме того, анализ языка художественных произведений Д. И. Гулиа дает возможность проследить путь становления и развития абхазского литературного языка.

В настоящей статье будет сделана некоторая попытка выявить в коротких юмористических рассказах Д. И. Гулиа средства словесно-художественной изобразительности, посредством которых автор вносит в основное семантическое

[*]Известия АбИЯЛИ. Т. XI. Тб., 1983.

[2]В. А. Амҷ-пҳа, Д. И. Гулиа ибызшәа аҧыдараҟәа, «Алашара», 1974, №8.

содержание экспрессивно-эмоционально-оценочные моменты.

Язык коротких рассказов Д. И. Гулиа – это письменное воспроизведение языка устных коротких рассказов с сохранением всех приемов повествования. Он очень сжат, динамичен, четок, прост, образен и эмоционально насыщен. Устная речь вообще старается избежать длинного, монотонного повествования. Для нее характерны частые паузы, интонационные перепады, чередование ускоренного и замедленного темпов, сочетание различных ритмических организаций. Мелодика текста, представляющая по жанру короткий устный рассказ, где основная цель – коротко, но очень образно изложить суть рассказа, особенно богата интонационными перепадами, паузами и ритмическими организациями. Д. И. Гулиа в своих рассказах старается устную речь отобразить во всех деталях, и это ему прекрасно удается. Однако язык его рассказ» не копия, пусть даже очень удачная, языка устного рассказа. Искусным использованием неисчерпаемых богатств родного языка Д. И. Гулиа превратил несложные по содержанию маленькие рассказы, бытовавшие в народе, в яркие, красочные миниатюры, полные добродушным абхазским юмором.

Всего этого он достиг благодаря использованию метода краткого, четкого и динамического изложения. Этот метод позволил ему, с одной стороны, очень лаконично передать содержание повествования, с другой стороны, дать акустическое представление живой образной речи.

Весь текст маленьких рассказов изложен так, что он имитирует мелодику устного короткого рассказа. Построение предложений, их лексическое наполнение и грамматическое оформление; способы сочетания синтаксических единиц и их целеустановка преимущественно подчинены тому, чтобы повествование создавало впечатление живого, звучащего изложения, чтоб слышалась музыка устной народной речи.

Признаки: кратность, динамичность, четкость являются типичными признаками языка коротких рассказов. По существу эти признаки выступают в качестве релевантных факторов, позволяющих противопоставить в стилистическом плане язык рассказов остальным прозаически произведениям Д. И. Гулиа. Безусловно, эти признаки не составляют исключения и для других художественных произведений писателя, но использование их в других произведениях не является системой. Такие же признаки, как простота, ясность, выразительность, эмоциональность, образность присущи всему творчеству Д. И. Гулиа, включая и маленькие рассказы.

Устная речь, как было сказано выше, часто прерывается паузам, сказитель как бы переводит дыхание. Прерывистость речи преимущественно достигается последовательным соединением простых в структурном отношении фраз. Фраза, являясь интонационно завершенной единицей речи, в потоке речи с обеих сторон выделяется паузами. Структура предложений рассказов Д. И. Гулиа также преимущественно прост Они обычно состоят из главных членов и единично второстепенных. Пользуясь полиперсональной особенностью абхазского глагола, благодаря которой известны субъект и объекты действия, Д. И. Гулиа очень часто опускает один или два главных члена предложения, от чего предложение становится более сжатым, но не менее информативным, напр.:

Зынран. Хуаранза Тамшь дынхон. Лашьцəа дшыԥсыз ларымҳəеит. Аҭакуажə уахь лгара уадаҩын. Ааԥынра анааи, «башьцəа ббап» рҳəан дыргеит. Аха иаша лашьцəа рыҩныҟа дрымгакуа, ауахуамаҷы днаргеит. Ари уамашəа илбеит, аха илкыз (Хуаранза лашьцəа рбара Азҩбжьаҟа дцеит «Хуарандза поехала в Адзюбжу, чтоб повидать своих братьев») «Была зима. Хуарандза жила в Тамыше. О том, что скончались братья, ей не сказали. Повезти туда старушку было трудно. Когда пришла весна, «повидаешь своих братьев» сказали они (и) повели. Но ее-они-не-повели прямо в дом братьев, ее-они-повели в церковь. Это удивило, но чтоб она поделала». Из семи приведенных цельных синтаксических единиц, только в двух представлены слова, выражающие субъект-подлежащее, в других же – слов, указывающих как на субъект подлежащее, так и на объект-дополнение, нет.

Обращает на себя внимание использование второстепенных членов. Во-первых, чаще всего они единичны, т. е. без синтаксически связанных с ним слов, во-вторых, почти всегда они несут большую эмфатическую нагрузку. Такая конструкция предложения представляет собой имитацию устной речи, расчлененной на минимальные синтагмы, где подчеркнутая часть мысли произносится резким повышением голоса, что в свою очередь создает впечатление интонационной прерывистости. Например, в предложении Гути Шьгути уск аҧыхуала Очамчыраҟа ицеит, ихынхәны иаауан, ҽыла иҟан; Гут ажәабжь аҳәара далагеит, Шьгут цқьа имаҳауа далагеит: амҩа цқьа иҽеимызт, изеивагыломызт (Гути Шьгути еиҽехьнуп «Гут и Шгут вместе сидят (на одной лошади). «Гут и Шгут по делу поехали в Очамчир, возвращались обратно. Они были верхом. Гут начал о чем-то рассказывать. Шгут плохо слышал его: дорога была не очень хорошей: не могли рядом ехать». Использование второстепенных членоз *уск аҧыхуала* «по какому-то делу», *Очамчираҟа* «в Очамчир», *ихынхәны* «возвращаясь», *ҽыла* «верхом, *цқьа* «хорошо» автор сообщил, что это событие произошло на обратном пути из Очамчири, куда они поехали по какому-то делу, а не просто так. Для особого подчеркивания езды верхом автор наречие-обстоятельство ҽыла «верхом» выделил в самостоятельное предложение, присоединив к нему вспомогательный глагол *иҟан* «были» (ср. Гути Шьгути *уск аҧыхуала Очамчыраҟа ҽыла ицеит с ҽыла иҟан*), затем автор посредством использования обстоятельства образа действия цқьа «хорошо», структуры сложного предложения и особой глагольной формы изеивагыломызт «они рядом вместе не могли стоять» дал понять читателю, что важным в сообщении является не то, что Гут начал говорить Шьгуту новость, а что эту новость плохо слышал Шьгут, т. е. дорога была плохая, а это мешало двум лошадям рядом идти. Как видим, чтоб сообщение сделать очень пространным и информационно насыщенным, Д. И. Гулиа достаточно было внести несколько единичных обстоятельств. Аналогичным образом построены и нижеприведенные предложения.

Убас Хаҧьарат харада-барада, мышкы хулааныза имдырразы абахҭа дҭакын (Хаҧьарат ихала абахҭа дтатәеит «Хаджарат сам сел залез в тюрьму») «Так Хаджарат без вины, целый день, по его глупости просидел в тюрьме».

Абна-ара ауардынқәа иҭыржаан, маҟҿаҳәарада аҟынза азы рҭатәан. (Хыгу ныгу диҵаҧшьеит. Хыгу Ныгуа стерег»). «Там и тут арбы вырыли (землю), по пояс в них находилась вода».

Тамшь ақыҭан ианакузаалакь аҩы маҷын. Аҳәсақуа шамахада рыжәуамызт... (Азҩыбжьаа рҭаца аҩы дарцәашьит «Невестка адзюбжинцев опьянела от вина»). «В селе Тамыш всегда вина было мало. Женщины, если не в особых случаях, вина не пили».

Предпочтение единичным второстепенным членам можно объяснить их эмфатической нагрузкой, т. к., присоединив к ним какое-либо слово или слова, эмфазисная сила уменьшается, распределившись и на остальных. Видимо, поэтому предложения с осложненной структурой встречаются в рассказах значительно реже.

В качестве элементов, осложняющих простое предложение, чаще всего выступают инфинитные обороты, выполняющие обстоятельственные функции, инфинитные же определительные в рассказах встречаются реже. Надо отметить, что используемые иифинитные обороты в структурном отношении также просты, причем в одном предложении их не бывает более одного-двух. Использование подобных инфинитных оборотов является одним из средств достижения краткости и прерывистости повествования, например:

Инфинитные глаголы и обороты позволяет автору не вводить в повествование самостоятельных предложения с соответствующим содержанием:

Ашәарыцарахьтә зны дхынхәны данааи, крифаҵаразы ахьшьцәа иху цәырырган, имҵарҵеит (Ешсоу иашәахабжа, «Полсыра Эшсоуа...»). «Когда он однажды пришел с охоты, чтоб его накормить, пастухи вынули еду (и) поставили перед ним»,

Данҧсы, Азҩыбжьа ауахуамахьтә Аҭараҟа дыргон, икуба ауардын иақургыланы (Ажәеиҧшьаа, изуҭац иҭ). «Когда он скончался, из церкви Адзюбжи его несли в Атара, поставив гроб на арбу».

Еще реже в рассказах встречаются сложные синтаксические построения.

Языку рассказов характерны такие синтаксические построения, которые состоят из отдельных, максимально простых предложений. Они при сравнительно небольшом лексическом наполнении выражают ряд отдельных событий, но вместе создают выразительную цельную картину. Такие предложения построены по образцу народно-разговорного синтаксиса. В них, как и в устной речи, часто отсутствуют непосредственные словесные указатели, а также замечается некоторая шероховатость стиля. Оформление некоторых сказуемых прошедшей неопределенной формы создает иллюзию интонации перечисления, темп которой ускоряется. Синтаксические конструкции, построенные по такому образцу, как бы оставляют впечатление возникновения речи не в условиях письма, а в процессе речевого акта.

Азҩыбжьаа рыпап Куасҭа аҳәа рацәаны аниҵан, ажәлар рымхқуа еимырҵәон, еизашшуа еишьҭан (Апап иҳәақуа Цагуриа Бата ичахуеит «Свиней попа откармливает Цагуриа Бата»). «Поп адзюбжинцев Костя развел много свиней, они уничтожали урожайные поля народа, те же – жаловались».

Зны еизарак аҽы урҭ акы ааимаркын, еизыцҟьеит, аха ауаа рацәаны иҟан, инарыбжьагылан, иааиҟурхит (Хуаҭи Чқуаҭи еизыцҟьеит. «Хуата и Чкуата повздорили»). «Однажды на одном собрании они поспорили из-за чего-то, оскорбили друг друга, но людей было много, они встали между ними и разняли их».

Зны абжьыуаа рҽы аҕьычра бааҧсыла иҵысын, азәи-азәи рыгура еибамго, еибарқәуа иныҟалеит (Аныха ркуаҳаит. «Икону растоптали»'). «Однажды среди абжуйцев началось большое воровство, стали друг другу не верить, друг другу клясться».

Зны, ҧхынрак азы, аарҩара цәгьак ҟалан, ақыҭан анхацәа рҽаҩрақуа былуа иалагеит (Аҷҟуандар дныҳәан, ақуа ауит «Епископ помолился – дождь пошел»). «Однажды летом была большая засуха и урожай крестьян деревни начал сгорать».

Краткость повествования может быть достигнута также введением в авторскую речь прямой речи. Такая конструкция позволяет одним предложением передать сложную языковую ситуацию, избегнув таким образом использование ряда поясняющих предложений. Авторская речь с точным воспроизведением чужой речи вообще характерна устному фольклору. Благодаря тому, что сказитель старается сохранить мелодику чужой речи, ритмо-мелодический рисунок речи самого сказителя осложняется: в ней уже представлен не один интонационный рисунок, а свыше одного. Такие предложения оживляют рассказ, создают впечатление звучащего голоса, например:

«Ивизиттә карточка» ҳәа ззиҳәаз спартрет азы акухап» иҳәан, абҕьааҳәа Аҟуаҟа дцеит партрет ҭыхра (Амтон икарточка «Карточка Антона»). «Наверное он имел в виду мою фотокарточку, когда говорил о визитной карточке, сказал он и мгновенно отправился в Сухуми фотографироваться».

В коротких рассказах Д. И. Гулиа в ряде случаев однородные члены использует не для детализации чего-либо, а напротив, как средство локализма: одним перечислением писатель создает общую цельную картину.

Еибаргыдымыдуа, адәқьанқәа инарыҩнаҧшуа, аханкуа рыла рыдхало, амҩасцҽа нарыгутасуа, ус ргуреанзамкуа абульвар аеы инакылсит (Жьаци, Маци Батымка ицеит «Жац и Мац поехали в Батуми»). «Бродя, заглядывали в магазины, разглядывая дома (дворцы), толкая пешеходов, так, неожиданно для них самих, они оказались на бульваре».

Зегьы чгон, иҷьабон, ҷьоукы ргәбылны, ҷьоукы аҳ игәы иахәап ҳәа, ҷьоукы иара аҳ ицәшәаны (Маан Ҳасан дҷьабон «Маан Хасан постился»). «Все постились, переживали, некоторые жалея, некоторые, мол князю понравится, некоторые боясь князя».

Асасцәа аныҳәа ҽакуа аки-аки неишьҭаргыло, ижәуа рҽаархан, аҧшәма аҩы даршьны, инагыланы, ицеит (Ҭамшьыгә исасцәа аҩы иаиршьит «Тамшигу напоил гостей вином допьяна»). «Гости один за другим пропуская новые тосты, начали пить, напоив допьяна хозяина, встали (и) ушли».

Лаконичность изложения, как правило, сочетается с динамичностью. Яркая “динамичность достигается сменой одного предложения другим, не являющимся по содержанию последовательным предложением повествования, а являющимся описанием одного из последующих моментов, на которое автор хочет особо сконцентрировать внимание читателя. Например, сочетанием таких предложений, как Зны Аҧсны аҳ Мамсыр диҭан. Ауха азал аҽы аҳ дахьышьҭаз аҵхыбжьон дааимсеит (Аҳ деимсеит «Князь чихнул»). «Однажды князь Абхазии был в гостях у Мамсыра. Ночью, в зале, где он лежал, он чихнул». Д. И. Гулиа подчеркнул важность сообщения второго предложения: читателю ясно, что в этом повествовании основным является не то, что у Мамсыра в гостях был князь, а то, что он чихнул.

Шьмаҭ Аҟәа аокруг аначальник иҽы ҭарҵьманс дыҟан. Уи аҵарҭыша гара дышзахәалак даҽын (Шьмаҭи акәтаҕьқәеи «Шмат и яйца») «Шмат был переводчиком у начальника Сухумского округа. Он как мог брал взятку».

Астаршын Ҵьагә аначальник иахьтә апырказ иоуит: «ажәлар ашәахтә дыршәаны иаага» хҽа. Апырказ аписар ибаанза ицәызит (Ҵьагә ипырказ иҽы иафеит «Приказ Джагуа съела лошадь»). «Однажды Джагу от начальника получил приказ, мол, заставь народ заплатить налог и принеси. Пока старшина увидел приказ приказ пропал».

Тамшь адәқьанқәа рҽы дыхәҳахәҭуан Вахушьҭ ҳәа азәы. Идәқьан аҧхьа ииагоу амҩду аҽы ахаҳә ықәҧсатәын (Вахушьт-подриадчик «Подрядчик-Вахушти»). «В магазине Тамыша торговал некий Вахушт. Необходимо было засыпать камнями дорогу, проходящую перед магазином».

Наличие предложения с причинно-следственным содержанием является одной из характерных особенностей маленьких рассказов. Использование этой конструкции также является одним из приемов краткого изложения какого-либо события, т. к. повествование, построенное на причинно-следственных отношениях, являясь закрытой конструкцией, в принципе не терпит введения какого-либо другого сообщения. Способы передачи причинно-следственных отношений у Д. И. Гулиа различны.

Чаще всего эти отношения передаются синтаксической конструкцией, представленной из 2-х синтаксических единиц, где сказуемое первой единицы выражено прошедшей неопределенной формой динамического глагола, а сказуемое второй единицы – преимущественно аористом.

Шьмаҭ акәтаҕьқәа иҵьыба иҭеиҵар, иҭаҧеыр ҳәа дшәаны, ихылҧарч иҭаҵаны ихаиҵеит (Шьмаҭи икәтаҕьқәеи). Шмат испугался: если он яйца положит в карман, то они разобьются, потому, положив их в папаху, он ее надел».

Акәтаҕьқәа ргәы ҩеижьза, ахаҳәқәа инарынҧан, рыцыҧхь аначальник имагә аҟынзагьы иназеит (Шьмаҭи акәтаҕьқәеи). Яйца, с совершенно желтыми желтками, шлепнулись о камни, их брызги достигли и до сапог начальника».

Аҭаца кранылфа, мчыла иналыдцаланы аҵәыцак аҟара аҩы лдыржәын, дашьит (Азҩыбжьаа рҭаца аҩы дырцәашьит «Невестка адзюбжцев опьянела»). «Когда невестка поела, ее силой заставили выпить стакан вина, она опьянела».

Нередки случаи, когда эти отношения передаются содержанием двух самостоятельных предложений, которые стоят рядом.

Тамшь ақыҭан ианакәзаалакь аҩы маҷын, Аҳәсақәа шамахада аҩы рыжәзомызт (Азҩыбжьаа рҭаца аҩы дырцәашьит). «В селе Тамыш вина всегда мало было. Женщины, если не в исключительных случаях, вина не пили».

Аҳәсақәа «ҳҭаца ишҧыкәу азы шылҳаржәуа» рҳәан, аҵәца азна аҩы еиҭалдыржәит. Деиҭашьын, лхы лзымдыруа днышьҭалахт (Азҩыбжьаа рҭаца аҩы дырцәашьит). «Женщины сказали «как мы свою невестку напоим водой», и вновь заставили ее выпить полный стакан вина. Она вновь опьянела и не помня себя, опять легла».

В этой иллюстрации причинно-следственные отношения наблюдаются не только между двумя самостоятельными предложениями, но и внутри них.

Чтобы избежать подробных объяснений, Д. И. Гулиа часто прибегает к вставочным предложениям, которые по содержанию не являются продолжением начатого повествования и появление их в канве повествования является как бы неожиданным. Эти вставочные предложения необходимы автору для того, чтобы в уже осуществляющее повествование внести добавочную информацию, которая пояснит некоторые обстоятельства последующего изложения. Например, в отрывок: Шықәсык аҕьычра аныцәгьаха, дахьышьҭаз иҩны (аҽы) иҩнеикуа далагеит; *иҩны ԥацха ҩнын*. Зны аҕьычцәа неин, аԥацха аҵәы нкылшьны, аҽы иналадыркьакьеит. «В какой-то год, когда воровство стало сильнее, он стал у себя дома держать (коня); *дом его был дом из прутьев.* Однажды пришли воры, просунув через щель дома палку с заостренным концом укололи коня» рассказа «Мамет иҽы инапала аҕьычцәа ириҭеит» «Мамет сам отдал свою лошадь ворам» ввел предложение – аҩны ԥацха ҩнын «дом был из прутьев – семантически не связанное с соседними предложениями: содержанием оно не является ни предложением повествования, ни следствием, ни результатом. Это лишь дополнительная информация, которая понадобилась автору для того, чтобы объяснить читателю, почему у воров появилась возможность через щель между прутьями, из которых был сделан дом, –пропустить палку с заостренным концом.

Такие вставочные конструкции характерны для устной речи. Ввиду того, что они интонируются не так, как соседние предложения – им присуща объяснительная интонация – они оживляют повествование.

Аналогичную функцию выполняет предложение *Аԥан иҩнгьы уаҟа ааигәа игылан* «и дом попа стоял там поблизости» в отрывке: Тамшь ақыҭан хәылԥазык ачҟәандар днеит. Ауахәама ашҭаҽы апап, адикәан, нас ԥыҵоык неицылеит. *Аԥан иҩнгьы уаҟа ааигәа игылан*. Ачҟәандар акы даргәааит...

ачҟәандар апап иҩныҟа дцеит (Ачҟәандар днеит, асаркьал иамыст «Епископ пришел, но в колокол не били»). «В какой-то вечер в село Тамыш пришел епископ. Во дворе церкви его встретили поп, дьякон и группа людей. Дом же попа стоял там поблизости. Епископ из-за чего-то рассердился... пошел в дом попа».

Одним из следствий лаконичности является четкость. Однако четкость языка рассказов достигается также путем выбора наиболее точного, меткого и образного в семантическом отношении варианта из синонимического ряда.

Аԥшәма днаԥшызар, игәара абаҟоу, ауразоуроу еизҟьа икажьын (Тируи агәареи еиқәаҳаит «Свалились и Тиру, и забор»). «Когда посмотрел хозяин – где его забор, весь рассыпанный валялся».

Унеины алыҕәра уқәл. Ушныкәлалакь, иаразнак улбаасыркьозар (ср.: улбаасцозар, хыхьынтә уҳхасцозар...), исыуҭозеи (Алыҕәра дылбааицеит. «Он согнал его с потолка (точнее: с антресоли»). «Пойди и поднимись на потолок. Что ты мне дашь, если я тебя сразу оттуда выгоню, как только ты туда поднимешься».

Итак, краткость, динамичность, четкость являются основными экспрессивными признаками коротких рассказов Д. И. Гулиа. Однако эстетическое качество художественного текста рассказов не создается лишь этими признаками; выразительных средств, способствующих созданию эстетического в рассказах, множество. Одним из них, как уже сказано было выше, считаем простоту и ясность, которые делают язык рассказов близким к народному, делают его совершенным и подлинно красивым. Все рассказы написаны образными словами и выражениями, в них много ярких, эмоционально окрашенных слов и синтаксических построений, красочных, ярких сравнений, эпитетов, крылатых слов и фразеологических сочетаний.

Дать анализ всех перечисленных выразительных средств, естественно, в одной статье невозможно, а потому позволю себе остановиться па некоторых из них, которые более

характерны для индивидуального стиля языка прозы Д. И. Гулиа.

Д. И. Гулиа часто прибегает к приему чередования точных, нормативно правильно, но экспрессивно нейтрально построенных синтаксических единиц с единицами, в которых ярко выражена экспрессия. Сочетание контрастных единиц с точки зрения выразительности еще более подчеркивает образность экспрессивно насыщенной. Такие сочетания имитируют мелодику устных высказываний, представленных из интонационных перепадов. Например:

Ақәаура иалагеит – апап џьеи уахь дцәыларын (Апап гьангьаш «Лукавый поп»). «Дождь стал идти – поп разве туда выйдет (- черта с два поп туда выйдет)». Рисунок мелодики этого предложения сложный: *ақәаура иалагеит* обладает постепенно нисходящим тоном, который доходит до пулевой границы диапазона говорящего, интенсивность и длительность при этом убывающая; после этой фразы наступает пауза; рисунок мелодики предложения *апап џьеи уахь дцәырԥрын* уже иной; восходящий тон резко снижается, кроме того интонация носит характер объяснения.

Апап дангәаҟ, днеин, алагьан ала аҙы изгылаз ихы инақәиҭәан, иаргьы дыԥо урҭ днарылалт, Заҟа урҭ рмазара изымгарыз, иара иаԥхьа урҭ *рхы* ртәохахьан, иара имазара зегьы – еимҵәаны иргеит (Апап гьангьаш). «Измученный поп подошел, налил на голову находившуюся в тазу воду и прыгая присоединился к ним. Он так и не взял их имущество; раньше него у них восстановился рассудок и его имущество все они растащили».

В маленьких рассказах максимально используются экспрессивные, возможности абхазского глагола. Так, с помощью модально-временных форм глагола передается стремительность, внезапность, быстрота сменяемых действий.

Внезапность, неожиданность последующего действия в рассказах обычно передается сочетанием инфинитного глагола, представленного или условной формой на -зар,

или же с обстоятельственным элементом времени -ан-, с финитным, оформленным чаще всего формой настоящего времени. Такое сочетание делает повествование живым, образным, причем сочетания с условной формой более экспрессивные. При устном воспроизведении предложений с условной формой тон голоса сильно повышается на подударном слоге условной формы, затем наступает сравнительно длительная пауза, после паузы резкий спад как тона, так и напряжения голоса. Как видим, акустическая экспрессия очень сильная. Экспрессия всего сочетания еще более усиливается транспозиционным использованием формы настоящего времени,

Аа! – иҳәан, апап дырҳаны дааҽыхазар – абар иԥҳәыс дихагылоуп (Апап гьангьаш) «Аа! – сказал и когда с испугу проснулся – вот жена его (где) стоит».

Акәытқәа ԥшызар, ахьшь иҟазам, акәҷышь цасҳәа иаҳәаазаап (Аҟәарыл ду ахьшьыцба хәҷы иацәшәеит). «Когда посмотрели куры – коршуна нет, цыпленок, оказывается, сказал неправду».

Данынаԥш, бнауаҩцас дқамсаза аҙәы дааидххылт (Лагәсҭан зныкҟьара џьдук ԥиҟеит «Лагустан взмахом срубил большой дуб»). «Когда он посмотрел, к нему подошел кто-то, подобный дикарю, косматый».

Для выражения ряда стремительных действий, происходивших почти одновременно, Д. И. Гулиа использует форму аориста, которая благодаря ее основной семантике – выражение разового замкнутого действия, как бы объединила их в одно целое:

Беслан иҽы *рҳаит*, иара *дшәеит*, иҟалаз *изымдырит:* зныкҟьара аҙәы џьдук *ԥиҟеит* (Лагәсҭан зныкҟьара џьдук ԥиҟеит). «Лошадь Беслана, испугавшись, вздыбилась, он испугался, не понял, что случилось: одним взмахом кто-то срубил огромный дуб».

Стремительность действий усугубляется еще введением в глагольную форму (преимущественно в аорист или в прошедшее неопределенное) направительных превербов

-аа-, на-, использованных в значении динамичности, быстроты:

Ҭапагәи Ҭамыгәи уск аҵыхәала Ҭамшьыгә иҩны *иааҟыдгылт.* Шәеыжәҵыроуп, – иҳәан, *днарԥылт, иааҽеыжеихыит* Ҭамшьыгә. Акрыфра иаамҭан; стол гьажьык *инахаиртәан,* иара дынрыдтәалт. Аҩыжәра иалагеит, еирызк азна аҩы ржәит. Ҭамшьыгә ҩы аагара ҳәа еиҵа аирыз *аашьҭиԥааит* (Тамшьыгә исасцәа аҩы иаиршьуеит). «Тапагу и Тамагу по какому-то делу подошли (на короткое время) к дому Тамшигуа». «Во что бы то ни стало вы должны спешиться – сказал, быстро подошел к ним, их (быстро) спешил Тамшигу. Было обеденное время; (быстро) посадил их за круглый стол (и) он (быстро) к ним подсел. Начали пить; выпили полный кувшин вина. Тамшигу вновь (быстро) схватил кувшин, чтоб принести вино».

Живость, образность повествования часто достигается путем транспозиционного употребления временных форм глагола. Так, форма настоящего времени, употребленная в значении прошедшего, делает повествование более конкретным, реальным.

...убраҟа ԥьоукы аҙы еиԥшны, ишкәакәаны акы ржәуаны ибон, исзааигеит. Апаҭлыка иҵан, ахҩа ахухыр, аҵәца иҵоуҭәааназа еилашны иҭҟьоит аҟәакьҳәа. Апаҭлыка иҭыԥоит, аҵәца иаразнак аееаҳәа ихыҵуеит. Уқьышә иадукылар, уԥынҵа иҵасуеит, иужәыр, иаразнак уеилнашьаауеит, уԥсы ухәланарчуеит, уарҷәаҳауеит. Даара ихушә дузаап ашыз азын (Алуманаҭ ашыз азын даара ихәшә дууп) «...он увидел, что там пили что-то белое, подобное воде, и принес мне. Оно находилось в бутылке, как только откроешь бутылку, пока нальешь в стакан, пенясь стреляет. Выпрыгивает из бутылки, сразу выливается со стакана. Поднесешь к губам, в нос бьет; если выпьешь, сразу почувствуешь себя хорошо».

Оригинальны приемы определения. Для определения чего-либо Д. И. Гулиа использует: оценочные суффиксы, прилагательные, деепричастия и деепричастные обороты, однородные сказуемые, вопросительно-восклицательные

предложения, предложения с особой оценочной конструкцией. Все эти приемы прекрасно иллюстрирует отрывок рассказа «Жьаци Маци Батымҟа ицеит – Жац и Мац поехали в Батум».

Дара руапыжә ҩажьқәа рыхәда иахагьежьуа, икылыжәжәа аҟәынҵь каламқәа рҳазырқәа ирҵагәаны, рыжәцәеимаақәа рышьхарҩаны иахьтәаз, инарывалт хаҵаки ҧхәыски «Там, где они сидели в старых желтых, не в меру просторных (вокруг шеи их вращаясь) черкесках, в карманах для газырей которых были воткнуты дырявые газыри из челы, в чувяках, высохших на ноге, прошли мужчина и женщина».

Одним предложением Д. И. Гулиа дает очень образное описание внешности Маца и Жьаца, которые были одеты бедно и очень небрежно. Введением оценочного суффикса жә в слово *руапажә*, определения *ҩажьқәа,* деепричастного оборота *рыхәда иахагьежьуа* создается яркое представление о их черкесках – это старые, поношенные, некогда белые, но со временем ставшие желтыми, и не в меру просторные черкески. Небрежность, неряшливость героев передана деепричастными оборотами, в которых представлены экспрессивно окрашенные деепричастия – *икылыжәжәа* «дырявые», *ирхагәаны* «небрежно засунутые», *рышьхарҩаны* «с засохшей на ногах (грязью)».

Аԥҳәыс ззумҳәара иҟада! Абар-абар уажәы днаԥрып уҳәаратәы дыҟан: убри аҟара дыԥшзан, лыплан бзиан, деилаҳәан, аха ҽык бзык уи иузарҳәашам. Лыхәдеи лнапи ирхақәаз урҭ закәтәу здырхуадаз, икәеицеиуан, еилыблаауан, урҭ рыхә зызҳәодаз. Лшьапы адгьыл иқәгылазам уҳәаратәы акәын дышнеиуаз. «Есть ли такой, который бы не назвал ее – женщиной! Она была такой, что можно было сказать, она вот-вот улетит; была так красива, так хорошо сложена, одета, что никто не в состоянии этого описать. Кто знает, что было надето на ее шее и руке, которые так сверкали и переливались, кто знает сколько они стоят. Она ходила так, что можно сказать, что нога ее не касается земли».

Этот отрывок семантически и стилистически контрастен предыдущему: семантически — бедности и небрежности

Маца и Жаца противопоставлены красота и богатство женщины; стилистически — Д. И. Гулиа в этом отрывке использует очень сильные экспрессивные средства, такие, как: восклицательное предложение: *Аԥҳәыс ззумҳәара иҟада*! предложения с риторическим вопросом: *Лыхәдеи лнапи ирхақәаз урҭ закәытәу здырхуада, икәеицеиуан, еилыблаауан, урҭ рыхә зызҳәодаз*, предложения с оценочно-сравнительными протезами: *Абар-абар уажәы днаԥрып уҳәаратъы дыҟан и лшьапы адгьыл иқәгылазам уҳәаратъы* дышнеиуаз, оценочное предложение: *Ҽык бзык уи иузарҳәашам*, однородные сказуемые: *дыԥшҙан, лыплан бзиан, деилаҳәан, икәеицеиуан, еилаблаауан.*

Маленькие рассказы Д. И. Гулиа полны добродушного юмора. Речевые средства и приемы их употребления для выражения юмора многообразны. Д. И. Гулиа очень умело выбирает из синонимики разговорно-бытовой лексики наиболее экспрессивные варианты слов и облачает их в удачную, не менее экспрессивную грамматическую форму.

Так, для описания комического результата внезапной встречи Шмата с его начальником Д. И. Гулиа в рассказе: «Шьмат и яйца» – Абҕьааҳәа днеихырхәарацы ихылԥа ааихиԥааит: акәтаҕьқәа аттаҳәа аначальник инаимҵаԥсан, иԥыххаа ицеит. Акәтаҕьқәа ргәы ҩеижьза ахаҳәқәа инарынԥан, рыцыԥхь аначальник имагә аҟынзагьы иназеит.

Аначальник ииҳәара иҷамшәо, дшанханы даанхеит. Шьмаҭ иакәын, азныказы дшәеит, аха ашьҭахь иԥсы иоун, зегьы дарароуп – «азы иаанагаз, аԥша иагеит» игәахәын, ус ҽааитит:

– Егьаурым, ухҳьы згеит, кәтаҕьқәак сцәыԥеит ҳәа иҟалазеи, еиҭаасхуап. Внезапно, чтоб поклониться, срывает с головы свою шапку: яйца один за другим, быстро, с треском упали перед начальником (и) вдребезги разбились. Яйца, с их совершенно желтыми желтками, шлепнулись о камни, их брызги достигли даже сапогов начальника. Начальник не зная что сказать, стоял ошеломленный. Шьмат же вначале очень испугался, но затем, придя в себя, подумав: а все равно, что вода принесла, то ветер унесет, воскликнул – Ничего,

уважаемый, что ж из этого, если какие-то яйца разбились, вновь куплю» – использует следующие языковые средства:

1. Из богатейшего арсенала наречных образований абхазского языка Д. И. Гулиа выбирает такие, чья экспрессивная окраска может лучше выразить ту смешную ситуацию, которую автор задумал изобразить – *абҕьааҳәа* (вместо *азныкк азы, иаразнак…)*, которое помимо выражения быстроты несет оттенок и неловкость, *аттаҳәа* имитирующее быстро (один за другим) сыпящихся не очень маленьких предметов, *иԥыххаицеит* «вдребезги», дшанханы «ошеломлено», азныказы «в один миг». Благодаря этим наречиям иллюстрируемый отрывок стал очень динамичным и образным. С этой же целью употреблены глаголы *ааихиԥааит* быстро, небрежно снял с головы» (вместо ихихит «снял с головы»); *инарынԥан* «они на что-то упали, часть которого затем отскочила» (вместо *инарыԥҳәан* «они на что-то упали»).

2. Для особого подчеркивания комизма результата, вызванного снятием шапки, Д. И. Гулиа предложение, выражающее причину, округляет и тем самым отделяет его от последующего как интонационно, на письме это он изобразил постановкой двоеточия, так и синтаксически, поставив глагол-сказуемое в аористе, тогда как нужно было ожидать формы прошедшего неопределенного времени. Известно, что для действия, сменяемого другим действием, в абхазском языке существует специальная форма – прошедшая неопределенная, которая, естественно, не может завершить предложение, ср. Абҕьааҳәа днеихырхәарацы ихылԥа *ааихиԥааит*: акәтаҕьқәа аттаҳәа... и абҕьааҳәа днеихырхәарацы ихылԥа *ааихиԥаан*, акәтаҕьқәа… Использовав вместо нее форму аориста, автор тем самым усилил семантику предложения, выражающего причину.

3. Юмор рассказа еще более усиливается сопоставлением положений персонажей при сложившейся ситуации. Это достигается сочетанием двух предложений: первое предложение – *аначальник ииҳәара иҷамшәо дшанханы даанхеит* – в структурном отношении простое, но благодаря

наличию однородных элементов (ииҳәара пользуя особую синтаксическую конструкцию, Д. И. Гулиа во втором предложении слово Шьмаҭ ставит под логическим ударением (ср.: *Шьмаҭ иакәын, азныказы дшәеит и Шьмаҭ азныказы дшәеит*) и тем самым в сопоставлении с начальником дает Шмату экспрессивное предпочтение. Во втором предложении он изображен сначала испуганным, который быстро осваивается, но затем, благодаря введенной пословице – азы иаанагаз, аԥша иагеит – убеждаешься, что Шмат не столько обеспокоен положением начальника в сложившейся обстановке, сколько ему жаль разбитых яиц. Он не ограничился мысленным успокоением себя, а решил успокоить и начальника. Кульминация комизма достигнута введением аффикса неопределенности к в значении пренебрежения – кәтҭьқәак сцәыԥеит ҳәа иҟалазеи... какие-то там яйца разбились, что случится».

Одним из средств достижения юмора является использование богатой интонацией и выразительной экспрессией вопросительно-ответных, восклицательных предложений, предложений с риторическим вопросом. Так, с помощью перечисленных предложений Д. И. Гулиа в рассказе «Уара ууаӡохазаап!» «Ты, оказывается, стал человеком» разоблачает обман Тагуа:

Ари Тагә уоума! Ҳаи дадхеит, уара ууаӡохазаап. Ари аҟама иумҭоу уара иутәума?! Аах! Изтәыда? Ари ахылԥарч иухоу зтәыда? Ари акәымжәы... Ааи ассир арҭ амагә дуқәа! Ууаӡохазаап, Тагу, ууаӡохазаап!.. Это ты, Тагу! Ааи, дад, оказывается ты стал человеком. Пояс, который на тебе, чей? Эта черкеска... Вот чудо, эти большие сапоги! Стал ты человеком, Тагу, человеком».

Комизм маленьких рассказов создается и путем сочетания стилистических контрастов. Так, в (рассказе «Хәранҙа лашьцәа бара Азӡыбжьаҟа дцеит – «Хураидзе идет в Адзюбжу навещать своих братьев» – повествование, отражающее оплакивание старушки Хураадзы своих братьев, внезапно и неожиданно сменяется руганью. Словами Акәкәуҳәа дыҳәҳәеит.

Лхы ԥылҽеит, лгәы ԥылҽеит, дцәуеит «Закричала, ударила себя по голове и по груди, плакала» Д. И. Гулиа очень образно показал плач старушки у первой могилы. Это обычный плач женщины-абхазки, очень бурный, с криком, с жестами, требующий большой затраты энергии. У бедной старушки не хватало сил с такой же интенсивностью оплакивать и других, к могилам которых ее подводили и она запротестовала, выразив это руганью: Азӡыбжьаа, зегьы шәынҵәама, анцәа шәынирҵәааит «Что вы все, адзюбжинцы, погибли? Чтоб вас бог всех погубил».

В настоящей статье дано описание некоторых основных приемов словесно-художественной изобразительности, использованных Д. И. Гулиа в коротких рассказах, выявление же всех приемов языка всего художественного наследия Д. И. Гулиа – проблема важная и серьезная, которой пора уже заняться.

Баграт Васильевич Шинкуба – исследователь родного языка

Баграт Васильевич Шинкуба – это яркое явление в абхазской художественной литературе. Его творчество вошло в золотую сокровищницу мировой литературы. Оно с самого зарождения привлекло внимание любителей художественной литературы, многих видных литературоведов и критиков, и не только абхазских. О его художественном наследии много написано, но наследие такое мощное, оригинальное, яркое, что изучать и писать о нем будут еще долгие годы. Однако в творческое наследие Б. В. Шинкуба входят не только его художественные шедевры, но и научные изыскания по абхазскому языку. А между тем его лингвистические работы, посвященные конкретным вопросам абхазского языка, напротив, оказались незаслуженно обделены вниманием. Это послужило причиной для написания данной статьи.

Б. В. Шинкуба кандидат филологических наук, специалист абхазского языка. Его природный талант, серьезная лингвистическая подготовка проявились в научной деятельности. В кавказоведческой литературе часто встречаются ссылки на работы Баграта Васильевича. Его работы занимают достойное место в абхазоведении. К сожалению, исследованием абхазского языка он занимался лишь несколько лет. За этот короткий срок он издал несколько статей, которые демонстрируют его высокую лингвистическую интуицию, широкую теоретическую эрудицию, умение анализировать и, конечно, незаурядный потенциал. Абхазоведение в праве было ожидать очередных работ, в которых оптимально были бы решены многие вопросы абхазского языка.

Исследованием абхазского языка Б. В. Шинкуба занимался в 50-х годах прошлого столетия. Это был период, когда лингвистика в Союзе развивалась в основном на принципах сравнительно-исторического языкознания, развивалась успешно. Объектом исследования, помимо славянских языков, стали языки многих малочисленных народов. В то же время лингвистика зарубежья выдвигала все новые и новые направления с их разными школами – синхронная лингвистика, структуральная, дескриптивная, структурально-типологическая и т. д. Однако мало кто из лингвистов Союза мог осмелиться сослаться на концепцию того или иного «буржуазного» ученого, а тем более руководствоваться ею.

С 60-х годов ситуация в корне изменилась, «железный занавес» поднялся и для лингвистической литературы. На русский язык стали переводить монографии выдающихся зарубежных языковедов, стали выходить тематические сборники, в библиотеки поступали оригиналы зарубежных авторов, устраивались совместные форумы. Все рациональное принималось, развивалось и успешно применялось как при исследовании конкретных языков, так при развитии, уточнении и определении кардинальных теоретических положений. Языкознание в Союзе стало многоликим и интересным.

Однако следует отметить, что Б. В. Шинкуба при исследовании языкового материала наряду с известными, использовал также и новые методы. Его необыкновенная интуиция и тут сработала. И в этом плане значимость этих статей нельзя переоценить.

Все изданные статьи Б. В. Шинкуба посвящены глагольному словообразованию, точнее, глаголам, образованным посредством основ – превербов (локальнгых превербов) и путем редупликации (удвоения) корневой морфемы глагола.

Словообразование посредством локативных превербов является одним из основных глагольных словообразований и, естественно, исследователи абхазского языка не могли обойти молчанием этой существенной его особенности. Однако приведенные ими сведения в основном носили фрагментарный характер. Лишь только в 1953

году с выходом статьи К. В. Ломтатидзе «Структура глаголов со сложной основой» структура основ глаголов с локальными превербами (основы-превербами – термин К. В. Л.) получила достаточно подробное освещение. В ней локальные превербы рассмотрены в плане их генезиса, структуры, их роли в образовании корней (статических глаголов) и основ (динамических глаголов), их семантико-грамматических значений.

Буквально через год выходит статья Б. В. Шинкуба «Именные основы-превербы в абхазском глаголе». В этой статье, помимо положений, изложенных в вышеназванной статье, он приводит новые, основанные на собственных изысканиях.

В статье делается акцент на сочетаемость превербов с глагольными корнями. Так, направительные превербы (аа, на, ҩа, ла) сочетаются с корнями, которые самостоятельно образуют лексему, превербы, указывающие и на направление, и на место действия, сочетаются с корнями как самостоятельно реализующимися, так и с корнями, которые без сочетания с каким – либо превербом не могут существовать.

В статье выделены разделы, основанные по степени осложненности основы. Это модель имя+простая основа (*диҿатәеит* «он (ч.) перед его лицом сел»), модель имя+производная основ глагола (*иҳла-чит* «то распухло, букв.: то водой распухло»). При этом обращено внимание на существующие синтаксические отношения между именем и глаголом: объектные, субъектные, адвербнальные.

В абхазском языке существует достаточно многочисленная группа образований, которые в масдарном оформлении – композиты, в спрягаемой форме – словосочетания (*агәрагара* «доверять» – *игәра згоит* «я ему доверяю»). И по сей день спорным является их квалификация: одни их относят к фразеологическим словосочетаниям, другие – к «аналитическим глаголам». В современном абхазоведении вопрос этот актуальный, так как его решение тесно связано с лексикографией, Впервые на эти образования

указывает Б. В. Шинкуба, и, что важно, их он считает глаголами со сложной основой.

Необходимо отметить, что сложные образования он рассматривает с позиции «непосредственно составляющего». Он пишет: «Глагольная основа сложилась с именной, будучи уже в свою очередь сложной, состоящей из собственного корня + один и два преверба, которые в свою очередь присоединяют и ряд других элементов: *игәы-ԥ̄-кьасит* «то из его груди налилось» → *иԥ̄-кьасит* «то под ним (снизу) потекло». Анализ с позиций «непосредственно составляющий» получил широкую популярность значительно позже, примерно с 60-70- годов.

В данной работе учтены и позиции личных, каузальных, отрицательных и других формантов в глаголах с простой и сложной основой. Учет позиции формантов получил широкое применение в структуральной лингвистике, особенно в грамматике рангов.

В 60-х годах в самостоятельный раздел языкознания выделилась «Акцентология», для которой объектом исследования является вся просодическая часть языка, супер-сегментные явления языка: ударение, интонация, пауза, темп и т. д.

До настоящей статьи в ряде работ других исследователей абхазского языка, включая и работу Б. В. Шинкуба «Принципы абхазского стихосложения» (1952), в которой абхазское стихосложение впервые получило научное освещение, было высказано мнение относительно характера абхазского ударения. Но ни в одной из них не был представлен какой-либо анализ изменений акцентных кривых, проявляющихся на уровне словообразования и парадигматики. Такая работа впервые представлена в этой статье. Баграт Васильевич Шинкуба устанавливает ряд очень важных закономерностей передвижения ударения с одного слога на другой. Определяет более устойчивые и менее устойчивые позиции ударений. «Позиция ударения» наиболее устойчива в том случае, пишет он, когда она стоит на корневом слоге той или иной части сложения, «…в особенности, если этот слог является закрытым».

В этой же статье он выделяет группу образований определенной модели типа *ишьҭаԥшуада?* «кто в след ему смотрит?», для которой характерно добавочное ударение.

В вышеназванной статье К. В. Ломтатидзе впервые получили описание четыре глагольные морфемы (ла, ҷ, ҵа, х), занимающие в глагольном словообразовании ведущую позицию. Данные морфемы самостоятельно не могут выступить в качестве лексической единицы. Статус лексемы они получают лишь в сочетании с каким-либо локальным превербом, совместно образуя общую основу. В то же время эта четверка морфем выполняет морфологические функции, группируясь в две парные комбинации: одна парная комбинация противопоставляет производные глаголы на транзитивные (*ҷа, х*) и интранзитивные (*ла, ҷ*), другая парная комбинация – на иллативные (*ла, ҷа*) и элативные (*ҷ*,х) направления. В специальной литературе они известны как корне-суффиксы. В 1957 году Б. В. Шинкуба издает статью «Сопряженные корни с превербами в абхазском глаголе», в которой также рассматривается структура глагольных основ, состоящих из превербов и глагольных корней, которые в современном абхазском языке самостоятельно без какого-либо деривационного форманта не встречаются. Подобные связные корни встречаются во всех западно-кавказских языках. Б. В. Шинкуба удается выявить значительное количество морфем, которые, подобно этой четверке корне-суффиксов, приобретают статус лексемы в сочетании с локальным превербом и также играют большую роль в глагольном словообразовании. Но в отличие от четверки, они вносят в формировании лексического значения производной основы более конкретную семантику, и никакой грамматической функции они не выполняют. В статье дается описание их значения, например, связанные корни выражают следующие значения:

<u>жәа</u> «вырывать, взорвать» (*аԥжәара* «взорвать изнутри»);

<u>ҟьа</u> «сорваться, оторваться, пролететь» (алҟьара «сорваться с высоты»);

<u>*жь*</u> «бросать» (*аҭажьра* «бросать внутри чего-то»).

Основная масса связанных глаголов представлена согласным и гласным (*жәа, шәа, ҟьа, ха*…) или только согласным (х, ҷ, с), но есть и такие, в которых согласный редуплицирован: *ҵьҵь: аҭыҵьҵьара* «светиться» (о глазах), *акаҷҷара «амза каҷҷоит»* «луна светится»; *аҵырффара* «подстричься».

Данная статья интересна еще и в том плане, что Б. В. Шинкуба старается провести грань между ними и омонимичными им самостоятельными глагольными корнями, которые, по его мнению, генетически разные.

В плане сочетаемости их с локальными превербами они не равны: наряду с корнями высокой валентности, существуют и такие, которые сочетаются лишь с одним, двумя или тремя превербами.

Заслуживают внимания установленные им параллели между глагольными корнями и созвучными с ними именными корнями: <u>*шәа*</u>*: ашашәа* «шпагат» и *акашәара* «падать» (о маленьком предмете), в которых <u>*шәа*</u> означает «уменьшительность». Они восходят к одному корню. Но немало таких, созвучность которых объяснить пока невозможно. Кроме того, в составе абахазских имен имеются элементы, функцию которых и их этимологию сегодня установить трудно. Но, по мнению автора, некоторую ясность могут внести именно эти глагольные корни, с чем нельзя не согласиться. С этой целью он сопоставляет некоторые имена с глагольными корнями, устанавливая их генетическую общность.

Как видим, в этой небольшой статье связанные глагольные корни получили обстоятельное всестороннее описание.

Одним из способов словообразования является редупликация (удвоение) корня, основы, слова. В разных языках этот способ словообразования проявляется поразному. Как показало исследование Баграта Васильевича, в абхазском языке редупликация получила широкую сферу действия. Результаты его исследования были опу-

бликованы в статье «Удвоение в абхазском языке» (1956). В этой статье представлены почти все словообразовательные модели, полученные путем редупликации корня, части основы и основы. Редупликация в основном является морфологическим средством, выражая множественность объекта или характер действия, но может сочетать в себе и словообразовательную функцию.

Он тонко подмечает, что многие из них используются в деепричастном оформлении. Это объясняется тем, что посредством редупликации часто выражается характер действия. В статье выделены следующие аспекты действия: повторность, интенсивность, медлительность, неполнота действия.

Традиция составления различных русско-абхазских словареи начиналась с 30-х годов прошлого столетия. В 1930 году вышел «Краткий абхазский политсловарь» (с русским переводом), составленный М. Л. Хашба, Д. Дараселия; в 1935 году – русско-абхазский общественно-политический терминологический словарь, составленный сектором языка и литературы АбНИИК; «Терминология по литературе и языкознанию», составленный Д. И. Гулиа. Все перечисленные словари объемом незначительны. Они не могли в полной мере обеспечить растущую потребность в абхазских вариантах русских и интернациональных слов, предъявляемую реальной действительностью. Встала острая необходимость в составлении более объемного русско-абхазского словаря. В 1964 году выходит «Русско-абхазский словарь», в объеме 16 000 слов, одним из его составителей является Б. В. Шинкуба.

Специфика переводных словарей такова: обычно переводная часть приспосабливается к оригинальной части. Зачастую точного семантического эквивалента подобрать очень сложно. В этих случаях составителю необходимо подобрать близкое по значению слово, или ряд синонимов, или же передать лексическое значение описательно, а иногда авторским неологизмом. Естественно, уровень исполнения целиком зависит от знания составителем этих

двух языков. Прекрасное знание родного языка, понимание лексического значения русских слов сказались на словарных статьях, представленных Б. В. Шинкуба. В них абхазский вариант максимально отражает лексическое значение русского варианта, со всеми значениями многозначных слов.

Во второй половине 80 – х годов прошлого столетия отдел лексикологии (зав. отделом В. Х. Конджария) Абхазского института языка, литературы и истории (ныне Абхазский институт гуманитарных исследований) решил переиздать этот словарь, значительно увеличив словник. Примерно через 2 года Б. В. Шинкуба представил в отдел две папки с материалом. По ряду причин отдел не приступил к намеченной работе. Судьба же этих двух папок мне неизвестна.

Б. В. Шинкуба ревностно относился к развитию абхазского литературного языка и требовал от писателей и поэтов такого же отношения, обязывая их строго следить за чистотой литературного языка («Несколько слов о чистоте языка современной абхазской поэзии» 1963 г.).

Б. В. Шинкуба – автор учебника «Абхазский язык», предназначенного для первоклассников. Учебник систематически переиздается. С позиции методики подачи теоретического материала, его изложения, приведенных примеров и текстов учебник является образцовым, так как при его составлении максимально учтен возраст ученика.

Все теоретические положения Б. В. Шинкуба подкрепляются большим фактическим материалом, взятым из сокровищницы устно-поэтической речи, а также из речи самого автора.

Начало языка его поэзии и прозы опиралось на язык абхазского фольклора, подчиняясь его канонам. Но с течением времени аккумулированное в нем несчетное богатство абхазского языка, образное мышление, отражающее менталитет абхазского народа, психологию народа, данный богом и природой мощный талант создали стиль

– особый, яркий, характерный только для языка произведений Б. В. Шинкуба.

Академик К. В. Ломтатидзе в выступлении на юбилейном торжестве, посвященном 70-летию со дня рождения Б. В. Шинкуба, о языке его произведений сказала следующее: «Вашему языку характерны простота, ясность, лаконичность, точность, синтаксическая стройность. Эти особенности индивидуальной формы в сочетании с богатым, красочным и образным мышлением, истоки которого уходят в народную глубь, создали мощный сплав шинкубовского стиля. Чтоб не быть голословной, приведу маленький образец этого сплава:

Ԥ-баху дуқәак еимҟьаны,
Хаҳәи мақьеи еидыкшало,
Аԥаԥ кнаҳа иадыҷҷеало,
Жәытә аахысгьы агу шуа,
Арфаш леиуеит еилашуа

Эти пять строк позволяют читателю зримо представить очень красочные кадры, изображающие реку, стремительно текущую меж огромными нависшими скалами, обдающую их брызгами, чистую, пенящуюся, сталкивающую на своем пути друг с другом камни; а набор слов с шипящими согласными *еидыкшало, еидыҷҷеало, агу шуа, еилашуа* позволяет акустически воссоздать целую симфонию звуков, исходящих из бурлящей реки».

В статье представлен стилистический анализ двух предложений из монументального исторического романа Б. В. Шинкуба «Последний из ушедших».

Наша цель – на двух специально не выбранных, предложениях показать, какими языковыми средствами и образностью мышления писатель достиг высокого мастерства, вызывающего восхищение у читателя. На сколько это мне удалось – судить Вам.

Еҳ, сабиц, уаҳа акгьы сҭахымызт, уахызаԥәык иадымзаргьы аԥацхаҷ сыԥхьазшәа сыҟанда! Ԥхнызар, аҳауа иага ицәыԥаҟәакызаргьы, ашоура уакыхуа уҟоума, ашыш тҳывара аԥша кылышәшәоит; уахьынтә икылыччоз амза ашәахәа уҷахәмаруеит, ааԥраҷы ашьац иаԥәа рҷыларҳны, шәыршәырҳәа нанҳәа-хыҳқәа агарашәа узырҳәоит (Б. Шьынқәба иҩымтақәа реизга ахԥатәи атом. Аҟәа. 1979. 319 ад.9 «Эх…! Я более ничего не хочу, хочу лишь одну ночь поспать в апацхе (плетеный домик). Летом, какой бы ни был воздух спертый (затхлый, сырой, жаркий), разве ты испытываешь жару: сквозь плетеные стены просачивается ветер, оттуда (через щели плетня) проникший сверкающий луч луны играет на твоем лице, возле (дома), спрятавшись в зеленой траве, посвистывая, поют тебе августовские сверчки колыбельную песню».

Первое предложение выражает страстное желание говорящего побыть хоть одну ночь у себя на родине. Желание это сопровождено оттенком скорби, так как оно ему представляется призрачным, несбыточным. Предложение очень эмоциональное.

Какими языковыми средствами автор передает мысль побыть на родине хоть одну ночь! Предложение сложное, хотя можно было ограничиться одним предложением – *Еҳ, сабиц, уахызаԥәык иадымзаргьы аԥацхаҷ сыԥхьазшәа сыҟанда!* «Эх,… хоть одну лишь ночь поспать в апацхе», в котором коммуникативный аспект уже ярко выражен введением в наречие *уахык* «одна ночь» усилительно-выделительной частицы *заԥәык* и слова *иадымзаргьы* – *уахызаԥәык иадымзаргьы* (сравните высказывание без них: *Еҳ, сабиц, уахык аԥацхаҷы сыԥхьазшәа сыҟанда).* Но автор на этом не останавливается, он вводит в предложение с двумя отрицаниями *уаҳа акгьы сҭахым* «я более ничего не хочу», которое усиливает значение желания указанием на то, что другого желания у него нет.

Сказуемое второго предложения сложное, оно состоит из глагола в призрачной форме и вспомогательного глагола *акәзаара* «быть» в желательной форме – *сыԥхьазшәа, сыҟанда.* Автор объединил две словоформы – желательную и призрачную, и тем самым выразил несбыточность, при-

зрачность желания, отсюда и оттенок скорби (этого оттенка не было бы, если сказуемое было бы простое – ср.: *апацхаҽы сыҟанда или сыԥхьанда*.

Общая экспрессивная семантика предложения определена выбором междометий *Ех, сабиц*. *Ех* – соответствует грамматическому значению желания, междометие *сабиц* выражает сожаление. Междометия и содержание предложения совместно сформировали соответствующую интонацию всего предложения.

Второе предложение тоже сложное: оно объединяет четыре предложения. Первые два предложения связаны отношением пояснения.

Первое предложение – это риторическое вопросительное предложение, осложненное уступительным инфинитным оборотом: *ашоура уакыхуа уҟоума* «разве ты испытываешь жару» и *аҳауа егьа ицәыӡаҟәкызаргьы* «хоть, какой бы ни был воздух затхлый». Риторический вопрос – это один из стилистических приемов ораторской речи. В данном случае он выступает с негативной семантикой с усилительным оттенком: с введением частицы х в *уакуа →уакыхуа* положительная семантика сменилась отрицательной (ср.: *ашоура уакыхуа уҟоума* «разве станет тебе жарко (т.е. не будет жарко)». Риторическим вопросом Б. Шинкуба подчеркнул уступительные отношения между инфинитным оборотом и вопросительным предложением (ср.: *аҳауа иага ицәыӡаҟәкызаргьы, ашоура уакуам* «какой бы ни был воздух затхлый, тебе не жарко»).

Инфинитный оборот основан на слове *ицәыӡаҟәкызаргьы* – очень образное слово с широкой лексической семантикой. Б. В. Шинкуба использует существующую модель превербных глаголов. Автор мог остановиться лишь на корне – *ҟәкызаргьы,* но он присоединяет преверб *цәыӡа.* Преверб *цәыӡа* сложный, состоит из *цәы* и *ӡа*. По этимологии Р. К. Гублиа, *цә* обозначает действие (или состояние), происходящее наруже, и является одним из значений полисемантической морфемы *цә(ы)* (Абхазско-адыгские этимологии, с. 68). Преверб *ӡа,* по общему мнению исследователей,

восходит к слову *аӡа* «дно» и означает действие, состояние, локализованное внизу или под чем-то. Образование с превербом *цәыӡа* выражает нахождение или действие в углубленном, замкнутом пространстве, в расщелине, обозреваемое снаружи: *ицәыӡаԥшуеит* «то (в.) выглядывается из-под какой-то расщелины, из под чего-то». В сочетании с корнем *ҟәкы→аҟәыкы* «плесновелый, спертый, тяжелый», *цәыӡа* Б. В. Шинкуба выражает характер нижнего слоя воздуха, его тяжесть, влажность, спертость. На лицо расширение использования преверби *цәыӡа*.

Обстоятельство времени в данном предложении выражено не наречеим «летом», а именем в статической условной форме, и оно интонационно обособлено повышением голоса и паузой – *ԥхнызар, аҳауа …* если это «лето» (вместо *апхын*), тем самым актуализировав обстоятельство времени, имплицитно связывая его с другими временами года, которые также могут быть им охарактеризованы.

Следующие два предложения свидетельствуют о высоком образном мышлении автора.

Первое - *уахьынтә икылыччаз амза ашәахәа уҽахәмаруеит* «оттуда (т. е. через щель плетеной стены) сверкающий луч луны играет на твоем лице». Второе – *ааӡраҽы ашьац иаӡәа рҽыларӡны, шәыршәырҳәа нанҳәа-хыӡқәа ачарашәа узырҳәоит* – предложение осложнено деепричастным оборотом – *ааӡраҽы ашьац иаӡәа рҽыларӡны*, «возле (дома) запрятавшись в зеленой траве, посвистывая, сверчки поют тебе колыбельную песню». В этом предложении слово *нанҳәа-хыӡқәа* «сверчки» почти вышло из употребления, его нет ни в одном словаре. Введя его в роман, Б. В. Шинкуба не дал ему исчезнуть, он вернул его в активный словарный состав языка. Таких слов в творчестве Б. В. Шинкуба много. Он, выводя их из глубин словарного состава, смело расширяет диапазон их использования, допуская порой много удачных новаторских решений при образовании по аналогии неологизмов.

В трех компонентах *ашоура уакыхуа уҟоума, уҽахәмаруеит, ашәа узырҳәоит* второго сложного предложения представ-

ленный в сказуемом показатель 2 лица класса мужчины у выступает с обобщенным значением, указывая на то, что этим лицом может быть любой.

Все глаголы-сказуемые второго предложения оформлены настоящим временем – *ашоура уакыхуа уҟоума, аԥша кылышәшәоит, уҽахъмаруеит, ашәа узырҳәоит*, хотя повествуется о прошлом. Транспозиция настоящего в прошлое делает повествование живым, образным, создавая иллюзию, что действие происходит именно в этот момент. Такое использования настоящего времени известно многим языкам. В данном отрывке такое использование формы настоящего времени очень кстати.

Итак, маленький анализ двух предложений, которые выражают одну простую мысль, одно желание – это побыть одну ночь у себя (на родине), позволяет судить об уникальном знании всех уровней родного языка. Сколько языковых приемов использовал Б. В. Шинкуба для выражения этой простой мысли!!!

Язык – это социальное явление и как социальный феномен он развивается, развивается в унисон с развитием его носителя. Язык, в то же время, являясь идеальным явлением, со всем своим богатством и возможностями живет в сознании всего народа, в сознании каждого индивидуума, являясь материальным явлением, в виде речи обслуживает каждого как в сфере общения, так и в сфере его духовной жизни. Язык отражает психику и менталитет народа, но в то же время формирует их. «Язык народа есть его дух, и дух народа есть его язык – это знаменитая формула выдающегося языковеда В. Гумбольдта». Но этим богатством все владеют по-разному: один – больше, другой – меньше. Как неповторимы отпечатки пальцев, так не могут существовать два индивида, одинаково владеющих языком. Даже талантливейший писатель, поэт не может соперничать в знании языка с народом в целом. Но он одарен природой, богом талантом, который позволяет ему скопить в сознании несметное богатство родного языка, познать психику своего народа, его менталитет, его духовную суть. Этот же талант интуитивно, не задумываясь, позволяет ему все приобретенное в более высокой, яркой, порой обогащенной новым значением форме вернуть народу через свои высокохудожественные произведениям. И это, несомненно, содействует развитию языка.

Таким именно является поэт-писатель Баграт Васильевич Шинкуба.

К ВОПРОСУ О ПЕРСПЕКТИЕАХ РАЗВИТИЯ АБХАЗСКОГО ЯЗЫКА[1]

Современное состояние абхазского языка вызывает определенную тревогу у всех, кому не безразлична судьба родного языка. Высказываются мнении и предлагаются пути возможного преодоления всего того, что тормозит развитие языка и сужает сферу его использования. Мнения и предложения разные, но общее в них то, что все они ориентированы на развитие языка и в этом их ценность, а потому учет всего предложенного крайне важен.

В данной статье я позволю себе высказать некоторые соображения, касающиеся этой сложной и весьма актуальной проблемы.

Существование и развитие абхазского языка зависят: от языковой политики государства, от языковой ситуации, от личности и от языкового самосознания каждого носителя языка.

Языковая политика – это прерогатива государства. Государство может содействовать развитию языка, функционирующего в пределах этого государства, но может и затормозить, заглушить развитие. За примерами не нужно далеко ходить, достаточно вспомнить языковую политик по отношению к абхазскому языку в Абхазии в 30-50 гг.

Какими же рычагами может действовать государство, чтоб языку дать зеленую улицу развития? Таковыми, на наш взгляд

[1] Журнал Аҟәа. № 4. 2004.

являются делопроизводство, школы, колледжи, высшие учебные заведения; радио, телевидение и пресса; творческие комиссии; издательство, научные и педагогические институты. Параллельно государство должно всячески содействовать работе по обучению абхазскому языку лиц, незнающих языка, по научному изучению языка, по составлению учебных и методических пособий по абхазскому языку как для школ, так и вузов. Оно должно обеспечить высококвалифицированными кадрами специалистов, способных выполнять задачу по развитию абхазского языка. Многое из этого с соответствующей конкретикой представлено в «Государственной программе по развитию абхазского языка», которая реализуется уже несколько лет. Контроль за реализацией программы и финансирование осуществляются государством. Создан «Фонд развития абхазского языка», который конкретно занимается изданием необходимой художественной, научной и научно-методической литературы, а также другими вопросами этой сложной проблемы.

Абхазия многонациональная республика. По конституции в Абхазии государственным языком республики объявлен абхазский язык, языком многонационального общения - русский язык. Однако объем выполняемых ими функций сегодня не равен. Во всех сферах общения доминирует русский язык. И это понятно ввиду того, что республика многонациональная, на собраниях, совещаниях, заседаниях, научных форумах, беседах и т.д., естественно, присутствуют люди разных национальностей. Положение – о том, что русский язык является языком межнационального общения – позволяет все перечисленные мероприятия проводить и на русском языке, что и делается. Некоторое исключение составляют места с компактным абхазским населением.

Немного иная ситуации в сфере делопроизводства. Сегодня делопроизводство на всех уровнях государственной структуры ведется исключительно на русском языке. А между тем вопрос о языке делопроизводства является одним из важных вопросов, определяющих будущее языка. Этот во-

прос проблемный для всех многонациональных государств, но особенно для нашей республики. От его решения на уровне государства зависит многое. Беспорно, языком делопроизводства должен быть государственный язык, иначе объявление абхазского языка государственным языком придется признать декларативным. В то же время по положению русского языка, как языка межнационального общения, он также должен быть языком делопроизводства, т.к. эта тоже сфера межнационального общения. Однако признав языком делопроизводства абхазский и русский языки, без всякого сомнения, предпочтение всегда будет даваться русскому языку, т.к. он всем понятен, и, следовательно, удобен для всех проживающих в Абхазии. Кроме того, существует устоявшаяся традиция использования русского языка в делопроизводстве с его особыми стилевыми штампами. Чего нельзя сказать об абхазском языке, на котором делопроизводства пока еще нет. Никого нельзя упрекнуть в том, он не смог правильно оформить на абхазском языке какой-либо документ. Вопрос создания языка делопроизводства сегодня самый актуальный, не терпящий отлагательства.

Делопроизводство не на родном языке формирует психологию личности. Если официальная сфера ее деятельности может проходить не на родном языке, а исключительно – только на русском, значит, знание родного языка не обязательно, следовательно хорошее знание русского языка необходимо. Если подобный настрой примет массовый характер, то какова будет судьба абхазского языка не требует разъяснения.

Перевод делопроизводства на абхазский язык не националистическая блажь, а необходимость. Но это нужно делать глубоко продуманно, очень корректно по отношению к тем, кто не владеет абхазским языком, не ущемляя их национального достоинства и не обделяя их всеми условиями, которые содействуют полной реализации личных возможностей каждого в пределах республики Абхазия.

Для перевода делопроизводства на абхазский язык нужно время. Определенное время делопроизводство должно осу-

ществляться на двух языках - русском и абхазском. В течение этого периода должен сформироваться стиль языка делопроизводства с соответствующими терминами. Словарь, объединяющий минимум делопроизводческих терминов, уже создан, который будет пополняться по мере надобности, кой-какие термины, возможно, будут заменены более удачными.

Нельзя переоценить роль личностей – писателей, поэтов и журналистов, а также ученых – в развитие абхазского языка. Известно, что чем талантливее писатель или поэт, тем значителен его вклад в развитие языка. И вес же ни один писатель или поэт не владеет всем богатством родного языка. Никто не в состоянии в себе одном аккумулировать все то, чем располагает язык народа. Одному объять необъятное невозможно. И вместе с тем, благодаря таланту, он становится одним из носителей богатств народной поэтической речи. Он, придав им новое дыхание, использует: их в своем творчестве и тем самым возвращает народу в более ярком, красочном виде. В языке писателей, поэтов много слов, словосочетаний и синтаксических конструкций, образованных ими по существующим моделям языка и правилам морфемных и лексических сочетаний, которые пополняют язык.

Не менее значим вклад ученых в развитие языка. Благодаря им в обиход учебной, научной литературы вошло множество терминов по языку, литературе, истории, физике, антропологии, математике. Абхазский язык за двадцатое столетие безусловно развился. Это уже не обиходный язык, а литературный, на котором создана богатая, самобытная художественная литература, учебники для школ и вузов, научная литература, это язык, способный выразить мышление современника. Абхазский язык как социальная категория продолжает развиваться. **Проблема современного абхазского языка не столько в его развитии, сколько в широте его использования.** В то же время тенденция сокращения говорящих на родном языке очевидна. И это не может не беспокоить. Из-за незнания абхазского языка внуки не в состоянии познакомиться с оригинальными художественными произведениями своих дедов. Факт частый и. конечно, прискорбный.

Чем это вызвано?

Вызвано это в основном языковой ситуацией. Главная функция языка -быть средством общения. Средством общения абхазов абхазский язык,' русских - русский язык и т.д. Но в многонациональном обществе, какими являются наши города, языком межнационального общения может стать один из национальных языков данного общества (или абхазский, или русский, или какой-либо другой). Тот, чей язык не стал языком межнационального общения, под давлением языковой ситуации должен освоить еще и другой язык. В результате чего часть населения становится двуязычной. Если в быту человеку в качестве средства общения приходится чаще использовать не родной язык, а язык, который понятен собеседнику другой национальности, то сфера использования его родного языка, естественно постепенно, сужается. Процесс иногда доходит до того, что он и в среде родного языка, не замечая этого, все чаще начинает пользоваться языком межнационального общения.

Языковая ситуация в городах Абхазии (особенно в Сухуме) не могла содействовать развитию абхазского языка: являясь языком народа, чья численность намного уступала общей численности других, проживающих в городах, народов, абхазский язык в таких условиях не мог обладать позицией гегемона, не мог стать родным языком ребенка, который, закрыв за собой дверь родного очага, должен был говорить не на языке родных. Ребенок родному языку быстро и хорошо научится в том случае, если он будет слышать его не только дома, но и вне дома, играя во дворе со сверстниками, в детском саду, в школе, в бытовом общении и т.д. Родным, языком становится тот язык, который ему необходим как воздух, вода и пища.

И те выходцы из города, чьи родители постарались в этих условиях обучить родному языку, не могут похвастаться хо-

рошим знанием родного языка перед сверстниками - сельчанами (исключения, кончно, есть). Последние, как губка, с рождение впитывают в себя все прелести и богатства языка народа, который его окружает. Ведь не секрет, что еще ни один горожанин - абхаз не смог стать выдающимся писателем и тем более поэтом.

Изменилась ли языковая ситуация в наших городах?

Да, сегодня она значительно изменилась. В течение года в город Сухум переселилось значительное число сельских жителей. В городе как никогда зазвучала абхазская речь. Это очень отрадно. Но есть одно но. Язык живет и развивается там, где его носители живут компактно или его носители общей численностью превосходят других. Такими являются наши деревни. Благодаря нашим абхазским деревням, благодаря жителям наших деревень, наш язык, корни которого уходят в глубокую древность, дошел до наших дней. Дошел, не утратив ничего существенного, а, напротив, обогатился, стал на уровне других языков мира.

Однако усилившийся процесс урбанизации может привести к тому, что через 10-20 лет многие абхазские деревни опустеют. Те, которые сегодня переселились в города, еще будут держать связь с деревней, для них абхазский язык останется родным. Но их дети, а тем более внуки вряд ли будут так тесно связаны с деревней. И вряд ли, он будет так хорошо знать свой родной язык.

Языковая ситуация играет наиважнейшую роль в развитии языка. **Языковая ситуация находится в прямой зависимости от демографической, демографическая же ситуация – в основном от естественного роста населения, от роста многодетных семей, особенно, если это будет носить массовый характер. В наших условиях это возможно, но при существенной и систематической помощи государства в воспитании детей до совершенолетия (и более).**

Волей истории предки абхазов были разобщены: в средние века часть переселилась на Северный Кавказ, в середине 19-го столетия большая часть покинула свои исторические места и поселилась в основном на Ближнем Востоке. Родной их язык также находится под угрозой постепенного исчезновения (пример убыхксий язык). Сегодня создалась объективная возможность совместными усилиями всех абхазов, независимо от их местожительства, сохранить и развить наш язык, расширяя сферу его использования. Этот процесс в первую очередь зависит от продуманного решения демографических проблем. В этом сложном демографическом процессе возвращение абхазов из-за рубежа на свои исторические места проживания должно занять одно из ведущих положений и каждый из нас должен всячески содействовать их возвращению. При их переселении на конкретные места, необходимо учесть демографическую ситуацию этих конкретных мест. Ситуация должна быть такой, которая не только способствовала бы сохранению их родного языка, но и направила бы его развитие по руслу абхазского литературного языка. Литературный язык должен стать консолидирующим фактором. Непродуманная локализация абхазов из-за рубежа может привести к тому, что они под влиянием иноязычной языковой ситуации постепенно могут забыть свой язык и начнут говорить на языке, продиктованной этой же ситуацией.

Языковая ситуация в пользу абхазского языка может существенно измениться по мере возвращения из-за рубежа абхазцев. А пока из всех факторов, содействующих развитию языка, наиболее важным является языковое самосознание каждого из нас.

Самосознание - полное понимание самого себя, своего значения, своей роли в жизни, в судьбе своего народа (национальное самосознание), в судьбе своего языка (языковое самосознание - часть национального самосознания). Самосознание не рождается с рождением человека, а возникает и формируется с формированием личности. Личность, обладающая высоким языковым самосознанием, в каких бы ни была условиях будет знать, изучать, обучать других (осо-

бенно своих детей) родному языку. Чувство языкового самосознания нужно развивать и передавать из поколения в поколение . Высокое национальное самосознание, а также синагога, сохранили как нацию, разбросанных по всему свету евреев. Никакие государственные постановления, никакие авторитеты не смогут обязать выучиться родному языку того, кому безразличен и язык и его народ.

Обучиться абхазскому языку сложно. Сложность заключается в том, что абхазский язык – структурно – существенно отличается от русского и армянского. Не владеющий абхазским языком должен научиться одним словом, соблюдая законы сочетаемости морфем, выразить то, что на его языке передается посредством нескольких слов, к примеру: дсызмырцәажәеит означает «его (человека) я не смог заставить говорить». Переключиться от привычного выражения мысли путем сочетания слов на сочетание морфем в одном слове очень сложно. И все же обучиться абхазскому языку, безусловно, можно и нужно. Для этого необходимы в первую очередь, желание, время, учебники, методические пособия, консультации и т.д. Обязывать кого-либо знать абхазский язык нельзя, а тем более ставить ультиматум. Нельзя допустить, чтоб некоторые, руководствуясь сомнительными целями, спекулируя языком, грубо попирали права, достоинства человека, не знающего абхазского языка.

Всем известно, что первые познания языка ребенок получает в семье. Языковая основа ребенка формируется именно в семье. Однако во многих абхазских семьях языком семьи является русский язык, особенно в тех, в которых ни мать, ни отец, или кто-либо из них не знает абхазского языка, или же знают, очень слабо. Естественно, их дети не могут знать абхазского языка. Можно ли в этом винить родителей. Несомненно, нельзя. Многие из них искренне желают обучить своих детей родному языку, они не хотят, чтоб их дети, подобно им, были бы обделены знанием родного языка. Родители определяют детей в абхазский детский сад, затем в абхазскую школу. Эта единственная возможность для них обучить своих детей родному языку. Однако практика показывает, что

даже в таких детских садах, где воспитатели очень стараются обучить ребенка абхазскому языку, ребенок в первый класс идет неподготовленный. Трудно и ребенку, трудно и преподавателю. Какой же выход? Не принимать таких детей в абхазскую школу, а направлять в русскую, мотивируя тем, что и в русской школе обучают абхазскому языку? Программа по абхазскому языку в русской школе намного упрощена, естественно, как ни трудно ребенку, он все же. учась в абхазской школе, он достигает значительно лучших результатов, чем школьник русской школы. Это знают родители и потому отдают своих детей учиться в абхазскую школу. Можно ли им в этом отказать?

Многие семьи сегодня живут за пределами Абхазии и, конечно, их дети или слабо знают родной язык, или совсем не знают (наверное, есть и исключения). Многие из них уже стали высококвалифицированными специалистами. Такие специалисты нужны везде, особенно нашей молодой республике. Не знание или слабое знание родного языка не должно стать помехой для успешной работы их на родине.

Мировая духовная и материальная культура, прогресс мировой культуры и техники становятся достоянием абхазского народа в основном через русские каналы ТВ. Мощный поток всевозможной информации, без которой не мыслит себя современный человек, поступает в Абхазию посредством русского языка. Русский язык с давних времен был и есть для абхазского народа средством общения не только с русскими, ной с другими народами мира. Нас объединяет и история наших народов. Все это обязывает абхазца знать русский язык. Быть билингвом необходимо и это неизбежно. Однако массовое двуязычие чревато опасностью для одной из контактирующих языков. И в этой ситуации, чтоб абхазский язык не только сохранился, но и успешно развивался, из всех факторов, содействующих развитию абхазского языка, наиболее важным сегодня является языковое самосознание каждого. Любовь к родному языку, безупречное знание его, передача его из поколения в поколение сохранит наш народ как абхазский.

К ИТОГАМ ИССЛЕДОВАНИЯ[1] АБХАЗСКОГО ЯЗЫКА В АБХАЗСКОМ ИНСТИТУТЕ

Абхазский язык – это самое ценное, что создано историческим развитием абхазского народа. Корни абхазского языка уходят в глубокую древность. Одновременно формируясь и развиваясь с абхазским народом, он в то же время отражает весь сложный путь исторического развития народа. В прошлом ему не раз угрожала опасность полного исчезновения, но абхазский народ смог отстоять свой язык и донести до наших дней еще более усовершенствованным, как главный символ национальной самобытности.

После Великой Октябрьской социалистической революции и установления Советской власти перспективы абхазского языка, как и всех языков Союза, крайне изменились. Непрерывно обогащаясь и усовершенствуясь, абхазский язык за период Советской власти необычайно выявил свою внутреннюю потенцию, он поднялся до уровня развитых языков, способных передать всю информацию, накопленную современной цивилизацией, он в состоянии красочно и эмоционально отразить действительность.

Сегодня на абхазском языке ведется преподавание в школах и техникумах. В высших учебных заведениях на абхазском языке читаются курсы лекций по абхазскому языку и литературе, по философии, истории, экономике, географии, биологии, педагогике.

На абхазском языке изучаются общественно-политическая, учебно-методическая, художественная, научная и популярная литература, учебники и учебные пособия; издается периодическая печать – газеты, журналы. Регулярно по радио и телевидению ведутся передачи на абхазском языке, создаются абхазские фильмы.

На абхазский язык переведены классики мировой художественной литературы.

Уже с первых же дней Советской власти встал перед молодой республикой ряд неотложных практических задач,

[*]Абхазскому институту 50 лет. Тб. 1985.Соавтор Н. В. Аршба.

связанных с просвещением, с созданием учебников по абхазскому языку, учебных и методических пособий, программ и всевозможных словарей; с вопросом развития и нормирования абхазского литературного языка, с подготовкой преподавателей школ, работников прессы и радио. По ряду вопросов практического характера необходимо было подвести теоретическую базу, что соответственно перед республикой поставила другую, не менее важную проблему – это воспитание высококвалифицированных филологов.

Молодая абхазская республика при содействии и помощи других братских республик успешно решает эти проблемы. В республике создается научный центр – Абхазская академия, которая затем была преобразована в Абхазский научно-исследовательский институт краеведения (АБНИК). Наиболее перспективная молодежь посылается учиться в Москву, Ленинград, Тбилиси.

Хочется с большой благодарностью перечислить фамилии ученых, которые огромный труд вложили в формирование лингвистов-абхазцев – Н. Я. Марр, А. Н. Генко, Н. Ф. Яковлев, С. Джанашиа, А. Чикобава и особенно Кетеван Виссарионовна Ломтатидзе.

Филологическая работа в стенах молодого института сначала в значительной мере определялась практическими задачами, связанными преимущественно с развитием и нормированием абхазского литературного языка. Этими вопросами занимались Дмитрий Иосифович Гулиа, Арсений Константинович Хашба, Виктор Иосифович Кукба, позднее Константин Семенович Шакрыл. Ими были составлены небольшие по объему словари (орфографический, терминологический), опубликованы статьи, посвященные вопросам графики, орфографии, лексикологической работы. Составлялись учебники по абхазскому языку для абхазских школ, которые также содействовали нормированию абхазского литературного языка. К числу первых работ теоретического характера можно отнести монографию Д. И. Гулиа «Материалы по абхазкой грамматике»

(«Дополнение и разъяснение к книге Услара «Абхазский язык»). Выходят работы, демонстрирующие потенцию молодых ученых А. К. Хашба, В. Н. Кукба.

С сороковых годов замечается тенденция увлечения вопросами теоретического характера, которые решаются на уровне современной лингвистической науки. В первую очередь хочется отметить квалификационные работы сотрудников отдела, выполненные в таких научных центрах, как Москва, Тбилиси, Ленинград.

Интенсивность изучения абхазского языка с каждым днем возрастает. Изыскания ведутся по всем разделам абхазского языка, при этом учитывается наследие, оставленное такими яркими исследователями, как П. К. Услар, П. Чарая, Н. Я. Марр., А. Н. Генко, а также новейшие работы современных отечественных и зарубежных ученых.

Изучение абхазского языка в Абхазском институте начинается с лексикографической работы. В 1928 году А. К. Хашба и В. И. Кукба под редакцией известного ученого К. Дондуа издают «Русско-абхазский словарь», который являлся обрат¬ным «Абхазско-русским словарем» Н. Я. Марра. В 1930 г. выходит «Краткий абхазский политсловарь», составленный М. Л. Хашба, Д. Дарсалия. В этом же году Д. И. Гулиа издает работу «Терминология абхазского языка и литературы». 1933 году выходит «Краткая орфография абхазского языка» Д. И. Гулиа, к которой был приложен небольшой орфографический словарь. В 1935 г. сотрудниками сектора языка и литературы института издается сравнительно солидный но объему «Русско-абхазский общественно-политический терминологический словарь».

По известным причинам в 40-х годах интенсивность изучения абхазского языка несколько ослабевает. Однако в 50 годах она вновь оживляется. В 1954 году выходит «Абхазско-грузинский словарь» Б. П. Джанашия, в 1964 году коллектив авторов (Х. С. Бгажба, Б. П. Джанашия, К. С. Шакрыл, Е. К. Шакрыл, Г. З. Шакирбай, Б. В. Шинкуба) издает «Русско-абхазский словарь». Объем лексики, представленный в этих

словарях, значительно больше, чем в вышеперечисленных и, кроме того, принципы составления, теоретические установки и техническое оформление более соответствуют «структуре абхазского языка.

Готов к изданию «Словарь абхазского языка» составители – К. С. Шакрыл, В. Х. Конджария с участием Л. П. Чкадуа, в который вошли более 20 000 словарных единиц. Хочется заметить, что этот словарь не только толковый, но и двуязычный: помимо толкования и иллюстраций из художественной литературы и живой абхазской речи, каждая абхазская лексема сопровождена соответствующим русским переводом. Отдел языка ведет систематическую работу по сбору отраслевой лексики. Собран большой и весьма интересный материал, и в этом большая заслуга Б. П. Джанашия, который в течение ряда лет лексикологической работы собрал материал по виноградарству и виноделию, по ткацкому, строительному, кузнечному ремеслу, по пчеловодству и народной медицине. В. Е. Кварчия издал монографию, посвященную животноводческой лексике абхазского языка.

Закончена работа по составлению «Абхазско-русского словаря» (Коллектив исполнителей), «Абхазско-русский – русско-абхазский словарь новых слов» (В. Х. Конджария), «Словарь абхазских антонимов» (С. М. Начкебия, Р. Чкок).

В течение ряда лет плодотворную работу по составлению «Абхазского этимологического словаря» ведет Т. Х. Халбад. Институт располагает интересным топонимическим материалом, собранным Г. З. Шакирбай.

Сотрудники отдела языка большое внимание уделяют терминологической работе. Результатами этой работы являются издание словарей: лингвистических терминов (Т. Х. Халбад), термины по овощеводству (Т. Х. Халбад), животноводству (Н. В. Аршба). В издательстве находится словарь экономических терминов (А. Д. Хеция), на стадии завершения находится словарь школьных терминов (В. Х. Конджария). За последние годы отделом языка на утверждение было представлено свыше 3 тысяч терминов

(общественно-политических, философских, медицинских). В отделе создается словарный фонд. Уже составлены несколько десятков тысяч карточек, иллюстрирующих язык Д. И. Гулиа и Б. В. Шинкуба. На базе этого фонда составлен «Словарь языка Д. И. Гулиа» (Н. В. Аршба, С. М. Начкебия).

Успешные изыскания ведутся и в области грамматики абхазского языка. В 1964 году коллектив авторов с участием академика К. В. Ломтатидзе издал «Грамматику абхазского языка (Фонетику, морфологию)». В этой обобщающей работе довольно подробно описаны фонетическая система абхазского языка, фонетические процессы и морфологический строй.

Отдельным проблемным вопросам морфологии посвящены монографии – «Наклонение в абхазском языке. К теории вопроса» – Т. П. Шакрыл, «Система времён и основных модальных образований в абхазо-абазинских диалектах» – Л. П. Чкадуа, «Глагольная префикация в абхазском языке» К. С. Шакрыл, «Категория определенности и неопределенности в абхазско-адыгских языках» – Г. Х. Халбад.

Монографически описаны инфинитные формы глагола с обстоятельственными аффиксами – Х. С. Бгажба; числительные – Т. П. Шакрыл, послелоги – Е. П. Шакрыл. Изучению некоторых проявлений локативных превербов абхазского языка занимался Б. В. Шинкуба. В историко-сравнительном плане написана монография К. С. Шакрыл «Очерки по абхазско-адыгским языкам (описание фонем абхазско-адыгских языков, грамматических категорий и словообразовательных моделей)». Отдел приступил к написанию «Грамматики абхазского языка», в которой будут обобщены основные достижения абхазского языкознания.

Разработка вопросов синтаксиса является сравнительно новой областью абхазского языкознания. В настоящее время в интенсивное изучение синтаксических проблем включились и сотрудники Абхазского института. В 1970 году они издали «Сборник материалов по абхазскому языку», куда вошли статьи, посвященные

кардинальным вопросам абхазского синтаксиса; в 1983 году Чкадуа Л. П. в соавторстве с Аристава Ш. К. выпустила учебник для студентов филоло¬гического факультета АГУ «Синтаксис абхазского языка», В течение ряда лет над проблемами простого предложения работал М. М. Циколиа, сложного – Т. П. Шакрыл, К. С. Шакрыл. Сегодня М. М. Циколиа в сравнительно-историческом плане исследует вопросы синтаксиса абхазского и картвельских языков, включая и древнегрузинский.

Проблема порядка слов в абхазском языке была предметом специального исследования, которой занимался М. М. Циколия. Не оставлены без внимания и вопросы словообразования (Б. В. Шинкуба, А. И. Инал-ипа, А. Хеция).

* * *

Известна необычайная сложность абхазской фонологической системы. Она являлась объектом исследования с возникновением абхазской лингвистической науки. Большие успехи в этой области достигнуты в исследованиях последних лет. Особо хочется отметить вышедшую в 1979 г. монографию К. В. Ломтатидзе «Историко-сравнительный анализ абхазского и абазинского языков». Определенный вклад в изучение столь сложной области внесен языковедами института. Так, Х. С. Бгажба в монографии «Бзыбский диалект абхазского языка» впервые дает описание фонем системы, сделанный на базе экспериментальной аппаратуры. Н. В. Аршба исследовала ударение и те фонетические процессы, которые вызваны его интенсивным и подвижным характером. Сегодня Н. В. Аршба занимается изучением вопросов абхазской акцентологии.

За последнее время работы, связанные с созданием и закреплением грамматических норм абхазского литературного языка, заметно активизировались. Х. С. Бгажба издал «Правила по орфографии абхазского языка». Группа авторов опубликовала «Сборник материалов по абхазской орфографии»; вышла работа Л. П. Чкадуа по пунктуации абхазско-

го языка. На основе этих работ издан «Справочник по орфографии и пунктуации абхазского языка», Составляется «Орфографический словарь абхазского языка».

Достигнуты определенные успехи в области абхазской диалектологии: все диалекты абхазского языка описаны монографически – абжуйский диалект описал М. М. Циколия, бзыбский диалект – Х. С. Бгажба. Также монографически исследована речь абхазцев, проживающих в Аджарском АССР – Э. К. Килба, имеются отдельные статьи К. С. Шакрыл. Работа по изучению диалектов продолжается и сегодня.

В историко-сравнительном плане изучена лексика ашхарского диалекта абазинского языка в сравнении с диалектами абхазского языка – В. Х. Конджария.

Ряд десятков лет абхазские дети необходимый минимум по структуре родного языка получают из учебников, составленных А. М. Чочуа, К. С. Шакрыл, Б. В. Шинкуба, К. С. Бгажба. Эти учебники каждый год переиздаются, при переиздании – совершенствуются, сближая школьную грамматику с научной. На основе лекций К. В. Ломтатидзе по фонетике и морфологии был создан учебник для студентов вуза (Л. П. Чкадуа, Ш. К. Аристава).

Обобщая, можно без преувеличения сказать, что по изучению абхазского языка в Абхазском институте достигнуты определенные успехи, которые в будущем несомненно во много раз преумножатся, соответственно пополняя сокровищницу абхазского языкознания.

АСОВЕТ МЧРА АБЫЗШӘАТӘ ПОЛИТИКЕИ АҨСУА БЫЗШӘЕИ[1]

1917 шықәса заҟа наҟ иаҳҟәыҭхахо аҟара, еиҳа-еиҳа иҩәҩәаны иааҧшуеит уи ауаатәыӡса зегьы рразҟы ачаҧарҭаҿы амҽхакра ду иамоу.

[1]Под знаменем Октября. Сухуми. 1968. 380-392 адаҟьақәа зӡыз К. С. Шьаҟрыл иоуп, 392-409 адаҟьақәа зӡыз Л. П. Ҷкадуа лоуп.

Иаҳҳысыз а-50 шықәса рыла, егьырҭ жәларқәа реиҧш, аҧсуа жәларгьы ирықәҿиеит аиааира дуқәа.

Асовет мчра амилаҭтә политика абзоурала аҧсуа жәлар, анхамӡаҟны еиҧш, ақәҿиара ҟаиматҟәа рымоуп культура арҿиараҿгьы, ҷыдала ҳалацәажәозар, аҧсуа бызшәа наукала аҵараҿы.

Асовет мчра Аҧсны ианышьақәгыла, уи аҳамҭала аҧсуаа рхәыҷқәа рхатәы бызшәала аҵара азин анроу, аҧсуа нбан шәҟәы ада, аҧсуа бызшәазы акәзааит, аҧсуа литератураз акәзааит, уаҳа рҵага шәҟәы ыҟамызт. Аҧсуа литература ҳәа уаӡ дызлацәажәаратәа иҟаз акык-ӡбак ракәын, арҵага шәҟәы злеиқәуршәоз абаҟахыз.

Усҟан ус акәын ишыҟаз, аха иахьа ишҧаҟоу?

Иахьа актәи акласс инаркны ажәабатәи акласс аҟынза, аҧсуаа рхәыҷқәа рхатәы бызшәеи рхатәы литературеи зларҵаша арҵага шәҟәқәа рыла еибыҭоуп. Аҧсуа литература акәзар, уи СССР аҿы мацара акәым, аҳәаанҵыҵгьы ибзианы иахьырдырқәо рацәоуп.

Асовет мчра шақәгылаанза аҧсуа бызшҳа наукала изҵоз аҧсуазаҵәыкгьы дыҟамызт. Уажәы аҧсацәа рҵеицәа аҧсуа бызшәа наукала аҵара иаҿу рхыҧхьазара ӡажәаӡык рҟынза иназоит, даҽеакала иуҳәозар, ари азҳаит ӡажәа процент рыла. Урҭ рахьтә жәохәӡыкҟа афилологиатә наукақәа ркандидатратә степен рымоуп. Урҭ рыдагьы аҧсуа бызшәа наукала аус адырулоит егьырҭ аешьаратә милаҭқәа рахьтәгьы азәырӡы.

Аҧсуа бызшәа наукала аҵара иазку ахцәажәараҿы, уажәтәи аҧсуа ӡыра (уажәтәи зысҳәо ажәытәзагьы аҧсуаа аӡыра рыман ҳәа агәаанагара исымоу аҟнытә ауп), уи аҭоурых, маҷк адамхаргьы, имҳәакәа всышьа амам; акыс, урҭ аҭоурых еидҳәалоуп, ӡбагьы рҵоурых зыдҳәалоу азәы иоуп.

Уажәтәи аҧсуа ӡыра анцәырҵ, Аҧсны Урыстәыла ианадла (1810) ашьҭахь ауп. Аҧсны Урыстәыла адлара, ҳәарас иаҭахузеи, аҧсуа жәлар рзы даара ипрогресс дуны иҟалеит. Егьырҭ зегьы урҟәаҵ, иара уи иабзоураны аҧсуа ӡыра иҟалаз амацара иугаргьы, аҧсуа культура аҿиараҿы уама

зегьы аҵанакуеит, урҭқәа зегьы ари астатиаҽы ҳәашьа амам акәымзар.

XIX шәышқәсқәа 60 шықәсқәа ианырҭагылаз ауп уажәтәи аԥсуа ҩыра анцәырҵ. Уи аҩыра аԥсуаа ирзеиқәиршәеит, аԥсуа бызшәа раԥхьа наукала аҵара иалагаз, аурыс жәлар ду рҵеи,идамздам афилолог ҟаимаҭ П. К. Услар. Аԥсуаа ажәытәзагь аҩыра рыман ҳәа уаҩ дақәшәартә иҟоуп. Ари шиашоу шаҳаҭра ауеит аԥсышҳала ицәажәаз, 3200 – 3300 шықәса шаҳаҭра шықәса зхыҵуа Маиҟәаԥтәи ахаҳә[1]. Аха уи ҷыдала аарԥшра аҭахуп, уи атәы зҳәо афактқәа рыԥшаара, анализ рзура аҭахуп, уи наҟ-наҟтәи усуп. Усгьы иаадыруазароуп, уи ахаҳә аԥсышәала ицәажәаз ус баша машәырны ишымцәажәа, уи иаанарԥшқәаша шыҟоу, ишбаҟа дуу.

Ишдыру еиԥш, 1958 шықәсазы аурыс ҳәыҥҟар П. К. Услар инапы ианнаҵеит Кавказ аҭоурых аҵара. Услар ари еиԥш адҵа аниоу, аҭоурых аҩра акәымкәа, раԥхьа уи далагеит Кавказ иқәынхоз ашьхаруаа жәларқәа рбызшәақәа рҵара. Уи аҵыхәала Услар ус иҩуан: «Иарбан жәлараазаалакь рбызшәа мҵакәа урҭ рҭоурых аҵара залшом»[2] ҳәа.

Убри аҟнытә П. К. Услар иҽазикит Кавказ иқәынхоз амилаҭқәа рбызшәақәа рҵара, аха уи аамҭазы кавказтә ажәларқәа рахьтә аԥышәараҽы рхы иадырхәо аҩыра змаз маҷзан, ҩырада урҭ абызшәақәа рҵара маншәаламызт, аҩыра рзыҟаҵазар акәын. Аха амилаҭ аҩыра рзыҟаҵаразы, урҭ рбызшәа афонетикатә система бзиазаны адырра аҭахын. Услар имахәҽа еилыхны ари иҽазикит. Раԥхьаза уи далагеит аԥсуа бызшәа аҵара. Абри аус азы Услар 1861 шықәсазы даауеит Аԥсны, дагьаагылоит Аҟәа; далагоит аԥсуа бызшәа афонетикатә система аҵара, аԥсуа алфавит аҟаҵара.

Иара убас, иааркьаҽҵзаны иаҳҳәозар, аурыс графика шьаҭас иаҭаны, Услар иҟаиҵеит аԥсуа лфавит. Аиашоуми иаҳҳәаша, усҟантәи аамҭазы ариаҟара иуадаҩу, зҳәара цәгьоу ашьҭыбжьқәа абызшәа дыра хәыҷзак адамхаргьы иазыҟаҵаз, Услар ицхраашаз уаҩы дызлаҟамыз ала, уи аԥсуа бызшәа афонетикатә система дара дагәылаланы еиликааует аԥсуа лфавит Услар ианеиқәиршәоз иалеиҵеит, аурыстә график анаҩс, анбанқәа акык-ҩбак алатинтәи ақырҭуатәи графикқәа рахьынтә иааганы.

Абри ашьҭахь Услар далагеит аԥсуа бызшәа аграмматика аҵара, аграмматика аҩразы уи иаҭаху аграмматикатә матәахәқәа реидгалара. Мчыбжьык аҟара Услар Аԥсны дахьынзаҟаз абызшәатә маҭәахәқәа еизигаз иманы Қарҭка дцеит. Уа усҟан иҟан хҩык аԥсаҵәа: Гьаргь Қәурцекизе, И. Гьегьиа, С. Ешба, даҽа аҩразы урҭ ахҩык идартәаланы аус иуан, иара излеиҳәо ала, фы-мчыбжьа. Арҭ афымчыбжьеи, мчыбжьык Аԥсны данықаз аус ииуази ирылыршаны Услар иҩит аԥсшәа иазку амонографиа ҟаимаҭ.

Ари амонографиа литограф ҳасабала иҭыҵит Қарҭ 1862 шықәсазы. Ари амонографиа шәы-шықәса инреиҳангьы изхыҵуа, иахьагьы ахәарҭара ду иалоу ацәымзыцкәа, аԥсуа бызшәа аус адызуло зегьы рхы иадырхәоит.

Ари аграмматика композициала аиқәыршәашьа, егьырҭ аграмматикаҿа раасҭа, даҽакала иҟоуп. Уи иара аԥсшәа ачыдарақәа иамоу иашьашәаларатәа иҟаҵоуп. Егьырҭ аграмматикаҿа рҽы ишыҟоу еиԥш акәымкәа, уи ара аморфологиа ахцәажәара далагоит ахаҽытә хьыҵцынхәарақәа рыла, нас азҳәа, уи ашьҭахь азххәаа убас егьырҭгьы. Избан акәзар азҳәеи, азххәааи ахаҭатә хьыҵцынхәарақәеи аԥсуа бызшәа аструктураҽы реизыҟазаашьа аԥсуа бызшәаҽы дара акразҵазкуаакы акәны иҟоуп. Ахаҭатә хьыҵцынхәратә ԥынгылаҟәа ракәзар, урҭ ианагь азҳәеи азххәааи ирыласуп. Абри азоуп Услар аԥсуа морфологиа ахаҭатә хьыҵцынхәарақәа рыла дшалага. Ари аметодика аганахьала уахәаԥшуазар, ҳара ҳтәала, Услар дара диашоуп ҳәа ақәнаҳаргоит. Иара Услар ишиҳәо ала: «ахатә хьыҵцынхәарақәа рҟазшьақәа еилымкаакәа, аԥсуа ҟаҵарба асистема еилыргашьа амам». Убри аҟынтә Услар заа еилырганы ишьақәиргылеит ахаҭатә хьыҵцынхәарақәеи урҭ рахьтә иаауа ахаҭатә хьыҵцынхәара

[1]Г. Ф. Турчанинов. Древнейший письменный памятник Кавказа, «Вестник древней истории» 3, Москва, 1965, стр. 97. Продолжение в том же журнале за 1966 год.

[2]П. К. Услар. Этнография Кавказа. Языкознание. Абхазский язык, Тифлис, 1877, отдел второй, стр. 33.

ҧынгылақәеи ирымақәоу афункциақәа, нас егьырҭ акатегориақәа реилыргара далагеит.

П. К. Услар ииҩыз аҧсуа бызшәа аграмматика, ҳәарас иаҭахузеи, агхақәагьы амоуп; иара уа имоу аҧҟарақәа зегьыҵәҟьа рыдкыларагьы уадаҩуп. Услар иара ихалагьы иҳәон, иҩымҭа агхақәа шамоу. Ари еиҳаракгьы иангәеиҭа, аҧсуа бызшәа иазааигәақәоу егьырҭ кавказтәи абызшәақәа рҵара даналага ашьҭахь ауп. «Аҧсуа бызшәеи ачачан бызшәеи ирызкны изҩыз аочеркқәа рҿы ирееитәқәоу, еиҭаҟаҵатәқәоу маҷымкәа иҟоуп» иҳәон Услар. Аха урҭ арееирақәа ахьзаха имоуит.

Ари ҳазлацәажәо аграмматика ахаҭабхиареи агхақәеи иамоу зегьы ара алацәажәара алшом, аха иазгәаҭатәу уи ауп, урҭ агхақәеи агәамҭарақәеи зыхҟьа ҳәа ҳара ҳгәы иаанаго, акыс, Услар аҧсшәа ишиҭаху еиҧш аҿҿаҳәа далацәажәартә иахьизымдыруа аҟнытә, ҩбагьы, аҧсуа бызшәа еиҧш иҟоу абызшәа аграмматика аҩра аҧышәа усҟантәи аамҭазы иахьыҟамыз аҟнытә, Услар иусураҿы ицхраауаз аинформаторцәа уи еиҧш иҟаз афилологтә усура иахьазыҟаҵамыз аҟнытә ауп.

Ари агхақәа ҳәа ҳазҿу, уи аграмматика аҵак ду иамоу архьысҳауа иҟазам. Уи ашәҟәы кавказтәи абызшәақәа рызҟазацәа рзы урҭ реишәа иныҟәымшәо шәҟәны иҟоуп.

Услар аҧсуа нбан шәҟәы еиқәыршәаны, аҧсуа грамматика аниҩуаз аамҭазы, Қарҭ аус ауан комиссиак ашьхаруаа ршколқәа рзы арҵага шәҟәқәа реиқәыршәара знапы ианыз. Арии акомиссиа хантәаҩыс даман аурыс генерал И. Бартоломеи. Уи акомиссиа иадын аҧсуа нбан шәҟәы аиқәыршәара. Уи аус иадҧхьаланы иҟан хыхь зызбахә ҳәоу аҧсацәа Семион Ешбеи, Иуан Гегиеи Гьаргь Қәурцекизеи. Арии акомиссиа иалазгьы, Услар еиҧш, дара рхала иҟарҵеит даеа аҧсуа лфавитк, аха ари рацәак иманшәаламзар акәхарын, убри аҟнытә, Услар иҟаиҵаз анбан анырба, дара иҟарҵаз наҟ инышьҭаҵаны, Услар инбан рыдыркылеит. Абри алфавит ала, Бартоломеи икомиссиа еиқәнаршәеит аҧсуа нбан шәҟәы. Ари аҧсуа нбан шәҟәы аҧхьажәаҿы И. Бартоломеи абас иҩуеит:

«Ари алфавит (Услар еиқәиршәаз К. Шь.) мҧсахзакәа ҳара иаагеит 1862 шықәсазы литографла иҭыжьыз Генерал-Маиор Услар ииҩыз «Аҧсуа бызшәа» ҳәа хыс измоу ахьынтә, ҳара ҳгәаныла, азеиҧштә рҵага шәҟәы ианаалоит ҳәа излаҳаҧхьазаз ала анбанқәа реишьҭагылашьа ҳаҧсахт акәымзар. Насгьы ара, иалаҳамҵеит Бзыҧтәи аокруг аҿы ирымақәоу ашьҭыбжь ҷыдақәа азырбо анбанқәа».[1]

Ари анбан шәҟәы ҭыҵит 1865 шықәсазы Қарҭ. Аха ари анбан шәҟәы аҧсуаа рхәыҷқәа аҧхьареи аҩреи аларҵаратәа изыҟамлеит, уи рҵагас маҭәахәқәа аламызт.

Услар иаамшьҭахь Асовет мчра шақәгылаанзза аҧсуа бызшәа аус адызулоз дрылаҧхьазоуп, аҧсшәа бзианы издыруаз, ақырҭуа жәлар рҵеи Пиотр Ҷараиа. 1912 шықәсазы уи иҭижьит аҧсшәеи ақырҭшәеи лексикала реиқәыршәара иазкны ашәҟәы.[2]

Абызшәақәа еиҿырҧшны рҵараҿы П. Ҷараиа ииҩыз ашәҟәы акыр шаҵанакуа аанарҧшуеит Аккад. Н. И. Марр ари аҩымҭа хшыҩзышьҭра ду иазиуз. Ҳазлацәажәо П. Ҷараиа иҩымҭа 1012 шықәсазы иҭыҵыз иахҳәааны иара убри ашықәсан Н. И. Марр иҭижьит ҷыдалатәи аусумҭа[3] Марр Ҷараиа ишәҟәы даҧхьаны абри аҩымҭа аниҩ нахыс ауп аҧсуа бызшәа даара интерес икны, иеадцаланы аус адулара даналага.

Аҧсуа бызшәеи, аҭоурыхи аетнографиеи ирызкны Н. И. Марр иҩит 25-ҟа наукатә ҩымҭа. Урҭ рахьтә 10-ҟа ҩымҭа Аҧсны Асовет мчра шақәгылаанзәа ииҩқәаз иреиуоуп; урҭ аҩымҭақәа зегьы хаҭабзиала еиҧшым. Урҭ рахьтә, акритика ишазгәанаҭахьоу еиҧш, аҩашьра злақәоу, ииашақәам ыҟоуп, аҵак ду злақәоугьы ыҟоуп. Иааркьаҿны иаҳҳәозар, Марр ишьҭаханы иҟаз аҧсуа культура ашьҭыхразы даара ирацәаны акрыҟазҵаз, зҷьабаа хашҭра ақәым уаҩуп. Н. И.

1 Аҧсуа нбан. Абхазский букварь, Қарҭ, 1865, ад. 3.

2 П. Чарая. Об отношениях абхазского языка к яфетическим. МЯЯ, т. 4, СПБ, 1912,8.

3 Н. И. Марр. К вопросу о положении абхазского языка среди яфетических. МЯЯ (материалы по яфетическому языкознанию), 5, 1912.

Марр ибзоуралоуп рапҳьаза аҧсуа бызшәеи, алитературеи аҭоурыхи рҵара иазку Аҧсуа бызшәеи алитературеи ракадемиа ҳәа захьзыз анаукатә усбарҭа златы (1925 ш.). Марр ибзоуралоуп рапҳьазза инеиҧынкыланы аҧсуа жәлар рҽаҧыцтә ҳәамҭакәа анҵара, аизгара ишалага. Н. И. Марр ихатәы напылаԥыратә архив Ленинград ишьҭоу аҽы еиҳа-еиҳа ицәырҵуа иалагеит уажәраанзза идырмыз, аҧсуара иазку уи инапылаԥырақәа маҷымкәа. Урҭ ирылапҳьаҙоуп анаука русзуԥы С. Зыхәба Марр иархив аҽы ицәыцип̧шааз, усҟантәи аамҭазы ианҵаз аҧсуа лакәқәа, зхыҧхьаҙара 70 лакә рҟынза назо. Урҭ алакәқәа реизга сынтәа иҭыҵраны иҟоуп.

Н. И. Марр аҧсуа бызшәа иазкны иипԥқәаз рахьтә атеориаҽы еиҧш аҧышәараәы аҵак ду аманы иҟоуп, уи еиқәиршәаз, «Аҧсуа-урыстә жәар» (1924)[1], аҧсуа бызшәа диалектла аивнагарақәа иамоу зныҧшуа.

Аҧсуа бызшәа аус адулара даҽын, абаԥхатәра ду змаз, Н. И. Марр иҵаԥы А. Н. Генко. Уи 1928 шықәсазы икьыҧхьит «Аҧсуа бызшәа авокализм» ҳәа хыс измоу аԥымҭа ҟаиматҙ.[2] Аҧсуа бызшәа ашьҭыбжьқәа рсистема аилыргараҽы ари аԥымҭа даара акрызҵазкуа лагала ҟаиматны иҟоуп.

Урҭ ашықәсқәа раан аҧсуаа рҵеицәа рахьтә қәҽиарала аҧсуа бызшәеи алитературеи аус рыдиулон Аҧсны жәлар рпоет Д. И. Гәлиа. Уи рапҳьаза аҧсуа бызшәа иахҳәааны иипԥыз зхиҳәааз П. Услар аҧсуа бызшәа аграмматика иипԥыз ауп.[3] Уи уа дахцәажәоит Услар арии иԥымҭаҽы иарбамкәа инхақәаз абызшәатә фактқәа, насгьы уа ирбазаргьы, аха зеилкаара уадаԥқәоу ма аилагарақәа зыхьыз рееишьас иамоу далацәажәоит. П. Услар аҧсуа бызшәа иазкны иипԥыз зхы иазырхәо рзы Д. Гәлиа иԥымҭа хәарҭара ду злоу усумҭоуп. Уи адагьы ари ҳазлацәажәо аԥымҭаҽы изԥымҭоу инеиҵыхны далацәажәоит грамматикатә формала даара ибеиоу аҧсуа ҟаҵарба, хыҧхьаҙарала ирацәоу аҟаҵарбатә ҧынгылақәа рбзоурала ҵԥа змам ажәа ҽыцқәа шрылҵуа атәы уҳәа убас егьырҭгьы.

Аҧсуа бызшәа алексикеи аорфографиеи аус рыдиулон Д. Гәлиа. 1930 шықәсазы уи еиқәыршәаны иҭижьит «Аҧсуа бызшәеи алитературеи ртерминологиа» ҳәа хыс измаз атерминологиатә жәар. Ари ажәар аҽы аҧсуа бызшәеи алитературеи аҽиара иалагаз аҧсуа литературеи аҧсуа литературатә бызшәеи рымехак аҽы лагаламҭа ҽыцны иҟалеит. Ари атерминологиатә жәар аҧсуа бызшәеи алитературеи аус рыдзулоз, насгьы арҭ аҧсуа школқәа рҽы идзырҵоз рзы, атипографиатә усзуԥцәа рызгьы ицхыраагза дуны иҟалеит.

1929 шықәсазы М. Аҳашбеи З. Дарсалиеи еиқәыршәаны иҭрыжьит ԥ-хәҭак змоу аполитжәар.[1] Ари ажәар қәкыс иаман, октиабртәиареволиуциа абзоурала асовет мчра Аҧсны ианшьақәгыла ашьҭахь аҧсшәа иаланагалаз ажәақәа разгәаҭара, урҭ рзакәантәра акәын. Ҳәарас иаҭахузеи, ари ажәар хәыҷгьы усҟантәи аҭагылазаараҽы мусҭа бзианы иҟалеит. Аха ари ажәар аҽы уи еиқәзыршәаз ирцәалашәақәеит имаҷымкәа ажәақәа аполитжәар иаҵанамкқәоз. Ари зыхҟьа ҳәа ҳара ҳгәы иаанаго уи ауп, уи ажәар еиқәзыршәаз ирымамызт изҽыҧшышаз аҧышәа. Ус аполитжәар иатәымкәа ажәар иаланагалаз рахь иҧхьаззоуп абарҭ ажәақәа: *абзац, агроном, акробат, анатомиа, абацилла, агигиена* уҳәа убас егьырҭгьы.

Усҟантәи аамҭазы аҧсуа бызшәеи алитературеи аус рзызуаз, аиашазы, махәҽеилыхрылаҵәҟьа иаҽын еиуеижәлам атерминологиатә жәарқәа реиқәыршәаразы алексикатә маҭәахәқәа реизгара. Аха Аҧсуа академиа агәы иҭаз анагзара алымшеит; избан акәзар, ҷыдала иазыҟаҵаз анаукатә кадрқәа рыла еиқәшәамызт. Ари еиҧш аҭагылазаара, ҳәарас иаҭахузеи, Академиа аусура ҧырхагала ианымҧшыр ҟамлеит.

Қәҽиарала аҧсуа бызшәеи алитературеи аус рыдулара мԥаҧысуа иалагеит 1931 шықәса нахыс. Уи ашықәсан аҧсуа

1 Н. И. Марр. Абхазско-русский словарь. Л., 1924.

2А. Н. Генко. Абхазский вокализм. ИАН СССР, 7, сер. отд. гумм. Наук, 1, Л. 1928.

3Д. Гулиа. Материалы по абхазскому языку. Сухум, 1927.

[1]М. Аҳашба, З. Дарсалиа. Иаазыркьаҽны аҧсуа политжәар (Краткий абхазский политсловарь) Аҟәа, 1929.

бызшәеи алитературеи ракадемиа инашьаҭақәыргыланы иаатит анаукатә институт АБНИИК (Абхазский научно-исследовательский институт краеведения). Ари аинститут аныҟала ашьҭахь ара аус руа иалагеит аԥсуаа рахьтә раԥхьатәи афилологиатә наукақәа ркандтдатцәа, абаҳохатәра змаз ауаа Арсен Аҳашбеи Виктор Кәыкбеи. Уи аинститут аусура реаладырхәит, напхгарагьы азыруан абарҭ реиԥш абызшәа зҟаза ҟәазцәа, академикцәа Н. И. Марр, И. И. Мешьчанинов, апорф. Н. Ф. Иаковлев.

Аԥснытәи Ацентр Нагзаратә Комитет АБНИИК аартреи уи анапхгареи хшыҳозышьҭра ду анаҭон. Аҵабырг азы ас аинститут ахылаԥшра иамаз бзианы ианыԥшуан. Ари ас шакәу шаҳаҭра ауеит АБНИИК иазкны ЦИК Апрезидиум иҟанаҵақәаз ақәҵарақәа рахьтә акы. Усҟан аԥсуа терминологиаҿы иҟаз аилагарақәа ирызкны маи 10 азы 1935 шықәсан ЦИК Апрезидиум иаднакылеит абри еиԥш ақәҵа:

«В целях исправления ошибок, имевших место в практике составления абхазского терминологического словаря… Президиум Центрального Исполнительного Комитета постановляет:

1. основой базой для дальнейшего развития абхазского языка считать:

а) интернациональную, политическую и научно-техническую терминологию (слова международного значения, как пролетарий, революция, социализм, колхоз, совет, трактор, телеграф, физика, техника и т. д.), установив, как правило, что отсутствующие в абхазском языке общественно-политические и научно-технические термины должны браться из других языков.

2. Установить, что при выработке терминологии и создании абхазского литературного языка в основу должны браться бзыбский и абжуйский диалекты с учетом словарного запаса других диалектов, при наличии разных терминов в разных диалектах, брать в основу тот из них, которым пользуется большинство населения.

3. Установить, что при введении в абхазский язык интернациональных терминов, а также собственных имен, такие должны браться в оригинале без изменения.[1]

Уи адагьы ЦИК апрезидиум аҿы иахәаԥшны ирыдыркылон реиҳа иуадаҳоҟәоу атерминқәа.

АБНИИК иамаз абызшәеи алитературеи рсектор аусзуҳоцәа аԥсшәеи аԥсуа литературеи заҟа гәцаракрыла аус азыруаз еилыкка иаҳнарбоит АБНИИК аусумҭа зну 1934 шықәсазы иҭыҵыз ашәҟәы 163-тәи адаҟьаҿы иану ахроника «О работе сектора языка и литературы АБНИИКа в период 1931 – 33 – 34 гг.», ҳәа хыс измоу. Уи ахроника ус аҳәоит:

…За истекшие 3 года выполнено следующее:

1. Была развернута большая работа по сбору материалов языка и фольклора. Путем распространения абхазского языка, исследована распространенность двуязычия и многоязычия, изучалась особенность лексики абхазского языка в иноязычном окружении… учитывалось особенности диалектов с точки зрения фонетики, морфологии и синтаксиса.

2. Составлены и представлены на утверждение Правительственному комитету[2] следующие терминологические словари:

а) общественно-политический,

б) по литературе и языкознанию,

в) судебный, экономический и административный.

Часть уже принята Комитетом и сдана в печать.

Выработаны принципы орфографии и терминологии абхазского языка (см. ст. 29 – 60)…

Подготавливается к печати «Пособие по абхазской речи» для 5, 6, 7 классов неполной средней школы (Хашба А.).

Заканчивается подготовка к печати абхазской грамматики для 1, 2, 3, 4 классов начальной школы на абхазском языке (Кукуба В.).

[1]Ари ацитата аагоуп «Русско-абхазский общественно-политический терминологический словарь», 1935 шықәсазы иҭыҵыз аԥхьажәаҟнытә.

[2]Ари Аҳәынҭқарратә комитет ыҟан Аԥснытәи АССР Жәлар ркомҿар аҿы.

Подготовлен к печати краткий очерк абхазского языка, 1-я часть (Хашба А.).

Подготовлена к печати абхазская грамматика для самообразования и учителей проф. Яковлева под редакцией и предисловием Хашба А.

Ведется работа по исследованию строя речи абхазского языка при участии акад. Мещанинова, Хашба А., Кукуба В. (Часть работы А. Хашба сдана в печать)».

Арҭ еиқәыҧхьазақәоу рахьтә акьыҧхь аарханы, аҧышәараҿы иадырхәаратәа иҟалеит амуҫтақәа маҷымкәа. Ишдыру еиҧш, афилологиатә наукақәа ркандидат А. Аҳашба аҧсуа бызшәа аграмматика иҿадцаланы аус азиуан, ҷыдала аморфологиа азҵаарақәа акыргьы иаақәицалахьан, хәҭақәакгьы икьыҧхьхьын. Иикьыҧхьхьаз иҧхьазоуп «Абхазский язык» ҳәа хыс измоу.[1] Ари атемахьтә икьыҧхьын актәии аҩбатәии ахқәа. Актәи ахаҿы автор далацәажәоит аҧсуа бызшәа ажәаҳәа хәҭақәа рахьтә аморфологиатә формакәа змами изцәмаҷуи шыҟоу атәы. Уи анаҩс уи ара далацәажәоит ахьызцынхәракәеи ахьызцынхәратә префиксҟәеи, урҭ рразриадқәа, рфункциақәа убас егьырҭгьы.

Аҩбатәи ахаҿы автор далацәажәоит аидҳәалагақәа, ахәҭаҷкәа, урҭ аҧсуа бызшәаҿы рфункциақәа. Иара убри АБНИИК аизгаҿы А. Аҳашба икьыҧхьит астатиа: «О принципах построения единой орфографии абхазского языка». Ари зҩымҭоу ара далацәажәоит абарҭқәа: 1. «Орфография и грамматика абхазского языка», 2. «Основные вопросы орфографии абхазского языка», 3. «Словообразование сложных и составных слов и их правописания», 4. «Сочетание послелогов, предлогов и местоименных перфиксов с глагольными и именными основами и их правописания».[2]

Ари аусумҭаҿы иҟоуп имаҷымкәа ибзиаҵәҟьаны иазгәаҭакәоу, иахьагьы уаҩы ихы иаирхәаша аҧҟарақәа, аҧсуа литературатә бызшәа аҿиаратә мҩа изну иазгәаҭаны иҟаҵақәоу.

А. Аҳашба икьыҧхьит астатиа «Очерки по истории абхазской письменности» ҳәа хыс измоу.[3] Ари азҵаара раҧхьаза

[1]«Труды» АБНИИК, в. I, 1934.

[2] Иара уа.

[3]Труды» АБНИИКа, в. I, 1933.

иалаҵәажәазгьы иара иоуп. Ари аочерккәа рҿы изҩымҭоу далацәажәоит аҧсуа бызшәа аҩыра аҵәырҵра аҭоурых, насгьы уи ҟалаанзза иҟакәааз атранскрипциакәа. Даатгыланы дахцәажәоит П. К. Услар еиқәиршәаз аҧсуа алфавит. Ара иарбоуп дагьахцәажәоит Услар еиқәиршәаз аҧсуа алфавит, апроф. Быҭәба итәы. Астатиа алагамҭаҿы изҩымҭоу далацәажәоит Асовет мчра шьақәгылаанза аҵара ус Аҧсны ишеиҿкааз атәы уҳәа убас егьырҭгьы.

Абаҩохатәра змаз афилологиатә наукақәа ркандидат Виктор Кәыкәба иҩымҭақәа рахьтә акьыҧхь аарханы иҭыжьуп абарҭ амуҫтақәа:

«О принципах построения терминологии абхазского языка».[1] Ара В. Кәыкәба далацәажәоит ахатәы бызшәа амилаҭтә культура аҿиараҿы аҵак ду иамоу атәы. Уи анаҩсаны дазаатгыланы иҳәоит атерминқәа ршьақәгылараҿы аҩашьарақәа иҟакәааз, урҭ рхамыштқәа аҧсуа бызшәаҿы атерминқәа реиқәыршәара аус бзианы ишазутәу убас егьырҭгьы.

Раҧхьазатәи аҧсуа бызшәа арҵага шәҟәы актәи акласс иаркны аҧшьбатәи аҟынзза ирыхәашаз еиқәыршәаз В. Кәыкәба иоуп. Ари дара лагала дуны иҟалеит ахатәы бызшәа арҵага шәҟәы уанза измамз аҧсуа школқәа рзы.[2]

1935 шықәсазы Д. Гәлиа еиқәыршәаны иҵижьит «Иаазыркьаҿны аҧсуа бызшәа аорфографиа»[3] ҳәа хыс измаз аорфографиатә жәар зцыз амуҫта. Ари ашәҟәы агхақәа шамазгьы аҧсуа бызшәа аҩышьа аҧкарақәа, усҟантәи аамҭазы ишакәхалакь номерк аҿы рҭагыларазы ҧхьатәи шьаҿанны иҟалеит. Арҵаҩцәеи аредакциатә усзуцәеи рзы ари дара ицхыраагза дуны ироуит.

1935 шықәсазы иҭыҵит «Аурыс-аҧсуатә ажәларра-политикатә терминологиатә жәар». Ари ажәар еиқәнаршәеит АБНИИК аҧсуа бызшәеи алитературеи рсектор. Ари ажәар уааныза иҭрыжьқәахьаз ажәарқәа раасҭа еиҳа иҟәазын, иагьеиқәҳәан. Уи аҧсуа жәар еилазаара дара иарҭбааит,

[1]Труды» АБНИИКа, в. I, 47.

[2]В. Кәыкәба. Аҧсуа бызшәа аграмматика 1, 2, 3, 4 классқәа рзы. Аҧҳәынҵҭыжьра, 1934.

[3]Д. Гәлиа. Иаазыркьаҿны аҧсуа аорфографиа. Аҧҳәынҵҭыжьра, 1935.

иарбеиеит, уанза аԥсшәа иазымдыруаз аинтернационалтә ажәакәа аԥсшәа иаланагалеит; уи адагьы ари ажәар аҽы иаагоуп ҽыц еиқәыршәоу ажәа ҽыцқәа, абарҭқәа реиԥш иҟақәоу: *аԥиаа, ажәар, ажәеинраала, акәԥара* уҳәа егьырҭгьы. Иахьазы арҭ ажәакәа аԥсшәа наԥьнатә иалазшәа ауп иманшәаланы ишыҟоу.

Ишаабо еиԥш, арҭ аусуиҭақәа усҟан еиԥш иахьагьы рҵакы ызымкәа ыҟоуп.

Урҭ ирышьҭанеиуаз ашықәсқәа рзы аԥсуа бызшәа инарҭбааны аҵара еиҳа-еиҳа реаладырхуа иалагеит аԥсуаа рҵеицәа рахьтә имаҷымкәа азәырҿы, урҭ рыдагьы аԥсшәа наукала аҵара реаладырхәуеит егьырҭ амилаҭқәа рахьтәгьы аҟазаҵәа. Урҭ аԥсуа бызшәа наукала аҵараҽы иҟарҵахьоу уаҿы илаԥш аахаратәа иҟоуп. Ҳалаҵәажәап уигьы абра ҵаҟа.

Аԥсуа бызшәа наукала аҭҵааракны алагала ҕәҕәа ҟалҵеит апрофессор Кеҭеван Виссарион-иԥҳа Ломҭаҭизе. Уи лусумҭақәа рҟны инҭкааны, иҵауланы еилыргоуп аԥсуа бызшәа афонетикеи, аграмматикеи, алексикеи рызҵаара хадақәа акыр. Арҭ аусумҭақәа еиҳарак рыҿазара ҳаранакуеит аԥсуа бызшәа еиуеиԥшым акатегориақәа, аԥсуа бызшәа иазааигәоу адыга бызшәакәеи егьырҭ Кавказ абызшәакәеи ирҽырԥшны иахьыҵҵаау, рҭоурых ашьақәыргылараҽы зеиҧьаҭам лагаланы иҟалаз.

К. В. Ломҭаҭизе аԥсуа бызшәа наукала аус адулара далагаанза 1936 ш. инадыркны Аԥсны изныкымкәа дааугеит аԥсуа бызшәа аҵаразы, егьылҵоит, теориала адагьы, практикалагьы. Уи лусумҭақәа еиҳарак шьаҭас ирымоуп лара еизылгаз, еиуеиԥшым ақыҭақәа рцәажәашьа знык-шуа аматериал.

1938 ш. иҭыҵит аԥсуа ҟаҵарба ихадоу аамҭатә формақәа рыҟалашьа иахҳәааy аусумҭа. Уи аусумҭаҽы автор баҿохатәарала иаалырԥшуеит ихадоу аамҭатә формақәа рыҟалашьа афиниттәи аинфиниттәи ҟаларақәа рҟны. Иара убас иҵауланы анализ рзылуеит афонетикатә ҽаԥсахрақәа рыла иҟалаз авариантқәа, адиалекттә ҷыдарақәа азгәаҭо.

Ахцәажәаратәи аиҿырԥшыратә-ҭоурыхтәи методқәа лхы иархәаны иҭылҵаауеит аԥсуа-адыга бызшәакәа рфонетика-фонологиатә система иалоу ашьҭыбжьқәа; иаалырԥшуеит абызшәакәеи адиалектқәеи рыбжьара иҟоу ашьҭыбжьтә еишьашәаларақәа, аиԥшымрақәа, урҭ зыхҟьаз зыбзоуроу, рҭоурых. Иаагап ҿырԥштәқәак: ***дә, тӡә, тә*** (аԥсуа диалектқәа, афонетикатә процессқәа рыхҟьаны ***д, тӡ, т*** рахь риасра (ашьахаруатәи адиалект), ҳ–аа ахь аиасра; аԥсуа-адыга бызшәакәа рҿы ***Ԍ***-и ***Р***-и ирыбжьоу ашьҭыбжьтә шьашәалара; спирант шьҭыбжьқәа рҭоурых адыга бызшәакәа рҿы уҳәа уб. иҵ.[1]

Аԥсуа бызшәаҿы ападежтә категориа аҟазаара иазкны иҟан еиҿагылоу ҿо-гәаанагарак: шьоукы ахьызҟатә парадигмақәа падежтә форманы иршьон, шьоукы уи иакәшаҳаҭмызт. Аԥсуа бызшәа аматериал анализ алшара лнаҭеит илҳәарц, урҭ ападежтә харҳәара шрымам, уи афункциа аҟаҵарба ахаҿытә ԥынгылақәеи, адхаларатә рбагақәеи уҳәа ишынарыгзо.[2]

Аԥсуа бызшәа аграмматикатә категориақәа аиҭатцреи / аиҭамҵреи, ахаҿы, ахыԥхьазара, акласс; алахәыра, аҳәоу аструктура (аиаша, аинверсивтә) ҕәҕәала еимадоуп. Дасу инарыгзо ахархәарақәеи, урҭ раарԥшышьақәеи реилкааразы имҿаԥылгаз аҭҵаарақәа рылҵшәақәа ирызкны ажәақәак.[3]

[1]К генезису одного ряда троечных спирантов в адыгских языках «Институт языкознания» АН СССР. Доклады и сообщения. Т. IV-V. Москва.1953; К звукосоотношению Ɣ(ҕ) // г (р) в абхазско-адыгских языках. «Сообщения АН ГССР», т. XXI. №5.Тб.1958; Некоторые вопросы истории фонетической системы абхазско-адыгских языков «XXV Международный конгресс востоковедов. Доклады делегации СССР». Москва.1960; К истории свистяще-шипящих сибилянтов в протоадыгском «Сообщение АН ГССР».т.XLXL. №2. Тб.,1967.

[2]Вопрос склонения в абхазском языке.»Известия ИЯИМК». т.XII. Тб.,1942.

[3]Относительные местоимения в глагольных формах абхазского языка.»Известия АН ГССР».т.III. №4.Тб.,1942; Категория переходности в абхазском языке. «Известия ИЯИМК».т.XII.

Аҟатцарбақәа аиҭатцреи / аиҭамцреи рыла реиҷеагылара цыдатә рбагала иарбазам. Аха уи афункциа нарыгзоит аҟатцарбатә хаҷырбагақәа. К. В. Ломҭатизе рсинтаксистә хархәарақәа иреҷырԥшны, ахаҷырбақәа лшоит ҩ-риадкны – ариад **«Д»** - и ариад «**Л**»-и, иаалырԥшуеит урҭ ирыбжьоу аивгарақәа, аҳәоу аиҷекаараҷы рылшара хада; Кавказ бызшәақәа ирзеиԥшу цыдараны иҟоуп – аҳәоуқәа аномина-тивтә / аергативтә структурала реиҷеагылара, аԥсуа-абаза бызшәақәа рҷы ари аиҷеагылара нарыгзоит ариад «**Д**»-и ариад «**Л**»-и ирытцаркуа ахаҷырбагақәа, иаалырԥшуеит еиҭатцуа аҟатцарба еиҭамцуа излеиԥшым.

Синтаксистә функциала алахәыратә рбага **И**-и ариад «**Д**» иатцанакуа ахаҷырбагақәеи еиқәшәоит, иара убас алахәыратә рбага **З**-и ариад «**Л**» иатцанакуа ахаҷырбагақәеи.

Аԥсуа ҟатцарба ашьаҭа ҟазшьала инеитралтәуп, ари ус шакәу шьақәлырҷәҷәоит иаалырԥшыз алабильтә шьаҭа змоу ҟатцарбақәа рыла, рнеитралтә ҟазшьагьы мзызны иҟалеит еиҭатцуа аҟатцарбақәа атцабыргылатәи ахҭынхьаатәи залогқәа рыла ашара аҟамзаара.

К. В. Ломҭатизе инҭкааны еиллыргоит еилоу аҟатцарбатә шьаҭақәа рструктура. Аҭак ду амоуп иалылкааз ашьаҭаԥынгылақәа, урҭ **рыблиауттә** ҟазшьа, асуффикс-шьагәыҵқәа, урҭ аиҭатцра / аиҭамцра-и, арҷиара ахырхарҭеи раарԥшра ароль, ахырхарҭатә суффиксқәа.[?]

1956 шықәсазы иҭытцит Павле Ингороҟәа иусумҭа «Георги Мерчули». Аусумҭаҷы иану ала, «Аԥсуа ҳәынҭқарра» ашьақәгылара зыбзоуроу ақырҭуа жәлар рауп. Ԥсышәала ицәажәоз ажәлар усҟан Аԥсни иазааигәоу адгьылқәеи рҷы инхомызт. Аԥсацәа зызбахә имоу адгьылқәа рҷы анхара иалагеит XVII-тәи ашәышықәса аҩабатәи азбжа инаркны. Ари агәааанагара шьақәирҷәҷәоит ажәытә ҩыратә баҟақәа ирнуи, ажәлар рыхьзқәеи, рҭыԥхьызқәеи ириҭаз аетимологеиеи рыла. К. В. Ломҭатизе ажурнал «Мнатоби» аҷы

Тб.,1942; Бессубъектные формы абхазского переходного глагола.»Иберийско-кавказское языкознание».т.II.Тб., 1948.

[1]Структура глаголов со сложными основами в абхазском.»Иберийско-кавказское языкознание».т.IV, Тб.,1952.

илкьыԥхьуеитИнгороҟәа иусумҭа иазку астатиа.[?] Астатиаҷы ихадоу игәааанагарақәа дыреагыланы илҩуеит, ажәытә аҩыратә баҟақәа ирну, ишырну акәымкәа, иара ишиҭахыз ихы ишаирхәаз, ажәлар рыхьызқәеи рҭыԥхьзқәеи иҟаиҵаз аетимологиақәа ишрыгәу анаукатә цатцгәуи иахәҭоу анализи. Леиҷеагылара шьақәырҷәҷәоуп зыгәра угаша абызшәатә материали узыкәшаҳаҭымхар залымшо иацу аҭцааратә хцәажәареи рыла.

Кавказ бызшәадырразы иҵауроу лагаланы иҟалеит амонографиақәа «Аԥсуа бызшәа тапантатәи диалект»-и, «Ашьхартәи адиалекти аԥсуа-абазатә диалектқәа рҷы уи аҭыԥ-и.» Амонографиақәа рҷы аԥсуа диалектқәа иреҷырԥшны, ирыхцәажәоуп адиалектқәа рфонетикатә еилазаашьа, ргрампатикатә структура, ржәар. Абазатә диалектқәеи аԥсуа диалектқәеи реиҷеырԥшра алшара лнаҭеит илҳәарц – ашьахартәи диалект иамоу аҷыдарақәа рыла иаҳа аԥсуа диалектқәа ирзааигәоуп ҳәа. Тапантатәи ашьхаруатәи диалектқәа ихадоу ажәар фонди, ргрампатикатә еилазаашьеи рыла абжьыуатәи, бзыԥтәи диалектқәа ирылукаартә иҟам, урҭ еиҳарак еиқәшәоит.[2]

Иалкаау азҵаарақәа ирызкны иҩу аусумҭақәа рҷы еилыргоуп абарҭ акатегориақәа: арҟатцаратә, аверсиатә, амчымхаратә, амхаҟатцаратә, аицыҟатцаратә, иара убас астатикатәи, адинамикатәи ҟатцарбақәа, азҵааратә, амапкратә формақәа уҳәа убас иҵегьгьы.[3]

[1]О некоторых вопросах сущности и распределения абхазов. Журнал «Мнатоби». №12, Тб., 1956.

[2]Тапантский диалект абхазского языка. Тб., 1944; Ашхарский диалект и его место среди других абхазско-абазинских диалектов. Тб., 1954.

[3]Вопросительные формы глагола в абхазском языке «Сообщение АН ГССР». т.III, №9, Тб., 1942; Категория каузатива в абхазском языке №Сообщение АН ГССР». т.VI, №1, Тб., 1945; О категории версии в абхазском глаголе «Труды ТГУ», т.XXX-XXXI, №1, Тб., 1947; Образование отрицательных форм глагола в абхазско-абазинских диалектах. «Иберийско-кавказское языкознание», т.V,Тб., 1953; Статические и динамические глаголы в абхазском языке (по данным абхазско-абазинских диалектов) «Иберийско-

Кавказ абызшәадырраҽы концепциак ала, ҭоурыхла ажәытә Кавказ абызшәақәа рыхьзтә шьаҭақәа шьакәгылан шьагәыҭи класс рбагеи рыла, аха нас акласс рбага ма иалшәон, ма акласстә еилкаара ацәызны, ихаҳәханы ашьаҭаҽы иаанхон. Аконцепциа аметодика аҭцаасҵы дарманшәалоит шьҭрала еизаагәоу абызшәақәа рҽы еигәыцхәу ажәақәа ршьагәыҭ аилкаара. Аконцепциа апринципқәа ихы иархәаны, еицырдыруа адыга бызшәақәарыҭцаасҵы Георги Виссарион-иҧа Рогава анализ рзиуеит адыга бызшәақәа рыхьзқәа, аҧсуа хьызқәагьы ахшыҵ рзышьҭуа.[1] Ҷырԥштәыс иаагап ажәа ***ажәфахыр***. ҟабарда бызшәала – ***мади***, аедыгь бызшәала – ***тама***, **да, та** – икласс рбагоуп, **м (-а**) – шьагәыҭуп. Уи ашьагәыҭ ҳԥылоит аҧсуа ажәақәа ***а-ма-хәар, а-м-аа, а-м-пахьшьы, напы- ама-пы*** рҽы.

Аҧсуа-абаза бызшәақәеи аубых-адыга бызшәақәеи ҟаҵарбатә еиҭакрала еиԥшым: аҧсуа-абаза бызшәақәа рҽы аҟаҵарба аеаҧсахуеит хаҽылеи класслеи, убыха-адыга бызшәақәа – хаҽыла мацара. К. В. Ломҭаҭизеи Г. В. Рогавеи ргәаанагарала, ирыбжьоу аивгара иаанарԥшуеит азеиԥш кавказтәи ҟаҵарбатә еиҭакра арҽиара аетапқәа: жәытәзатәи аетап – классла аиҭакра, иахьатәи аетап – хаҽыла аиҭакра, хаҽылеи класслеи аиҭакра – урҭ ирыбжьанакуа етапуп.

Аҧсуа бызшәеи ақарҭвелтә бызшәақәеи реизыҟазаашьа ацараҟны акыр иаҧсаны иҟоуп «Аҧсуа бызшәеи ақарҭвелтә бызшәақәеи рморфологиатә аиҧыларақәа» ҳәа хыс измоу академик Арнольд Степан-иҧа Чикобава иусумҭа абарҭ абызшәақәа рҭоурыхи, абызшәа ныҟәызго ажәлар рҭоурыхи аҭцаараҽы.[1] Аҧсуа бызшәеи азан (агыруа-ачан) бызшәеи рпревербқәа ранализ ала автор иазгәеиҭоит аҧсуа бызшәа аҟнытә ақарҭвел бызшәақәа ирылалаз апревербқәа, убас ақарҭвелтә бызшәақәа рахьынтә аҧсуа бызшәа иалалаз аффиксқәа. Иара игәааанагарала, иааирԥшыз абызшәақәа реибанныратә фактқәа ҟалеит, Амраҭашәараташа Кавказ аҽы аҧсуа бызшәа ныҟәызгоз ажәлар уа иаанықаз.

Ҟазарала иҵоуп И. О. Гецазе лусумҭақәа «Ахаҽи акласси рырбагақәа аҧсуа ҟаҵарабаҽы», «Аергативтә конструкциа азҵаатәы аҧсуа бызшәаҽы».[2]

Идыру амзызқәа ирыхҟьаны 1937 ашықәс инаркны Аҧсны даара иҧсыҽны имҵаԥысуан аҧсуа бызшәа наукала аҭцаара, аҧсуа литература бызшәа анормақәа ирызку аусумҭақәа раԥцара, аҧсуа школқәа рзы арҵага шәыҟәқәа реиқәыршәара. Аха аҭагылазаашьа аеаҧсахуа иалагеит 1954 шықәса инаркны. ҧсуа бызшәа иазку апроблемақәа рызбаразы активла рнапы адыркит иҽыцу алшарақәа.

Убас, Аҧсуа институт аҧсуа бызшәеи алитературеи аҟәша еиҳабыс дҟалеит Константин Семен-иҧа Шьаҟрыл. Уи анапхгаҵы иаҳасабла аҧсуа бызшәа наукала аҭцаара аиҽкаара, амҵакәҵара, инаукатә рҽиара, аҧсуа школқәа рзы аҧсуа бызшәа иазку арҵага шәыҟәқәа реиқәыршәара – зегьы илагала ҕәҕәаны иҟалеит аҧсуа бызшәадырразгьы, ацарадырразгьы.

К. С. Шьаҟрыл иҭцаарадырратә рҽиара иалагоит бзыԥтәи адиалект ацәажәашьа аҭцаарала. 1939 ш. К. С. Шьаҟрыл иҭижьуеит бзыԥтәи адиалект иазҷыдоу ацыбжьыҟақәа

кавказское языкознание», т.VI,Тб.,1954; Категория потенциалиса и непроизвольности в абхазско-абазинском глаголе «Сообщение АН ГССР», т.XVI, №3, Тб., 1955; Категория взаимности (взаимосоюзности-взаимообоюдности) в абхазско-адыгских языках. «Иберийско-кавказское языкознание». т.XII, Тб., 1960.

[1]Г. В. Рогава. К вопросу о структуре именных основ и категории грамматических классов в адыгских(черкесских) языках. Тб., 1956; О вопросе эргатива в абхазско-адыгских языках Иберийско-кавказское языкознание». т.XIV, Тб., 1964; К.В.Ломтатидзе. К вопросу окаменелых показателей грамматических классов в основах имен абхазского языка. «Сообщение АН ГССР». т.XXVI. №1.Тб., 1961.

[1]Морфологические встречи абхазского языка с картвельскими языками. // Изв. ИЯИМК, т.XII, Тб., 1942.

[2]К вопросу об эргативной конструкции в абхазском языке.// Труды АбИЯЛИ. Т.XXXI, Сухуми, 1960; Личные и классные показатели в абхазском языке //Вопросы изучения иберийско-кавказских языков. Изд. АН СССР, М.-Л., 1961.

ирызку астатиа. Уи астатиаҽы инарҭбааны дрыхцәажәоит абарҭ ашьҭыбжьқәа рартикулиациа, ажәар хәыҷы аҳасабла иааигоит дара злоу ажәақәеи, ирышьашәалоу абжьыуатәи ажәақәеи, аурыс аиҭагеи.[1]

Аҧсуа-адыгатә бызшәақәа реиҽырҧшрала аҭцаара ҟалеит ихадоу хырхарҭаны К. С. Шьаҟрыл инаукатә усураҽы. Еиҳарак иҭцааратә обиектны ишьҭихит уамакала ажәаҧсахратә (ажәахырҽиааратә), аформаҧсахратә аффиксқәа рыла ибеиоу абарҭ абызшәақәа рҟаҵараба. К. С. Шьаҟрыл аҟаҵарабатә аффиксқәа рфункциақәа ирҽырҧшны ишоит ажәаҧсахратәқәеи аформаҧсахратәқәеи рыла. Ажәаҧсахратә аффиксқәа ирхиҧхьазалоит азыҟаҵаратә, ахырхарҭатә, аҭыпҭә, аицыҟаҵаратә, аформаҧсахратә рахь – ахаҽытә, аамҭатә, аркьынаатә, амапкратә, азҵааратә уҳәа уб. иц. Абызшәақәа реиҽырҧшрала аҭцаара аҵарауаҩ иааирҧшуеит урҭ типологиалеи генетикалеи реизааигәара.[2]

К. С. Шьаҟрыл ирҽиараҽы игәыгәҭажьым аетимологиатә ҭцаарақәа, ҽырҧштәыс иаагап Лыхны аетимологиа, иара убас аҧсуа-адыга жәлары рхылҵшьҭра иазку азҵаарақәа.[3]

«Аҧхьазаратә система аҧсуеи абазеи бызшәақәа рҽы» хыс измоу астатиаҽы К. С. Шьаҟрыл алагала ҟаиҵоит, аҧсуа аҧхьазаратә система армариазы, насгьы абаза бызшәеи аурыс бызшәеи реиҧштәразы, аҧсуа ҩажәалатәи асистема жәабалатәи ахь аиагара.[4]

[1]Фонетические особенности бзыбского диалекта по сравнению с абжуйским диалектом.// Материалы по абхазскому языку и фольклору. Сб.1, Сухуми, 1939.

[2]Аффиксация в абхазском языке. Сухуми, 1961; О сравнительной характеристике глагольных суффиксов в абхазско-адыгских языках. // Труды АбИЯЛИ, т.XXVIII, Сухуми, 1957; О пережиточном состоянии аффикса а в адыгских языках (предварительное сообщение) // Труды АбИЯЛИ, т.XXIX, Сухуми, 1958; О глагольной префиксации в языках Западного Кавказа // Труды Черкесского НИИ. Выпуск 11. Черкеск, 1954.

[3]К генезису наименования Лыхны. // Труды АбИЯЛИ, т.XXXI, Сухуми, 1960. К вопросу об этногенезе абхазско-адыгских народов // Ученые записки Адыгейского НИИ.т.IV, Краснодар, 1965.

[4]Система счета в абхазском и абазинском языках // Труды

Аҧсуа литературатә бызшәа ашьақәыргыларазы К. С. Шьаҟрыл имоу агәааанагара аарҧшуп «Аҧсуа литературатә бызшәа азҵаарақәа» ҳәа хыс измоу иҩымҭаҟны.[1] Автор игәааанагарала, аҧсуа литературатә бызшәа аҽиара иалагеит, Аҟәатәи ацәажәашьа шьаҭас ишьҭыхны, егьырҭ аҧсуа бызшәа адиалектқәагьы ҭәҭәала реаладырхәит аҧсуа литературатә бызшәа наҟ-наҟтәи аҽиараҽы. Иара убас К. С. Шьаҟрыл дравторуп аҧсуа литературатә бызшәа анормақәа (аграфика, аорфографиа, апунктуациа) ирыдҳәалоу астатиақәа.

К. С. Шьаҟрыл далахәуп ҧсра зқәым аҧсуаа репос ду Нарҭаа ражәабжьқәа «Нарҭ Сасрыҟәеи ҧшьынҩажәи зежәҩык иашьцәеи» ҳәа хыс измоу аизга аиқәыршәареи аҭыжьреи. К. С. Шьаҟрыли еицырдыруа абаза аркка҆оы (просветитель) Т. З. Табулови еизыргоит, егьҭрыжьуеит аизга «Абаза алакәқәа».

К. С. Шьаҟрыл ирҽиамҭаҽы аҭыпҭ ду ааннакылоит аҧсуа школқәа рзы аҧсуа бызшәа иазку арҵага шәыҟәқәа реиқәыршәара. Кырынтә аиҭатыжьра зауз ирҵага шәыҟәқәа ароль ду нарыгзеит усҟантәи абиҧара аҧсуа бызшәа еиҽартәышьа ихадоу аҟазшьақәа, аҧкарақәа ргәынкыларақәа. Иара убас иахәҵоуп иазгәаҳҭарц, иахьа ахархәара ҭбаа зауз, аҧсуа лекҁика иахәҭакны иҟалаз абызшәатә терминқәа реиҳарак аҧызҵаз К. С. Шьаҟрыл шиакәу.

К. С. Шьаҟрыл давторуп аметодика ҟазшьа змоу астатиа «Аурыс ҧынгылақәа (предлоги) рышьашәаларақәа Амраҭашәаратә Кавказ бызшәақәа рҽы»[2] ҳәа хыс измоу. Астатиа ам҆ехак дууп. Аконтрастивтә лингвистика аметодикатә ҧкарақәа дрыцныҟәаны иҭиҵаауеит аҧсуа, абаза, аедыгь, ҟабарда-черкесс бызшәақәа рышьҭынгылақәа, урҭ

Черкесского НИИ. Вып. 11, Черкесск, 1954.

[1]Аҧсуа литература бызшәа азҵаарақәа // Алашара, 1959.- № 4. Аҧсуа ҩыра аҭоурых ахьтә // Труды Сухгоспединститута. Т.X-XI. Сухуми, 1958.

[2]Соответствия русским предлогам в языках Западного Кавказа // Труды Черкесского НИИ. Выпуск 1, Черкесск. 1952.

рлексика-грамматикатә хархәара, изцыло ахьызқәеи дареи реидхәалашьа, хархәаралеи ҭоурыхлеи реиқәшәара, аурыс ԥынгылақәа рхархәара еиқәыԥхьазо Кавказ бызшәақәа рҽы излаарԥшу, аурыс ԥынгылақәа рхархәара аҵаѡцәа ирмарианы, игәныркыларатә еиԥш рызнагара.

Аԥсуа бызшәаҽы иҟоуп аҟаҵарбатә ҟаларақәа, уи иадхәалоу ажәақәеи иареи хархәашьалеи ҵакылеи аҳәоу цылақәа ирышьашәалоу аицааирақәа еиҽызкаауа. Хәыхәыт Саламон-иԥа Бҕажәба инаукатә мѡа иалагоит абарҭ аҟаларақәа рыҭцаарала. Уи темас иҟалеит икандидаттә диссертациазы.[1]

Аԥсуа бызшәа адиалектқәа рҵараҟны акрызҵазкуа усумҭаны иҟоуп Х. С. Бҕажәба имонографиа «Аԥсуа бызшәа бзыԥтәи адиалект».[2] Алитератураҽы иазгәарҭахьан бзыԥтәи ишәышәуа-ишышуа (***жә, шә, з′, с′, ʒ′, ц′, ӷ́***), иҕәҕә-оу (***х, хә***) ацыбжьыҟа шьҭыбжьқәеи урҭ злоу ажәақәеи. Амонографиаҽы иҽыцу ҳәа иалагалоу – абарҭ ашьҭыбжьқәа раккустикатә ҟазшьеи рартикулиациеи ҳәаақәҵоуп аҷыдатә эксперименталтә аппаратура ахархәарала.

Автор иара убас дрыхцәажәоит бзыԥтәи адиалект иаҷыдаҟазшьоу афонетикатә процессқәа, аморфологиатә морфемақәа (аамҭатә, аркьынаатә), ажәақәа.

Аҭоурых азы иаԥсаны иҟоуп Х. С. Бҕажәба иааирԥшыз ажәаԥсахқәа рыла бзыԥтәи абжьыуатәи адиалектқәа рыбжьара иҟоу аивгарақәа. Убас бзыԥтәи адиалект аҽы иаҳа ирацәоуп адыга амԥсахқәа, абжьыуатә диалект аҽы аасҵа, иҟоугьы иажәытәзоу амԥсахқәа роуп. Бзыԥтәи диалект аҽы ирацәоуп аурыс амԥсахқәа, абжьыуатәи диалект аҽы – агыршәатә.

Х. С. Бҕажәба 1954 ш. иҭижьуеит аорфографиатә еилкаага (справочник).[3] Аилкаага иалеигалаз аԥҟарақәа рныр-

[1]Обстоятельственно-союзные частицы в абхазском глаголе. Труды Сухгосединститута. Т.11, Сухуми. 1943.

[2]Бзыпский диалект абхазского языка (исследование и тексты). Тб.,1964.

[3]Аԥсуа орфография аԥҟарақәа. Аҟәа. 1958.1960. Аԥсуа шәҟәыѡѡра аҭоурых ахьтә (Аԥсуа нбан шәҟәы ҭыцижьҭеи 90 шыҟәса аҵра

рала аѡыраҽы ишьақәгыло иалагеит анормативтә шьцыларақәа, атрадициа.

Х. С. Бҕажәба дрызҽлымҳан ауахәамақәеи абаақәеи рыҵзамцқәа рҽы, анышәынҵратә баҟақәа рҽы, амузеиқәеи архивқәеи рҽы иахьагьы иаанханы иҟоу ажәытә ѡырақәа. Урҭ зегьы еизганы, аиҭагақәа змоу рыцҵаны, измам еиҭаганы, акомментари рыҭаны брошиура ҳасабла иҭижьуеит. Ари иусумҭа хырхәага дуны иҟалеит аҭоурыхҭцааѡцәа рзы. Аԥсуа ѡыра иазку аусумҭаҽы Х. С. Бҕажәба иҭырҳәцааны дрыхцәажәоит П. К. Услар, И. Бартоломеи, Завадски, Маҷавариани, Д. И. Гәлиа аԥсуа ѡыра ашьақәыргылареи аҽиареи рзы иҟарҵаз алагалақәа.[1]

Аԥсуа бызшәаҽы аҟаҵарбатә ажәахырҽиааратә мыругақәа рацәоуп. Убарҭ рахьынтә ихадоу аҭыԥ ааныркылоит ашьаҭа-ԥынгылақәа. Баграт Уасил-иԥа Шьынқәба аԥсуа бызшәа аҭцааѡык иаҳасабла иқәгылара иадхәалоуп ашьаҭа-ԥынгылақәа злоу аҟаҵарбақәа рыҭцаара. Аҭцаара алҵшәақәа ирыхҳәаауп иҭижьыз аусумҭақәа.[2] Аусумҭақәа рҽы иаагоуп еиҳа анырха змоу ашьаҭа-ԥынгылақәа, иаарԥшуп урҭ рсемантика, еихшоуп инарыгзо ахархәашьа ала, шьоукы ирыцааиуеит аетимологиатә згәаҭарақәа. Уаѡы иаликаартә иҟоуп ихырҽиаау ашьаҭақәа рҽы ақәыҕәҕәара аҭыԥ, уи зыбзоуроу, ѡ-қәыҕәҕәара (иҕәҕәоуи иԥсыҽуи) змоу автор иахьеилирго аҭыԥ. Ахшыѡзышьҭра иаԥсоуп, Б. В. Шьынқәба иалеигалаз зхала ахархәара змоуи измами рыла аҟаҵарбатә шьагәыҭқәа реихшара, зхала ахархәара змам ашьагәыҭқәа рҵакы, рҭоурых раарԥшра. Иара убас ҭцааратә обиектны иҟалеит ашьагәыҭ, ашьаҭа ахәҭа аѡбатәрала иҽиаз аҟаҵарбақәа, аѡбатәратә процесс ала

иазкны) // Труды АбИЯЛИ. Т.XXVI. Сухуми. 1955.

[1]Из истории письменности в Абхазии. // Труды АбИЯЛИ. Т.XXX. Сухуми.1959; Из истории письменности в Абхазии. Тб.,1967.

[2]Именные основы-превербы в абхазском глаголе // Труды АбИЯЛИ. Т.XXV. Сухуми, 1954; Сопряженные корни с превербами в абхазском глаголе // Труды АбИЯЛИ.т.XXVIII. Сухуми.1957.

арҽиара аҟазшьа аарԥшра – аиҭаҟалара, аихымсыҕьра, арацәара, аинтенсивра уҳәа уб. иҵ.[1]

Б. В. Шьынқәба еиқәиршәеит актәи, аҩбатәи аклассқәа рзы арҵага шәыҟәқәа – «Аԥсуа бызшәа».

Абар кыр шықәса ҵуеит Г. З. Шьакербаи Аԥсны иҟоу атопонимикатә ажәақәа иҵоижьҭеи. Еизигаз аматериал беиа акыр иаԥсаны иҟоуп Аԥсни аԥсуааи рҭоурыхи, ретнографиеи, рбызшәеи уҳәа рыҭҵаараҟны.

Аԥсуа бызшәа азеиԥш жәари аарыхратә жәари рҵараҟны аус ду иухьеит Б.П. Ҷьанашьиа. 1954 шықәсазы иара иҭижьуеит аанызқь ажәа рҟынза еидызкыло «Аԥсуа-ақырҭуатә жәар»[2]. Уи ажәар иалалеит еиҳарак ахархәара ҭбаа змоу ажәақәа, насгьы ҩыц аԥсуа бызшәа иалалаз аарыхратә, акультуратә ажәақәагьы.

Инҭкааны иҵоуп ажьи аҩи раарыхра иадҳәалоу ажәақәа «Абхазская лексика виноградарства и виноделия (по данным абжуҟского и бзыпского диалектов)» ҳәа хыс измоу икандидаттә диссертациаҽы. Автор уи аусумҭаҽы анализ рзиуеит 266 рҟынза иҷыдоу атерминқәа, ретимологиа аарԥшны. Уи адагьы, инҭкааны, наукала анализ рзуны Б. П. Ҷьанашьиа иҭиҵааууеит еизигаз ажьиреи, аргылареи, ашьха аазареи, абырфын аарыхреи, ахәышәтәреи ирызку аматериал.

Абжьыуатәи адиалект аҵараҟны акыр аус иуит М. М. Циколиа. М. М. Циколиа иазгәеиҭоит абжьыуатәи адиалект афонетикеи, аморфологиеи, алексикеи рҷыдарақәа, иааирԥшыз аҷыдарақәа ирҽирԥшуеит егьырҭ аԥсуа-абазатә диалектқәа рҷыдарақәа. Уаҩы иаликаартә иҟоуп М. М. Циколиа иазгәеиҭаз абжьыуатәи адиалект аҟны ҷьар-ҷьара иаҳҧыло аамҭатә формақәеи азҵаара-хьызцынхәратә формақәеи. Иара убас иҭиҵааит Гал араион инхо аԥсуаа рцәажәашьа. Имоуп аетимологиатә гәааанагарақәа, иаҳҳәап: ажәа ***аҵәры*** иазкны.[3]

[1]Удвоение в абхазском языке // Труды АбИЯЛИ. Т. XXVII. Сухуми. 1956.

[2]Абхазско-грузинский словарь. Тб., 1954.

[3]Абжуйский диалект абхазского языка. Морфология. Имена // Труды АбИЯЛИ. Т.XXVIII. Сухуми. 1957. Об абхазском термине «аҵәры» *«яловый»* // Труды АбИЯЛИ. Т.XXXI. Сухуми. 1960.

Абхазская речь Гальского района (основные особенности) // Труды АбИЯЛИ. Т.XXX. Сухуми.1959.

Абжуйский диалект абхазского языка. Морфология-Глагол // Труды АбИЯЛИ. Т.XXIX. Сухуми.1958.

[1]Автореферат кандидатской диссертации. Москва. 1953.

[2]Взаимоотношение послелогов с превербами, обстоятельственными и другими частицами в абхазском языке // Труды АбИЯЛИ. Т.XXVII. Сухуми.1956; Послелоги в абхазском языке // Труды АбИЯЛИ. Т. XXX. 1960.

[3]Числительное в абхазском языке. Автореферат. Москва. 1954.// Труды Сухгоспединститута. Т.XII. Сухуми. 1959.

Аԥсуа ҟаҵарба ажәахырҽиара апроблема темас иҟалеит А. А. Кәарҷелиа икандидаттә диссертациазы. Адиссертациаҽы иаликаауеит аҟаҵарба ажәахырҽиааратә хкқәа: морфемақәа рыла ажәахырҽиаара, ашьагәыҵқәеи ашьаҭақәеи реицҵарала, ашьагәыҵ, ашьаҭа аҩбатәрала, ашьҭыбжьҽырԥшырала ажәахырҽиаара.[1]

Аԥсуа бызшәа ашьҭынгылақәа инарҵауланы иҭҵаауп Е. П. Шьаҟрыл лусумҭақны. Лырҽиаратә усумҭақәа рҽы ашьҭынгылақәа ҳәаақәҵоуп абарҵ аганқәа рыла – реиҽартәышьала (еилоу, имариоу), рҷыдарақәа рыла (ахаҽытә ԥынгылақәа зцылои изцымлоуи), изхылҽиааз ала рхархәашьала. Ашьҭынгылақәа рхархәашьақәа ирҽыԥшны Е. П. Шьаҟрыл иазгәалҭоит ахырхарҭатәқәа, аҭыԥтәқәа, аамҭатәқәа, амамзааратәқәа, амыругатәқәа, иара убас ашьҭынгылақәеи ашьаҭа-ԥынгылақәеи рсинтаксисттә еишьашәаларақәеи рхылҵшьҭреи.[2]

Аԥхьазара хьзы инарҵбааны еилыргоуп «Аԥхьазара хьзы аԥсуа бызшәаҽы» ҳәа хьзыс измоу Т. П. Шьаҟрыл лкандидаттә диссертациаҽы. Еиҳарак уаҩы иаликаартә иҟоуп аԥхьазара хьзи егьырҭ ажәаҳәа хәҭақәа рсинтаксисттә еизыҟазаашьеи реидҳәалашьеи ахьарбоу ахәҭа. Аинтерес аманы иҩуп «Аномиративқәа» хыс измоу ахәҭагьы.[3]

Астатиақәа «Аԥсуа бызшәаҽы аҟаҵарбатә формақәа рзы гәааанагарақәак», «Дырҩеигьых аамҭатә формақәа рзы ажәақәак» рҽы Т. П. Шьаҟрыл иааркьаҽны дрыхцәажә-

оит П. К. Услари К. В. Ломҭаҭизеи иазгәарҭаз аамҭатә формақәа.[1] Уи анаѡс астатиаҽы иануп автор лгәаанагара: автор излалҳәо ала, астатикатә ҟаҵарбақәа раамҭатә формақәа рсхема хазы, адинамикатә ҟаҵарбақәа раамҭатә формақәа рсхема аламкәа, ахәаҧшра ииашам.

Арҽиара ахаргьежьра аҵакы аарҧшра ҟалоит аморфема ҽ абзоурала. ҽ еиҳарак еиҭаҵуа ҟаҵарбақәа роуп изцыло. Т. П. Шьаҟрыл лгәы излаанаго ала, еиҭаҵуа аҟаҵарба еиҭамҵуаны иҟалоит, егьаанарҧшуеит ахҭынхьаатә (страдальныҟ) залог аҵакы.[2]

Аркьынаатә формақәеи алахәырақәеи рзы илымоу аҷыдатә гәаанагара ирнуп ирышьашәалоу астатиақәа рҽы.[3]

1960 ш. иҭыҵуеит «Арлахәыра аҧсуа бызшәаҽы» ҳәа хыс измоу Ш. Ҟ. Арсҭаа имонографиа.[4] Амонографиаҽы автор инҭкааны дрыхцәажәоит аҧсуа арлахәыра иадҳәало ихадоу азҵаарақәа: арлахәыратә формақәа рыҟалашьа астатикатә адинамикатә ҟаҵарбақәа рҟнытә, амапкратә форма ашьақәгылашьа, арҽиара ахкы – иназоу – зныҭрыстәи, иназам – инеиҵыху кырынтә, асубиект рбага еиҭаҵуа ашьаҭаҽы ҷыдарас иамоу. Уаѡы иаликааратә иҟоуп амонографиаҽы иаагоу еиҭаҵуа ашьаҭа змоу арлахәырақәа рҽы асубиект рбага аҟазаара зныҧшуа афакт: еиҭаҵуа аҟаҵарба аҟнытә иҟалаз арлахәыра еилоу азҳәа иахәҭакны ианыҟоу, асубиект рбага азынхоит. Автор игәаанагарала, ари афакт ҽыц рҽиаратә процессуп, егьадҳәалоуп аҟаҵарба ахаҽырацәара ашьақәгылара апроцесс.

[1]Аҧсуа бызшәаҽы аҟаҵарбатә формақәа рзы гәаанагарақәак. // Труды Сухгоспединститута. Т.X-XI.Сухуми. 1958. Дырѡегьых аамҭатә формақәа рзы ажәақәак. // Труды Сухгоспединститута. Т. XIV. Сухуми.1961.

[2]Аҧсуа харгьежьратә ҟаҵарбазы гәаанагарақәак // Труды Сухгоспединститута. Т.XIII. Сухуми. 1960.

[3]Аркьынаатә категориа. // Труды Сухгоспединститута. Т. XVII. Сухуми. 1964. Алахәырақәеи егьырҭ аинфиниттә ҟаҵарбатә формақәеи ирыхҳәааны ажәақәак. // Труды Сухгоспединститута. Т. XII. Сухуми. 1959.

[4]Арлахәыратә формақәеи ацхыраагзатә ҟаҵарбақәеи рыла ишьақәгылоу еилоу азҳәа // Труды Сухгоспединститута. Т.XIII. Сухуми. 1960; Деепричастие в абхазском языке. Сухуми. 1960.

«Алабильтә конструкциа змоу аҟаҵарбақәа аҧсуа бызшәаҽы» ҳәа хыс измоу Ш. Ҟ. Арсҭаа истатиаҽы еизгоуп алабильтә шьаҭақәа змоу аҟаҵарбақәа **рҕьыра**.[1]

Аусумҭа «Ахаргьежьратә категориа аҧсуа бызшәаҽы[2] аҟны Ш.Ҟ. Арсҭаа иааирҧшуеит аҟаҵарба ахаргьежьратә форма иамоу аҷыдарақәа. Убас, еиҭаҵуа аҟаҵарба ахаргьежьратә формаҽы еиҭаҵуаны иаанхоит, убри аҟнытә уи иазынагзом ахҭынхьаатә залог ахархәара.

Аҧсуа бызшәа асинтаксис, егьырҭ абызшәа ахәҭақәа раасҭа, иаҳа иҧсьӥны иҭҵаауп: иҟазам иарбанзаалак ихадоу азҵаара иазкны аҷыдатә усумҭа. Ш.Ҟ.Арсҭаа иусумҭақәа «Имариоу азҳәа аҧсуа бызшәаҽы», «Ахьызтә ҳәоуқәа аҧсуа бызшәаҽы» қәҽиарала инагзоу раҧхьатәи лагалақәоуп.[3]

Ажәаформақәа рбеиарала ахьыҧшратә ркьынаа ажәабжьтә ркьынаа иашьҭанеиуеит. Ажәаформақәа рырацәарада, ирацәоуп урҭ инарыгзо ахархәарақәагьы, иара убас абжьыуатәи бзыҧтәи адиалектқәа рыбжьара ивгарақәагьы ыҟоуп. Л. Л. Ҷкадуа абарҭ азҵаарақәа дрыхцәажәоит «Ахьыҧшратә ркьынаа аҟалара аҧсуа бызшәаҽы» ҳәа хыс измоу лусумҭаҽы.[4]

Ажәаформақәа рхархәарақәа рзы аилкаара иазкуп Л. П. Ҷкадуа иҭлыжьыз астатиақәагьы – «Адинамикатә ҟаҵарбақәа уажәтәи аамҭаҽы ирымоу ахархәашьақәа аҧсуа бызшәаҽы», «Адинамикатә ҟаҵарбақәа иҟалаша аамҭатә формақәа рхархәашьақәа аҧсуа бызшәаҽы», «Ахьыҧшратә-зкратә ркьынаатә формақәа рфункциақәа аҧсуа бызшәаҟны».[5]

[1] Глаголы лабильной конструкции в абхазском языке // Труды АбИЯЛИ. Т. XXX. Сухуми. 1959.

[2]Ахаргьежьратә категориа аҧсуа бызшәаҽы // Труды Сухгоспединститута. Т.XV. Сухуми. 1962.

[3]Имариоу азҳәа аҧсуа бызшәаҟны // Труды Сухгоспединститута. Т.XVII-XIX. Сухуми. 1966. Ахьызтәҳәоуқәааҧсуабызшәаҽы. Ажәахәқәа ртезисқәа. Аҟәа. 1967.

[4]Образование условного наклонения в абхазском языке // Труды АбИЯЛИ. Т. XXIX. Сухуми. 1958.

[5]Труды Сухгоспединститута. Т.X-XI. Сухуми. 1958; Иберийско-

Аԥсуа бызшәаҽы аҳәаақәҵа иҳәаақәнаҵо ажәа иаԥынгылар ҟалоит, иашьҭанеир ҟалоит, аҳәаақәҵа апозициа изхьыԥшу уи излаарԥшу ауп. Хьызҟалеи ҟазшьарбалеи, ҟаҵарбатә шьаҭалеи иаарԥшу аҳәаақәҵеи иҳәаақәнаҵои формалеи, интонациалеи, қәыгәгәаралеи еизаданы, акны иҟалоит, абарҭ ауҵыдарақәа рыла ажәеилаҵақәа ирзаигәахоит. Аха аԥсшәаҟны иҟоуп еиқәыԥхьазо аҟазшьақәа рыла ирҽагыло даҽа ахьызтә жәеидҳәалақәа. Абарҭ азҵаарақәа еилыргоуп Л. П. Ҷкадуа иҵлыжьыз иҷыдоу астатиаҽы.[1]

Ахәҭаҷ **-ҳәа** ахархәара ҭбаа змоу хәҭаҷуп: **-ҳәа** абзоурала иалагалахоит атәым ажәаҳәа автор иажәаҳәахьы, еиднаҳәалоит еилоу азҳәа ахәҭақәа, ахьызҟа ацны инанагзоит еилкаам ахархәара, ацынгылақәа рҽы ахы цәырнагоит ажәахырҽиааратә суффиксны – абарҭ азҵаарақәа ирыхцәажәоуп «Ахәҭаҷ **-ҳәа** аԥсуа бызшәаҽы» ҳәа хыс измоу астатиаҽы.[2]

1966 шықәсазы Аҟәа иҭыҵит апроф. Қ.В. Ломтатизе ллекциақәа ацырхырааны Ш. Ҟ. Арсҭааи Л. П. Ҷкадуеи ргрmaтика «Аԥсуа бызшәа (афонетикеи аморфологиеи)».[ч] Аԥсуа бызшәа аграмматикаҽы иалкааны хшыҩызышьҭра рызуп анаукаҽи апрактикаҽи азеиԥшеицдырра зауз, ишьақәыргәгәоу, иразоу аԥҟарақәа. Аграмматикаҽы иркьаҽны иарбоу азҵаара хадақәа зегьы ирымоуп иҭбаау анаука усумҭатә шьаҭақәа. Аԥҟарақәа шьақәыргәгәоуп иара аԥсуа

кавказское языкознание. т.XII.Тб.,1960; Функции форм будущего времени динамических глаголов в абхазском языке.// Труды АбИЯЛИ.т.XXXIII-XXXIV. Сухуми.1963; Труды Сухгосединститута.т.XV. Сухуми. 1962.

[1]Иҳәаақәнаҵои иҳәаақәҵои реизыҟазаашьақәа аԥсуа бызшәаҽы //Труды Сухгосединститута. Сухуми.1060; К вопросу о порядке и взаимосвязи членов атрибутивного комплекса в абхазском языке. // Труды Сухгосединститута. Т. XVI. Сухуми.1963.

[2]Ахәҭаҷ «ҳәа» ахархәашьақәа аԥсуа бызшәаҽы.// Труды Сухгосединститута. Т. XIV.Сухуми.1961.

[3]Ш.Ҟ.Арсҭаа, Л.П.Ҷкадуа. Аԥсуа бызшәа (Афонетика, аморфологиа). Аҟәа., 1966.

бызшәа аҩонытҟатәи аиҿартәышьа иагәылхны, даҽеабызшәак аҟнытә иааганы акәымкәа.

Ахәҭа «афонетикаҽы» инарҭбааны ирыхцәажәоуп абжьыҟақәеи, ацыбжьыҟақәеи, иазгәаҭоуп аԥсуа бызшәа егьырҭ абызшәақәа рҽы иҟоу ашьҭыбжьқәа излареиԥшым. Иара убас иаарԥшуп ашьҭыбжьқәа шьоукы рхылҵшьҭра, ашьҭыбжьқәа рпозициа.

Ахәҭа «аморфологиа» аҽы авторцәа инҵкааны ирыхцәажәоит еиуеиԥшым ажәаҳәа хәҭақәа, урҭ рахьынтә авторцәа инарҵауланы аус здырулаз аҟаҵарба.

Аԥсуа бызшәаҽы ахьз шаҟа имариоу аҟара, убри аҟара еилоуп, иуадаҩуп аҟаҵарба. Уи аморфологиатәи асинтаксистәи еизыҟазаашьақәа зегьы рыхьанҭара иара иагоит. Аԥсуа ҟаҵарба беиоуп акатегориақәа рыла, иаҳҳәап: ахаҽытә, акласстә, ахыԥхьазаратә, аамҭатә, аркьынаатә, арҟаҵаратә, азыҟаҵаратә, амчымхаратә… убас иҵегьы. Абарҭ акатегориақәа зегьы хәҭа-хәҭала еилыргоуп ашәҟәы «Аԥсуа бызшәаҽы».

«Алексика» ахәҭаҽы аԥсуа лексика иамоу ауҵыдарақәеи ажәа еилазаашьеи ртәы иаахҵәаны, еилацаланы иаарԥшуп. Инарҭбааны ирылаҵәажәоуп аԥсуа бызшәа ажәатә хырҽиааразы еиуеиԥшым амодельқәа.

Аԥсуа ҟаҵарба лассы-лассы ахы цәырнагоит, аԥынгылақәа аа, на, ҩа, ла ашьаҭа иаланы. Урҭ инарыгзо ахархәарақәа инҭырҳәыцааны иаалырԥшит Раиса Константин-иԥҳа Гәыблиа. Аматериал анализ изланарбаз ала, дара, ахырхарҭа ада, иаадырԥшуеит арҽиара аҟазшьа.[1] Р.К.Гәыблиа лыҵҵаара крызҵазкуа лагаланы иҟалеит аспект акатегориа иадҳәалоу азҵаарақәа реилыргараҽы.

Аԥсуа-абазатә лексика еиҿырԥшны ирҵеит В. Ҳ. Конҷьариеи С. А. Амҷбеи.

Валентина Ҳаҷьмеҭ-иԥҳа Конҷьариа ҷыдала иҭылҵаауан ашьхарыуатәи ажәар, егьырҭ аԥсуа-абазатә диалектқәа ржәаркәа ирҽырԥшны. Адиалекттә материалқәа ранализ изланарбаз ала, ашьхарыуатәи адиалект иахьа уажәраа-

[1]Ахырхарҭатә превербқәа рфункциа иазкны зҵаарақәак.//Труды Сухгосединститута. Т.XVII. Сухуми.1964.

нза изаныханы иамоуп егьырҭ адиалектқәеи иареи ирзеиԥшу ажәар. Еиуеиԥшым афонетикатә, аморфологиатә, асемантикатә, астилистикатә ԥсахрақәа ҟалеит еиҳарак ашьхарыуаа Нхыц Кавказ анхара ианца ашьҭахь, насгьы контактла ирзааигәахаз ажәлар рбызшәа рныррала. Адиалект иаланагалаз ажәаԥсахқәа хронологиала еивгоуп. Зеызымԥсахыз ажәақәа реиҳарак аԥсуа-абазатә диалектқәа ирзеиԥшу, иажәытәзатәиқәоу, аԥсуааи ашәуааи жәларыкны ианыҟаз рбызшәа иаҵанакқәаз роуп.[1]

В. Ҳ. Конҷьариа лстатиа «Аидхәалагақәа аԥсуа бызшәаҽы» ҭыҵаанза, аԥсуа еидхәалагақәа, азеиԥш хцәажәара атәы ҳамҳәозар, ҷыдала, инҭкааны иҵазамызт. Раԥхьатәи анаукатә хцәажәара аидхәалагақәа ироуит В. Ҳ. Конҷьариа иҭлыжьыз астатиаҽы.[2]

С. А. Амҷба лусумҭа «Тапантатәи адиалект алексика аахыҵтәи адиалектқәа рлексика иаҽырԥшны» аҽы тапантатәи адиалекттә азеиԥш лексикаҽы иалылкаауеит аԥсуа-абазатә диалектқәа ирзеиԥшу ажәақәа, ажәаԥсахқәа, иазгәалҭоит ажәақәа рҭоурых, ретимологиа.[3] С. А. Амҷба дравторуп ауаҩытәыҩса ицәеижь ахәҭақәа рыхьзқәа ахьеизгоу, ранализгьы зну аусумҭақәа.[4]

Аԥсуа цыңгылақәа рыҟалашьақәа, рфункциақәа ҭылҵауеит В. А. Амҷба.

[1]Некоторые характерные особенности ашхарской лексики. «Алашара» №3. Сухуми.1967.; Лексические особенности ашхарского диалекта // Сборник научных работ аспирантов. Сухуми. 1967.; Ашхарский диалект и его лексика по сравнению с лексикой абжуйского и бзыпского диалектов. Тезисы докладов второй региональной сессии по историко-сравнительному изучению иберийско-кавказских языков. Тб. 1967.

[2]Союзы в абхазском языке // Труды АбИЯЛИ. Т.XXXIII-XXXIV.

[3]С.А.Амҷба. Тапантатәи адиалект алеқсикатә еилазаашьа.Тезисы научной сессии Сухгоспединститута. Сухуми.1965.

[4]Ауаҩытәыҩса ицәеижь ахәҭақәа рыхьызқәа аԥсуа-абаза диалектқәа рҟны / ахәҭа.// Труды Сухгоспединститута. Т.XVIII-XIX. Сухуми.1965; Ауаҩытәыҩса ицәеижь ахәҭақәа аԥсуа-абаза диалектқәа рҟны / 2 ахәҭа.// Сборник научных работ аспирантов. Сухуми. 1967.

Аԥсуа бызшәа арҵара аметодика иадҳәалоу К. В. Агрба иусумҭақәа қәҿиарала рхы иадырхәоит арҵаҩцәа аԥсуа бызшәа аҵаҩцәа рырҵараҽы.

Еилкаауи еилкаами ахьыз̆катә категориа аԥсуа-адыга бызшәақәа рҽы иҭиҵаауеит Т. Х. Халбад.[1]

Аԥсуа бызшәа наукала аҵара реаладырхәит аспециалистцәа ҿарацәа: Нелли Аршба – лара ҭцааратә обиектны ишьҭылхит аԥсуа фонетикатә системеи ақәыҷәҷәареи, ацыреи; Заур Аҩзба – амодальтә хәҭаҷқәа аԥсуа ҟаҵарбаҽы.; Зинаида Костикова – апедагогика иазку аԥсуа терминқәа.

1964 шықәсазы гәыԥоык абызшәа азҟазацәа Б. П. Ҷьанашьиа, Х. С. Бҷажәба, К. С. Шьаҟрыл, Е. П. Шьаҟрыл, Б. У. Шьынқәба, Г. З. Шакьырбаи иҭрыжьит аурыс-аԥсуатә жәар.[2] Ари ажәар еиднакылоит 16 нызқь рҟынза ажәақәа. Уи иалалт ахархәара ду змоу ажәақәа, убас акультуреи аарыхреи аазырԥшуа ажәақәагьы.

Аԥсуа институт абызшәадыраҩцәа гәыԥоык Ш. Ҟ. Арсҭаа, Х. С. Бҷажәба, В. Х. Конҷьариа, К. С. Шьаҟрыл, Е. П. Шьаҟрыл, Т. П. Шьаҟрыл, Л. П. Ҷкадуа убасгьы апрофессор К. В. Ломҭатҵе еиқәдыршәеит аԥсуа литературатә бызшәа аграмматика актәи ахәҭа (афонетикеи аморфологиеи). Иахьа аграмматика акьыԥхьра иаҿуп. Иахьа уаҵәы жәлар рнапаҽы иааираны иҟоу аграмматика ихархәага дуны иҟалоит аԥсуа бызшәа зҵо зегьы рзы.

[1]Еилкаауи еилкаами акатегориа аԥсуа-адыга бызшәақәа рҽы. // Алашара. № 5. 1967. Формирование категории неопределенности в абхазо-адыгских языках и генезис его показателей. // Сборник научных работ аспирантов. Сухуми 1967.

[2]Русско-абхазский словарь. Аурыс-аԥсуа жәар. Аҟәа. 1964.

АБХАЗСКИЙ ЯЗЫК СОЗДАНИИ ПИСЬМЕННОСТИ РАЗРАБОТКА ОРФОГРАФИИ И ТЕРМИНОЛОГИИ*

Первый абхазский букварь (в объеме 188 страниц) был издан в Тифлисе в 1865 г., В предисловии к нему И. Бартоломей писал: «Букварь этот составлен в 1862 году комиссией, состоявшей под председательством моим, из членов Д. П. Пурцеладзе и В. Г. Трирогова, при содействии природных абхазцев священника Иоанна Гегиа, прапорщика Георгия Курцикидзе и дворянина Симеона Эшба. Абхазский текст пересмотрен и исправлен в 1863 году князем Константином Георгиевичем Шервашидзе, а в 1864 году князем Григорием Александровичем Шервашидзе, по предложению которых бзыбское произношение, сначала принятое в букварь, заменено общеабхазским. Причем комиссия пришла к убеждению, что составленная генерал-майором Усларом азбука более соответствует точному выражению звуков абхазского языка, чем первоначально составленная самой комиссией».

В другом месте букваря также отмечается, что знаки для изображения абхазских звуков заимствованы «из литографированного издания сочинения генерал-майора Услара, под заглавием «Абхазский язык. 1862 года», позволив себе сделать перестановку в порядке букв, которая более соответствует общим учебникам»[1]. Говоря словами составителей, в букварь они не включили букв, «изображающих звуки, принадлежащие исключительно наречию, употребляемому в бзыбском округе[2].

В свою азбуку Услар включил буквы для обозначения специфических фонем бзыбского диалекта. Однако, ввиду неизученности абхазских диалектов, составители букваря отказались от трех букв, обозначающих бзыбские согласные: свистяще-шипящий спирант *c'*[s] свистяще-шипящие аффрикаты ц′ и с', а три буквы, изображающие бзыбские велярно-фарингальный спирант x̲ (и его лабиализованный вариант $\underline{x}^0$), а также свистяще-шипящие лабиализованные спиранты z°, s°, были сохранены в букваре.

*Закономерности развития литературных языков народов СССР в советскую эпоху. Основные процессы внутриструктурного развития литературных иранских и иберийско-кавказских языков. (Соавторы Ш. К. Аристава, Х. С. Бгажба, К. С. Шакрыл) Москва. 1969.

[1]Абхазский букварь. Тифлис, 1865, стр. 3.

[2]Там же, стр. 8.

В абхазском букваре И. Бартоломея даются краткие сведения о произношении собственно абхазских согласных, лексический материал из односложных, двухсложных, трехсложных слов и упражнения в чтении. Далее следует обширное приложение в виде сборника слов, которое ставит своей целью «дать первоначальную возможность абхазцам к ознакомлению с некоторыми русскими, а русским и грузинам с абхазскими словами»[1]. В конце букваря приложен сборник абхазских пословиц, составленный прапорщиком Г. Курцикидзе.

В 1892 г. был опубликован новый (второй по счету) абхазский букварь, составленный К. Мачавариани и Д. Гулиа, по которому были сделаны первые шаги в области овладения грамотой на абхазском языке. Следует отметить, что возникшая в 60-х годах абхазская письменность вплоть до 1905 г. не получила широкого применения в школьной практике. С 1865 г. до конца XIX в. на абхазском языке, кроме упомянутого букваря К. Мачавариани и Д. Гулиа, ничего не было издано.

После революции 1905 г. начинается более интенсивное развитие абхазской письменности по сравнению с предшествующим периодом. В нем нашли свое отражение общий подъем общественно-политического самосознания народных масс, их тяга к культуре, к просвещению, к передовым идеям, которые приходили с севера, из России, вместо с ее великой литературой. В 1907 г. основоположник абхазской поэзии Д. Гулиа издает «Абхазские пословицы, загадки и скороговорки» с переводом па русский язык. На дальнейшее развитие абхазской письменности и формирование литературного язы-

[1]Там же, стр. 92.

ка большое влияние оказали первые сборники стихов Д. Гулиа, вышедшие в 1912 и 1913 гг., а также учебники по родной речи для абхазской начальной школы, принадлежащие перу видного деятеля народного просвещения А. Чочуа, который до установления Советской власти в Абхазии издал букварь (1909 г.), книгу для чтении после буквари, а также книги для чтения по абхазскому языку для второго и третьего года обучения. В развитии абхазской письменности положительную роль сыграла и первая абхазская газета «Апсны», издававшаяся в 1919 – 1920 гг.

В связи с открытием школ в Абхазии появляются и первые абхазские педагоги: Ф. Эшба, В. Гарцкиа, Д. Гулиа, К. Мачавариани, А. Чукбар, П. Чарая, Н. Джанашиа, А. Чочуа, С. Чанба и др., которые сыграли большую роль в развитии культуры и просвещения в Абхазии.

Вопросами упорядочения и нормализации орфографических и произносительных норм абхазского языка в дореволюционные годы никто специально не занимался. Составители азбук и авторы дореволюционных брошюр обычно опирались на диалект, который был для них родным, и в той или иной мера вносили в свои печатные работы его произносительные и лексико-грамматические особенности.

Фонетический состав абхазского литературного языка в том виде, как он используется ныне, впервые встречается в букваре А. М. Чочуа[1] (второе дополненное издание с методическим письмом для учителей вышло в 1914 г., а третье – в 1925 г.). В дореволюционные годы А. М. Чочуа издал еще две книги по родному языку для второго[2] и третьего лет обучения[3], которые сыграли положительную роль в развитии абхазского литературного языка. Автор указанных учебников ставил перед собой и вопросы, связанные с урегулированием диалектных взаимоотношений.

[1]А. М. Чочуа. Абхазская азбука. Тифлис, 1909 (на абхаз. яз.).

[2]А. М. Чочуа. Абхазский язык для второго года обучения. Сухум, 1920 (на абхаз. яз.)

[3]А. М. Чочуа. Абхазский язык для третьего года обучения. Сухум, 1920 (на абхаз. яз.)

В букваре А. М. Чочуа не учитывались свистяще-шипящие лабиализованные спиранты, отраженные в его учебниках по родному языку, а также в книге для чтения после букваря, изданной в 1922 г. Обозначения упомянутых согласных употреблялись непоследовательно и путанно.

В предисловии к книгам по родному языку для второго и третьего годов обучения А. М. Чочуа указывает, что в деле согласования особенностей бзыбской и абжуйской диалектной речи ему оказали помощь Д. И. Гулиа и Д. И. Алания. Эта совместная работа привела к тому, что в учебниках рядом уживаются черты разных диалектов. В глаголах с гласным исходом основы в настоящем времени, за редким исключением, употребляется окончание *-ойт,* а в прошедшем несовершенном – окончание *-он,* но в глаголах с гласным исходом основы тех же времен автор обращается и к бзыбским усеченным формам, например: Аʒахѡы аус ахиуа есқьынгьы асәа иҳә-уан 'Портной во время работы всегда распевал песню'; Аԥкәын маʒала хәмарра дц-уан 'Мальчик тайно уходил играть';. Иеы атәа аҷеиҵуан '('Свою лошадь он кормил сеном'; *Дкәаш-у ан, асәа иҳә-уан* 'Он плясал и пел песню'.

В одном и том же предложении могут сосуществовать два разных диалектных окончания, например *Иҳәа ашколахь ушц-уа* (бз.), *ашколаԥны иԥауӷ-о* (абж). Расскажи, как идешь в школу и что делаешь в школе. Кроме того, по-видимому, в целях примирения диалектных расхождений, в учебнике допущены лексические дублеты. В тех случаях, когда те или иные слова, обозначающие одно и то же понятие различаются в фонетическом или (реже) в лексическом отношений, то бзыбский вариант ставится в скобки: *Абар архышьна (ахнышьыр)* 'Вот надочажная цепь'; *Амҳабыстәала* (*амҳаԥала) абыстә руеит* 'Лопаткой (деревянной) приготовляют мамалыгу'; *Асәиаԥ (асәеԥьа) ԥсыʒуп* 'Камбала рыба'; *Ҳазә-кша аҕаацыс* (*аҕаац*) *аӷан* 'Наша бодливая корова была с годовалым теленком'; *Сара аџь аӷаԥа стәан, ҳәыз-баӷаркьакьа (аԥилоу) ԥаӷуа* 'Я сидел под дубом, занимаясь

бросанием ножа (игра)'; *Аʒыжь (аʒмыць) аḱны днеит* 'Он подошел к озеру'; *Азәц̄ыс (азәц̄) ҷырҷыруан* 'Ласточка чирикала'; *Аклаҷәкәыр (акац̄кәыр) ц̄әала итҷәын* 'Корзина была полна яблоками'; *Амц̄ысә аҕәарҕәал (ацаамкыр)* 'Ручка корзины (для сбора винограда)'.

Знаки, обозначающие свистяще-шипящие спиранты с' и з' кое-где можно заметить еще в произведениях, принадлежащих перу представителей абжуйского диалекта, но за редким исключением с факультативным значением[1].

С течением времени, особенно впервые годы после установления советской власти в Абхазии, отпала надобность в сохранении свистяще-щипящих лабиализованных согласных в литературном языке[2], так как они не обладали достаточной фонематической устойчивостью. Отказ от этих свистяще-щипящих спирантов, осуществленный еще в абхазском букваре А. М. Чочуа в 1909 г., теперь диктовался необходимостью дальнейшего усовершенствования норм абхазского литературного произношения.

Дореволюционная абхазская письменность, в которой преобладающее место занимала переводная, преимущественно церковная популярная литература, еще не смогла привести к созданию абхазского литературного языка. Для этого не было необходимых предпосылок, так как сама письменность не стала орудием развития национальной культуры, она выполняла ограниченную церковно-миссионерскую функцию, да и грамотность не смогла проникнуть в народные массы. Над развитием абхазской письменности трудилась лишь немногочисленная группа энтузиастов культурно-просветительных работников. В то время еще трудно было

[1]С. Чанба. Амхаджир. Сухум, 1920; Он же. Пьяный оплакивал покойников. Сухум, 1922; Д. Гулиа. Абхазские пословицы, скороговорки, загадки. Сухум, 1921; Он же. Стихотворения, частушки, песни. Сухум, 1923; Он же. Под чужим небом. Сухум, 1923.

[2]Мы не видим их в следующих художественных произведениях: Д. Гулиа. Сара сыцсит (фарс). Аḱәа, 1921; М. Аҳашба. Аҷаҧшьара. Аḱәа, 1924; С. Ҷанба. Ашьха ҭыҧха. Аḱәа, 1925.

выработать фонетико-морфологические нормы литературного языка, так как не было и местных языковедческих кадров. Однако и в тех условиях развивающийся литературный язык должен был ориентироваться на какой-либо диалект в качестве опорного. Эта ориентация, частично наметившаяся еще в букваре Бартоломея, была продолжена в букварях К. Мачавариани и Д. Гулиа, а также А. М.Чочуа. Но в остальной литературе, особенно переводной, наблюдается смешение диалектных особенностей, так как часто над переводами вместе работали представители обоих диалектов и каждый из них старался вносить в письменный язык свои произносительные и лексико-грамматические навыки. Однако в это время стала появляться и оригинальная художественная и учебная литература, авторами которой выступали преимущественно представители абжуйского диалекта. В результате этого письменный язык постепенно стал ориентироваться на абжуйский диалект, особенно в фонетике. Об этом свидетельствуют поэтические произведения основоположника абхазской литературы Д. И. Гулиа, изданные в 11)12 и 1913 гг., а также драма С. Я. Чанба «Амхаджыр» (1920), буквари и учебники по родному языку, написанные Л. М. Чочуа. Вместе с тем ориентация литературного языка на абжуйский диалект в дореволюционные годы оказалась половинчатой, так как диалектная смешанность письменного языка в целом оставалась неустраненной.

С установлением Советской власти в Абхазии (1921) наступили благоприятные условия для дальнейшего развития абхазского литературного языка на основе абжуйского диалекта.

Работа по упорядочению и развитию абхазского литературного языка получила определенный размах и планомерное развитие с конца 20-х, особенно с 30-х годов. Именно в это время происходит формирование основных жанров абхазской литературы, прозы, поэзии и драматургии.

Усилиями местных культурных работников и ученых центральных научных учреждений (Н. Я. Марр и др.) в 20-х и

30-х годах были определены основные фонетические особенности диалектов современного абхазского разговорного языка. Следовательно, постепенно вырабатывались, определялись фонетические и морфологические нормы литературного языка и нормы его орфографии. Главное внимание уделялось фонетическим и морфологическим различиям абхазского разговорного языка.

По вопросам упорядочения орфографии и терминологии абхазского языка в 20-х годах был накоплен некоторый опыт, но не были установлены единые принципы правописания. Этим вопросом в то время занималась так называемая Академия абхазского языка и литературы (1925 –1930), созданная по инициативе акад. II. Я. Марра. С именем Академии абхазского языка и литературы связана публикация ряда исследований Н. Я. Марра по абхазскому языку, среди которые наиболее ценными являются «Абхазско-русский словарь»[1], а также обратный «Русско-абхазский словарь[2], составленный его учениками А. Хашба и В. Кукба. Эти словари носили диалектологический характер и в закреплении норм правописания не играли существенной роли.

В издании Академии абхазского языка и литературы в 1930 г. вышла составленная Д. И. Гулиа в 1929 г. «Терминология по литературе и языковедению (русско-абхазская и абхазско-русская)». В предисловии к ней Д. Гулиа писал: «Эту терминологию по литературе и языковедению мы составляли в течение трех лет... Помещенные здесь слова, каждое в отдельности, были рассмотрены на заседаниях Академии абхазского языка и литературы, а затем мы их опубликовали в газете «Апсны Капш», чтобы, учтя пожелании читателей, затем издать их отдельной книгой. На этом не остановились, впоследствии терминология была рассмотрена комиссией, специально выделенной Академией абхазского

[1]Н. Я. Марр. Абхазско-русский словарь (Пособие к лекциям и исследовательской работе). Л., 1926.

[2]Русско-абхазский словарь (по «Абхазско-русскому словарю» Н. Я. Марра, с указателем к нему, сост.: В. Кукба и А. Хашба, под ред. К. Д. Дондуа). Л., 1928.

языка и литературы. Только после «сего этого мы передали терминологию в печать. Но все же в этой терминологии можно встретить много слов, требующих упорядочения и исправления перевода»[1].

Вопросами абхазской орфографии вплотную занялись в 30-х годах, особенно после создания Абхазского научно-исследовательского института краеведения (сокращенно АБНИИК, ныне Абхазский институт языка, литературы и истории имени Д. И. Гулиа Академии наук Грузинской ССР). В 1933 г. институтом была выпущена на абхазском языке работа Д. Гулиа «Краткая орфография абхазского языка». В предисловии к этой книге один из первых абхазских языковедов В. Кукба писал: «Со времени возникновении абхазской письменности до сих пор мы не имеем общепринятых норм абхазского правописания. Всякий пишущий па абхазском языке за неимением этих норм (правил) пишет так, как ему кажется правильным. Вот почему это происходит: в Абхазии не всюду одинаково говорят по-абхазски; абжуйцы говорят не так, как гудаутцы; гальские абхазы – не так, как – абжуйцы. Абхазская молодежь, молодые литераторы, являющиеся выходцами из этих районов, говорят на близких им местных говорах. Каждый из них считает свой говор чистым абхазским языком. Таким образом, разнобой в письме сильно тормозит развитие литературы, сужая ее социальную функцию.

Поэтому, чтобы упорядочить абхазский литературный язык, необходимо создать норму с единым правописанием. При установлении этой нормы мы не можем использовать особенности речи, наблюдаемые на местах, в каждом селе или поселке; за основу литературного ялика придется принять общее, что-то единое. При установлении этой основы мы не можем говорить, что эта форма правильная, а та – неправильная, ибо каждая форма правильна с точки зрения своего исторического развития... Но все расхождения, на-

[1]Д. Гулиа. Терминология по литературе и языковедению. Сухум, 1930, стр. 3 – 4 (цитаты всюду даются в переводе автора этой статьи).

блюдаемые в каждом районе, не могут войти в литературный язык. Поэтому, с учетом всех затруднений, мы не включили в наш алфавит те фонемы, которые, в противовес абжуйскому говору, распространены в бзыбской абхазской речи.

В этой абхазской орфографии Д. Гулиа указано, как писать в дальнейшем по-абхазски. Сектор абхазского языка и литературы АБНИИК рекомендовал эту книгу как содержащую нормы, которым нужно следовать, считая отклонения от них ошибочными. И эта книга, учитывая отсутствие абхазской грамматики, не лишена многих недостатков: во-первых, в ней не учитывается структура абхазского языка; во-вторых, не четко изложено как установлены правила, как из одной формы получается другая»[1].

В орфографическом справочнике Д. Гулиа делается попытка разграничения некоторых диалектных разновидностей, выделения одного фонетического варианта в кругу однородных вариантов, например, в окончании настоящего времени динамических глаголов с гласным исходом основы. В частности, автор приводит абжуйские и бзыбекие фонетические варианты глагольных окончаний настоящего времени от глагола аҟацара 'делать': иҟасԥа-уеит, иҟасԥа-уоит, иҟасԥ-оит, иҟасԥ-уеит. И этих фонетических вариантах нетрудно усмотреть и специфические бзыбские формы: иҟасԥа-уеит, иҟасԥа-уоит, иҟасԥ-оит, иҟасԥ-уеит. 'я делаю то»'.

Из приведенных выше вариантов автор в качестве нормы выделяет вариант окончания настоящего премони -оит, так как он был унифицирован на заседании Академии абхазского языка и литературы в 19211 г. Из тех форм одного и того же обстоятельственного суффикса -лагь, -лакь, -лак 'после того, как', автор рекомендует в качестве «нормы» первые две без всякого обоснования, хотя одна из них (-лагь) широко распространена в бзыбекой речи, а другая (-лакь) – преимущественно в абжуйской. Оставлены также обе формы обстоятельственного суффикса наԥа (бз.) и наԥы (абж.) 'покуда', 'пока'[2].

[1]В. Кукба. (Предисловие к кн.:) Д. Гулиа. Краткая орфография абхазского языка. Сухум, 1933, стр. 3 – 4 (перев. с абхаз.).
[2]Д. Гулиа. Краткая орфография..., стр. 15, 61.

Кроме того, автор сохраняет двойное написание слова 'семья': *аҭаацәа и аҭаҳцәа* (при этом но указывается, что первое написание опирается на абжуйское произношение, а второе – на бзыбское). Сохраняется также двойное написание вопросительного наречия заҟа и шаҟа 'сколько'[1].

Только в одном случае Д. Гулиа сопоставляет *ахалара и ахә-нара* 'подниматься' как диалектные. «В Гудаутском районе, – пишет он, — говорят *ахәнара,* то же содержание в Кодорском районе[2] выражает *ахалара.* Например: *ашьха схалт* 'я поднялся в гору', *амардуан ала схалт* 'я поднялся по лестнице' и т. д., а в Гудаутском районе говорят: *ашьха с ы хә не и т, амардуан* ала с ы х ә н е и т. Слово *ахалара* в Гудаутском районе означает большей частью 'подниматься ввысь', 'подниматься в небеса', оно и в Кодорском районе имеет то же самое значение, но здесь не у потребляется слово *ахәнара,* что равнозначно *ахалара.* Более приемлемо употребляемое в Гудаутском районе слово *ахәнара,* но пока оно утвердится в одном из двух значений, целесообразно использовать оба диалектных слова»[3].

В 1934 г. были опубликованы статьи первых абхазских языковедов и Д. Хушба и П. Кукба, посвященные вопросам упорядочении абхазской орфографии[4] и терминологии[5]. Обе статьи, страдающие излишним социологизированием в духе марровского яфетического языкознания, содержат и некоторые положительные моменты. И своей статье А. Хашба указывает, что орфография Д. Гулиа «не помогла абхазскому языку в деле создания стандартной орфографии письма. По-прежнему происходит разнобой; каждый грамотный работник одно и то же слово пишет по-разному... Есть случаи,

[1]Там же, стр. 87.
[2] Старое наименование современного Очамчырского района.
[3]Д. Гулиа. Краткая орфография. .., стр. 86 – 87.
[4] А. Хашба. О принципах построения единой орфографии абхазского языка. «Труды АБНИИК», 1934 вып. 2, Сухум, стр. 29 – 24.
[5] В. Кукба. О принципе построения терминологии абхазского языка. – Там же, стр. 47 – 60.

что окончившие среднюю абхазскую школу, даже специально педагогическую, очень плохо подготовлены по абхазскому языку»[1].

Представитель бзыбского диалекта В. Кукба высказывает ряд правильных соображений о взаимодействии диалектов в дело обогащения абхазского языка необходимой терминологией. «Ёще при царизме, – пишет он, – когда вырабатывался абхазский алфавит на основе русского алфавита, ввиду наличия большого количества звуков в бзыбском диалекте, за основу выработанного абхазского алфавита был положен абжуйский диалект, который удовлетворял но своему звуковому составу все диалекты абхазского языка. Но это не означало создания и оформления абхазского литературного языка исключительно на базе абжуйского диалекта, с игнорированием остальных диалектов. Необходимо было учесть запас слов и других диалектов так, чтобы литература была бы доступна представителям всех диалектов. Но это до последного времени не учитывалось... Таким образом, культурное строительство в Абхазии заставило заняться выработкой терминологии, которая способствовала бы скорейшему созданию и оформлению литературного языка, общего для всех диалектов абхазского языка»[2].

В 1935 г. сектором языка и литературы Абхазского НИИ краеведения был издан «Русско-абхазский общественно-политический терминологический словарь», в предисловии которого даются указания о принципах его составления. В этих указаниях, заимствованных из соответствующего постановления ЦИК'а Абхазской АССР по вопросам составления терминологического словаря, признается, что базой терминологического словаря должен быть абхазский язык с его диалектами. Во втором пункте упомянутого постановления записано: «Установить, что при выработке терминологии абхазского литературного языка в основу должны браться бзыбский и абжуйский диалекты с учетом словесного запаса

[1]А. Хашба. Указ. соч., стр. 50.

[2]В. Кукба. О принципе построения терминологии..., стр. 50.

и других диалектов, причем при наличии разных терминов одного значения в разных диалектах брать в основу тот из них, которым пользуется большинство населения».

Вопросы абхазской орфографии (с учетом некоторых диалектных данных) встали остро в 50-х годах. В 1954 г. на страницах газеты «Апсны Капш» (см. номера от 19 и 20 октября) выступил Х. С. Бгажба со статьей «Некоторые вопросы орфографии абхазского языка», которая вызвала положительный обмен мнений. По поводу статьи высказались лингвисты К. В. Ломтатидзе, К. С. Шакрыл, а также педагог П. С. Шакрыл. К. В. Ломтатидзе привела ценные соображения о взаимоотношениях абхазских диалектов и их отношениях к литературному языку, имеющие важное значение для выработки норм орфографии. Основные положения ее статьи сводятся к следующему.

Для перспективы литературного языка, для его дальнейшего развития важное значение имеет диалект, который лег в основу литературного языка. В качестве основы абхазского литературного языка использован абжуйский диалект, имеющий сравнительно более простую фонетическую систему. Это обстоятельство создает определенные удобства для функционирования литературного языка, так как фонетическая система абжуйского диалекта является общей и для остальных абхазских диалектов. Этому соответствует и направление развития абхазского языка. В частности, свистяще шипящие фонемы и другие специфические согласные бзыбского диалекта начинают проявлять тенденцию к постепенному исчезновению. Раз наметилась ориентация на абжуйский диалект в фонетике, литературный язык и в грамматике должен опираться на него. Остальные диалекты должны снабжать абхазский литературный язык словами, обогащающими его словарный запас. Это вовсе не означает механического включения в литературный язык всех отличительных черт абжуйского диалекта, и здесь должен действовать принцип отбора, при котором из многообразных форм должны быть унифицированы наиболее распространенные и устойчивые.

Кроме того, должно быть учтено развития современного литературного языка, к каким формам (или вариантам) он тяготеет. При установлении нормы по возможности детально выяснить историю данной формы и степень ее распространения в литературном языке. Должна быть узаконена наиболее распространенная и употребительная форма. Например, в абхазском литературном языке получили распространение три варианта обстоятельственного временного суффикса: *-лагь, -лакь, -лак* ('после того как'), из которых первая форма наиболее древняя, а остальные получены на почве фонетических изменений в следующей последовательности (*гь >кь > к).* Но надо отобрать ту форму, которая чаще используется в художественной литературе, которая имеет большее распространение[1].

В 1958 г. вышел орфографический справочник, утвержденный Комиссией по установлению норм абхазского литературного языка[2].

Учитывая степень распространения тех или иных форм одного и того же слова в художественных произведениях, в орфографическом справочнике пришлось допустить двойные написания; например, в глагольных окончаниях настоящего времени и прошедшего несовершенного с исходом основы на *а: -оит, -уеит; -он, уан* (например: *а-ца-ра* 'идти', *сцауеит* 'я иду', *сца-уан* 'я шел'). но при этом следует иметь в виду тяготение литературного языка к формам *-оит, -он.* Эти формы имеют абжуйскую диалектную основу[3], но под влиянием письменного языка они получили широкое распространение и в бзыбском диалекте, особенно в разговорнойной речи интеллигенции и учащихся.

[1]К. Б. Ломтатидзе. Некоторые вопросы нормализации абхазского литературного языка. «Апсны Капш» от 5 мая 1955 г.

[2]Х. С. Бгажба. Правила абхазской орфографии. Сухуми, 1958.

[3]' В бзыбской диалектной речи старшего и среднего поколений этим временным формам свойственны окончания (с усечением исходного гласного основы), например, от *а-ца-ра:* а) наст. вр. *д-ц-уоит* 'он (оиа) идет';

б) прош. несов. *дц-уан, д-ц-уон* 'он (она) шел.

Эти двойные написания касаются и других глагольных форм, где наличен комплекс а-уа (>о): *ица-уа,иц-о* 'тот, который идет', *ица-уа-з, иц-оз* 'тот, который шел'.

Когда глагольные основы оканчиваются на согласные и на *-ҳа, -аа, -у, -и*, тогда в настоящем времени пишется *-уеит,* а в прошедшем несовершенном *-уан: и-х-уеит* 'он точит что-то', *и-х-уан* ''он точил что-то'; *д-ка-ҳа-уеит* 'он надает', *д-ка-ҳа-уан* ''он падал'; *и-баа- уеит* 'гниет что-то', *и-баа-уан* 'гнило что-то''; *и-л-хә-уеит* 'она просеивает что-то', '*и-л-хә-уан* 'она просеивала что-то''; *и-р-ҷи-уеит* 'они продают что-то', *и-р-ҷи-уан* 'они продавали что-то'.

Формы *-уеип* и *-уан* распространены и в бзыбском диалекте, хотя здесь можно услышать и другие их варианты: *-уоит, -уон,* как это имеет .место в указанных выше усеченных основах. Таким образом, в бзыбеком диалекте встречаются окончания *-уоит, -уон* (наряду с *-оип, -уеит).*

Двойные написания должны быть устранены по мере дальнейшего усовершенствования норм абхазского литературного языка.

В орфографическом справочнике унифицировано написание окончания аориста, когда оно соприкасается с гласным исходом основы, например: *и-р-бе-ит (а-ба-ра* 'видеть') 'они увидели что-то', *и-р-ге-ит (а-га-ра* ''уносить') 'они унесли что-то' (вместо диалектных *ирбыит, иргыит; ирбыт, иргит).*

Абхазский литературный язык не проявлял тяготения (за редким исключением) к узко диалектным особенностям. Это относится в целом и к литераторам, которые являются носителями бзыбского диалекта.

Но в 20-х и в начале 30-х годов наблюдалось проникновение в абхазский литературный язык бзыбских диалектных черт, которые в ряде случаен не отвечали наблюдавшейся в то время тенденции к унифицированию орфографических норм. Употребляемые в литературе 20-х и 30-х годов глагольные основы с усечением исходного *а* имеют бзыбскую диалектную основу. Но у одного и того же актора (обычно

у представителя бзыбского диалекта) наряду с усеченной формой употреблялась и неусеченная.

Бывали случаи, когда в художественные произведения обильно вносились диалектные черты. Об этом свидетельствует язык повести Вл. Агрба «Рождение колхоза «Вперед»», опубликованной в 1931 г. Для усиления колорита и более точного изображения речевой обстановки, автор широко использует формы бзыбской диалектной речи, например: а) глагольные окончания *-уоит, -уон, {амц* лҳә-*уоит* ‘она говорит неправду’, *сзыр*ɷ*-уон ‘я* их слушал(а)’; б) чередования *а/ы: ачаɸры* ср. аҽаɸра ‘урожай’; в) полногласно *(арымзга* ср. *арымз* ‘скамья’) усеченные основы *(агуар* < *агуара* ‘ограда’) и т. д.

На современном этапе развития абхазского языка его фонемный состав и морфологическая структура не вызывают споров.

В литературном языке воспринимаются как диалектные формы:

1) Глагольные окончания *уоит* (наст. вр.), *-уон* (прош. несов.): *иҟасц̄-уоит* вместо *иҟасц̄-уеит, иҟасц̄-оит,* ‘делаю что-то’, *иҟасц̄-уон,* вместо *иҟасц̄-уан, иҟасц̄-он,* ‘я делал что-то’ (от *а-ҟацара* ‘делать’); *и-с-х-уоит* вм, *и-с-х-уеит* ‘я точу что-то’, *и-с-х-уон* вм. *и-с-хуан* ‘я точил что-то’ (от *а - х-ра* ‘точить’); *д-а-с-уоит* вм. *д-а-с-уеит* ‘он бьет что-то’, *дас-уон* вм. *дас-уан* ‘он бил что-то’ *(а-с-ра* ‘бить’).

2) Окончания *-оит* (наст, вр.), *-он* (прош. вр.) в глаголах с исходом основы на согласные, *аа, ҳа, у, и: исх-оиит* вм. *исх-уеит* ‘я точу что-то’, *исх-он* вм. *исх-уан* ‘я точил что-то’; *даа-оит* вм. *даа-уеит* ‘он (она) идет сюда’, *даа-он* вм. *даа-уан* ‘он (она) приходил(а) сюда’, *дкаҳ-оит,* вм. *дкаҳа-уеит* ‘он (она) падает’, *дкаҳ-он* вм. *дкаҳа-уан* ‘он (она) падал(а)’; *илхә-оит* вм. *илхәу-*уеит ‘она просеивает что-то’, *илхә-он* вм. *илхә-уан* ‘она просеивала что то’[27]; *ил-тҧи-оит* вм. *ил-тҧи-уеит* ‘она продает что-то’, *ил-тҧи он* им. *ил-тҧи-уан* ‘она продавала что-то’.

3) Обстоятельственно-релятивные частицы с, *з, -ах* вместо *ш* и ахь, например: *у-с-гыло // у-з-гыло* (вм. *у-ш-гыло)* ‘как стоишь’; *у-ах-гыло* ‘где стоишь’ (вм. *у-ахь-гыло).*

4) Обстоятельственно-вопросительные частицы с-пҧа, с-ба, з-пҧа, з-ба*, ш-ба, ах-па, ах-ба, ахь-ба* вместо литер, ш-пҧа, ʻу-с-пҧа-ҟоу, у-с-ба-ҟоу*,* у-з-пҧа-ҟоу*,* у-з-ба-ҟоу, у-ш-ба-ҟоу вм. у-ш-пҧа-ҟоу ‘как живешь?’.

5) Редуцированные формы: *ачады* вм. *ачада* ‘осел’, аҳәынҵәры вм. иҳәынҵәра ʻпуговица’, амзырхы вм. амзырха ʻдвор’.

6) Усечение гласного *а* внутри основы или в исходе основы: алабқәа вм. алабақәа ʻпалки’, амҵуар вм. амаҵуар ‘борзая собака’, амҽыш вм. амҽыша ʻвоскресение’, *агьам* вм. *агьама* ʻвкус’, аҽаг им, аҽага ʻмотыга’, аҵқа вм. аҵақа ʻвнизу’, *изб-ит* вм. избе-ит *(<изба-ит)* ʻя увидел что-то’, *иҳә-ит* вм. *иҳәе-ит (<иҳәа-ит)* ‘он сказал что-то’, *игы-ит* им. *иге-ит (<ига-ит)* ʻон забрал что-то’.

7) Неродуцированные формы: аҧьаба вм. аҧьыба ʻкарман’, аиҳаба вм. аиҳабы ʻстарший’, аиҵба вм. аиҵбы ʻмладший’, ахалапа *(*ахылапа*)* вм. ахылпа ʻшапка’.

8) Полногласие: *амыр* вм. *амра* ʻсолнце’, *ахәаҷы* вм. *ахәҷы* ребенок’, азышьҭыр вм. азышьҭа ʻрусло реки’, *ацыр* вм. *аца* ʻсычужок’.

Говоря об упорядочении лексических форм абхазского литературного языка, следует сказать, что его питают диалекты, из которых берутся главным образом бытовые, этнографические слова, Отражающие бытовой и хозяйственный уклад местного населении; слова, обозначающие новые понятия в пауке, технике и Политике, заимствуются преимущественно из русского языка.

Слова и термины разговорного языка, предназначенные для включения их в литературный язык, должны отбираться с учетом их распространения среди населения, с учетом того, что они Обозначают в каждом из диалектов и не являются ли синонимами.

Кроме того, значительное количество терминов создается из готового материала, на основе научной обработки лексико-грамматических средств самого абхазского языка.

В абхазский литературный язык проникают слова, восходящие к той или иной диалектной основе. Такова лексика, проникшая в литературный язык, в частноти из бзыбского диалекта: аџьықәреи 'кукуруза' (это слово известно и абжуйскому диалекту, но здесь больше распространен его синоним аԥш*), анаша* (абж. *акьынтыр)* 'огурец', *аатцәа* 'мешок' (наряду с этим словом, в абжуйском диалекте употребляется *асакь), ахәнара* 'возноситься', ''подняться', аԥатҳь (ср. абж. аҟанҷ) 'рог для вина', аԥҳәаса (ср. абж. *аҳәаса)* 'кислая алыча', ахьчԥаԥы*р* (ср. абж. аԥарԥалыкь*)* 'бабочка', *ажыга* (ср. абж. абаҳа*)* 'лопатка'.

В ряде случаев к литературном языке сосуществуют парные лексические дублеты для обозначения одного и того же понятия, например: аԥҳәаса и аҳәаса 'кислая алыча', *агьажь* и *абарбал* 'колесо', ахьачпаԥыр и аԥарԥалыкь 'бабочка' и др.

Диалектные фонетико-морфологические и лексические элементы прослеживаются в художественных произведениях и газетных статьях. Однако за последние годы, в связи с некоторым улучшением преподавания абхазского языка в школе, в связи с дальнейшим развитием абхазской литературы, выразившемся в подъеме издательского дела и появлении литературных журналов «Алашара» и «Амцабз», узко диалектные явления (особенно фонетико-морфологические) начинают редеть в печатной литературе.

Слова и термины в абхазских диалектах могут нередко различаться фонетически что вызывается чередованиями звуков, их перестановкой, наращением или выпадением. Унифицировать ту или иную форму следует с учетом ее распространения среди населения или соответствия определенным научным принципам. Например, слова *акалмах* 'форель' и *аҟәарыл* 'каплун' в бзыбском диалекте произносят с перестановкой звуков внутри олова: *акамлаҳ, аҟә°алыр.* Но, учитывая распространение в языке большинства населения этих слон и их фонетический облик в языке, откуда они заимствованы (ср. груз, *калмахи* и *кверули),* нормализованы

акалмаҳ и *аҟәарыл.* По мотивам распространенности тех или иных форм среди большинства населения и с учетом их структуры приняты за норму: *ақәцәа* (бз. *ақәцә,* абж. *ацәқәа)* 'вершина', 'верхушка', *аԥрықәцә* (ср. абж. *аԥрыцәқәа)* 'грива', *ацәкамбашь* (ср. бз. *акамбашьажә)* 'буйвол', *ажәкамбашь* (ср. бз. *акамбашыжә)* 'буйволица'.

В литературный язык включаются синонимы, встречающиеся в диалектной речи, как средство обогощения его лексики, как средство увеличения его выразительности например: *аҟьантаз, аҳәындаз* (бз.),*аҳәынтԥаԥс*, *ацәҳәыҟьантаз, ацәҳәынтԥаԥс* 'голый'; *азааиф* (бз.), *асустԥ* (абж.) 'слабый', 'немощный'; *арцәара* (абж.), *арԥсра* (бз.) 'гасить'; *ақәлара, ахалара, ахәнара* (бз.) 'подниматься, 'возноситься'.

В советские годы русский язык для абхазского языка стал основным источником заимствования, включая интернациональные термины иноязычного происхождения. Заимствованные из русского языка слова бывают двух видов: во-первых, без изменения фонетического облика, и, во-вторых, с прибавлением фонетико-морфологических и словообразовательных элементов абхазского языка.

Заимствование без изменения фонетического облика слов происходит в тех случаях, когда русские слова (или иностранные слова, заимствуемые через русский язык) начинаются с гласного *а,* который воспринимается как абхазский аффикс общности (например: *артист, автобиографии, авиации, аэроплан, автономий, аванс),* являющийся приметой имепи существительного, имени прилагательного и отглагольных имен.

В остальных случаях к русским словам обычно прибавляется абхазский префикс общности *а: аулица* 'улица', *акоммунист* коммунпст', *ашкола* 'школа', *апионер* 'пионер', *атрактор* 'трактор'.

Форма относительного прилагательного в абхазском языке образуется посредством суффикса *-тә,* который заменяет соответствующие русские суффиксы прилагательных: *асовет-тә* советский', *асоциалист-тә* 'социалистический', *атрактор-т"* 'тракторный'.

В абхазской орфографии приняты следующие написания русских заимствований. Мягкий знак сохраняется после *л (Кремль, Энгельс, Гоголь, автомобиль, акультура, альманах),* что соответствуют произношению грамотных абхазцев. Но в других русских заимствованиях мягкий знак не пишется, так как в абхазском произношении мягкость не ощущается, ср.: *Казан* ‘Казань’, *Риазан*’ Рязань’, *ианвар* ‘январь’. В заимствованиях из из русского языка не пишутся *й, ъ, ю, я, ё, э,* так как эти буквы не вошли в абхазский алфавит. Установлены следующие правила написания слов, в которых используются указанные выше буквы: *Горки* ‘Горький’, *Чернышевски* ‘Чернышевкий’, *аобиект* ‘объект’, *аиубилеи* ‘юбилей’, *амонтиор* ‘монтер’, *аелемент* ‘элемент’.

И настоящее время проводится значительная работа по упорядочению и нормализации лексики абхазского литературного языка и составлению переводных и терминологических словарей по разным отраслям знания.

Дальнейшее развитие и усовершенствование абхазского литературного языка и обогащение его научно-техническими и интернациональными терминами идет параллельно с развитием и ростом экономики и культуры абхазского народа.

Единые нормы литературного языка оказывают нивелирующее влияние на местные говоры, что будет способствовать дальнейшему стиранию резких отличительных особенностей между диалектами. Особенно большую роль в этом отношении играют обучение в начальной школе на родном языке, радио, пресса, театр и другие средства культурной и просветительной работы.

ОСНОВНЫЕ ПРОЦЕССЫ В РАЗВИТИИ ЛЕКСИКИ

Общеупотребительная абхазская лексика – это разряды слов, служащие названиями основных понятий, предметов, явлений, связанных с человеческой жизнью. К ним относятся

слова, обозначающие различные абстрактные понятия из области явлений природы, физиологических и психических состояний человека, культуры и быта, научные, технические и общественно-политические термины, слова официально-деловой речи, профессионализмы. В лексику абхазского литературного языка включаются слова, характеризующие быт абхазского народа, его специфические национальные черты, а также поэтическая лексика, в том числе и народно-поэтическая.

Современная абхазская лексика насыщена большим количеством интернациональных слов, связанных с развитием обществом.

Изучение лексики абхазского языка связано с именем П. К. Услара. Он первый научно подошел к собиранию и изучению лексического состава языка. В его монографию «Абхазский язык» включено до 1000 абхазских исконных корневых слов, расположенных в алфавитном порядке. Приводится подробный этимологический анализ каждого из них. Учтены также производные слова от этих слов, количеством свыше 3000 словарных единиц.

Со времени П. К. Услара вплоть до установления Советской власти не проводилось никакой работы по собиранию и изучению абхазской лексики. Планоморная работа в этой области и разработка терминологии началась только в советское время. В связи с развитием экономики и национальной культуры, роль родного языка возрастает возникла настоятельная необходимость взять на учет основной словарный фонд абхазского языка. Такая работа необходима была в первую очередь для организации обучения грамоте на родном языке и связанного с ним составления национальных учебников. В этом деле значительную роль сыграла Академия абхазского языка и литературы (1925), а также созданный на базе этой Академии Абхазский научно-исследовательский институт краеведения (1931). ЦИК’ом Абхазии был организован при Наркомпросе Абхазии специальный Правительственный терминалогиче-

ский комитет, который обсуждал и утверждал к печати подготовленные этими научными организациями терминологические словари.

Насколько интенсивно велась работа в области нормализации абхазской лексики, видно из «Хроники АБНИИКа»: «За истекшие три года выполнено следующее:

Была развернута большая работа но сбору материалов языка и фольклора изучались особенности лексики абхазского языка..., собирались термины революционного периода...

2. Составлены и представлены на утверждение Правительственному Комитету следующие терминологические словари:

и) общественно-политический;

б) по литературе и языкознанию;

в) судебный, экономический и административный;

Выработаны принципы орфографии и терминологии абхазского языка»[1]

Большую работу по изучению абхазского языка и его лексики проводил в то время Н. Я. Марр. Он составил и издал «Абхазско-русский словарь», имеющий как практическое, так и теоретическое значение. В словаре дано значительное число исконно абхазских слов в диалектном разрезе.

В 1930 г. был издан краткий терминологический словарь («Терминология по абхазскому языку и литературе»), составленный Д. И. Гулиа. Этот небольшой словарь сыграл свою роль и упорядочении и нормализации терминологии абхазского языкознания и литературоведения.

В том же 1930 г. вышел в свет «Краткий абхазский политсловарь в двух частях, составителями которого были М. Хашба и Дз. Дарсалия. Целью этого карманного словаря было взять на учет все общественно-политические термины, которые к тому времени вошли в абхазский лексикон.

В 1935 г. был выпущен «Краткий русско-абхазский общественно-политический словарь», который по объему

[1]См.: .Труды АБНИИК», 1934, вып. 2, стр. 163.

значительно превысил вышедший в 1930 г. словарь такого же типа.

Словарной работой ныне занимается Отдел языка и литературы Абхазского института языка, литературы и истории имени Д. И. Гулиа АН ГрузССР. Авторским коллективом составлен вышедший из печати в 1964 г. однотомный «Русско-абхазский словарь», готовится к печати обратный «Абхазско-русский сло-| также «Русско-абхазский общественно-политический терминологический словарь». Ведется работа но составлению отраслевых словарей, а с 1966 г. – по составлению «Абхазского толкового словаря» и т. д.

Проделанная работа по собиранию и изучению лексики языка показывает, что основной словарный состав современного абхазского языка является исконно национальным. Он сложился в процессе длительного исторического развития. Расширение объема словарного состава в основном происходит за счет использования словообразовательных возможностей, которыми так богат абхазский язык.

Исконный древний абхазский лексический состав представляет собой простейшие слова с минимальным звуковым составом типа *ан* 'мать', *аб* 'отец', *ал* 'ольха'', аԥь ''дуб'', ажә 'корова', *ажь* 'виноград', *ау* 'длинный', *аш* 'белый', *хы* 'точи' жәы 'вари', ҩы 'пиши', ҳәы 'говори', *шьы* 'убивай' и др. Эти первичные слова в разных комбинациях и фонетических вариациях легли в основу современного, достаточно богатого и очень сложного по значению словарного фонда абхазского языка.

Создание новых слов шло путем использования словообразовательных аффиксов, например, *-га:* алаԥара 'сеять', алаԥа-га 'сеялка' -ԥа*: акрыфара* 'есть', 'кушать', *акрыфар-ԥа* ''столовая'; -тәра*: аибашьра* 'война', аибашьратәра ''воинизировать', -ҩы; ашьаԥа 'основа'' ашьаԥаҩы 'основоположник' и т. д.

Из разрядов абхазских слов большими словообразовательными возможностями обладает глагол-сказуемое,

к корню которого могут присоединяться словообразовательные и словоизменительные аффиксы, в количестве от одного до десяти и больше. Подобные усложненные слова обычно бывают полиперсонально-полисинтетическими. Такой строй современного сложного слова является определяющей особенностью синтаксиса абхазского языка. По вопросу о путях развития абхазской лексики у части абхазской интеллигенции в начальный период существования Советской власти в Абхазии наблюдалась пуристическая тенденция к борьбе против неологизмов. Была и другая тенденция: брать все необходимые и недостающие в абхазском языке слова только из русского языка. Но эти трудности были преодолены. Основной базой для дальнейшего обогащения литературного языка был признан абхазский язык с его двумя основными диалектами. Другим источником пополнения абхазской лексики после добровольного присоединении Абхазии к России было признано заимствование из русского языка.

Если до Советской власти заимствование слов из русского языка в абхазский было не столь значительным и носило случайный характер, то в советское время в связи с ростом экономики, культуры, науки и техники, заимствованно слов из русского или через русский язык стало жизненной необходимостью и количество заимствованных слов резко возросло. К ним относятся общественно-политические, научно-технические, культурно-бытовые термины, а также термины, относящиеся к литературе и языку, например: *Асовет мчра* ‘Советская власть’, *апартиа* ‘партия’ анаука ‘наука’, анаукатә ‘’научный’; амашьына-трактортә станциа ‘мтс’, *атехника*, ‘техника’, *акласс* ‘класс (полит.)’ аселекция, ‘селекция’, *атрактор* ‘трактор’, *абригада* ‘бригада’, абригадир ‘бригадир’ и т. д.

Заимствованные слова получают соответствующее грамматическое оформление согласно нормам абхазского языка: к именам существительным и прилагательным прибавляется аффикс определенности *а,* ср.: *кино а-кино, Совет – Асовет, партиа* – партия и т. д., а относительные прилагательные оформляются, кроме того, и относительным суффиксом – тә*: советский* – асовет-тә*, критический* – акритика-тә, *агротехнический* – агротехника-тә и т. д.

Калькированию подлежат только имена существительные и относительные прилагательные, проникшие из русского или через русский язык. Очень много калек создано в области литературоведения, языкознания, математики, географии и т. д. К ним относятся: ажәеинраала ‘стихотворение’, ашәҟәыцоы ‘писатель’, ахьызҟа ‘существительное’, аҟаҵарба ‘глагол’, аҟазшьарба ‘прилагательное’, аԥынгыла ‘приставка’’, ашыҭынгыла ‘послелог’ и т. д. Некоторые сложные слова, заимствованные из русского языка, калькируются только частично. Одни из двух компонентов составляет русское слово, второй – абхазское, ср.: *колхоз – аколнхара*, *совхоз – асовнхара, исполком – анагзком, сельсовет* – ақыҵсовет, *комсомол* – акомҷар и пр.

Расширение лексики абхазского языка идет и за счет образовании новых составных глаголов, появление которых вызвано современной жизнью, ростом культурного уровня и изменением быта народа и т. д. Такими составными глаголами, являются: арадиоларҵәара – ‘радиофицировать’ от *арадио* ‘радио’ и аларҵәара ‘распространить’, ‘внедрить’, аелектроларҵәара ‘электрифицировать’ от аелектро ‘электро’ и аларҵәара ‘распространить’, ‘внедрить’’; аҭелҭеира ‘телеграфировать’ от аҭел ‘проволока’ и ҭеира ‘послать’; асилоскаҵара ‘силосовать’ от *асилос* ‘’силос’ и ҟаҵара ‘делать; азықәҵара ‘обводнить’ от азы ‘вода’, ақәҵара ‘пустить по поверхности (земли)’; аҟазшьанҵара ‘охарактеризовать’ от аҟазшьа ‘характер’ и анҵара ‘записать’ и др.

В обогащении словарного состава абхазского языка имеет место расширение старого значения слов. Так, например, раньше слово ахәмарра означало только ‘играть’, но сейчас оно употребляется и в значении ‘выигрыш’, ‘выиграть’, ‘выигрышный (заем)’; аҭыҵра в прежнем понимании означало только ‘выход из какого-либо углубления’,

теперь слово употребляется и в значении 'выход из печати (книги, газеты)'; слово аҳҭны в дореволюционной абхазской лексике означало резиденцию или поместье владетельного князя, поместье князей и дворян, сейчас это слово употребляется в значении 'столица': *Москва*-ҳҭнуп 'Москва-столица', Аҳҭны қалақь 'столичный город' и т. п.

ОСНОВНЫЕ ПРОЦЕССЫ В РАЗВИТИИ ФОНЕТИКИ И ГРАММАТИКИ

Фонетический и грамматический строй абхазского языка впервые были исследованы и научно описаны в 1861 – 1862 гг. выдающимся русским ученым-филологом П. К. Усларом. Его капитальный труд «Абхазский язык» сохраняет большую научную и практическую ценность и до наших дней.

Интенсивная работа но изучению фонетической системы абхазского языка н упорядочению орфографии началась только после победы Великой Октябрьской социалистической революции и установления в Абхазии Советской власти (1921).

Исключительное внимание уделял культурным нуждам абхазов в первые годы Советской власти в Абхазии Н. Я. Марр. С его помощью немногочисленные местные кадры включились в работу по усовершенствованию письменности, уточнению фонетического состава абхазского литературного языка. Позже в разработку фонетической системы абхазского языка включились проф. Н. Ф. Яковлев, А. Н. Генко, К. В. Ломтатидзе и др.

В результате продолжительной и настойчивой работы коллектива ученых установлен более или менее устойчивый фонетический состав абхазского литературного языка, унифицирован алфавит, сравнительно упорядочена орфография. Изъяты из литературного употребления свистяще-шипящие звуки шә и жә, заднеязычные *х' х'э,* которые стоят на грани исчезновения.

До недавнего времени было ошибочно признано, что согласные г, к, қ, х, ғ, ҟ палатализуются, когда после них стоит гласный *и* или *е.* Это положение нашло отражение и в орфографии. Но, как выяснилось, этот фонетический процесс чужд абхазскому языку. Поэтому было внесено исправление и в орфографию.

В данное время принято считать, что в современном абхазском литературном языке 62 звука-фонемы из которых 6 гласных: *а, е, и, у, ы,* о и 56 согласных: б, в, г, гь, гә, д, дә, ж, жь, жә, з, ʒ, ʒә, к, кь, ку, қ, ку, кә, қә, (қә), қь, қә, ғ, ғь, ғә(ғә), ҟ, ҟь, ҟу, л (ль), м, н, п, ҧ, р, с, т, тә, ҭ, ҭә, ф, х, хь, хә, (хә), ҳ, ҳә, ц, цә, ҵ, ҵә, ч, ҷ, ҿ, ҿ, ш, шь, шә, ҽ, ҽ, ҽь.

Этим богатством звуков и объясняется то, что в абхазском языке не возникают новые звуки под влиянием русского или других языков. Исключение составляет палатализованный согласный ль в словах, заимствованных из русского языка, например: *акультура* 'культура', *альманах, Польша* и некоторые другие. Так как система абхазских согласных не знает палатализованного *ль*, он не нашел применения в исконных абхазских словах. Кроме того, в разговорной речи и заимствованные слова произносятся не с палатализованным, а с твердым согласным *л* [акултура, алманах, Полша].

В грамматической системе абхазского литературного языка обнаруживаются некоторые новые явления. Последние в основном и к области синтаксиса. В морфологии инновации менее заметны и не значительны. Отмечается изменение функций отдельных морфологических единиц.

Так, суффикс инструменталиса *-ла* может присоединиться к имени и без притяжательного аффикса. В этих случаях большая часть имен становится наречными словами, например: словами, например: ҿыла 'верхом', ҿынла 'днем', шьапыла 'пешком'', ср.: *сшьапала* 'моими ногами'.

В современном абхазском языке в настоящее время все больше наблюдается процесс слияния суффикса *-ла* с именем. Когда процесс слияния аффикса *-ла* распространится на все имена, то лишь тогда имя с аффиксом *-ла* можно будет считать падежной формой.

Значение страдательного залога можно передать статическим глаголом, образованным от динамического переходного глагола, например: иҟа-с-цоит ʻя что-то делаю’ – двухличный переходный динамический глагол, иҟаҵоуп ʻсделанный есть’ – одноличный непереходный статический глагол. Но глагол иҟаҵоуп нельзя считать страдательной формой переходного глагола иҟасцоит, потому что он статический глагол и не имеет своей особой формы [ср.: иҟаҵоуп ʻсделанный есть’, дуаҩ-уп ʻон человек есть’, дтәоуп ʻон (человек) сидит’], тогда как глагол иҟасцоит – динамический.

Однако от статического глагола иҟаҵоуп посредством элемента *ха* можно образовать динамическую форму непереходного глагола иҟаҵахоит ʻто делается’, точнее ‘то сделанным станет’; иҟаҵахоит сопоставляется с переходным глаголом иҟасцоит как форма страдательного залога с формой действительного залога в других языках. Несмотря на это форму иҟаҵахоит нельзя считать страдательной, так как она образована не от переходного глагола, а, наоборот, является динамической разновидностью статистического глагола с основой переходного глагола (К. В. Ломтатидзе). В современном абхазском языке, особенно в литературном, эта форма получает все более широкое применение при передаче глаголов страдательного залога других языков.

С точки зрения изменения структуры переходного глагола в абхазском языке обращают на себя внимание формы потенциалиса и неправильности. Переходный глагол в форме потепциалиса или непроизвольности становится непереходным например: иҟасцоит ʻ*я* что-то делаю’ в потенциальном форме: и-с-зыҟаҵом ʻмне невмочь это сделать’, в форме непроизвольности: и-с-амха-ҟаҵеит ʻмною это дело сделано непроизвольно’. Показатель реального субъекта с глагола и-ҟа-с-цоит в и-с-зы-ҟаҵом, и-с-ам-хаҟаҵеит стал грамматическим косвенным объектом, а показатель реального прямого объекта (показатель *и)* стал грамматическим субъектом.

В синтаксическом строе абхазского языка не наблюдается заимствования каких-либо конструкций, появления

синтаксических ка́лек из русского языка. И это понятно, ибо конструкции русского языка находятся в прямом противоречии со всей синтаксической системой абхазского языка. Здесь можно говорить лишь о косвенном влиянии русского языка.

Из самобытных явлений синтаксического строя, получивших некоторое развитие, можно указать на некоторые.

Для абхазского языка не характерно безличное предложение. Это объясняется, по-видимому, тем, что проявление всякого процесса или состояния не мыслится без деятеля, каким бы он пассивным ни был. А этот последний (деятель) обязательно получает свое обозначение в глаголе посредством личных аффиксов, т. с. в абхазском языке как правило нет безличных глаголов. Однако отмечается некоторая тенденция к появлению безличных глаголов, соответственно и предложений. Это бывает при глаголах, обозначающих различные явления природы. Глаголы эти выступают с субъектным показателем, у которого затемнено значение лица, или вовсе без него, например: хәлеит ʻтемнеет’, *шоит* ʻрассветает’, ʻсветает’, хьҭоуп ʻхолодно’’, *шоуроуп* ʻжарко’ и т. д. Однако предложения такого типа нельзя полностью отождествлять с безличными, так как они встречаются параллельно и с субъектным показателем, например: И-аахәлеит ʻТо стемнело’; И-шеит То рассвело’. Следует отметить еще, что когда это же значение выражено сочетанием масдара с вспомогательным глаголом, обозначение предмета-деятеля становится обязательным, например. Ахәлара и-алагеит ʻТо стало темнеть’; *А* шара и-алагеит ʻТо стало рассветать’.

В единичных случаях встречаются в безличной форме непереходный глаголы обозначающие долженствование, необходимость, например: Аҩныҟа цатәуп ʻ’Надо идти домой’; Ашьханза ацаразы хымш ныҟәатәуп ʻНадо идти (шагать) три дин, чтобы добраться до горы’. Однако при перестановке слов и здесь становится необходимым употребление личного субъектного аффикса, хотя и не

мыслится деятель, например: И-цатәуп аѡныҟа 'Надо идти домой'; И-ныҟәгатәуп хымш ашьханза ацаразы 'Надо идти три дня, чтобы добраться до горы'. Это, видимо, происходит по аналогии с переходными глаголами типа и-с-фоит 'я ем что-то', и-фатәуп 'надо есть что-то'; *и*-ҟа-с-цоит '; 'я делаю то-то; иҟацатәуп' надо что-то делать'. Данные переходные глаголы, принимая статистическую форму, теряют субъектный показатель, становятся одноличными, непереходными. Показатель прямого объекта-дополнения в них становится грамматически показателем субъекта подлежащего.

Других случаев употребления безличных форм глагола и безличных предложений не отмечается. Приведенные факты не говорят, безусловно, о наличии в абхазском языке безличных предложений. Они указывают лишь на некоторые зачатки последних.

В абхазском языке весьма ограничено употребление номинативных предложений. Они бывают выражены лишь собственными именами и сочетанием имен и местоимений с указательными частицами, например: *Москва* 'Москва'; Павлецктәи *авокзал* 'Павелецкий, вокзал'; Ашҭа ҟаԥшь 'Красная площадь'; Кавказ ашьхақәа Канказскпе горы'; *Абар сан!* 'Вот мол мать!'; *Абар иаргьы* 'Вот и он!' Ограниченность номинативных предложений объясняется тем, что они обычно заменяются так называемыми глагольными предложениями: нарицательные имена в абхазском языке легко переходят в статические глаголы, а затем выступают вместо номинативного предложения: азын 'зима' знуп 'зима есть', аԥхын 'лето', ԥхнуп 'лето есть'; ахьҭа 'холод', хьҭоуп 'холодно (есть) ' Примеры: Хыҭоуп Холодно (есть)'; Зынран 'Была зима' 'Было утро'; *Сабшан* 'Была суббота'; Ааԥынран 'Была весна' и т. д. Некоторые авторы, видимо, под влиянием русского языка, стараются использовать нарицательные имена в качестве номинативных предложений, однако нельзя сказать, чтобы последние утвердились в абхазском языке.

Одной из основных особенностей литературного языка следует считать развитие и расширение в нем сферы употребления инфинитивных оборотов: причастных, деепричастных, а также оборотов, выступающих в функции придаточных предложений. Эти обороты характерны и для общенародного языка и языка фольклора. Однако и в литературном языке они получают дальнейшее развитие в структурном отношении и в отношении сферы их употребления.

Если для общенародного языка характерно употребление одиночных, в меньшей мере распространенных деепричастных, причастных и других оборотов, то в литературном языке широкое употребление получают распространенные обороты. Они шлифуются в нем, нормируются; при этом четко определяются их позиции и предложении. Процесс этот легко проследить при сопоставлении языка основоположников абхазской литературы Д. И. Гулиа и С. Чанба с языком таких более поздних авторов, как И. Папаскири, Б. В. Шинкуба, К. Агумаа, С. Кучбериа, Д. Дарсалиа и молодых писателей А. Гогуа, Ш. Чкадуа и др. Не всегда и не все удачно пользуются этими оборотами, однако в их языке чувствуется некоторая скованность, отсутствие возможности свободного развернутого использования оборотов. Увлечение ими порою делает их язык труднодоступным, неясным. Это происходит главным образом ввиду загромождения предложений этими оборотами и неопределенности их позиций в предложении. Этому способствует и особенность абхазского языка, заключающаяся в том, что в инфинитных формах, как и в финитных глаголах, обозначаются субъектно-объектные отношения личными аффиксами или заменяющими их аффиксами относительных местоимений *и, з* (в причастных формах); иногда в финитном глаголе и деепричастной форме могут выступать разные субъекты.

Загромождение предложения такими оборотами делает невозможным дифференцированное восприятие субъектно-объектных отношений, выраженных в основном глаголе-сказуемом и деепричастных и причастных формах например: Алақәагьы аухантәарак дара ишыруалыз еиԥш

лацәа еиқәпсарак музакәа иҵаҧшьоз, ашьыжь иаакәпшыз амырхәага реаҭашәа ицәаз, ҳацәаҧсымҭазы митәык ҟалеит убоу рҳәан, ԥьоукы амзырхаҿы акгьы анырымба, ишуа акәара аҵалашәырахь инҭакәкәа ицеит букв. 'И собаки всю ночь, как они обязаны были, не сомкнув глаз, бодрствовавшие, отдавшись утром появившимся лучам, задремавшие, в момент нашего глубокого сна что-то случилось, сказали и некоторые из них, когда во дворе ничего не увидели, лая, умчались в темный лес'; Ҭемыр иашҭаҿы еибарԥуа иашьҭан аҧарҧалыкь инышьҭас-аашьҭасуа раҧхьа иҧыруа инеиуаз ҳкуеит ҳәа ԥыцьа аххыҵкәа (букв.) 'Во дворе Темыра, бегая, гнались за бабочкой, впереди них, летая, шедшей, чтобы поймать, двое детей'.

Недопустимость перегрузки предложения различными оборотами становится очевидной при попытке некоторых авторов переводить с русского языка на абхазский сложные предложения осложненного типа соответствующими предложениями, например: «Как ни старались люди, собравшись в одно небольшое место, несколько сот тысяч, изуродовать ту землю, на которой они жались, как ни забивали камнями землю, чтобы ничего не росло на ней, как ни счищали всякую пробивающуюся травку, и как ни дымили каменным углем и нефтью, как ни обрезывали деревья и не выгоняли всех животных и птиц, – весна была весною даже и в городе» (Л. Толстой). Рацәак идумыз, ҭыпк аҿы шәнызқьԥык рҟынзза ауаа еизаны, рҽеларҧсны иркыз адгьыл, уаԥы изымдыруа иҿаасҭаны иҟарҵарц егьа рундазгьы, ахаҳәмҿыхә ыҵакәаҳаны, изаҟаразаалак ҷьара ҷиаак ыкәмиааратәы, зхы аатҵшәаз аҳаскьынҵәҟьагьы егьа ицәыржәжәандазгьы, ашәаҧыцьаҧ, еилараа еиларыжьындазгьы, арахәқәеи аҧсаатәқәеи рырҳаны егьа иқәырцандазгьы, – аапынра ицон иара ақалақь аҟныҵәҟьагьы. В переводе не только не осталось ничего толстовского, но это предложение-гигант даже не понятно.

Язык И. Папаскир, К. Агумаа, С. Кучбериа, Д. Дарсалиа характеризуется близостью к общенародному. Однако чувствуется становление норм литературного языка как в словарном, так и грамматическом отношениях. Здесь уже, как правило не встречаются перегруженные оборотами, труднодоступные предложения. Деепричастные обороты обычно предшествуют глаголу-сказуемому, а при определенной стилистической нагрузке – за ним; причастные же обороты главным образом предшествуют определяемому слову, т. е. занимают позицию определения, выраженного относительным прилагательным (порядок слов в абхазском языке является фиксированным, обусловленным и служит основным средством выражения синтаксической связи определяющего). Но в определенных случаях стилистического порядка они могут следовать за ним, например: Мырзаҟан акы иҳәацыҧхьаза илаҧш ааиҵаганы дзацәажәоз анхаԥы итапанчеи иҟама чаҧеи инарыкәикуан 'Мырзакан после каждого слова бросал свой взгляд на пистолет и кинжал того крестьянина, с которым он разговаривал'; Азныказы Адамыр дԥаҵкьеит, афымцатә ток исызшәа, нас ашьшьыҳәа дтаатиуа ашә аҟынзза днеит, даазырԥит ашә илымҳа надкыланы, аха акымзаракгьы имаҳазеит 'На мгновенние Адамыр выскочил, словно ударило его током, а затем тихо (идя) подошел к двери, послушал, приложив ухо к двери, но ничего не услышал'.

В абхазском языке отмечаются никоторые зачатки конструкции типа сложноподчиненного предложения, хотя это явление еще не утвердилось в литературном языке. Причем конструкция эта по своему значению и структуре близка к сложноподчиненному предложению с придаточным причины или следствия. В ней, как и во всяком сложноподчиненном предложении, имеется главное и зависимое, придаточное предложение. Синтаксическая связь между ними осуществляется словами, выступающими в функции союзов.

В отличие от инфинитных оборотов, выступающих в функции придаточных предложений, в придаточном предложении такого типа основной глагол выступает в финитной форме, чем в нем и достигается предикативность: Сара шәарацара сзымцеит, избан акәзар ақәа леиуан 'Я не смог пойти на охоту, потому что шел дождь'; Миха аҵара бзиа ибо-

ит, убри аҟнытә аинститут дҭалеит 'Миха хочет (любит) учиться, потому поступил в институт'.

В функции подчинительных союзов выступают сочетания типа: а) указательное местоимение + сложный послелог: убри аҟнытә букв. 'от того', т. е. 'поэтому', 'так как'; б) наречие+инфинитная форма вспомогательного глагола акәзаара 'быть', 'существовать': ус анакәха букв, 'так если есть', т. е. 'если это так'; в) вопросительное слово +инфинитная форма того же вспомогательного глагола акәзаара 'быть', 'существовать': избан акәзар букв, 'почему если есть', т. е. 'потому что', 'поэтому', 'так как'.

Послелоги аҟнытә букв, 'от того', т. е. 'потому', 'так как', *азы* 'для того', 'поэтому' выступают и функции союза и самостоятельно, например: Сара аҧара сымамызт, аҟнытә ашәҟәы сзаамхәеит 'Я не имел денег, поэтому не смог купить книгу'; Сҩыза сара симбеит, азы дгьежьны аҩныҟа дцеит 'Товарищ мои не нашел меня, поэтому пошел обратно домой'. Предложения такого типа характерны для высокого стиля. В данном случае влияние русского языка очевидно.

Как в общенародном, так и в литературном языке на месте подобных, так называемых «придаточных», предложений, используются инфинитные обороты и простые самостоятельные предложения, связанные интонацией.

Не отмечается значительных изменений в порядке определяющего и определяемого слов. Устойчивость эта объясняется тем, что имя существительное и имя прилагательное в абхазском языке морфологически слабо дифференцированы, т. с. не имеют формальных отличий, за исключением единственного суффикса относительных прилагательных -тәы!-тәи. Распознаются они по значению и синтаксическим функциям. Основным же средством синтаксической связи определяющего и определяемого является порядок их расположения. Определение, выраженное качественным прилагательным, занимает постпозицию по отношению к определяемому, например: ашәҟәы бзиа 'хорошая книга'; определение же, выраженное относительным прилагательным,

занимает препозицию, например: аихатәы цхҩа 'железный мост', ахаҳәҩны 'каменный дом'. При изменении отмеченного порядка слов получается бессмыслица. Исключительно редко, но все же отмечаются случаи, когда определение, выраженное качественным прилагательным, занимает препозицию, например: аҽыц аамҭа 'новое время'; Иаҵәа бгьыла зегь ҭаҳәҳәоуп 'Зеленой листвой все покрыто'. Однако здесь чувствуется некоторая искусственность, более обычным является употребление определения в постпозиции, т. е.: бгьы иаҵәала 'листвой зеленой'. Исходя из этого, по-видимому, пока нельзя говорить о каком-либо значительном изменении порядке расположения определяющего и определяемого.

Каких-либо других четко выраженных изменений в синтаксическом строе абхазского литературного языка не встречается.

СОДЕРЖАНИЕ

Глагольное словообразование в абхазском языке..... 3
Оглавление..... 294

Об особенностях некоторых глагольных словосочетаний в абхазском языке..... 296
О грамматической полисемии (на материале абхазского языка)..... 309
О некоторых особенностях этикета абхазского языка..... 319
О языке коротких рассказов Д. И. Гулиа..... 333
Баграт Васиьевич Шинкуба – исследователь родного языка..... 352
К вопросу о перспективе развития абхазского языка..... 365
К итогам исследования абхазского языка в абхазском институте (в соавторстве с Н. В. Аршба)..... 374
Асовет мчра абызшәатә политикеи аҧсуа бызшәеи (Аицаҧцаҩы К. С. Шьақрыл)..... 380
Абхазский язык. Создание письменности. Разработка орфографии и терминологии (в соавторстве с Ш. К. Аристава, Х. С. Бгажба, К. С. Шакрыл)..... 410

Лидиа Платон-иҧҳа Ҷкадуа

Иалкааy аусумҭақәа

аҩбатәи атом

Лидия Платоновна Чкадуа

Избранные труды

том второй

Формат 60х90/16.
Тираж 1000. Физ. п. л. 28. Заказ № 81.

Республика Абхазия
РУП "Дом печати",
г. Сухум, ул. Эшба, 168.

2. В. М. Андреев, Г. В. Смыр 2*

3. В. М. Андреев, Г. В. Смыр 3*

4. В. М. Андреев, Г. В. Смыр 4*

5. В. М. Андреев, Г. В. Смыр 5*

6. В. М. Андреев, Г. В. Смыр 6*

7. В. М. Андреев, Г. В. Смыр 7*

8. В. М. Андреев, Г. В. Смыр 8*

9. В. М. Андреев, Г. В. Смыр

10. В. М. Андреев, Г. В. Смыр 9*

11. В. М. Андреев, Г. В. Смыр 10*

12. В. М. Андреев, Г. В. Смыр 11*

13. В. М. Андреев, Г. В. Смыр 12*

14. В. М. Андреев, Г. В. Смыр 13*

15. В. М. Андреев, Г. В. Смыр 14*

16. В. М. Андреев, Г. В. Смыр 15*

17. В. М. Андреев, Г. В. Смыр 16*

18. В. М. Андреев, Г. В. Смыр 17*

19. В. М. Андреев, Г. В. Смыр 18*

20. В. М. Андреев, Г. В. Смыр 19*

21. В. М. Андреев, Г. В. Смыр 20*

22. В. М. Андреев, Г. В. Смыр 21*

23. В. М. Андреев, Г. В. Смыр 22*

24. В. М. Андреев, Г. В. Смыр 23*

25. В. М. Андреев, Г. В. Смыр 24*

26. В. М. Андреев, Г. В. Смыр 25*

27. В. М. Андреев, Г. В. Смыр 26*

28. В. М. Андреев, Г. В. Смыр 27*

29. В. М. Андреев, Г. В. Смыр 28*

30. В. М. Андреев, Г. В. Смыр 29*

31. В. М. Андреев, Г. В. Смыр 30*

32. В. М. Андреев, Г. В. Смыр 31*

33. В. М. Андреев, Г. В. Смыр 32*

34. В. М. Андреев, Г. В. Смыр 33*

34*